200
C
170

ЖЕНСКАЯ
ГИМНАЗІЯ

ІЕЗУИТЫ

и

ИХЪ ОТНОШЕНІЕ

КЪ РОССІИ.

ІЕЗУИТЫ

И

ИХЪ ОТНОШЕНІЕ

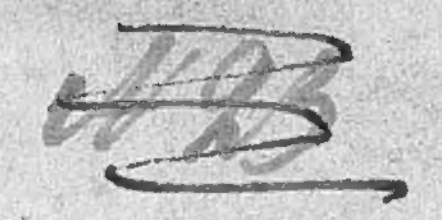
КЪ РОССІИ.

ПИСЬМА КЪ ІЕЗУИТУ МАРТЫНОВУ.

Ю. Ѳ. САМАРИНА.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

МОСКВА.
Типографія Грачева и к., у Пречист. в., д. Шиловой.
1870.



ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Три съ небольшимъ года тому назадъ, по Москвѣ пробѣжалъ слухъ, можетъ быть, нарочно, въ видѣ опыта, пущенный къ намъ изъ-за-границы, будто правительство намѣревается разрѣшить Iезуитскому Ордену водворенiе въ Россiи. Этотъ слухъ, въ послѣдствiи оффицiально опровергнутый, подалъ поводъ къ передовой статьѣ, напечатанной въ 12 № газеты День за 1864 годъ, на которую iезуитъ изъ Русскихъ, отецъ Мартыновъ, отозвался изъ Парижа письменно на имя редактора Дня, съ просьбою напечатать это письмо въ той же газетѣ; но желанiе отца Мартынова, по разнымъ отъ редактора независѣвшимъ обстоятельствамъ, не могло быть исполнено немедленно, и отецъ Мартыновъ издалъ самъ письмо свое, въ Парижѣ, отдѣльною брошюрою. За тѣмъ, въ 1865 году, оно было перепечатано въ 45 и 46 № Дня; въ тѣхъ же № № и въ слѣдующихъ за ними, помѣщено было пять писемъ Ю. Ѳ. Самарина, въ отвѣтъ отцу Мартынову. Предметъ ихъ, какъ кажется, заинтересовалъ публику, судя по желанiю, нѣкоторыми лицами письменно изъявленному, чтобъ письма о iезуитахъ пущены были въ продажу отдѣльнымъ изданiемъ. Въ исполненiе этого желанiя, съ разрѣшенiя бывшаго редактора газеты „День" И. С. Аксакова и автора писемъ Ю. Ѳ. Самарина, издана была особою книжкою въ 1866 г., вся переписка о iезуитахъ, а именно: передовыя

статьи Дня, письмо отца Мартынова и пять писемъ г. Самарина.

Въ выходящемъ нынѣ изданіи этой книги передовыя статьи Дня и письмо отца Мартынова перепечатывается безъ всякихъ измѣненій, совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ появились въ газетѣ День; въ письмахъ же г. Самарина сдѣланы самимъ авторомъ нѣкоторыя незначительныя измѣненія. Кромѣ того, къ нимъ приложенъ весьма важный документъ: Секретныя наставленія „Monita privata", недавно найденныя въ Прагѣ.

Издавая сочиненіе Ю. Ѳ. Самарина, мы имѣемъ также въ виду то обстоятельство, что кромѣ теоретическаго значенія, оно важно и по отношенію къ исторіи. Это есть богатый вкладъ въ Русскую историческую литературу. Въ самомъ дѣлѣ, о іезуитахъ, ихъ ученіи и пребываніи въ Россіи, на Русскомъ языкѣ очень мало писано, между тѣмъ какъ малозамѣченное ихъ вліяніе на Россію въ концѣ прошедшаго и началѣ нынѣшняго столѣтій было такъ велико, что въ царствованіе императора Николая нѣсколько главнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей въ Россіи являются изъ людей, воспитанныхъ іезуитами.

Впрочемъ, тотъ отдѣлъ издаваемой книги, гдѣ говорится о дѣятельности Іезуитскаго Ордена въ Россіи при Екатеринѣ II и Павлѣ Петровичѣ, нынѣ значительно пополненъ — превосходнымъ сочиненіемъ священника М. Я. Морошкина.

(Изъ передовой статьи газеты День 1864, № 12).

.... Въ настоящее время пожаловалъ въ Петербургъ какой-то аббатъ-французъ, чтобы, на время великаго поста, назидать проповѣдями Санкт-петербургскую католическую паству. Римская церковь придаетъ всегда особенное значеніе этому дѣлу и избираетъ на это посланничество преимущественно французовъ,—такъ какъ французская рѣчь есть родная, ежедневная рѣчь россійскаго высшаго общества. Пріѣзжаетъ проповѣдникъ,—и посѣщеніе католическихъ костеловъ становится такимъ же моднымъ занятіемъ для Петербургскаго high-life, какъ и катанье на конькахъ на Англійской набережной передъ постомъ, и тому подобные интересы. Но катанье на конькахъ дѣло невинное, и если кому опасно, то только катающимся. Разумѣется, при катаньѣ въ костелъ, можетъ также случиться и случалось, что нѣкоторыя особы сего круга соблазнялись рѣчами католическаго проповѣдника и проваливались въ латинство,—это очень жаль, но Богъ съ ними! Такое явленіе объясняется тѣмъ, что многіе изъ нихъ совершенно чужды родной земли, чужды православія, чужды всякой вѣры: понятно, что на такой пустопорожней почвѣ чрезвычайно удобно возращать сѣмя католическому проповѣднику силою французскаго краснорѣчія: это вѣдь не церковнославянское baragouin! Но мы нисколько не желали бы стѣснять свободу совѣсти, свободу вѣроисповѣданія,—и въ этомъ отношеніи держимся смысла русской пословицы: вольному — воля, спасенному — рай. Вообще можно сказать, что переходъ русскихъ въ латинство

совершается рѣдко по свободному убѣжденію, а большею частью—вслѣдствіе полнѣйшаго незнанія ученія православной церкви, вслѣдствіе того, наконецъ, что католическій проповѣдникъ не *обращаетъ*, а *соблазняетъ* въ католицизмъ.... Повторяемъ: не это обстоятельство занимаетъ наше вниманіе въ настоящую минуту. Ходятъ слухи, что пріѣхавшій французъ-аббатъ хлопочетъ объ учрежденіи при католической церкви іезуитской коллегіи, о разрѣшеніи іезуитамъ вновь водвориться въ Россіи, или, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ, — и что такое ходатайство встрѣчаетъ себѣ симпатію въ нѣкоторой части Петербургскаго общества. Чѣмъ руководятся эти лица Петербургскаго общества — сочувствіемъ ли къ іезуитамъ, принципомъ ли высшей терпимости, высшаго либерализма, или же мнимо-хитрыми соображеніями о необходимости для насъ снискать благосклонность Римскаго двора—намъ неизвѣстно.

Признаться сказать, мысль о разрѣшеніи іезуитамъ возвратиться въ Россію, послѣ того, какъ они были изгнаны изъ Россіи въ 1820 году, при императорѣ Александрѣ I-мъ (довольно, кажется, отличавшимся вѣротерпимостью), — такая мысль представляется до того несбыточною, дикою и безобразною, что по видимому не заслуживала бы и опроверженія. Но такъ какъ фальшивый либерализмъ, вмѣстѣ съ фальшивою гуманностью, въ особенномъ ходу въ нашемъ обществѣ въ настоящее время, то не мѣшаетъ, кажется, на всякій случай, остановить вниманіе на этомъ вопросѣ. Ошибаются тѣ, которые воображаютъ, что вопросъ о разрѣшеніи, просимомъ іезуитами, есть вопросъ о религіозной свободѣ или о вѣротерпимости. Впустить въ Россію орденъ іезуитовъ, это все равно, что пустить въ нее завѣдомо и сознательно шайку шулеровъ, воровъ и тому подобныхъ художниковъ, и даже не все равно, а во сто разъ хуже.

Воръ употребляетъ грубыя, вещественныя средства для своего дѣла; воръ боится полиціи, преслѣдуется ею и сдерживается болѣе или менѣе страхомъ огласки. Іезуиту же нечего бояться: его дѣятельность почти неосязаема, неуловима, она прикрыта благочестіемъ, и ложь до такой степени перемѣшана въ іезуитизмѣ съ истиною, что отдѣлить ее въ этомъ химическомъ растворѣ чрезвычайно трудно: признавая всяческія средства годными для своей цѣли, іезуитъ не столько совершаетъ самъ, сколько *внушаетъ* преступленія и дѣлаетъ ихъ нравственно-возможными для людской совѣсти, но рѣдко можетъ быть юридически уличенъ въ явномъ дѣлѣ. Извѣстно, что, по ученію іезуитскому, цѣль освящаетъ самые безнравственные способы, употребленные для ея достиженія, — и цѣль эта: постоянная пропаганда латинства. Но эта пропаганда не есть только проповѣдь извѣстнаго вѣроученія, а вербовка въ духовное подданничество духовному государю-папѣ. Это не открытая проповѣдь, противъ которой можно дѣйствовать таковою же проповѣдью; здѣсь нѣтъ честной борьбы разныхъ мнѣній: борьба съ іезуитами всегда и вездѣ *не* равномѣрна, ибо они владѣютъ оружіемъ, которое употреблять послѣдователямъ другихъ христіанскихъ вѣроученій воспрещаетъ ихъ христіанская совѣсть. Вся сила іезуитизма, этого *христіанскаго* ордена, весь успѣхъ его и преимущества именно и заключаются въ томъ догматѣ, что іезуиту дозволены всѣ *не христіанскія* средства и развязана совѣсть на всякое не христіанское дѣло, на все то, что̀ возбранено Христомъ, что̀ составляетъ отрицаніе христіанства. Нѣтъ никакой возможности бороться съ іезуитизмомъ, какъ съ христіанскимъ *ученіемъ,* ибо іезуитизмъ, —подъ видомъ христіанства — повидимому во всей его строгости и чистотѣ — разрушаетъ всѣ условія христіанскаго общежитія, самую сущность христіанской нравственной доктри-

ны. Этимъ страшнымъ орудіемъ вольной, развязанной совѣсти и внутренняго освященія всякаго злаго дѣянія—не владѣетъ ни одинъ преступникъ, ни одинъ язычникъ, потому что и послѣдній, совершая злые свои поступки, идетъ на перекоръ своей совѣсти, или тому закону, который по выраженію Апостола Павла, „на сердцахъ написанъ". Іезуиты были не разъ изгоняемы изъ многихъ странъ Европы,—по праву каждаго народа удалять отъ общенія съ собою людей, отрицающихъ самыя основанія, на которыхъ созиждено народное общество. А эти люди, т. е. іезуиты, такого рода, что противъ нихъ, съ одной стороны недостаточны внѣшнія средства государственныя, обыкновенно употребляемыя противъ злодѣевъ, а съ другой стороны, безсильна и проповѣдь *истины*, потому что ими сознательно признана и освящена *ложь* —какъ ложь, какъ принципъ.....

Они были, мы уже сказали, изгнаны и изъ Россіи. Возвратиться они могли бы только при покровительствѣ власти, и именно характеръ *покровительства*, а не просто терпимости стало бы носить на себѣ всякое оффиціальное разрѣшеніе, дарованное имъ правительствомъ...

Принципъ высшаго либерализма, свободы всякой проповѣди и вѣроисповѣданій, по нашему мнѣнію, не можетъ никакъ простираться на іезуитизмъ, потому что іезуитизмъ не есть какое либо особое вѣроученіе, стремится къ достиженію не духовной, а матеріальной цѣли, имѣетъ въ виду не область духа, а исключительно область внѣшней практической дѣятельности; онъ уже самъ по себѣ есть положительное преступное *дѣйствіе* и, какъ таковое, подлежитъ уже совершенно инымъ условіямъ, одинаковымъ съ тѣми, какимъ подлежатъ всякія внѣшнія преступныя дѣянія въ государствѣ.... Положимъ, впрочемъ, что мы не правы. Но лица, которыя желали бы впустить въ Россію

враговъ Русской православной церкви, подумали ли они о томъ, на сколько собственное наше Русское вооруженіе въ исправности?... Мы уже имѣли случай указывать — въ какихъ выгоднѣйшихъ обстоятельствахъ находятся, въ Западныхъ губерніяхъ, Польскіе ксендзы въ сравненіи съ православными священниками: между тѣмъ, какъ ксендзъ проповѣдуетъ въ своемъ костелѣ совершенно свободно, не стѣсняемый никакимъ контролемъ, — православный священникъ, въ Русской церкви, рядомъ съ этимъ же костеломъ и нерѣдко въ одномъ и томъ же селѣ, не можетъ противопоставить ему немедленно свое слово, а долженъ посылать свою проповѣдь за полсотни верстъ, и на каждое свое дѣйствіе искать разрѣшенія церковнымъ оффиціальнымъ порядкомъ!... Взвѣсили ли они, такъ либерально зовущіе въ Россію іезуитовъ, тѣ обстоятельства, при которыхъ предстоитъ обороняться православной церкви. Никто не приведетъ къ связанному его врага и не скажетъ первому: „борись съ нимъ“, но напередъ развяжетъ связаннаго; между тѣмъ, вслѣдствіе разныхъ формальностей, служители православной церкви,—въ сравненіи съ тою свободою, которою пользуются католическіе ксендзы на Западѣ Россіи (и воспользовались бы іезуиты, если бы были возвращены),—могутъ назваться по истинѣ связанными....

И за какія это заслуги Россіи должно бы быть оказано такое благодѣяніе католическому духовенству и папѣ? За дѣятельность ли ихъ въ Польшѣ, въ Бѣлоруссіи и на Украйнѣ въ концѣ XVI и въ XVII вѣкѣ? За Унію ли, которой пагубныя послѣдствія мы и теперь не можемъ изгладить, за ополяченіе и облатиненіе,—слѣдовательно за отъемъ у Русскаго народа, лучшей, образованнѣйшей и богатѣйшей его части въ 8 губерніяхъ? За то ли, что Римская церковь возвела въ ликъ святыхъ Іосафата Кунцевича — лютаго му-

чителя и гонителя православныхъ? Но все это дѣла былыя: вѣроятно, есть заслуги новѣйшія? И въ самомъ дѣлѣ, какъ же не отблагодарить Римскаго папу за Польскій мятежъ, созданный и раздутый латинскимъ духовенствомъ, за моленія, предписанныя папою во всѣхъ католическихъ костелахъ объ успѣхѣ Польскаго возстанія въ Царствѣ Польскомъ и въ Западнорусскомъ краѣ? За фанатизмъ повстанцевъ, внушенный ксендзами, за добрую нравственность, водворенную въ Польшѣ проповѣдями іезуитовъ, за превращеніе храмовъ Божіихъ въ революціонные вертепы, за благословеніе, преподанное злодѣйствамъ, неслыханнымъ въ лѣтописяхъ человѣчества, за жандармовъ-вѣшателей, приводимыхъ къ присягѣ латинскими священнослужителями, за дѣятельность ксендза Маскевича и его шайки, за сочиненіе извѣстнаго Польскаго гражданскаго катихизиса *), за примѣненіе въ самомъ широкомъ смыслѣ іезуитскаго принципа, оправдывающаго всякое безнравственное средство ради цѣли? Всѣ эти подвиги, конечно, заслуживаютъ величайшей признательности, и такъ какъ площадь дѣятельности, отведенная іезуитамъ, слишкомъ тѣсна, то необходимо дать имъ большій просторъ. Оно же тѣмъ болѣе кстати, что правительство именно теперь напрягаетъ всѣ свои усилія — какъ бы обуздать латинское духовенство въ Польшѣ, и черезъ то подавить и самый мятежъ; вѣроятно упомянутые нами члены Петербургскаго общества догадались, что успѣхъ Польской интриги, т. е. водвореніе іезуитовъ въ Санктпетербургѣ, будетъ содѣйствовать къ ослабленію вліянія іезуитовъ въ Польшѣ???

Будемъ надѣяться, что всѣ дошедшіе до насъ слухи не имѣютъ никакого основанія, но эти слухи тѣмъ не менѣе существуютъ....

---

*) См. въ концѣ книги. *Изд.*

(Изъ газеты День 1865, №№ 45 и 46.)

Помнятъ ли читатели—во всякомъ случаѣ мы просимъ ихъ припомнить—нашу статью 12 № прошлаго 1864 года, по поводу слуховъ о разрѣшеніи іезуитамъ вновь водвориться въ Россіи? Мы выразились рѣшительно и рѣзко противъ такого дозволенія и нашли себѣ полную поддержку въ общественномъ сознаніи всего Русскаго читающаго міра. Само собою разумѣется, что мы имѣли въ виду—*Русскую* публику, Русское *православное* общество, для котораго, какъ для православнаго, намъ не было надобности много распространяться въ фактическихъ доказательствахъ іезуитской лжи и которому, какъ православному, эта ложь становится ясна и очевидна при самомъ бѣгломъ намёкѣ, при самомъ поверхностномъ освѣщеніи. Слухи о возвращеніи іезуитскаго ордена до того встревожили публику, что правительство поспѣшило успокоить ее завѣреніемъ въ ихъ совершенной неосновательности. Такимъ образомъ впечатлѣніе, произведенное статьею „Дня", показало іезуитамъ — какъ степень расположенія къ нимъ Русскаго общества, такъ и всю тщету надеждъ, которыя они безъ сомнѣнія питали. Они рѣшились прибѣгнуть къ другому средству и попробовать въ глазахъ Русской публики, воспользовавшись тою неполнотою изложенія, которую естественно представляла наша короткая передовая статья или, точнѣе сказать, наша живая рѣчь, обращенная къ Русскому обществу, имѣвшая въ виду Русскихъ людей, а не отцовъ-іезуитовъ, (безъ всякаго притязанія исчерпать іезуитскій вопросъ или совратить въ православіе самихъ достопочтеннѣйшихъ патеровъ). Одинъ изъ нихъ, „имѣющій счастіе принад-

лежать къ ихъ обществу", Русскій, отецъ-іезуитъ Иванъ Мартыновъ прислалъ намъ полемическій отвѣтъ въ видѣ письма, съ просьбою напечатать его въ нашей газетѣ. Мы бы тогда же исполнили это желаніе и непремѣнно бы помѣстили отвѣтъ (разумѣется, съ нашими примѣчаніями), если бы это оказалось возможнымъ по силѣ дѣйствовавшихъ въ то время цензурныхъ правилъ. Вскорѣ за тѣмъ Мартыновъ напечаталъ свое письмо—отдѣльной брошюрой, въ Парижѣ, въ видѣ изданія „Кирилло Меѳодіевскаго общества"; основаннаго іезуитами, преимущественно Русскими, съ цѣлью распространенія латинства въ Россіи. Когда же наконецъ освобожденіе отъ цензурныхъ путъ изъ области толковъ перешло у насъ въ дѣло, мы не медлили ни минуты принять этотъ печатный вызовъ, но рѣшились отвѣчать не собственно на одно это письмо, несостоятельность котораго слишкомъ очевидна, а уже разомъ всѣмъ, скрывающимся позади о. Мартынова, и на всѣ высказанныя и даже—впередъ—на невысказанныя еще возраженія, на весь запасъ возможной для нихъ аргументаціи. Трудъ этотъ взялъ на себя Ю. Ѳ. Самаринъ, и мы съ нынѣшняго уже № начинаемъ печатаніе его отвѣтныхъ писемъ, которыхъ всѣхъ будетъ пять, которыми и закончится наша полемика съ іезуитами. Но прежде, всего познакомимъ читателей съ самымъ письмомъ отца-іезуита Мартынова, — которое, между прочимъ, писано церковно-славянскимъ полууставомъ, цифры чиселъ славянскія, и наконецъ подъ числомъ дня помянуты Русскіе святые, чествуемые православною церковью!... Это обстоятельство, въ письмѣ католическаго патера, не лишено интереса и придаетъ особенный колоритъ всей этой іезуитской попыткѣ. Вотъ самое письмо.

„Милостивый государь,

„Иванъ Сергѣевичъ!

„Въ 12-мъ нумерѣ издаваемой вами газеты „День“ напечатана на первомъ мѣстѣ статья о *іезуитахъ*. Я имѣю счастіе принадлежать къ ихъ обществу, и какъ членъ его, какъ Русскій, особенно же какъ священникъ, не могу оставить этой статьи безъ отвѣта.

„Сужденія, изложенныя въ ней, до того не правдоподобны, обвиненія, взводимыя на насъ, такъ ужасны, что молчаніе съ нашей стороны было бы оправданіемъ тѣхъ и другихъ, и соблазномъ для католиковъ, живущихъ въ Россіи. Къ тому же и Св. Писаніе учитъ насъ *пещись о имени* (Сирах. 45, 15). Я не сомнѣваюсь ни въ вашей благонамѣренности, ни въ чистотѣ вашихъ личныхъ убѣжденій; ваша прямота въ выраженіи своей мысли — извѣстна; я знаю также вашу готовность дѣлать гласными справедливыя возраженія на статьи вашей газеты. Вотъ почему я ни минуту не колебался въ намѣреніи сообщить вамъ нѣсколько скромныхъ замѣчаній на помянутую статью. Я изложу ихъ безъ увлеченія, безъ горечи, съ единственною цѣлію разсѣять мракъ плачевныхъ предубѣжденій, столь несовмѣстный съ названіемъ вашей газеты и съ требованіями истиннаго просвѣщенія.

„Вы сравниваете наше общество, носящее имя ІИСУСА, съ *шайкою шулеровъ, воровъ и злодѣевъ*; мало того, вы ставите насъ во сто разъ ниже и считаете хуже послѣдняго язычника. Я получаю вашу газету со времени ея появленія и читаю съ особеннымъ вниманіемъ: надо отдать вамъ справедливость—вы насъ не щадите. Что̀ внушаетъ вамъ такую безпощадность, ревность ли по домѣ Божіемъ, избытокъ ли христіанской любви, или сознанная несовмѣстность нашего общества съ вашею теоріею о славянствѣ, или просто страсть къ литературному наѣздничеству,—не знаю;

знаю только, что едва ли найдутся въ годъ нумера два, три, гдѣ бы не было рѣчи, прямо или косвенно о томъ, что̀ вы называете *іезуитствомъ.* Во всякомъ случаѣ, никогда еще вы не обращались съ нами такъ безцеремонно, какъ въ именованной статьѣ.

„Не входя въ длинныя разсужденія, я ограничусь однимъ чрезвычайно простымъ вопросомъ. Если мы дѣйствительно *хуже воровъ и злодѣевъ*, объясните, Бога ради, какимъ образомъ *художникамъ такого рода* позволяется не только существовать и размножаться, но еще учить, проповѣдывать, совершать духовныя требы и т. д., и притомъ въ странахъ самыхъ просвѣщенныхъ, каковы: Франція, Бельгія, Англія, Германія? Какимъ образомъ стоокая полиція до сихъ поръ не открыла ни малѣйшихъ слѣдовъ какого бы то ни было преступленія, совершеннаго нами? Какимъ образомъ самые ярые враги нашего общества доселѣ не могли уличить насъ ни въ какомъ злодѣяніи? И не странно ли, что за эту попытку взялись вы, и гдѣ же? въ странѣ, гдѣ около полустолѣтія нѣтъ ни одного изъ нашихъ, гдѣ, слѣдовательно, о насъ знаютъ только по романамъ, по наслышкѣ, тогда какъ въ западныхъ странахъ, гдѣ мы дѣйствуемъ среди бѣла̀го дня, гдѣ насъ насчитываютъ сотнями и тысячами, гдѣ притомъ немного болѣе, думаю, гласности, нежели въ Россіи, подобныя попытки сдѣлались крайне пошлыми и тѣшатъ развѣ одну необразованную толпу?

„Еще страннѣе ваши доводы. Такъ, по вашему, мы опаснѣе всѣхъ преступниковъ потому, что у насъ совѣсть извращена и что наша *дѣятельность почти неосязаема, неуловима.* Помилуйте! Вѣдь мы не духи безплотные; мы такіе же люди какъ и всѣ прочіе, и наша дѣятельность существенно ничѣмъ не отличается отъ дѣятельности остальнаго католическаго духовенства. Развѣ мы составляемъ какое либо тайное общество? Развѣ мы не проповѣдуемъ на весь міръ?

Вотъ, хоть бы здѣсь, въ Парижѣ, уже пятнадцать лѣтъ какъ въ соборной церкви, каждое воскресенье великаго поста, проповѣдуетъ одинъ изъ нашихъ священниковъ, при огромномъ стеченіи избранныхъ слушателей изъ цѣлой столицы, не говоря о другихъ проповѣдникахъ; а такъ открыто проповѣдуемъ мы вездѣ. Въ нашихъ школахъ перебывало не одно поколѣніе учениковъ, которыхъ вы найдете на всѣхъ ступеняхъ гражданскаго общества. Какая тьма свидѣтелей! Уставъ нашего общества находится у книгопродавцевъ, и не въ одномъ изданіи. Безпрестанно мы печатаемъ новыя сочиненія по всѣмъ отраслямъ науки. Однимъ словомъ, наше ученіе, нашъ образъ жизни, вся наша дѣятельность учительская, священническая, миссіонерская, до того открыта и очевидна, что она многимъ колетъ глаза, а вы называете ее почти *неуловимою*. Не вы ли сами говорите, въ другомъ мѣстѣ, что *мы имѣемъ въ виду не область духа, а исключительно область внѣшней, практической дѣятельности?* Какъ согласить это съ ея *неуловимостью?* Если же она въ самомъ дѣлѣ *неуловима*, то на чемъ основаны ваши сужденія, и какъ можете вы произносить надъ нею приговоръ съ такою торжественною увѣренностью?

„*Извѣстно*, провозглашаете вы, *что*, *по ученію іезуитскому, цѣль освящаетъ самые безнравственные способы*. Извѣстно! Но позвольте васъ спросить, откуда это вамъ извѣстно? Въ какомъ мѣстѣ нашего Устава прочли вы это пресловутое правило? и зачѣмъ не потрудились указать изданія, страницы? Вѣроятно, для просвѣщенной Москвы такія указанія излишни. Ей ли не хранить благочестивыхъ преданій *Странствующаго Жида* (Juif Errant)? Ей ли не знать на память *Тайныхъ Увѣщаній* (Monita Secreta) и тому подобныхъ оффиціальныхъ документовъ? Вѣроятно, вы знаете нашъ подлинный Уставъ гораздо лучше насъ самихъ.

Вѣдь для васъ даже сокровенныя движенія души не тайна: вы осязаете всѣ ея настроенія, вы видите насквозь ея изгибы. Иначе, какъ могли бы вы утверждать, что у насъ извращена совѣсть, или что *вся сила іезуитизма, этого* христіанскаго *ордена, состоитъ въ догматѣ, что іезуиту дозволяются всѣ нехристіанскія средства и развязана совѣсть на всякое нехристіанское дѣло, что нами сознательно признана ложь—какъ ложь, какъ принципъ?*

„Вотъ скоро 20 лѣтъ, какъ изъ кандидата С.-Петербургскаго университета я сдѣлался іезуитомъ. Я посѣщалъ дома нашего общества въ Галиціи, Германіи, Бельгіи, Франціи, Италіи, Сициліи; другіе изъ моихъ соотчичей, именами которыхъ гордится Русское дворянство, бывали на востокѣ; всѣ мы знакомы съ сотнями собратовъ изъ всѣхъ странъ свѣта. Какимъ чудомъ, ни отъ одного изъ нихъ, нигдѣ и никогда мы не слыхали ничего подобнаго тому, что̀ вы съ такою наивною торжественностью приписываете всему обществу, которое, замѣтьте, на половину состоитъ изъ священниковъ, ежедневно приносящихъ у алтаря безкровную жертву?

„До сихъ поръ я полагалъ, что у насъ совѣсть та же самая, какая была до вступленія въ общество, и что она такого же свойства какъ у всѣхъ прочихъ людей; я всегда слышалъ и вѣрилъ, что ложь, какъ ложь, сознательно признается только исконнымъ врагомъ человѣчества, тѣмъ, кого Св. Писаніе называетъ *отцомъ лжи;* но что человѣкъ, сознательно признающій ложь какъ догматъ, какъ правило своихъ дѣйствій, есть нравственный миѳъ и просто немыслимъ. Вы судите иначе: по вашему, не только подобное явленіе возможно, но сверхъ того вы увѣрены, что такія нравственныя чудовища могутъ добровольно пожертвовать всѣми прелестями міра, друзьями, семьею, родиной, образовать изъ себя цѣлое общество,

дѣйствовать открыто, принадлежать ко всѣмъ народностямъ, ко всѣмъ классамъ гражданскаго общества, не исключая лучшихъ фамилій; что они могутъ существовать въ такомъ видѣ цѣлыя столѣтія и даже руководить совѣстью царей и народовъ. Признаюсь, такая могучая логика не по силамъ моему слабоумію и, не смотря на всю мою добрую волю, я не въ состояніи раздѣлить вашихъ умозрѣній. Да и у васъ самихъ онѣ, кажется, еще не достигли полнаго, разумнаго сознанія. Такъ, вы замѣчаете въ одномъ мѣстѣ, что ни у одного преступника, ни у одного язычника не изглаживается тотъ внутренній законъ, который, по выраженію апостола, *„на сердцахъ написанъ“*. Какъ же могъ онъ совершенно изгладиться у насъ-священниковъ? Въ другомъ мѣстѣ, вы сознаетесь, что *мы не столько* совершаемъ *сами, сколько* внушаемъ *другимъ преступленія, и что* рѣдко *можемъ быть юридически уличены въ явномъ дѣлѣ*. Новая уступка и новое противорѣчіе.

„Всего болѣе жаль, что вы не привели ни одной улики на лицо; обвиненія ваши ужасны, а доказательствъ никакихъ нѣтъ. Виноватъ, есть; а именно въ статьѣ *Водвореніе іезуитовъ въ Польшѣ*, которая помѣщена вслѣдъ за передовою, какъ бы съ намѣреніемъ оправдать ваши опасенія на счетъ нашего возвращенія, и тѣмъ сильнѣе пугнуть Россію. Вотъ, по словамъ г. Рощина, автора этой статьи, *и образчикъ того, къ какимъ средствамъ прибѣгли мы* (въ Польшѣ), *для привлеченія къ себѣ необразованной и суевѣрной толпы“*.

„Въ 1586 году іезуиты устроили крестный ходъ въ праздникъ Тѣла Господня съ такимъ поразительнымъ великолѣпіемъ, какого до того времени въ Вильнѣ не видали.“ За тѣмъ описываются лица, участвовавшія въ процессіи, ихъ наряды и проч. *„Все это*, продолжаетъ авторъ, *сопровождалось превосходною музыкою,*

стройнымъ пѣніемъ и звономъ колоколовъ многочисленныхъ костеловъ Виленскихъ. Успѣхъ крестнаго хода былъ неимовѣрный; между прочимъ, 300 *взрослыхъ протестантовъ тотчасъ же перешло въ католичество, и въ числѣ ихъ знаменитый въ послѣдствіи Левъ Сапѣга, бывшій тогда Литовскимъ подканцлеромъ"* (стр. 6). Итакъ, внѣшнее благолѣпіе церковнаго празднества (одного изъ торжественнѣйшихъ въ католической церкви), превосходная музыка, стройное пѣніе, звонъ колоколовъ—вотъ тѣ *нехристіанскія* средства, какими мы достигали не менѣе *нехристіанской* цѣли, то есть возвращенія протестантовъ въ католичество: средства тѣмъ болѣе коварныя, что ими привлекалась *суевѣрная толпа;* хотя примѣръ князя Льва Сапѣги показываетъ, что привлекаемы были не одни суевѣры.

„Другія средства, которыми іезуиты достигали своихъ цѣлей, *„состояли обыкновенно въ томъ, что, прибывъ на мѣсто, назначенное для ихъ дѣятельности, прежде всего они возвышали голосъ въ костелахъ и дѣйствительно необыкновеннымъ краснорѣчіемъ своимъ обращали на себя тотчасъ вниманіе* (это въ самомъ дѣлѣ непростительно). *Вслѣдъ за тѣмъ, пока не простывало еще впечатлѣніе проповѣди, знакомились съ самыми значительными людьми, дѣлались ихъ исповѣдниками, образовывали въ городѣ благочестивыя братства и ставили такимъ образомъ членовъ ихъ въ полную отъ себя зависимость* (разумѣется духовную). *Ясно, что, владѣя совѣстью людей и располагая значительными денежными средствами* (для благочестивыхъ цѣлей братствъ, какъ сказано выше), *іезуиты не встрѣчали большихъ препятствій въ достиженіи своихъ цѣлей"*. Это собственныя выраженія вашей газеты, исключая помѣщенныхъ въ скобкахъ. Каждый можетъ видѣть, какъ сильно тутъ доказывается та аксіома, что нашей совѣсти позволяется всякое нехристіанское дѣло, и, послѣ такихъ непререкаемыхъ доводовъ, конечно,

перестанетъ сомнѣваться въ истинности обвиненій, на насъ взводимыхъ.

„Наконецъ, *мы заводили вездѣ школы, и непостижимымъ образомъ* (какимъ именно—г. Рощинъ не объясняетъ) *въ оныя привлекаемы были дѣти самой вліятельной и богатѣйшей шляхты, изъ всѣхъ окружныхъ странъ.* Такъ въ Брунсбергскую школу присылались дѣти изъ Пруссіи, Даніи, Польши и Литвы (стр. 5). Вотъ всѣ улики, какими доказывается безнравственность нашей былой пропаганды въ Польшѣ; другихъ, по крайней мѣрѣ, я не нашелъ.

„Нельзя не благодарить васъ за эти простодушныя признанія; они стоятъ похвальнаго слова; и мнѣ кажется, что всякій безпристрастный читатель, взвѣсивъ подобные доводы и потомъ сравнивъ средства, какими мы обращали иновѣрцевъ, съ тѣми, къ которымъ теперь прибѣгаетъ греко-россійская церковь въ западныхъ губерніяхъ, невольно призадумается и скажетъ про себя: „По истинѣ, я не вижу никакой существенной разницы между пропагандою іезуитскою и православною: та и другая употребляютъ одинаковыя средства; та и другая заводятъ школы, основываютъ братства, проповѣдуютъ свое ученіе путемъ благолѣпныхъ обрядовъ, исповѣди, катихизисовъ, учебниковъ и т. д.“ Предоставляю вамъ самимъ разрѣшить недоумѣніе этого читателя, и съ своей стороны спрошу васъ: справедливо ли обвинять насъ въ употребленіи тѣхъ самыхъ орудій духовной пропаганды, которыя ваша собственная церковь, на вашихъ глазахъ, проводитъ въ дѣло съ такимъ необычайнымъ рвеніемъ? Ужъ и у нея не развязана ли совѣсть на *нехристіанскія* дѣла?

„Но разница, можетъ быть, въ цѣляхъ? Посмотримъ. *„Цѣль іезуитства,* пишете вы,—*постоянная пропаганда латинства*; но подъ латинствомъ вы разумѣете *не только проповѣдь извѣстнаго вѣроученія, а вербовку*

въ духовное подданичество духовному государю-папѣ. Тутъ много неточнаго.

„Во-первыхъ, неточно, что мы распространяемъ латинство (съ которымъ нераздѣльно понятіе о латинскомъ обрядѣ). Мы проповѣдуемъ не латинство, а католическую вѣру. Я знаю, что вы приписываете намъ замыселъ обращать въ латинскій обрядъ; но это одно голословное утвержденіе, которое врядъ ли удастся вамъ доказать и противъ котораго я уже не разъ заявилъ свое мнѣніе печатно. Прочтите мое введеніе въ Апологію Смотрицкаго; вспомните извѣстную вамъ брошюру о. Гагарина, также изданную мною на Русскомъ языкѣ; раскройте папскія грамоты,—вездѣ найдете вы повторенія знаменитаго правила, что Римская церковь желаетъ только, чтобы всѣ иновѣрствующіе сдѣлались не латинянами, а католиками: ut omnes catholici sint, non ut omnes latini fiant (Булла Венедикта XIV, Allatae sunt, § 18). Если же теперь Русскіе, дѣлаясь католиками, принимаютъ и латинскій обрядъ, то причина тому очень естественная. Въ Россіи нѣтъ ни уніатскихъ церквей, ни свободы исповѣдывать католическую вѣру, оставаясь при славянскомъ обрядѣ. Какъ скоро будетъ дана эта свобода,—переходы въ латинскій обрядъ сами собою прекратятся. Впрочемъ, не обрядъ спасаетъ человѣка, а вѣра—что вы нѣ рѣдко забываете, смѣшивая вѣру съ обрядомъ, существенное съ второстепеннымъ.

„Другая неточность состоитъ въ томъ, что вы различаете *вербовку въ духовное подданичество папѣ* отъ проповѣди католическаго вѣроученія. На дѣлѣ это различіе не существуетъ. Мы вездѣ проповѣдуемъ догматъ о главенствѣ Римскаго первосвященника и вытекающую отсюда обязанность повиноваться ему, какъ верховному представителю единаго духовнаго царя-Христа; этимъ и ограничивается вся наша *вербовка въ духовное подданичество папѣ.* Что тутъ особен-

наго или преступнаго, я право не вижу. Тому же самому догмату учитъ каждый католическій священникъ и вѣруетъ всякій католикъ. То же самое проповѣдывали святые Кириллъ и Меѳодій, предъ которыми вы благоговѣете и которыхъ Римская церковь причислила къ лику святыхъ; и они *вербовали* Славянъ *въ духовное подданичество папъ;* и они считали эту *вербовку* одною изъ существенныхъ частей христіанскаго вѣроученія; за что, конечно, осуждать ихъ вы не станете.

„И такъ ни въ цѣли нашей пропаганды, ни въ средствахъ къ ея достиженію ничего преступнаго нѣтъ. Отчего же, при одной мысли о нашемъ возвращеніи въ Россію, вы призываете на насъ всѣ грозы гражданской власти, той самой, которую вы такъ часто просите не вмѣшиваться въ дѣла совѣсти, какъ чисто духовныя? Что означаютъ ваши увѣренія въ любви къ свободѣ всякой проповѣди и всякаго вѣроисповѣданія? Или католическое вѣроученіе, а слѣдовательно и наше—ибо другаго мы не имѣемъ—хуже еврейскаго, магометанскаго, буддійскаго.

„Очевидно, вы боитесь; а у страха—глаза велики: истина, которую еще не такъ давно вы сами развивали въ своей газетѣ, по случаю какихъ-то слуховъ объ украйнофильскомъ движеніи, и которая вполнѣ подтверждается вашимъ собственнымъ примѣромъ. Да, только вліяніемъ сильной боязни объясняются ваши, позвольте сказать, порою забавныя встрѣчи *съ іезуитскимъ* призракомъ, который вашему пламенному воображенію представляется повсюду. Никогда однако этотъ страхъ не принималъ у васъ такіе громадные размѣры, какъ въ статьѣ, о которой идетъ дѣло. Тутъ вамъ уже просто мнится, будто на Русскую церковь ополчаются несмѣтные, необоримые враги - и вотъ вы спѣшите увѣриться, *на сколько ея всеоружіе въ исправности,* готова ли она къ борьбѣ; вы наивно признае-

тесь, что она не въ состояніи защищаться, что у нея нѣтъ свободы слова, что она *связана*. Для полнѣйшаго оправданія своихъ опасеній вы съ ужасомъ указываете на ея плачевное изображеніе, начертанное искусною и опытною рукою г. Беллюстина и приложенное вами въ томъ же нумерѣ „Дня“ Изъ этой статьи, озаглавленной *Славянство и Православіе*, явствуетъ, что господствующая въ Россіи церковь страждетъ безсиліемъ, что ея православіе—знамя раздора, что у нея нѣтъ *объединяющей силы*, что язвы ея глубоки и едва ли излечимы. Печальныя признанія! Для полноты картины недостаетъ только строгой, безпрестанно растущей фигуры старообрядства, которое, какъ всѣмъ извѣстно, есть живое доказательство безсилія господствующей церкви, и, по увѣренію нѣкоторыхъ ея защитниковъ, если бы имѣло свою гласную іерархію, то въ 10 лѣтъ отторгло бы отъ *православія* все крестьянство, все мѣщанство и даже часть купечества („Моск. Вѣд.“ № 65, статья В. К.)—что совершенная правда.

„Въ итогѣ всѣхъ этихъ признаній и обвиненій, обмолвокъ, недомолвокъ, оказывается: съ одной стороны—необыкновенная сила слова, громадность успѣховъ, вліяніе неимовѣрное на всѣ классы общества, и съ тѣмъ вмѣстѣ—пропаганда лжи, преступность цѣли, безнравственность средствъ; съ другой, напротивъ,—истинное православіе, святость цѣли, христіанскіе способы пропаганды и, не смотря на то, внутреннее безсиліе, отсутствіе свободной проповѣди, ничтожность результатовъ, страхъ. Тамъ шайка нравственныхъ извергов—а дѣла истинно-апостольскія; тутъ церковь, называющая себя единою, святою, соборною и апостольскою и недающая никакихъ плодовъ духовной жизни. Тамъ сила Веельзевула—и чудеса живой благодати; тутъ сила Божія—и одна мертвая обрядность. Какое испровержение законовъ нравственнаго и духовнаго міра! Воля ваша, а здравый разсудокъ отказы-

вается допустить возможность подобной фантасмагоріи.

„Остается предположить, что та *невидимая, непостижимая, неизвѣстная* вамъ сила нашей духовной дѣятельности есть не что иное, какъ сила небесной благодати. Допустите это — и тотчасъ всѣ противорѣчія исчезаютъ, здравый смыслъ удовлетворенъ, Евангеліе перестаетъ быть празднымъ словомъ, все объясняется очень просто. Допустите, что мы глашатаи истинной Христовой церкви, хотя и непотребные, и вы поймете обратительную силу нашей проповѣди, плодотворность богоугодныхъ дѣлъ, вліяніе на общество, неусыпное рвеніе въ пріобрѣтеніи душъ Христу и неизмѣнное постоянство въ стремленіи къ цѣли. Тогда вы коснетесь перстомъ той раны, которою страдаетъ Русское православіе; вы уразумѣете, отъ чего у него нѣтъ *объединяющей силы,* а у насъ ея такъ много; однимъ словомъ, отъ чего между вашею и нашею пропагандою такая огромная разница. Тогда становятся понятны та слѣпая ненависть, которую питаютъ къ намъ враги католичества, тѣ гоненія, которымъ наше общество всегда подвергалось и будетъ подвергаться, пока останется вѣрнымъ своему высокому призванію. Не даромъ оно носитъ пресвятое имя ІИСУСА.

„Наконецъ, тогда вы сами почувствуете всю странность слѣдующихъ словъ, которыя вы приводите въ доказательство того, что мы люди опасные для общественнаго благоденствія. *Іезуиты,* пишете вы, *были изгоняемы изъ многихъ странъ Европы.* Доводъ особенно странный подъ перомъ *православнаго.* Какъ будто гоненіе не есть насущный хлѣбъ истинной церкви и залогъ ея могущества! Какъ будто она не взросла среди кровавыхъ гоненій и не полагаетъ всю свою славу, все блаженство, въ крестѣ, въ страданіяхъ и мученической смерти! Развѣ міръ не гналъ апостоловъ, какъ *отребіе* человѣческаго рода? И развѣ ученики

могутъ быть выше своего Божественнаго учителя?— Что же доказываетъ одинъ фактъ изгнанія, когда вы не говорите ни кѣмъ и какого рода людьми мы были изгоняемы, ни въ какія времена и при какихъ обстоятельствахъ? Не надо было умалчивать и о томъ знаменательномъ обстоятельствѣ, что когда наше общество было уничтожено во всей остальной Европѣ, оно продолжало существовать въ Россіи подъ покровительствомъ Екатерины II, прозванной *мудрою*. Правда, *насъ изгнали и изъ Россіи*, но вспомните, за что и по чьимъ проискамъ; перечтите указъ о нашемъ изгнаніи, и вы увидите, что намъ вмѣнялось въ преступленіе не иное что, какъ *совращеніе* православныхъ въ католическую вѣру.

„Вотъ нѣсколько замѣчаній, внушенныхъ мнѣ передовою статьею 12-го нумера вашей газеты. Надѣюсь, что вы не найдете въ нихъ ничего оскорбительнаго ни для вашей личности, которую я уважаю, ни для нашего общаго отечества, которое я люблю не менѣе васъ. Зная по опыту силу народныхъ и особенно религіозныхъ предразсудковъ, я могъ руководиться только чувствомъ сердечнаго сострадания; тѣмъ болѣе, что ваши сужденія о насъ обличаютъ полную безсознательность и въ то же время показываютъ, какими дикими предубѣжденіями должны быть заражены умы менѣе просвѣщенные, когда они, грустно сказать, доходятъ до такихъ отчаянныхъ размѣровъ у людей, почитаемыхъ передовыми, у вожатаевъ общественнаго мнѣнія. Я убѣжденъ, что вы не замедлите дать гласность моему отвѣту на страницахъ вашей газеты— благородство всей вашей литературной дѣятельности служитъ въ томъ порукою. Притомъ, вы сами справедливо замѣтили, что *никто не приведетъ къ связанному врага его и не скажетъ* борись съ нимъ, *но напередъ развяжетъ связаннаго*. Въ настоящемъ случаѣ, *связаны*, конечно, не вы, а мы. Развяжите же напередъ связанныхъ, или перестаньте бороться.

„Заключу словами св. Василія Великаго, писавшаго въ свою защиту къ инокамъ (Посл. 226, томъ III, изд. Париж. 1730): *Ложь разглашается безболзненно, а истина утаивается. Обвиняемые осуждаются безъ суда, обвиненія же принимаются на вѣру. Умоляю ваше о Христѣ братолюбіе, не принимайте клеветъ сочиненныхъ одною противною стороною за вполнѣ достовѣрныя показанія, ибо, по писанному, законъ никого не осуждаетъ, прежде нежели выслушаетъ обвиненнаго и изслѣдуетъ его поступокъ.*

„Съ тѣмъ вмѣстѣ прошу васъ принять увѣренія въ искреннемъ почтеніи, съ которымъ имѣю честь быть.

Милостивый Государь, вашъ покорный слуга

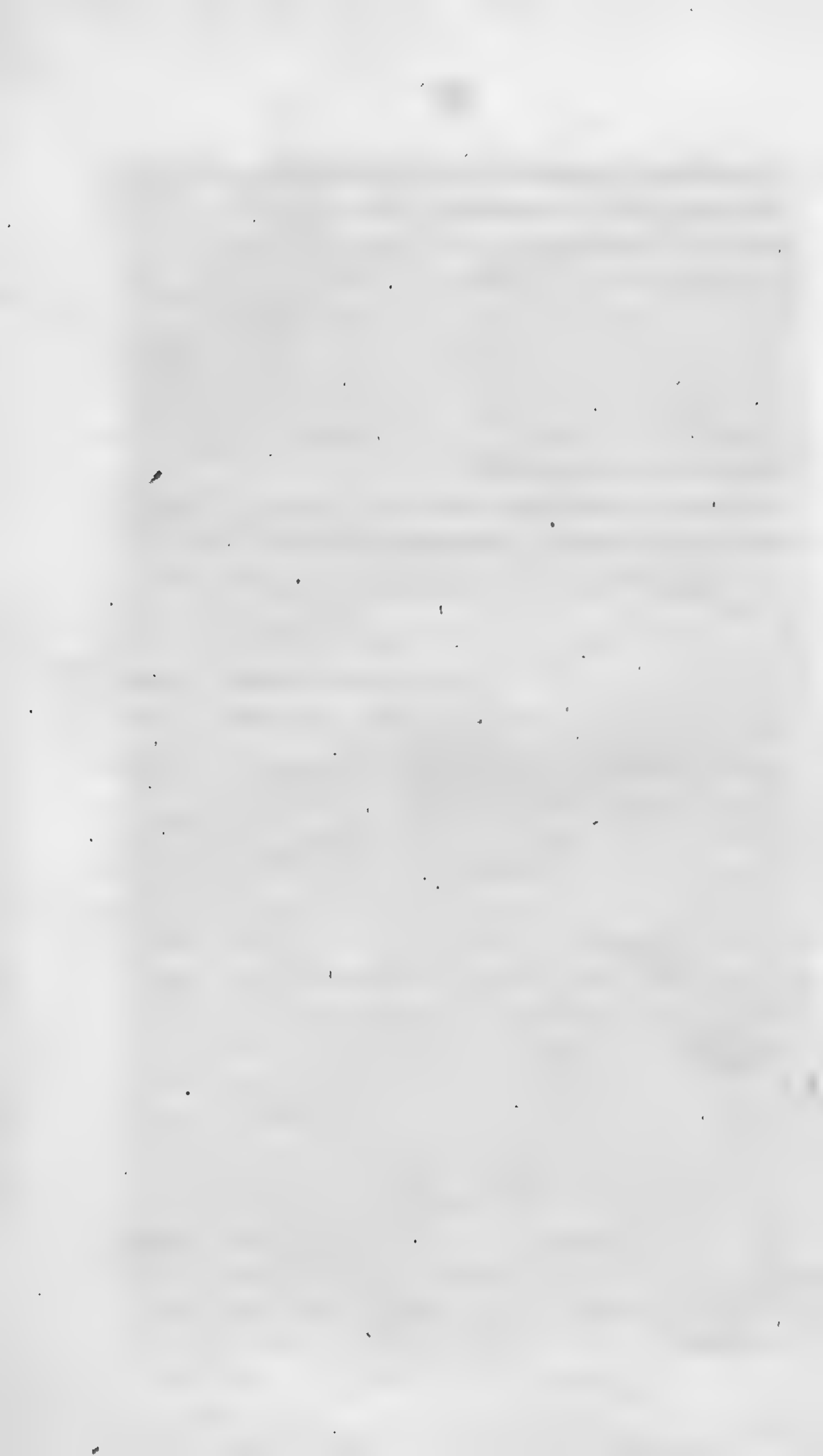
Ив. Мартыновъ.

свящ. общества Іисуса.

Парижъ, 2-го Мая 1864 г.,

въ день Св. Аѳанасія Великаго и перенесенія мощей Святыхъ Мучениковъ

Бориса и Глѣба.“



ОТВѢТЪ ІЕЗУИТУ ОТЦУ МАРТЫНОВУ.

ПИСЬМО I.

Письмо ваше (написанное, конечно, съ благословенія вашего начальства) какъ фактъ совершенно для насъ неожиданный, по тону своему и по совпаденію его съ другими явленіями въ латинской, клерикальной средѣ, произвело на всѣхъ читающихъ его въ рукописи впечатлѣніе не безотрадное. Недавно еще Римскій первосвященникъ, все воинство его, и, впереди всѣхъ, азартнѣйшіе изъ его трубачей—французскія клерикальныя газеты, скликали Европу на крестовый походъ противъ Россіи. Минута казалась благопріятною. Припоминая золотое время Крымской войны, ультрамонтанская партія, съ свойственнымъ ей единодушіемъ, разжигала политическія страсти, подливая къ нимъ свою старую церковную вражду къ православному Востоку, и, за неимѣніемъ другаго оружія, закидывала насъ своими проклятіями, а нашимъ врагамъ посылала индульгенціи всякаго рода, благословенія и деньги. Но крестовый походъ не состоялся; Ватиканъ прибралъ

свои громы, командиры ударили отбой, и вотъ — вы осторожно протягиваете къ намъ изъ Парижа два пальца, чтобъ ощупать пульсъ общественнаго мнѣнія въ Россіи. Значитъ —наша взяла окончательно.

Вы вызываете насъ на объясненіе; вы хотите, чтобъ мы оправдали наше нежеланіе видѣть у себя въ домѣ людей, носящихъ имя Іисусово; вы требуете отъ насъ фактовъ въ подтвержденіе нашего невыгоднаго объ нихъ мнѣнія.

Спрашивается: обязаны ли мы принять этотъ вызовъ? Мнѣніе, высказанное въ 12 № «Дня» за 1864 годъ, конечно принадлежитъ намъ, ибо мы его себѣ усвоили; но оно выработалось не у насъ и не на русской почвѣ: это общее достояніе историческаго опыта, сложившагося въ западной Европѣ, изъ вѣковыхъ наблюденій и живыхъ ощущеній, при условіяхъ самаго тѣснаго сожительства съ Орденомъ, отъ котораго Провидѣніе насъ избавило. Мы приняли готовое объ немъ мнѣніе; приняли потому, что преемственная передача и усвоеніе выводовъ изъ чужаго опыта составляютъ духовную связь, безъ которой была бы немыслима умственная жизнь человѣчества; приняли еще потому, что въ этомъ случаѣ, результатъ продолжительнаго и многосторонняго опыта западныхъ народовъ совершенно совпадалъ съ тѣмъ, что мы сами извѣдали путемъ нашего собственнаго опыта, сравнительно кратковременнаго и незначительнаго. Можно спорить о подлинности того или другаго историческаго анекдота, но

нельзя отрицать фактовъ умственной жизни, представляющихъ собою какъ бы отраженіе ряда матеріальныхъ фактовъ въ сознаніи цѣлыхъ народовъ. Общее понятіе о Іезуитѣ, какъ о типическомъ лицѣ, сложилось и существуетъ; названіе Іезуита, изъ имени собственнаго, перешло въ нарицательное—это своего рода честь, не всѣмъ достающаяся, и вѣрный признакъ исторической роли, мастерски разъигранной на всемірномъ поприщѣ. Даже прилагательное отъ собственнаго имени Іезуитовъ вошло въ употребленіе для обозначенія общихъ свойствъ. Какихъ именно?—вы знаете. *Іезуитская* клятва, *Іезуитское* слово, *Іезуитскій* пріемъ, не значатъ клятва надежная, слово правдивое, пріемъ честный; escobarderie (отъ Эскобара, знаменитаго Іезуитскаго богослова) не значитъ прямое дѣло. Смыслъ, въ которомъ употребляются эти слова, понятенъ всѣмъ и одинаковъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Мадридѣ, Римѣ и Берлинѣ; въ Москвѣ также. Чему жъ вы удивляетесь? Не мы создали репутацію Іезуитовъ; мы только приняли ее, по передачѣ, отъ обществъ, ими воспитанныхъ; но мы *владѣемъ* ею, а вы знаете, что предъявленіе доказательствъ, onus probandi, требуется не отъ владѣльца, а отъ того, кто оспориваетъ законность владѣнія. Melior est conditio possidentis — это аксіома римскаго права, на которую ваши богословы, въ разрѣшеніи вопросовъ совѣсти, ссылаются гораздо чаще, чѣмъ на слова Спасителя и Апостоловъ.

И такъ, мнѣ кажется, вамъ было бы гораздо ближе и естественнѣе обратиться не къ намъ, а къ органамъ и представителямъ общественнаго мнѣнія западной Европы; пусть она отвѣчаетъ за свой приговоръ; ее постарайтесь переубѣдить и примирить съ собою; а мы будемъ слушать и, ручаюсь вамъ — слушать безпристрастно. Но вы предупредили мой отвѣтъ. Судя по вашимъ словамъ, въ западной Европѣ, репутація Іезуитовъ уже поправилась; одни мы, Москвичи, этого не знаемъ. Европа, увѣряете вы, убѣдилась въ прежней своей несправедливости къ Ордену и не только помирилась съ нимъ, но даже благоволитъ къ нему. Въ доказательство, вы приводите «что въ Парижѣ уже пятнадцать лѣтъ, какъ въ соборной церкви, каждое воскресенье великаго поста, проповѣдуетъ одинъ изъ вашихъ священниковъ, при огромномъ стеченіи избранныхъ слушателей изъ цѣлой столицы, не говоря о другихъ проповѣдникахъ, также открыто проповѣдывающихъ повсюду, и что Іезуитскому Ордену позволяется не только существовать и размножаться, но еще учить, проповѣдывать, совершать духовныя требы и пр. и притомъ, въ странахъ самыхъ просвѣщенныхъ, каковы: Франція, Бельгія, Англія и Германія».

Только-то! — Простите мое невольное восклицаніе; это не иронія, а выраженіе почтительнаго состраданія къ развѣнчанному величію, къ надломленной силѣ, къ обанкрутившейся фирмѣ, пожалуй къ полинялымъ лохмотьямъ, этимъ нѣмымъ символамъ притязаній, нѣ-

когда дѣйствительно широкихъ и смѣлыхъ, а нынѣ спавшихъ до жалкой умѣренности.

Два съ четвертью вѣка тому назадъ, Іезуитскій Орденъ отпразднoвалъ первую, столѣтнюю годовщину своего учрежденія великолѣпнымъ изданіемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ «Картина перваго вѣка — Imago primi soeculi». Книга эта произведеніе въ своемъ родѣ единственное; это Геркулесовы столбы самохвальства. Въ ней говорится, что Іезуитское общество рождено отъ самаго Христа, а Jesu nata, и насчитываетъ трехъ основателей: Іисуса Христа, Божію Матерь и Игнатія Лойолу; что земная жизнь Спасителя, черта въ черту, совпадаетъ съ историческою судьбою Ордена, который, черезъ это, какъ бы отождествляется съ Божественнымъ своимъ основателемъ; что каждый Іезуитъ, до конца своей жизни пребывшій въ Орденѣ, непремѣнно попадаетъ въ рай, и что когда душа его отдѣляется отъ тѣла, Спаситель выходитъ къ ней на встрѣчу и вводитъ ее въ царство небесное —это *привиллегія* Іезуитовъ (буквально), засвидѣтельствованная многими святыми; что Божія Матерь, на землѣ, молилась точь въ точь какъ Лойола и передала ему свою систему духовныхъ упражненій; что Іезуитское общество имѣетъ всѣ свойства солнца и луны, сіяетъ во вселенной, благотворитъ всему міру и все охраняетъ во время ночи. Затѣмъ исчисляются подвиги отдѣльныхъ лицъ, членовъ Ордена; они уподобляются львамъ, орламъ, Самсону, Апостоламъ и

Архангеламъ; наконецъ, оглядываясь на прошедшее и на тогдашнее положеніе Іезуитскаго общества въ Европѣ, авторы, въ какомъ-то лирическомъ опьянѣніи, восклицаютъ: «Мы можемъ примѣнить къ нему пророчество Исаино о народѣ Божьемъ и о Церкви: будутъ царіе кормители твои и княгини кормилицы твои, до лица земли поклонятся тебѣ и прахъ ногъ твоихъ оближутъ... и изсеши млеко языковъ и богатство царей снѣши... и люди твои въ вѣкъ наслѣдятъ землю и т. д.» (Ис. гл. 49, 7, 23, гл. 60, 16, 21).

Было время, когда эти слова не казались насмѣшкою; а нынче, вы можете только сказать, что языки не мѣшаютъ вамъ жить на свѣтѣ, и что Парижскія княгини склоняютъ иногда свой благосклонный слухъ къ рѣчамъ вашихъ проповѣдниковъ. Какая разница! Опытъ внушилъ вамъ скромность и научилъ довольствоваться малымъ; но, къ несчастію, и это малое далеко не имѣетъ того значенія, какое вы ему придаете.

Я очень сожалѣю, что мнѣ не удалось слышать собственно вашихъ, Іезуитскихъ проповѣдниковъ и въ особенности знаменитаго отца Феликса, по предложенію котораго, на Малинскомъ сеймикѣ, искусно подогрѣтая публика выразила свое благочестивое настроеніе троекратнымъ «да здравствуетъ (vivat)» и оглушительными рукоплесканіями Іисусу Христу, Церкви и Папѣ (не доставало только бокаловъ и шампанскаго). Въ то время какъ я былъ въ Парижѣ, объ отцѣ

Феликсѣ перестали и говорить; другое свѣтило стояло на горизонтѣ. Это былъ отецъ Якинфъ, кажется, босоногій Кармъ (Carme déchaussé). Я имѣлъ счастіе слышать его и присутствовать на одномъ изъ блистательнѣйшихъ съѣздовъ въ соборной церкви Парижской Божіей Матери. Физіономія проповѣдника, выраженіе сосредоточенной думы на его лицѣ, величавая плавность походки, жесты, дикція, все въ немъ было безукоризненно. Онъ говорилъ о Троицѣ; началъ съ того, что, хотя нельзя доказать ее съ такою же очевидностью какъ бытіе, однако *очень полезно*, по многимъ причинамъ, признать этотъ догматъ; затѣмъ, онъ вдался въ уясненіе его отъ противнаго и разжалобилъ своихъ слушателей изображеніемъ одинокаго Бога, потеряннаго въ сіяніяхъ тверди, Dieu isolé et perdu dans les splendeurs du firmament. Слушателей было много и, притомъ, дѣйствительно перваго сорта; впереди всѣхъ, противъ самой каѳедры, сидѣлъ Парижскій архіепископъ, а рядомъ съ нимъ министръ Народнаго Просвѣщенія; послѣдній наклонялся иногда къ своему сосѣду и, до втораго ряда стульевъ, долетали въ полгоса произносимыя восклицанія: «quelle ampleur! quelle majesté! quelle profondeur!» Не задолго передъ этимъ, тотъ же министръ осматривалъ Іезуитское училище въ Парижѣ и, на прощанье, сказалъ ректору, что можно кое-что у него перенять. Вы помните, съ какою поспѣшностію эти слова были подхвачены и какъ усердно они разносились въ извѣст-

ныхъ кружкахъ. Все это называется въ Парижѣ *тріумфами Церкви.*

Въ тотъ самый день, въ который отецъ Якинѳъ, поутру, показывалъ Парижанамъ Троицу, вечеромъ давалось на Итальянскомъ бульварѣ другое представленіе: Александръ Дюма разсказывалъ разные анекдоты про извѣстнаго живописца Делакроа. Давка была невыносима, и я не могу не сознаться, что публика была еще отборнѣе и наряднѣе чѣмъ въ соборѣ; больше стояло щегольскихъ экипажей на улицѣ, больше виднѣлось красненькихъ ленточекъ въ петлицахъ. Ломанье Александра Дюма продолжалось болѣе часа, но онъ, по крайней мѣрѣ, не выходилъ изъ мастерской своего покойнаго друга, въ сіянья тверди не заносился и, ни единымъ словомъ, не коснулся христіанскихъ догматовъ. Признаюсь, мнѣ показалось, что, при совершенно одинаковой фривольности романиста и проповѣдника, первый, самымъ своимъ умолчаніемъ, почтилъ ихъ лучше, чѣмъ второй своимъ многорѣчіемъ.

Іезуитовъ не преслѣдуютъ—это правда, хотя сколько мнѣ извѣстно, даже въ большей части католическихъ земель, они не пользуются правами юридической личности и, какъ общество, не имѣютъ законнаго существованія; но скажите, чтожъ слѣдуетъ по вашему изъ этого факта? Если бы преслѣдованія вообще были въ ходу, если бы правительства въ Англіи, Бельгіи и Франціи, по прежнему, считали своею обязанностію и своимъ правомъ заботиться объ искорененіи всякаго

лжеученія, и, если бы, при этихъ условіяхъ, Іезуиты пользовались ихъ покровительствомъ, вы имѣли бы основаніе выдавать это за одобрительное свидѣтельство: но вѣдь вы знаете, что одинаковою терпимостью, свободою и защитою, въ предѣлахъ закона, пользуются всѣ вѣроисповѣданія, секты и школы, не выключая самыхъ безобразныхъ и дикихъ. И такъ, улучшеніе въ положеніи Іезуитовъ произошло не вслѣдствіе какой либо перемѣны въ понятіяхъ именно объ нихъ, а просто потому, что прошла, или проходитъ, пора преслѣдованій за мнѣнія, и что всѣ правительства, болѣе или менѣе, склоняются къ системѣ благоразумной воздержности отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла убѣжденія и совѣсти. Я не думаю, чтобъ вы приписали этотъ успѣхъ Іезуитамъ. Гражданская терпимость установилась вопреки имъ, но и они, въ числѣ другихъ, ею воспользовались. Это явленіе общее, во всѣхъ сферахъ. Было же время, когда правительства, въ видахъ предупрежденія обмановъ, подвергали строгому осмотру всѣ припасы, привозимые въ города, и всѣ товары, назначаемые въ продажу, даже опредѣляли имъ цѣну; теперь это не дѣлается; но слѣдуетъ ли изъ этого, что люди убѣдились, наконецъ, въ безвредности порченной муки и тухлаго мяса? Не значитъ ли это только, что общества достигли совершеннолѣтія, вышли изъ-подъ опеки, и что имъ предоставлено право свободнаго выбора?

Посмотримъ, нѣтъ ли въ вашу пользу другихъ, болѣе доказательныхъ свидѣтельствъ. Вы, разумѣется,

утверждаете, что все то, въ чемъ упрекали и доселѣ упрекаютъ Іезуитовъ, не болѣе какъ злонамѣренная клевета или вздорная болтовня. Въ доказательство, вы говорите: «вотъ скоро двадцать лѣтъ какъ изъ кандидата С.-Петербургскаго университета я сдѣлался Іезуитомъ: я посѣщалъ дома нашего общества въ Галиціи, Германіи, Бельгіи, Франціи, Италіи, Сициліи. Другіе изъ моихъ соотчичей, именами которыхъ гордится [1]) русское дворянство, бывали на востокѣ; всѣ мы знакомы съ сотнями собратовъ изъ всѣхъ странъ свѣта. Какимъ чудомъ, ни отъ одного изъ нихъ, нигдѣ и никогда, мы не слыхали ничего подобнаго тому, что̀ вы, съ такою *наивною торжественностью*, приписываете всему обществу, которое, замѣтьте, на половину состоитъ изъ священниковъ, ежедневно приносящихъ у алтаря безкровную жертву?»

Позвольте, для ясности, облечь ваши слова въ логическую формулу: «Іезуиты, про Іезуитовъ, ничего худаго, Іезуитамъ не разсказываютъ; слѣдовательно, за Іезуитами ничего худаго не водится». Кажется, я передалъ вашу мысль вѣрно, и вы конечно замѣчаете, что въ силлогизмѣ недостаетъ первой посылки. Позвольте же дополнить ее: «всякій человѣкъ, или всякое общество, само себя знаетъ лучше, чѣмъ кто либо, и охотнѣе, чѣмъ кто либо вредитъ своей доброй славѣ оглашеніемъ своихъ пороковъ». — Такъ ли? Или вы,

---

[1]) Ужъ будто гордится!

можетъ быть, подразумѣвали слѣдующее: «что̀ у Іезуита на сердцѣ и на умѣ, то у него и на языкѣ, а такъ какъ», и т. д. Другихъ основаній къ вашему выводу я не придумаю. Обыкновенно, чѣмъ непричастнѣе свидѣтель къ личности подсудимаго, тѣмъ большій вѣсъ придается его свидѣтельству; вы же принимаете совершенно обратное правило и опровергаете незавидную репутацію Ордена его свидѣтельствомъ о себѣ самомъ, да еще свидѣтельствомъ умолчанія. Вы вѣроятно позавидовали *торжественной наивности* редактора «Дня» и, дѣйствительно, перебили у него пальму. Что до меня, то я охотно поздравилъ бы васъ съ побѣдою, а вмѣстѣ и съ изобрѣтеніемъ совершенно новой системы аргументаціи, если бъ мнѣ не случилось, полгода тому назадъ, слышать точно такой же выводъ изъ устъ одной Ирландки, ревностной папистки и, разумѣется, страстно сочувствовавшей польскому мятежу. Она говорила мнѣ: «Что̀ вы мнѣ твердите про Варшавскія убійства и отравленія, про вѣшателей, ножевщиковъ и поджигателей! Я цѣлыхъ два года жила въ кругу Поляковъ, въ Парижѣ, Дрезденѣ и Женевѣ, и никогда, ни отъ одного изъ нихъ, не слыхала про тѣ неистовства, которыми вы, Русскіе, черните святое дѣло возстанія за отчизну. Чѣмъ вы объясните мнѣ это чудо?»

Фактъ, на который указывала моя собесѣдница, также несомнѣненъ, какъ и ваше свидѣтельство о вашихъ собратіяхъ; дѣйствительно, ни Польская эмиграція, ни

Iезуиты, ничего предосудительнаго или скандальнаго не разсказывают про своихъ. Чудо это, въ отношенiи къ Полякамъ, такъ и осталось неразгаданнымъ для моей собесѣдницы; авось либо удастся намъ объяснить его въ отношенiи къ Iезуитамъ.

Въ уставѣ Ордена, части VIII, гл. I. § 9 и въ декларацiяхъ къ нему, мы читаемъ: «Начальствующiе и подчиненные должны состоять между собою въ постоянной и частой перепискѣ и увѣдомлять другъ друга о томъ, чтó происходитъ въ разныхъ мѣстахъ и чтó можетъ служить къ *назиданiю* (ad aedificationem): Дабы дѣла общества, *свойства назидательнаго* (res societatis ad aedificationem pertinentes) могли быть доводимы до всеобщаго свѣдѣнiя, установляется слѣдующiй порядокъ: всѣ члены Ордена, подчиненные одному провинцiялу (областному начальнику), трижды въ годъ, въ началѣ каждой трети, отправляютъ изъ всѣхъ домовъ и коллегiй [2]) письма, содержащiя въ себѣ *исключительно* то, чтò можетъ произвести *назидательное дѣйствiе* (solum ea quae ad aedificationen faciunt); провинцiялы дополняютъ ихъ пропущенными обстоятельствами такого же *назидательнаго* свойства; затѣмъ, эти донесенiя препровождаются къ главному настоятелю (генералу) Ордена

---

[2]) Подъ домами разумѣются мѣста жительства профессовъ, т. е. членовъ Ордена въ тѣсномъ смыслѣ, составляющихъ ядро общества; подъ коллегiями—училища общества.

и, во множествѣ копій, разсылаются повсюду» [3]). — И такъ, вотъ что! Стоустной молвѣ передается *только* назидательное, вѣроятно: подвиги благочестія, обращенія невѣрныхъ, разныя чудеса и видѣнія; объ оглашеніи же темныхъ дѣлъ, преступленій, проступковъ и скандаловъ, въ Уставѣ не говорится. Слишкомъ ли мы смѣло поступимъ, предположивъ, что это не можетъ не быть запрещено, въ силу тѣхъ самыхъ побужденій, которыми внушена заботливость о возможномъ распространеніи всего служащаго къ чести и пользѣ Ордена? А вѣдь этимъ подрывается ваша большая посылка.

Само собою разумѣется, что и дѣла вовсе не назидательныя или назидательныя въ другомъ смыслѣ (какъ поучительныя предостереженія, внушающія спасительный страхъ), не могутъ, при той системѣ взаимнаго наушничанья, которая составляетъ основаніе Орденской дисциплины, оставаться неизвѣстными для начальствующихъ; но спрашивается: какой интересъ могли бы они находить въ оглашеніи ихъ, еслибъ даже утайка, въ подобныхъ случаяхъ, не вмѣнялась имъ въ обязанность? Кому охота вредить репутаціи своихъ и, слѣдовательно, косвенно, своей собственной? Вѣроятно, и изъ Іезуитской избы соръ на площади не вывозится середи дня, а выметается, если выметается, въ

---

[3]) Les Constitutions des Jésuites avec les déclarations etc. Paris. Paulin. 1843.

сумерки и съ задняго крыльца [4]). Чтобъ узнать, какъ на это смотрятъ сами Іезуиты, можно навести справки въ ихъ учебникахъ о нравственныхъ обязанностяхъ лицъ различныхъ званій и состояній.

Вотъ, между прочимъ, что́ преподаетъ Германъ Бузенбаумъ, пользующійся въ Орденѣ значительнымъ авторитетомъ, въ своемъ курсѣ нравственнаго богословія:

«Начальствующій часто можетъ скрывать (potest dissimulare) грѣхи своего подчиненнаго, во избѣжаніе волненія и бо́льшихъ золъ, за которыя ему же пришлось бы взыскивать». Въ другомъ мѣстѣ: «Проповѣдники (concionatores) обязаны, вообще, обличать *явные* пороки, но не должны, безъ особенно уважительныхъ причинъ (non facile), касаться пороковъ прелатовъ и монаховъ, ибо авторитетъ, которымъ они пользуются, нуженъ для общаго блага». Вотъ, изъ той же книги, общія правила для всѣхъ: «Не считается грѣхомъ смертнымъ говорить дурно о лицѣ неизвѣст-

---

[4]) *Іезуитъ*, извѣстный Маріана, въ книгѣ „О недостаткахъ въ управленіи общества Іисусова“, изданной въ 1625 году (разумѣется безъ разрѣшенія и вѣдома Орденскаго начальства) писалъ между прочимъ: „On cache des délits fort graves, on les dissimule, sous prétexte qu'il n'y a pas de preuves suffisantes, ou bien pour empécher qu'on en fasse du bruit et qu'on en parle dans le monde. Il semble que l'unique bût de notre gouvernement est de couvrir les fautes, de les enterrer, comme s'il pouvait y avoir un feu qui ne produise pas de fumée“. Hist. des Jés. par l'abbé Guettée, T. I, p. 455.

номъ или опредѣлительно необозначаемомъ, напр. въ такомъ-то мѣстѣ много людей безчестныхъ, или: въ такой-то коллегіи (въ смыслѣ собора) одинъ каноникъ совершилъ тяжкое преступленіе, особенно если нареканіе не падаетъ на другихъ». Это все извинительно, но затѣмъ слѣдуетъ: «Очень тяжко грѣшитъ опорочивающій монашескій Орденъ или монастырь, говоря напр., что въ немъ ведутъ жизнь недобропорядочную, не соблюдаютъ уставовъ и т. п., развѣ бы это было всѣмъ извѣстно: ибо этимъ наносится великій вредъ, и потому, причинившій его, обязывается, подъ страхомъ смертнаго грѣха, вознаградить все общество. Отъ этой обязанности не освобождаетъ даже прощеніе, дарованное настоятелемъ. Равномѣрно, считается смертныхъ грѣхомъ оглашеніе тайнаго преступленія, совершеннаго монахомъ, какъ-то: прелюбодѣянія или блуда, съ обозначеніемъ монастыря или ордена, къ которому принадлежитъ виновный, хотя бы даже повѣствующій объ немъ и не называлъ его по имени» [5]).

Вы видите, что, для предупрежденія всякой неблагопріятной огласки, приняты мѣры, и что, въ этомъ отношеніи, монахи пользуются привиллегіями даже

---

[5]) Hermanni Busenbaum, Medulla Theologiae moralis Liber II. Tractatus III. Dubium IV. 5. Dubium V. Articulus II. Responsio 5. Casus 6. Liber III. Tractatus VI. Caput I. Dubium II. Responsio, Casus 14, 15. Объ этой книгѣ и объ авторѣ ея будетъ говорено подробно въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ.

сравнительно съ другими духовными лицами. Я не сомнѣваюсь, что Іезуиты соблюдаютъ правила, преподанныя имъ ихъ же учителями, и остерегаются отъ смертнаго грѣха воспрещенной болтовни во всѣхъ своихъ сношеніяхъ какъ съ своими, такъ и съ чужими или *внѣшними* (exteris), какъ ихъ называютъ. Но есть еще особенныя причины, побуждающія каждаго Іезуита къ еще большей осторожности въ разговорахъ, именно съ собратьями. Вамъ онѣ извѣстны, но я обязанъ указать на нихъ для читателей. Каждый вступающій въ Іезуитскій Орденъ, даетъ обязательство доносить своему ближайшему, разумѣется орденскому, начальству, обо всѣхъ доходящихъ до его свѣдѣнія (внѣ исповѣди) ошибкахъ, порокахъ и предосудительныхъ поступкахъ своихъ собратьевъ; въ тоже время, онъ обязывается и самъ подчиняться добровольно такому же съ ихъ стороны наблюденію и такимъ же доносамъ [6]). Это одинъ изъ основныхъ законовъ Ордена и непремѣнное условіе для вступленія въ него. Въ изложеніи, все это смягчается обыкновенными оговорками: *изъ любви къ ближнему, для его душевной пользы, для большей славы Божьей* и т. п.; но на практикѣ—исполняется въ точности. На это есть свидѣтельство: знаменитый Эскобаръ заявляетъ, что по-

---

[6]) Les Constitutions des Jésuites. Paris, Paulin. Primum ac generale examen Cap. IV, § 8, p. 29. Annexes, Note O. p. 474—476.

рядокъ обличенія ближняго, установленный Спасителемъ (сперва наединѣ, съ глазу на глазъ, потомъ при немногихъ свидѣтеляхъ, наконецъ передъ церковью) въ Іезуитскомъ Орденѣ не соблюдается, такъ какъ въ немъ принятъ другой порядокъ, а именно: каждый изъ членовъ общества доноситъ начальнику, непосредственно, о всякихъ преступленіяхъ своего собрата, не прибѣгая къ предварительному усовѣщеванію съ глазу на глазъ [7]).

Хорошо ли это правило или нѣтъ и какое вліяніе оно можетъ имѣть на нравственность человѣка—этого вопроса я не касаюсь. Намъ, *внѣшнимъ*, мудрено даже мысленно перенестись въ эту общественную среду, гдѣ всѣ отношенія человѣка, вся его жизнь, съ ранняго утра до поздней ночи, опутываются искусно-сплетенною сѣтью взаимнаго, благочестиваго шпіонства; да это и не нужно. Оставаясь совершенно въ сторонѣ, мы все-таки можемъ предположить, не боясь впасть въ ошибку по неопытности, что никому не можетъ быть пріятно испытать на себѣ послѣдствія сдѣланнаго на него доноса; мало того, я готовъ даже допустить, что для новичка, не успѣвшаго привыкнуть къ Орденской атмосферѣ, должна быть еще невыносимѣе мысль, что онъ можетъ поставить своего собрата въ необходимость сдѣлать на него доносъ.

Вотъ вамъ и объясненіе, вполнѣ достаточное, факта

---

[7]) Liber Theol. moral. etc. Tract. V. Ex. V. Cap. IV. Praxis ex Societate Jesu doctor. § 15.

вами указаннаго. Именно потому, что вы живете въ кругу своихъ, вы не слыхали и не услышите ничего предосудительнаго для Ордена. Вѣдь если бъ кто нибудь изъ вашихъ, забывшись, повѣдалъ вамъ, хоть на ухо, какой-нибудь скандалъ, вы бы должны были донести на него, а если бъ вы этого не сдѣлали, то онъ, одумавшись самъ, донесъ бы на васъ за то, что вы не донесли [8]).

Пожалуй, все это очень благоразумно и умно придумано; можетъ быть, Парижскій префектъ полиціи, ознакомившись съ дисциплиною вашихъ домовъ, захочетъ также что нибудь перенять у васъ и почтитъ Орденскій уставъ такимъ же лестнытъ отзывомъ, какого удостоилось ваше Ratio studiorum отъ Министра Народнаго Просвѣщенія; но при такомъ порядкѣ вещей, придавать вынужденной сдержанности силу очистительнаго свидѣтельства—воля ваша, это нѣсколько произвольно и натянуто.

Другое ваше доказательство неосновательности нареканій, падающихъ на Орденъ, повидимому, сильнѣе.

---

[8]) Въ книгѣ, писанной *Iезуитомъ* Маріаною, мы читаемъ „*Nul ne peut se fier à son frère* qui peut à tout moment lui rendre quelque mauvais office de mouchard et espion, afin de gagner, à ses depens, les bonnes graces des supérieurs et surtout du Général.... J'ose assurer que si les archives de notre maison de Rome étaient épluchées, il ne se trouverait aucun honnête homme parmi nous, surtout, qui sommes eloignés et inconnus personnellemet au Général etc.“ Hist. des Jés. par l'abbé Guettée. T. I, p. 451. 454.

Вы спрашиваете: «какимъ образомъ, стоокая полиція до сихъ поръ не открыла *ни малѣйшихъ слѣдовъ какого бы то ни было преступленія*, совершеннаго нами? Какимъ образомъ, самые ярые враги нашего общества доселѣ не могли уличить насъ *ни въ какомъ злодѣяніи?»*

Любопытно бы знать, о какомъ времени вы говорите? Только ли о ближайшемъ къ намъ, или и о прежнихъ временахъ, начиная съ учрежденія Ордена? Я не думаю, напримѣръ, чтобъ вы стали отрицать участіе Іезуитовъ, если не прямымъ содѣйствіемъ, то подговорами и внушеніями (что едва ли лучше) въ знаменитомъ заговорѣ des poudres противъ короля Якова I-го и Англійскаго парламента; оно юридически доказано и признано многими, ревностнѣйшими католиками, въ томъ числѣ министромъ Карла I-го, Стаффордомъ.

Не думаю, чтобъ можно было утаить слѣдъ Іезуитской руки въ покушеніяхъ на жизнь Маврикія Нассавскаго и Венеціанскаго историка Фра-Паоло, въ убійствѣ Генриха IV-го, въ заговорѣ на жизнь Людовика XIII, въ таинственной смерти Сикста V, Климента XIII и, особенно, въ отравленіи Климента XIV. Не думаю, чтобъ вы рѣшились отвергнуть несомнѣнность продѣлокъ Китайскихъ и Кохинхинскихъ Миссій съ папскими Легатами и Визитаторами, Кардиналомъ Турнономъ епископомъ Галикарнасскимъ и Аббатомъ Фавромъ, которыхъ Іезуиты, въ буквальномъ смыслѣ, замучили цѣлымъ рядомъ безстыдныхъ клеветъ, дерзкихъ оскор-

бленій и доносовъ Китайскому правительству, не говоря уже о почти несомнѣнныхъ покушеніяхъ на ихъ жизнь? Не знаю, что̀ бы можно было придумать для оправданія двухъ злостныхъ банкротствъ Іезуитскаго общества, перваго въ Севиллѣ, на сумму двухъ съ четвертью милліоновъ франковъ, въ лицѣ коадъютора Виллара (который, будучи членомъ Ордена, заправлялъ его торговыми дѣлами, располагалъ его капиталами и отъ котораго Орденъ отрекся, чтобъ имѣть предлогъ не выполнить всѣхъ его обязательствъ) и втораго, такогоже банкротства, во Франціи, по дѣлу повѣреннаго Іезуитовъ, отца Лавалета, отъ котораго общество также старалось отречься.

Еще неопровержимѣе доказана возмутительная клевета, исподоволь подготовленная Орденомъ съ цѣлью погубить Антонія Арно и другихъ Жансенистовъ, которыхъ какое-то таинственное, Іезуитами не названное, лице будтобы застало въ сборѣ, въ ту самую минуту, какъ они составляли между собою заговоръ противъ Христовой вѣры. Это дѣло, извѣстное подъ названіемъ de l'affaire du Bourg-Fontaine, окончилось, какъ вы знаете, такимъ посрамленіемъ Іезуитовъ, что даже Кретино-Жоли, въ недавнее время, подъ диктовку ихъ написавшій панегирикъ Ордена, неправильно названный имъ исторіею, не нашелся сказать ни слова для ихъ очистки и предпочелъ отдѣлаться умолчаніемъ. Чѣмъ еще опровергнуть, кромѣ развѣ голословнаго отрицанія, подлую интригу, посредствомъ

которой Іезуиты завлекли въ ловушку послѣдователя Жансенистовъ, профессора де-Люньи (affaire de Douai), переславъ къ нему нѣсколько подложныхъ, ими составленныхъ, писемъ, будто бы отъ Антонія Арно и, этимъ способомъ, вызвавъ его на откровенныя объясненія, попадавшія въ ихъ руки?

Переходя къ фактамъ другаго разбора, я могъ бы указать на подлинную, любовную переписку Іезуитовъ, найденную въ Москвѣ, въ первомъ домѣ, которымъ они успѣли обзавестись въ Россіи, переписку, хранящуюся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ и съ которой копія находится у графа Толстаго, автора книги Le Catholicisme Romain en Russie [9]). Я могъ бы также сослаться на высочайшій указъ 13 Марта 1820 года [10]) о высылкѣ Іезуитовъ изъ Россіи и о закрытіи Полоцкой ихъ Академіи, въ которомъ, между прочимъ, значится, что «обращая въ вѣру свою дѣтей Еврейскихъ, Іезуиты употребляли насиліе и что потребна была сила губернскаго начальства, чтобъ исторгнуть этихъ дѣтей изъ ихъ монастыря». Кстати было бы напомнить, что обвиненіе въ насильственномъ похищеніи или полунасильственномъ сманиваніи дѣтей, для котораго придумано спеціальное названіе, le vol à l' enfant, повторялось очень часто и даже теперь повторяется въ западной Европѣ, въ чемъ я лично

---

[9]) Tome I. page 113.

[10]) Полное собраніе зак. XXXVII.

убѣдился въ прошломъ году, изъ разсказовъ многихъ лицъ, въ томъ числѣ и католиковъ — правда не въ домахъ вашего Ордена. Наконецъ, изъ происшествій современныхъ, я могъ бы привести приговоръ Брабантскаго суда присяжныхъ, по дѣлу де-Бойа; но объ немъ я еще буду говорить ниже.

Все это выяснено и доказано на столько, на сколько, вообще, чье либо участіе въ какомъ либо преступленіи можетъ быть доказано, и все это, вмѣстѣ взятое, не составляетъ конечно сотой доли преступленій, обременяющихъ совѣсть Ордена. Неужели разбирать каждое порознь? Я знаю, что вамъ хотѣлось бы заманить меня на эту почву, но знаю также, что отъ этого не могло бы произойти никакого прока. Для пересмотра старыхъ, законченныхъ дѣлъ и приговоровъ, вошедшихъ въ законную силу, у меня нѣтъ матеріаловъ, да и у васъ ихъ нѣтъ; а потому, и вамъ и мнѣ, пришлось бы ограничиваться ссылками на свидѣтельства. Но опредѣлить математически степень надежности свидѣтеля — нѣтъ возможности; каждаго мною названнаго, вы, разумѣется, стали бы отводить; въ отвѣтъ на каждый мой доводъ, вы стали бы возбуждать сомнѣнія въ подлинности источника; наконецъ, въ крайности, у васъ оставался бы выходъ, которымъ ваши очень часто пользовались: махнуть рукой на уличеннаго собрата и сказать, что въ его преступленіи Орденъ не причастенъ, а потому и не подлежитъ за него отвѣту. Пожалуй, я готовъ впередъ заявить, что въ такомъ диспутѣ, по-

слѣднее слово осталось бы за вашими; васъ больше, средствъ у васъ много, притомъ такихъ, до которыхъ мы не дотрогиваемся, да и самое дѣло интересуетъ васъ ближе, чѣмъ насъ. Если ужъ пошло на уступки, то я вамъ сдѣлаю еще одну: я признаю, что во многихъ частныхъ случаяхъ, обвиненія, падавшія на Орденъ, дѣйствительно какъ будто расплывались по недостатку уликъ; признаю также, что такихъ, по слѣдствію и суду неоправдавшихся, обвиненій, въ исторіи Іезуитскаго Ордена насчитывается, можетъ быть, болѣе чѣмъ въ исторіи всякаго другаго общества. Пусть такъ: я позволю себѣ только замѣтить, что частое повтореніе обвиненій, само по себѣ, значительно. Это указаніе на репутацію Ордена: онъ состоитъ, какъ будто, въ вѣчномъ у всѣхъ подозрѣніи. Но не въ этомъ дѣло; фактъ признанъ; желательно теперь узнать, чѣмъ объяснить его: дѣйствительно ли безупречностью Іезуитовъ, или другими причинами?

Мнѣ кажется, что всегда бываетъ трудно, а иногда и положительно невозможно, уличить Іезуитовъ, только потому, что они обладаютъ исключительными средствами защиты отъ всякаго рода преслѣдованій и что обыкновенные юридическіе пріемы уголовной процедуры, такъ сказать, не берутъ ихъ. Слѣдствіе и судъ, встрѣчаясь съ Іезуитами, почти всегда даютъ осѣчку.

Это даже лестно для нихъ, и потому, на этотъ разъ вы, можетъ быть, согласитесь со мною.

Примите въ соображеніе слѣдующія обстоятельства.

Вопервыхъ, по свойству организаціи Ордена, никогда ни одинъ изъ членовъ его не предпринимаетъ по личному своему внушенію и не дѣйствуетъ какъ одинъ человѣкъ. Дѣйствуетъ Орденъ, личность собирательная, застрахованная отъ увлеченій, поспѣшности, недосмотровъ и промаховъ: личность, представляющая собою концентрированную опытность многихъ вѣковъ и народовъ, субстратъ Испанской сосредоточенной энергіи, Италіянской хитрости и Французской предпріимчивости [11]); личность, располагающая огромными средствами, вещественными, духовными, пользующаяся покорными орудіями испытанной вѣрности, орудіями, называющими себя *трупами* или *жезлами* въ рукахъ Ордена, отдавшими все въ распоряженіе своего начальника, и тѣло, и душу, и совѣсть свою; наконецъ, личность, искусившаяся и дошедшая до неподражаемаго мастерства въ умѣніи снискивать сильныхъ покровителей. Понятно, что когда такая личность берется за дѣло, она обдумываетъ его со всѣхъ сторонъ, обставляетъ его всѣми условіями обезпечивающими успѣхъ и не оставляетъ за собою такъ называемыхъ концовъ.

Вовторыхъ, эта личность не считаетъ себя связанною, по совѣсти, требованіями гражданскаго закона и признаетъ за собою нравственное право уклоняться

---

[11]) Незнаю, что привнесли въ эту сокровищницу Русскіе? Не наивность ли?

отъ нихъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они противорѣчатъ собственнымъ его понятіямъ о законности и правдѣ.

Можетъ быть, читатель захочетъ узнать, въ какой мѣрѣ Іезуитъ, въ качествѣ Іезуита, считаетъ себя, по правиламъ своего Ордена, подчиненнымъ закону гражданскому и подсуднымъ гражданскому суду? Вотъ что говоритъ въ отвѣтъ на это одинъ изъ казуистовъ Ордена:

«Духовные, будучи по Божественному закону изъяты изъ-подъ власти свѣтской, не подлежатъ прямому и принудительному дѣйствію гражданскихъ законовъ (directe et quoad vim coartivam) и потому не могутъ быть наказываемы свѣтскою властью (nec a principe soeculari puniri possunt); но они подлежатъ косвенно (indirecte) дѣйствію общихъ законовъ, имѣющихъ цѣлію общественную пользу и не противныхъ духовному званію, каковы, напр., законы воспрещающіе извѣстнаго рода контракты или отмѣняющіе ихъ силу; по этому, если бы духовный позволилъ себѣ продать какую-либо вещь, напр. пшеницу, свыше цѣны установленной начальствомъ, то онъ этимъ погрѣшилъ бы противъ справедливости и былъ бы обязанъ возвратить перебранное. Это необходимо потому, что и духовные суть члены гражданскаго общества, и что, еслибъ они вовсе не подчинялись гражданскимъ законамъ, то не было бы возможности соблюсти одинаковой въ отношеніи ко всѣмъ справедливости. Впрочемъ,

подчиненіе духовныхъ гражданскимъ законамъ принимается въ такомъ смыслѣ, что духовные обязаны, въ своихъ дѣйствіяхъ, только *руководствоваться* ими, но отнюдь не значитъ, чтобъ эти законы имѣли надъ ними силу принудительную и чтобъ они подлежали взысканіямъ установленнымъ за ихъ нарушеніе (tenentur quoad vim directivam, non quoad coartivam)».

Въ какомъ смыслѣ обязательно для каждаго извѣщеніе о совершенномъ уголовномъ преступленіи?—

Іезуиты отвѣчаютъ:

«Необязательно, хотя бы этого требовалъ начальникъ, въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ случаяхъ; въ томъ числѣ: если отъ извѣщенія можетъ послѣдовать для того, кто его дѣлаетъ, опасность лишиться чести, жизни или имущества».

Къ чему обязывается, по совѣсти, обвиненный? —

«Если судья опрашиваетъ подсудимаго, не имѣя на это права (non sit legitimus) или безъ достаточнаго повода къ начатію дѣла, даже если подсудимый не увѣренъ въ правильности опроса и питаетъ, въ этомъ отношеніи, какое-нибудь сомнѣніе, то онъ не только не обязанъ къ признанію, не только можетъ отказаться отъ всякаго отвѣта, но можетъ даже провести судью (judicem eludere) двумысленными выраженіями или отпирательствомъ, сопровождаемымъ какою нибудь подразумѣваемою оговоркою, въ добромъ смыслѣ (in bono sensu), чтобъ избѣгнуть лжи (ut mendacium absit)».

И такъ, ложное показаніе, про себя оговоренное, не считается ложью.

Далѣе: «Если судья опрашиваетъ подсудимаго правильно, но исходя изъ предположенія мнимаго преступленія, то подсудимый можетъ отрицать обстоятельство, дѣйствительно бывшее и даже на половину доказанное. Напр. судья, ища подтвержденія ложному обвиненію въ убійствѣ, спрашиваетъ подсудимаго: точно ли онъ вышелъ изъ дому съ обнаженнымъ мечемъ? — Хотя бы это дѣйствительно произошло (но не ради убійства, а по другому поводу), однако подсудимый можетъ смѣло отъ этого отпереться. Такимъ же образомъ могутъ отвѣчать и свидѣтели».

«Подсудимый, даже правильно опрашиваемый, не обязанъ къ признанію, по крайней мѣрѣ не грѣшитъ смертно, не признаваясь въ важныхъ уголовныхъ дѣлахъ, если онъ питаетъ надежду спастись бѣгствомъ и если не угрожаетъ отъ этого вреда обществу. Это ученіе правдоподобно и, на практикѣ (для совѣсти) безопасно. Не обязанъ и по произнесеніи приговора, ибо, съ окончаніемъ суда, прекращаются всѣ обязанности подсудимаго».

И такъ отъ подсудимаго правды добиться трудно. Посмотримъ теперь, чего требуетъ Іезуитская совѣсть отъ свидѣтелей.

«Свидѣтельство обязательно въ томъ лишь случаѣ, когда законъ любви этого требуетъ для спасенія ближняго, или когда свидѣтель призывается судьею, имѣю-

щимъ на то право. Но въ послѣднемъ случаѣ, ожидающій вызова къ свидѣтельству можетъ безгрѣшно убѣжать или укрыться до полученія повѣстки, не подвергаясь опасности вознаградить за потери, могущія произойти для другаго отъ его неявки».

«Свидѣтель, неправильно опрашиваемый, не обязанъ свидѣтельствовать. Даже правильно и законно опрашиваемый не обязывается къ тому въ нѣкоторыхъ случаяхъ, между прочимъ, *если показаніе его можетъ причинить существенный ущербъ ему самому или ближнимъ его* (si ex testimonio sibi vel suis immineat notabile damnum), развѣ бы, съ другой стороны, отъ молчанія могъ произойти еще бо̀льшій ущербъ для частнаго лица или всего общества; равномѣрно, не обязательно свидѣтельство, если допросъ имѣетъ предметомъ такой поступокъ, *въ которомъ можно предполагать вѣроятное отсутствіе грѣха со стороны обвиненнаго,* напр. когда онъ не зналъ что дѣлалъ или когда судятъ какъ вора, тогда какъ онъ пользовался правомъ *тайнаго самовознагражденія* (occulta compensatio).» — Это принятый у Іезуитскихъ богослововъ учтивый терминъ, чтобъ не оскорблять слуха грубымъ словомъ воровство или мошенничество.

«Свидѣтель грѣшитъ, когда утверждаетъ то, чего не знаетъ или открываетъ правду, которую долженъ бы былъ скрыть». Но, чтобъ онъ грѣшилъ умалчивая,

когда его спрашиваютъ о томъ, чтò онъ знаетъ, или скрывая истину—этого нѣтъ въ правилахъ.

Послѣдняя, особенно же предпослѣдняя статья, стóятъ того, чтобъ на минуту на нихъ остановиться. Извѣстно, что въ очень многихъ случаяхъ, Іезуитское ученіе о грѣховности и безгрѣшности далеко расходится съ совѣстью и съ законами въ оцѣнкѣ человѣческихъ дѣйствій; такъ напримѣръ, чтò называется на общечеловѣческомъ языкѣ клеветою, предательствомъ, убійствомъ и воровствомъ, у Іезуитовъ считается законнымъ самоограждeніемъ или законнымъ же, хотя и тайнымъ, самовознагражденіемъ. На это, впослѣдствіи, представлены будутъ яркія доказательства. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, свидѣтель-Іезуитъ, или воспитанникъ Іезуитовъ, придерживаясь понятій своей школы о грѣховномъ и безгрѣшномъ, можетъ не давать отвѣта опрашивающему его судьѣ или, чтò еще хуже, можетъ безстрашно лгать ему прямо въ глаза.

На это есть общее правило: «Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ дозволяется скрывать правду, можно прибѣгать къ двумысленнымъ выраженіямъ, чтò не считается ложью, ибо произносимыя слова, если только принимать ихъ въ извѣстномъ смыслѣ (который, разумѣется, остается тайною для слушающаго) или въ связи съ подразумѣваемою оговоркою (которой онъ также не знаетъ) содержатъ въ себѣ правду».

Ученый Санчезъ объясняетъ это примѣромъ. Кто совершилъ убійство, на вопросъ: убилъ ли онъ такого-

то?—можетъ отвѣчать, что *не убилъ*, имѣя при этомъ въ виду другаго, одноименнаго человѣка, или, оговаривая про себя: не убилъ, *до его рожденія.* Это средство—продолжаетъ Санчезъ—чрезвычайно полезно, и къ нему можно прибѣгать безгрѣшно, ради спасенія жизни, тѣла, чести, состоянія или *ради добраго дѣла*».

Это правило рѣшительнѣе всѣхъ характеризуетъ Іезуитовъ въ гражданскомъ быту. Не-Іезуитъ, если бъ онъ по совѣсти не счелъ себя обязаннымъ сказать правду, отказался бы отъ свидѣтельства, объяснивъ тому причину, или отмолчался бы; Іезуитъ или воспитанникъ Іезуитовъ не подастъ и вида, что не считаетъ себя обязаннымъ къ правдивому показанію, а заговоритъ и запутаетъ судью безъ всякаго угрызенія совѣсти.

А присяга, къ которой приводится свидѣтель? — спроситъ, можетъ быть, читатель (вы конечно не спросите).

«Присяга вообще — отвѣчаетъ Іезуитъ — вяжетъ совѣсть въ томъ лишь случаѣ, когда присягающій дѣйствительно имѣетъ, про себя, намѣреніе присягнуть, то есть призвать Бога въ свидѣтели правдивости своего показанія; если же онъ, не имѣя такого намѣренія, произноситъ лишь формулу присяги, то онъ не считается присягнувшимъ и не вяжется присягою».

«Конечно, говоря вообще, все-таки грѣшно, призвавъ Бога въ свидѣтели, утверждать неправду; но,

въ нѣкоторыхъ случаяхъ, употребленіе двусмыслія разрѣшается и при произнесеніи присяги; напримѣръ, когда она требуется незаконно, судьею не соблюдаются установленные обряды судопроизводства; наконецъ, *во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ признается достаточная причина для употребленія двусмыслія вообще, допускается и двусмысліе въ присягѣ*».

Вотъ тоже ученіе въ другой, еще болѣе ясной и общей формѣ:

«Когда есть на то причина (cum causa), позволительно присягать безъ намѣренія присягнуть, идетъ ли рѣчь о предметѣ ничтожномъ или важномъ».

«Если кто, наединѣ или на людяхъ, по поводу предложеннаго ему вопроса или отъ себя, ради забавы (recreationis causa) или по какой-либо другой причинѣ, присягнетъ, что онъ чего нибудь такого не сдѣлалъ, что̀ на самомъ дѣлѣ было имъ учинено, разумѣя про себя что нибудь другое, чего онъ дѣйствительно не дѣлалъ, или подразумѣвая иной способъ исполненія, а не тотъ, который былъ имъ употребленъ, или прибавляя про себя какое-нибудь обстоятельство истинное: тотъ, по истинѣ, не лжетъ и не преступаетъ клятвы (re vera non mentitur, nec est perjurus)».

«Законными причинами къ употребленію подобныхъ двусмыслій (amphibologia) признаются всѣ тѣ случаи, въ которыхъ это необходимо или полезно для защиты своего тѣла, своей чести, своего имущества (res

familiares) или для какого либо инаго добраго дѣла (virtutis actum) и когда прикрытіе истины представляется умѣстнымъ и выгоднымъ (veritatis occultatio censetur expediens et studiosa)».

Здѣсь опять выступаетъ таже отличительная черта компаніи, присвоившей себѣ имя Іисусово и состоящей на половину изъ священниковъ, приносящихъ безкровную жертву. Не-Іезуитъ отказался бы отъ присяги; Іезуитъ, какъ человѣкъ къ этому дѣлу пріобыкшій, громко произноситъ клятвенную формулу, а въ скобкахъ, про себя, оговариваетъ свое право на лжесвидѣтельство.

Если, однако, свидѣтель дастъ на судѣ завѣдомо-ложное показаніе въ одномъ изъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, въ которыхъ, даже по Іезуитской теоріи, это не разрѣшается, то какъ ему быть?

«Онъ обязанъ, отвѣчаютъ Іезуиты, взять назадъ свое показаніе, хотя бы и съ опасностью жизни для себя, предупредить дурныя послѣдствія, вознаградить за ущербы и т. д.» Тутъ, какъ будто, слышится голосъ совѣсти, но въ концѣ той же статьи читается: «если такимъ отреченіемъ отъ ложнаго показанія есть надежда въ чемъ нибудь успѣть (si putetur revocando aliquid efecturus) и если именно *только его* показаніе было дѣйствительною причиною ущерба; но лжесвидѣтель ни къ чему не обязывается, если и помимо его, другія лжесвидѣтельства дали полное основаніе къ несправедливому приговору».

И такъ, одинокій лжесвидѣтель подвергается еще нѣкоторому риску; но въ компаніи стакнувшихся лжесвидѣтелей можно лгать безнаказанно, сваливая вину на товарищей.

Наконецъ, вотъ статья объ осужденномъ.

«Справедливо или несправедливо приговоренному къ смертной казни или къ пожизненному заточенію, дозволяется бѣжать изъ тюрьмы, хотя бы сторожа̀ должны были подвергнуться тяжкой за то отвѣтственности; уклоняться отъ преслѣдующихъ его и вырываться изъ ихъ рукъ; равномѣрно, всѣмъ не занимающимъ полицейскихъ должностей при судѣ, дозволяется помогать приговоренному въ бѣгствѣ совѣтомъ и дѣломъ, доставкою нужныхъ инструментовъ, напр. подпилковъ и т. п., лишь бы они не помогали ему выламывать тюремныя двери» [12]).

Можно ли отрицать, что въ этихъ правилахъ заключается своего рода сила и такое обезпеченіе безнаказанности, какимъ обыкновенные смертные не пользуются? Вызовъ къ свидѣтельству, допросъ, присяга,

---

[12]) Herm. Busenb. Medul. Theol. Morat. Lib. I. Tr. II. Cap. Dub. I. Resp. cas 5. Lib. III. Tr. II. Cap. II. Dub. I. Res. Cas. 1. Dub. IV Res. Cas. 4, 5. Lib. IV. Cap. III. Dub. III. Art. I. Res. 2. Cas. 2. Dub. V. Res. 3. punct. 4. Dub. VI. Res. I. Res. 2. Res. 3. Dub. VII. Art. I. Res. I. Cas. 1, 2, 4. Art. II. Res. Cas. 1, 2, 3, 4, 5. Proposit. damnat. ab Innocent. XI. 2 Mart. 1679 № 25, 26, 27. Moral und Politik der Jesuiten v, Ellendorf. 1840, p. 43.

судъ, тюрьма, все это не беретъ Іезуитовъ; противъ всего придуманы оборонительныя средства, не говоря уже о вліяніяхъ, покровительствахъ и ходатайствахъ. Закованные въ тройную броню пробабилизма, оговорокъ и двусмыслій, они дѣйствительно неуязвимы. Понятно, что уличить ихъ трудно; но странно, какъ могли вы эту трудность обратить въ доказательство ихъ безупречности?

Независимо отъ обыкновенныхъ, уголовныхъ, полицейскихъ и гражданскихъ дѣлъ, производившихся въ общихъ инстанціяхъ, Іезуиты играли роль обвиненныхъ въ капитальныхъ, частью церковныхъ процессахъ и въ тяжбахъ съ цѣлыми корпораціями, духовными и свѣтскими. Нѣкоторыя изъ этихъ тяжбъ тянулись лѣтъ по сту.

Въ крупныхъ дѣлахъ этого рода, затрогивавшихъ самые существенные интересы Ордена, иногда даже вопросъ о его существованіи, поражаетъ, кромѣ недобросовѣстности, однообразіе глубоко обдуманныхъ пріемовъ защиты.

Въ XVI, XVII, XVIII вѣкахъ, во Франціи, въ Италіи, въ Польшѣ, въ Японіи, въ Китаѣ, въ Индіи, вездѣ и всегда, повторялось одно и тоже, въ одномъ и томъ же послѣдовательномъ порядкѣ, такъ что система спора и защиты, выработанная Іезуитами, сама собою отрѣшается отъ массы разнообразныхъ ея примѣненій и, такъ сказать, просится въ общую формулу. Всего легче выразить ее въ формѣ драматической.

Обвинители: Ваши отцы, такіе-то и такіе-то, позволили себѣ сдѣлать или сказать то и то.

Iезуиты: Это гнусная клевета, взведенная на насъ врагами Божіей церкви. Мы носимъ имя Іисусово и приносимъ безкровную жертву.

Обвинители: Однако, вотъ свидѣтельства и улики!

Iезуиты: Все это ложь и подлогъ; но мы принимаемъ это новое испытаніе съ любовью и смиреніемъ.

Обвинители: Однако, вотъ доказательства достовѣрности свидѣтельствъ и подлинности актовъ.

Iезуиты: Мы ничего объ этомъ не знаемъ и не слыхали.

Обвинители: Наведите справки и постарайтесь узнать.

Iезуиты: То, въ чемъ насъ обвиняютъ, невозможно и немыслимо, ибо положительно запрещено такими-то и такими-то статьями нашего Устава.

Обвинители: Можетъ быть! Но въ такомъ случаѣ, вы поступили вопреки вашему Уставу, дозволивъ себѣ то и то.

Iезуиты: Если отцы такіе-то дѣйствительно позволили себѣ то, въ чемъ ихъ обвиняютъ, то это дурно.

Обвинители: Что дурно, мы знаемъ и безъ васъ, но не объ этомъ рѣчь. Мы спрашиваемъ васъ: сознаетесь ли вы въ томъ, что ваши отцы сдѣлали или сказали то и то?

Іезуиты: Если сдѣлали или сказали, то мы не одобряемъ.

Обвинители: Постарайтесь отбросить ваши *если* и отвѣтьте прямо на вопросъ: уличены ли ваши отцы или нѣтъ?

Іезуиты: Если они дѣйствительно погрѣшили отъ преизбытка усердія, то.... и такъ далѣе, до утомленія противниковъ.

Пока длится этотъ разговоръ, выпускается, чтобъ отвлечь вниманіе публики, какой-нибудь безъимянный пасквиль противъ главнаго обвинителя—средство дозволенное. Пасквиль этотъ проходитъ повидимому безслѣдно и цѣли своей не достигаетъ; современники, знающіе всѣ обстоятельства дѣла и угадывающіе побужденія, не обращаютъ на него вниманія или отталкиваютъ его съ презрѣніемъ; но дѣйствіе его разсчитано на нѣсколько лѣтъ впередъ: авось либо, думаютъ составители его, хоть малая частица пущенной на вѣтеръ клеветы прилипнетъ къ независимому имени и вмѣстѣ съ нимъ перейдетъ въ потомство. Между тѣмъ, взаимное раздраженіе и участіе публики къ скандалезному процессу постепенно утихаетъ; онъ оканчивается, обыкновенно, ничѣмъ, или почти ничѣмъ, то есть: двусмысленнымъ оправданіемъ съ оговорками, или условнымъ осужденіемъ, а иногда простымъ запретомъ толковать о предметѣ спора. Подробности и обстоятельства дѣла забываются, свидѣтели и очевидцы борьбы, одинъ за другимъ, вымираютъ; одинъ Орденъ не уми-

раетъ и выжидаетъ благопріятной минуты. Лѣтъ черезъ двадцать или тридцать, выходитъ въ свѣтъ изъ его мастерской подробный разборъ и обстоятельное опроверженіе взведеннаго на него обвиненія. Обыкновенно, эта запоздалая апологія проходитъ безъ протеста и почти незамѣтно. Кому охота поднимать старое дѣло? Еще лѣтъ десять — и въ исторію Ордена заносится, что въ такомъ-то году, заклятые враги Іисусовы задумали погубить *маленькое общество* (hoec minima societas) гордящееся Его именемъ, взведя на него неслыханное обвиненіе; но правда взяла свое, и гнусная клевета была побѣдоносно обнаружена въ трудахъ такихъ-то и такихъ-то, никѣмъ не опровергнутыхъ, членовъ Ордена.

Инерцію общественнаго мнѣнія съ одной стороны, неутомимое по немъ долбленіе съ другой, эти двѣ силы вы изслѣдовали, исчислили и примѣнили къ дѣлу какъ никто. Нельзя не сознаться, что стратегическіе ваши планы, главнѣйшимъ образомъ на нихъ основанные, часто оправдывались, къ изумленію всѣхъ, но мнѣ кажется, что успѣхъ васъ избаловалъ. Подумайте сами, не слишкомъ ли многаго требуете вы отъ упругости вашихъ пружинъ и въ состояніи ли онѣ выдержать тяжесть такихъ грузовъ, какъ напримѣръ увѣренія вашего, что Латинская церковь искони благоволила къ восточному обряду или, что Іезуиты никогда не проповѣдывали ученія объ оправданіи преступныхъ средствъ безгрѣшностью цѣлей?

Но объ этомъ послѣ; я невольно забѣжалъ впередъ и поспѣшаю оборотиться назадъ къ вашему вопросу. Вамъ хочется непремѣнно, чтобъ мы подтвердили фактами наше мнѣніе объ Iезуитахъ и забрели въ область историческихъ сплетень; а мы думаемъ, что предпринимать въ Москвѣ ревизію старыхъ дѣлъ, производившихся въ Парижѣ, Римѣ и Пекинѣ, рѣшительно невозможно. Такимъ образомъ, повидимому, намъ приходится разойтись; недостаетъ общей для насъ почвы, гдѣ бы могли мы встрѣтиться хоть бы для спора. А хотѣлось бы найти ее... Выслушайте мое предложеніе.

Въ многосторонней дѣятельности Iезуитскаго Ордена ученіе идетъ параллельно съ приложеніемъ, теорія устанавливаетъ практику, практика объясняетъ теорію. Но о практикѣ, о томъ, что̀ дѣлали или чего не дѣлали Iезуиты, можно спорить до безконечности; гораздо легче отдать себѣ отчетъ въ томъ, чему они учили. Тутъ есть документы и доказательства неопровержимые; есть собственныя признанія—подписи сочинителей на ихъ твореніяхъ, пропуски цензоровъ, одобренія начальниковъ. Не хотите ли провѣрить обвиненія, лежащія на Iезуитахъ, справками съ ихъ ученіемъ? Вникнувъ въ мое предложеніе, вы убѣдитесь, что оно несравненно выгоднѣе для васъ, чѣмъ для меня: je vous fais la partie belle. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ краснорѣчиво и убѣдительно проповѣдуетъ добродѣтель — это еще не значитъ, чтобъ, въ жизни частной и общественной, онъ былъ идеаломъ нравственности, и противъ такого

скачка въ заключенiи отъ словъ къ дѣламъ, я имѣлъ бы полное право протестовать. Но я добровольно отъ него отказываюсь. Я заранѣе соглашаюсь признать, что Iезуиты-практики не хуже Iезуитовъ-теоретиковъ и что первые, въ жизни, не позволяютъ тебѣ того, что̀ осуждаютъ вторые, съ каѳедры. Наоборотъ, вы конечно не затруднитесь признать, что жизненная практика, въ отношенiи нравственномъ, никакъ не можетъ быть ни выше, ни чище правилъ, выработанныхъ для ея руководства.

Посмотримъ, что окажется.

Вы упоминаете между прочимъ въ вашемъ письмѣ, что редакторъ «Дня» уподобилъ общество, носящее имя Iисуса, шайкѣ *шулеровъ.* Первою моею мыслiю было извиниться и взять это слово назадъ; но я призадумался. Мнѣ захотѣлось сперва порыться въ доступныхъ мнѣ богословскихъ учебникахъ вашего Ордена и посмотрѣть, не окажется ли въ нихъ чего-нибудь о карточной игрѣ. Въ нихъ вѣдь можно найти рѣшительно все. Отыскалось слѣдующее правило въ ученiи о вознагражденiи за обиды и о возвратѣ неправеднаго стяжанiя: «Не обязывается къ возврату выигрыша тотъ, кто прибѣгаетъ къ хитростямъ, допускаемымъ правилами игры и общепринятымъ: ибо обѣ стороны знаютъ, что такiя хитрости употребляются и, слѣдовательно, напередъ соглашаются на нихъ. Поэтому, получивъ отличныя карты и увѣрившись въ выигрышѣ, можно поднять игру или притвориться боя-

щимся проигрыша, чтобы побудить противника поднять игру; можно, получивъ дурныя карты, прикинуться довольнымъ и поднять игру, чтобы заставить противника отступиться отъ заклада. Не надобно нарочно выбирать такого мѣста, съ котораго бы видны были карты противника; не годится также, за спиною противника, ставить товарища, который бы знаками объяснялъ его игру; но позволительно заглядывать въ чужія карты, не прибѣгая къ обману, когда самъ противникъ подаетъ къ тому поводъ своею неосторожностью; позволительно также продолжать игру, послѣ того какъ глазъ научился различать карты по крапу, если только это познаніе пріобрѣтено во время самой игры и если карты не были до начала игры помѣчены и опознаны.»

«Не должно играть въ запрещенныя закономъ и азартныя игры (напр. въ кости) мірянамъ—подъ страхомъ простительнаго грѣха, а духовнымъ подъ страхомъ смертнаго; конечно, это разумѣется въ томъ смыслѣ, что духовный не долженъ въ этого рода игры играть *часто и по долгу*; но запрещеніе не распространяется на кратковременную игру, забавы ради, если притомъ нѣтъ повода къ соблазну: ибо церковныя правила, это воспрещающія, принимаются, какъ кажется, только въ видахъ предупрежденія соблазна и т. д. Играть и ставить, какъ закладъ игры, обязанность для проигравшаго, прочесть псаломъ или Молитву Господню, не считается ни грѣхомъ, ни оскорбленіемъ святыни (ludere pro psalmo vel oratione

Dominaca recitanda, non est pectum nec irreverentia)». — Это, вѣроятно, специальное правило для тѣхъ изъ членовъ общества Іисусова, которые приносятъ безкровную жертву.

«Кто обыграетъ другаго въ запрещенную игру, тотъ, по правдоподобному ученію, не обязывается къ возврату выигрыша прежде чѣмъ состоится о томъ судебное рѣшеніе; ибо законъ не упраздняетъ силы уговора (quia jura non annulant contractum) и не мѣшаетъ пріобрѣтенію владѣнія (nec impediunt acquisitionem dominii), но только предоставляетъ другой сторонѣ возможность требовать возврата. Спрашивается при этомъ: обязанъ ли проигравшій въ запрещенную игру уплатить проигрышъ? Нѣкоторые учители утверждаютъ, что обязанъ, другіе утверждаютъ противное». Слѣдовательно и то и другое правдоподобно и можетъ быть принято въ руководство [13]).

Сказать на основаніи выписанныхъ параграфовъ, что Іезуитскіе богословы положительно разрѣшаютъ шулерство, было бы натяжкою; но, признаюсь, по прочтеніи ихъ, я не сѣлъ бы играть въ карты съ ученымъ преподавателемъ, который для этихъ правилъ нашелъ мѣсто въ своемъ курсѣ нравственнаго Богословія, и не пожелалъ бы видѣть его въ клубѣ, въ которомъ бы я былъ членомъ.

---

[13]) Her. Busenb. Medul. Th. moral, Lib. III. Tr. V. Cap. III. Dub. XIII. Res. Cas. 9, 13, 14, 15.

Перейдемъ къ другому предмету.

Въ XVII и XVIII вѣкахъ, производилось многосложное дѣло по обвиненіямъ, которыя навлекли на себя Іезуитскіе миссіонеры въ Индіи, Китаѣ и Японіи. Не еретики и не схизматики, а правовѣрные Латинцы, монахи Августинскаго, Доминиканскаго, Капуцинскаго и другихъ Орденовъ, прелаты и папскіе легаты, бывшіе на мѣстахъ, уличали ихъ въ разнаго рода отступничествахъ отъ Христовой вѣры. Утверждали, между прочимъ, что Іезуиты передѣлывали обряды Латинской церкви на языческій ладъ, разрѣшали мнимообращеннымъ въ христіанство разные виды идолослуженія, подъ условіемъ оговаривать про себя, что поклоненіе относится къ истинному Богу [14]), наконецъ, что сами миссіонеры поддѣлывались подъ наружный видъ и обы-

---

[14]) Вотъ одинъ изъ курьезнѣйшихъ образчиковъ этой продѣлки. Въ Индіи существовалъ обычай вѣнчать малолѣтныхъ; для этого, невѣстѣ надѣвалось на шею, привязанное къ снурку, изображеніе языческаго божества, *Пиллеара*, Индійскаго Пріапа. Іезуиты все это разрѣшали новообращеннымъ, какъ невинный обрядъ; но кардиналъ, папскій легатъ, Турнонъ взглянулъ на дѣло иначе и строго запретилъ какъ ранніе браки, такъ и ношеніе Пиллеара. Тогда Іезуиты прибѣгли къ хитрости: сохранивъ неблагопристойное изображеніе языческаго божества, они стали придѣлывать къ нему маленькіе, едва примѣтные крестики. Въ такомъ видѣ, это изображеніе могло бы быть принято за самый вѣрный символъ всей Апостольской дѣятельности послѣдователей Лойолы. Фактъ засвидѣтельствованъ, между прочими, папскимъ викаріемъ, епископомъ Розалійскимъ. Hist. des Jés. par l'abbé Guettée. t. 2. p 60.

чаи жрецовъ, выдавая себя за браминовъ, бонзовъ и мандариновъ. Все это было доказано на столько, разумѣется, на сколько вообще можетъ быть доказано что нибудь, когда споръ завязывается между Латинскими монашескими Орденами, когда всякій, призванный къ дознанію правды, непремѣнно заподозрѣвается тою или другою стороною въ пристрастіи, когда дѣло, подлежащее изслѣдованію, происходитъ въ отдаленныхъ странахъ и какъ бы въ другомъ мірѣ, наконецъ и особенно — когда примѣшивается къ нему Іезуитскій интересъ.

Благочестивые ученики Лойолы отписывались, прятались за Китайскимъ императоромъ отъ Ватиканскихъ громовъ, клеветали на своихъ обличителей и, конечно, ни въ чемъ не сознавались. Папы, чувствуя свое безсиліе, вздыхали, хитрили съ обѣими сторонами, наряжали слѣдствіе за слѣдствіемъ и издавали декреты то въ осужденіе, то въ очистку Іезуитовъ.

Какъ теперь разобрать правду? Вы, разумѣется, убѣждены, что Іезуиты невинны какъ голуби; я убѣжденъ въ противномъ, и, какъ присяжный, не задумался бы ни на минуту обвинить ихъ; но знаете ли что, въ моихъ глазахъ, неопровержимо свидѣтельствуетъ о несомнѣнности кощунственнаго маскарада, въ которомъ ихъ обвиняли? — Это тѣ хитрости и уловки, къ которымъ они сами прибѣгали, чтобъ оправдать себя и стушевать черту, разграничивающую преступное отре-

ченіе отъ символовъ своей вѣры съ безгрѣшнымъ усвоеніемъ чужеземныхъ обычаевъ.

Вотъ что мы читаемъ объ этомъ предметѣ у автора, неоднократно уже цитованнаго.

Онъ самъ возбуждаетъ щекотливый вопросъ: «можно ли, когда либо, какимъ либо внѣшнимъ оказательствомъ, для вида (exterius), отрекаться отъ истинной вѣры (fidem veram negare) или исповѣдывать ложную?» и отвѣчаетъ очень рѣшительно: «ни въ какомъ случаѣ, ни словомъ, ни какимъ либо инымъ знакомъ». Но послушайте, что за этимъ слѣдуетъ: «Конечно, нельзя лгать на себя, нельзя даже подавать видъ будто мы признаемъ то, чего нѣтъ (simulare quod non est); но можно, для вида, утаивать то, чтó есть (dissimulare quod est) или прикрывать истину словами (tegere veritatem verbis) или иными знаками, двусмысленными и по себѣ безразличными (signis ambiguis et indifferentibus), разумѣется ради законной причины и когда нѣтъ необходимости въ признаніи.» Въ Японіи и Китаѣ была причина, по мнѣнію Іезуитовъ, не только законная, но даже богоугодная; нужно было избѣгнуть столкновенія съ понятіями язычниковъ и пріучить ихъ, мало по малу, къ мысли, что между ихъ вѣрою и христіанствомъ нѣтъ большой разницы.

Къ числу позволительныхъ способовъ прикрытія истины, ученый Бузенбаумъ не относитъ «ношенія одежды и знаковъ, служащихъ у невѣрныхъ *един-*

ственно и *исключительно* внѣшними оказательствами или признаками ложной вѣры или ложнаго богослуженія (signa professiva falsoe religionis seu cultus); таковы, напримѣръ, одѣянія, употребляемыя при жертвоприношеніяхъ, зажиганіе ладона, куреніе (incessio thuris), колѣнопреклоненіе передъ идолами, пріобщеніе вмѣстѣ съ еретиками. Но, когда есть достаточная на то причина, напр. когда это нужно, чтобъ избѣгнуть важной опасности, одержать побѣду, обмануть врага, позволительно облекаться въ языческіе одежды и знаки, употребляемые для другихъ цѣлей, а не для заявленія вѣры и составляющіе такую отличительную принадлежность не религіи, а націи, которая могла бы остаться въ употребленіи и по обращеніи язычниковъ въ христіанство, какъ напр. одежды и знаки Турокъ. Тоже самое можно примѣнить и къ одеждѣ духовныхъ, лишь бы она не имѣла значенія спеціальнаго признака исповѣданія лжеученія, а составляла бы только принадлежность торжественнаго богослуженія (dummodo non habeant peculiare signum profitendi erroris, sed sint tantum indicium nitidioris cultus), какъ напр. облаченіе пасторовъ въ Германіи, или отличительную особенность высшаго званія въ кругу своихъ, *какъ напр. ризы бонзовъ въ Японіи* и т. д. Мнѣніе это; заключаетъ авторъ, правдоподобно»[15]).

Понятно, какой просторъ оно давало миссіонерамъ.

---

[15]) Herm. Busen. Ibid. Lib. II. Tr. I. Cap. III. Resp. Cas. 8. 9.

Готовый отвѣтъ и благовидная отговорка припасены были на все. Легко ли было, послѣ этого, высмотрѣть изъ Рима: во что именно наряжались благочестивые отцы въ Китаѣ и что творили они въ Японіи и Индіи? Прикидывались ли язычниками, или только приспособлялись къ мѣстному климату и народнымъ обычаямъ? Пусть бы попытались доказать, что они не ограничивались утайкою того, что было, а заявляли то, чего не было, или, что тотъ или другой обрядъ, ими допущенный, служилъ символомъ язычества, а не невинною принадлежностью торжественнаго богослуженія, отличіемъ жреческой касты, а не Японской знати? Выписанныя статьи напоминаютъ извѣстное предложеніе дальновиднаго чиновника: карайте безпощадно взятки, но къ чему же стѣснять благодарность? [16]).

Я привелъ, по вопросу о богослужебныхъ обрядахъ, ученіе одного изъ умѣренныхъ и осторожнѣй-

---

[16]) По поводу всего написаннаго Іезуитами для защиты суевѣрій, которымъ они покровительствовали въ Китаѣ, епископъ Людовикъ де-Сисе, Японскій викарій, писалъ: „Quand je vois comment vous défendez votre cause, qu'on n'apercoit rien de simple, de rond, de net, dans votre procédé, que vous relevez des bagatelles et passez pardessus ce qui est essentiel, que le double sens même est mis en usage.... quand je vois enfin que dans une affaire qui est toute de Dieu, vous agissez comme dans un mauvais procès où la subtilité, les detours et la faveur peuvent l'emporter etc., je ne puis que me renfermer dans le gemissement et dans les larmes. Hist. des Jes. par l'abbé Guettée T. 2. p. 102—103.

шихъ Іезуитовъ; другіе, болѣе смѣлые, высказываютъ мысль, искусно имъ замаскированную, гораздо рѣшительнѣе. На вопросъ: можно ли употреблять *богослужебное* облаченіе ложной религіи?—Санчезъ отвѣчаетъ утвердительно, присовокупляя, что назначеніе всякой одежды, вообще, прикрывать тѣло и потому, въ этихъ видахъ, можно ею пользоваться, не обращая вниманіе на соблазнъ. Того же мнѣнія придерживается и Эскобаръ. Онъ же ставитъ вопросъ: позволительно-ли принимать участіе въ суевѣрныхъ обрядахъ ложной вѣры, не съ тѣмъ, чтобы внутренно пріобщаться къ ней, но съ другою цѣлью, особенно если свойство этихъ обрядовъ таково, что можно *отвлечь отъ нихъ ихъ богослужебное значеніе*, избѣжать соблазна и не запятнать, въ самомъ себѣ, чистоты вѣроисповѣданія? Оказывается, что и это допускалось нѣкоторыми учителями, хотя мнѣніе ихъ осуждено инквизиціонною конгрегаціею [17]). Послѣ этого, можно ли не повѣрить свидѣтелямъ, повѣствующимъ, что Іезуитскіе миссіонеры, въ видахъ сближенія съ Китайцами, поклонялись вмѣстѣ съ ними Конфуцію, приставляя, для очистки своей совѣсти, распятіе къ его изображенію?

Іезуитамъ издавна, съ XVI вѣка, приписывалось особенное мастерство въ ловлѣ крупныхъ наслѣдствъ, еще большее чѣмъ въ ловлѣ душъ. Ходила молва о

---

[17]) Ellendorf, p. 216, 217.

тайныхъ проискахъ, къ которымъ они прибѣгали, для устраненія прямыхъ наслѣдниковъ и подорванія ихъ правъ; увѣряли даже, что суммы предназначаемыя завѣщателями на разныя богоугодныя дѣла и для раздачи бѣднымъ, попавъ въ руки Іезуитовъ душеприкащиковъ, въ нихъ и оставались. Тѣ же слухи ходятъ и теперь въ Бельгіи и Швейцаріи, конечно не въ Іезуитскихъ домахъ; я въ этомъ убѣдился во время моего недавняго путешествія. Гдѣ намъ отсюда разбирать, на сколько тутъ правды и на сколько лжи? Мы можемъ только навести справку въ ученіи Іезуитовъ о наслѣдствахъ, и тогда намъ удастся, можетъ быть, уяснить себѣ, до какой степени Іезуитская совѣсть разборчива на этого рода дѣла.

По справкѣ оказывается слѣдующее: казуисты Ордена очень основательно и подробно изслѣдовали вопросъ о томъ, дѣйствительно ли завѣщаніе, въ которомъ не соблюдены формальности, требуемыя гражданскимъ закономъ? Они даютъ на него двоякій отвѣтъ: по закону и по совѣсти. Для насъ, разумѣется, важенъ только послѣдній отвѣтъ, какъ свидѣтельство Іезуитской совѣсти. Вотъ что она гласитъ: «Если завѣщаніе составлено на предметы богоугодные (то есть въ пользу церквей, монастырей, молитвенныхъ домовъ, училищъ, содержимыхъ монашескими Орденами и т. д.) то, хотя бы составитель его и не назначилъ по себѣ наслѣдника[18]),

[18]) По общему правилу, прямое назначеніе наслѣдника,

хотя бы завѣщаніе, за послѣдовавшею смертью, осталось не законченнымъ, для убѣжденія въ дѣйствительности статей, касающихся богоугодныхъ назначеній, достаточно одной подписи завѣщателя, даже знака поданнаго имъ головою или инымъ способомъ (nutum vel aliud signum), хотя бы и безъ свидѣтелей; наконецъ завѣщаніемъ, составленнымъ на предметы богоугодные, хотя бы и безъ соблюденія установленныхъ формальностей, отмѣняется всякое другое, даже формальное, хотя бы въ неформальномъ и не упоминалось о формальномъ». И такъ, совѣсть не придаетъ важности требованіямъ гражданскаго закона и не стѣсняется ими въ своихъ приговорахъ. Это понятно. Но затѣмъ возникаетъ другой вопросъ: если въ завѣщаніи, по гражданскому закону недѣйствительномъ, кромѣ статей на богоугодные предметы, есть еще отказы въ пользу мірянъ и на мірскіе предметы (legata profana), то считать ли, по совѣсти, эти отказы обязательными наравнѣ съ статьями перваго рода? Къ немалому удивленію оказывается, что на этомъ вопросѣ ученые авторитеты Ордена между собою расходятся: совѣсть ихъ какъ будто мутится и теряетъ свою ясность, какъ скоро интересъ Ордена отходитъ на задній планъ. Одни

---

directa hoeredis institutio, считается необходимою принадлежностью *завѣщанія,* которою оно отличается отъ *отказа* (legatum) и отъ дополнительной статьи (codicillum). Herm. Busen. Medul. Th. Mor. L. III. Tr. V. C IV. D. II. R.

утверждаютъ дѣйствительность отказовъ въ пользу мірянъ, другіе отрицаютъ. То и другое мнѣніе, будучи основано на соображеніяхъ полновѣсныхъ и поддержано надежными авторитетами, считается правдоподобнымъ и, какъ руководство па практикѣ, для совѣсти безопаснымъ. Предположимъ, что, по одному и тому же духовному завѣщанію, покойникъ статьею 3-ею назначилъ капиталъ на устройство Іезуитской коллегіи, а статью 4-ою—пенсію бѣдному своему родственнику; по Іезуитской совѣсти, должно доказывать дѣйствительность статьи 3-ей, хотя завѣщаніе составлено безъ соблюденія законныхъ условій, и можно оспаривать дѣйствительность статьи 4-ой, ради несоблюденія этихъ условій.

Можетъ быть, читатели возразятъ, что каковы бы ни были мнѣнія Іезуитскихъ казуистовъ, онѣ, на практикѣ, не имѣютъ значенія, такъ какъ, въ случаѣ спора, вопросъ о силѣ той или другой статьи разрѣшится судомъ, на основаніи гражданскаго уложенія, а не на основаніи богословскихъ тезисовъ. Къ счастію, это такъ; но не спѣшите выводомъ о безвредности Іезуитскихъ толкованій. Не забывайте, что ими руководствуются духовники въ разрѣшеніи вопросовъ совѣсти; а совѣсть, все таки, главная узда, сдерживающая страсти и своекорыстные разсчеты. Чего жь ожидать, если учитель богословія или духовникъ, основываясь на своихъ авторитетахъ, разрѣшитъ ввѣрившейся ему совѣсти идти на перекоръ гражданскому закону? А такой слу-

чай возможенъ, да онъ и предусмотрѣнъ и напередъ оправданъ. Послушайте: «Если завѣщаніе, за несоблюденіемъ законныхъ формальностей, признано будетъ недѣйствительнымъ, и наслѣдникъ по закону, вступивъ во владѣніе, не захочетъ добровольно исполнить волю завѣщателя (для него не обязательную) относительно упомянутыхъ въ завѣщаніи отказовъ, то лица, въ пользу которыхъ они были сдѣланы, могутъ вознаградить себя украдкою (possunt uti occulta compensatione) изъ наслѣдства, ибо то, что̀ имъ отказано, по истинѣ, имъ принадлежитъ».—Попросту: люди, носящіе имя Іисусово и преподающіе нравственное богословіе, разрѣшаютъ обкрадывать законныхъ наслѣдниковъ. Неужели вы этого не знали? Или вы надѣялись, что мы не знали и что «День», при первомъ спросѣ, отступится отъ своихъ словъ, въ которыхъ онъ сопоставилъ Іезуитовъ съ ворами?

Надобно еще замѣтить, что послѣдняя выписанная статья, въ системѣ нравственныхъ обязанностей, стоитъ не изолированно; это не болѣе какъ строгое примѣненіе къ наслѣдствамъ и завѣщаніямъ слѣдующаго общаго правила:

На вопросъ, обязателенъ ли для совѣсти несправедливый судебный приговоръ? дается слѣдующій отвѣтъ: «приговоръ, несправедливый по существу, или только незаконный по формѣ и по несоблюденію правилъ судопроизводства, не имѣетъ для совѣсти никакой обязательной силы; обиженная имъ сторона не теряетъ

своего права и можетъ, не прибѣгая даже къ апелляціи, добывать ей принадлежащее, избѣгая лишь соблазна». Но законъ гражданскій рѣшаетъ этотъ вопросъ иначе, а потому: «тотъ, чье имущество, въ силу судебнаго рѣшенія, явно не справедливаго, присуждено другому, можетъ удовлетворить себя тайнымъ самое вознагражденіемъ (per occultam compensationem se recipere)», то есть—воровски отнять отсужденно, отъ него.

«Всякій договоръ или даръ, имѣющій предметомъ ожидаемое, еще не открывшееся наслѣдство, не дѣйствителенъ; ибо подобныя сдѣлки ненавистны и опасны, какъ поводы къ покушеніямъ на жизнь владѣльцевъ послѣ которыхъ ожидается наслѣдство; но изъ этого общаго правила допускаются исключенія, между прочимъ: когда отреченіе отъ ожидаемаго наслѣдства дѣлается въ пользу общины или коллегіи. Въ этомъ случаѣ, не требуется даже согласія того лица, чье имущество жертвуется, ибо здѣсь нѣтъ повода не только опасаться преступныхъ покушеній на его жизнь, но даже подозрѣвать этого».

Въ какой мѣрѣ ученіемъ самихъ Іезуитовъ оправдывается это смѣлое заявленіе, мы увидимъ далѣе, а теперь посмотримъ, какъ понимаютъ они обязанности душеприкащиковъ.

«Если, по завѣщанію, душеприкащику изъ монаховъ (Іезуитъ также можетъ быть душеприкащикомъ съ разрѣшенія своего генерала) ввѣрена сумма, назна-

ченная на богоугодныя дѣла вообще (т. е. безъ ближайшаго опредѣленія), то онъ можетъ употребить ее на свой монастырь».

«Если душеприкащику (какого бы званія онъ ни былъ) ввѣрена сумма для раздачи бѣднымъ, то онъ не обязанъ раздать ее бѣднѣйшимъ, но можетъ употребить ее въ пользу больницъ, нуждающихся церквей, монастырей или частныхъ лицъ, которымъ ихъ средства не позволяютъ жить прилично своему званію, будь они ремесленники или высшаго сословія лица, даже дворяне, если только нѣтъ доказательствъ, что такое распоряженіе было бы рѣшительно несогласно съ волею завѣщателя. Мало того, душеприкащикъ можетъ обратить сумму, предназначенную на бѣдныхъ, въ пользу своихъ родственниковъ и даже въ свою собственную, если онъ и они дѣйствительно бѣдны и если стѣсненное ихъ положеніе не было извѣстно завѣщателю, ибо предполагается въ такомъ случаѣ, что будь оно ему извѣстно, онъ навѣрное отказалъ бы имъ что нибудь» [19]).

Воля ваша, все это хитро, подозрительно, нечисто, и я начинаю понимать, отчего женѣ и дѣтямъ становится жутко, когда люди, присвоившіе себѣ имя Іису-

---

[19]) Herm. Busen. Med. Th. mor, Lib. III. Tr. V. C. IV. Dub. II. Res. I. Res 2. Quoest. R. I. R. 4. C. 3. Dub. III. R. 3. excep. 2. Dub. VI. Quoest. I. Res. 3. Quoest. I. Res. Quoest. 2. R. 2.

сово, пронюхавъ жирное наслѣдство и смигнувшись между собою, начинаютъ подползать къ постели больнаго мужа или отца и обвѣшивать его своими образками и четками.

Кстати о завѣщаніяхъ. Недавно въ Брюсселѣ, передъ судомъ присяжныхъ, производилось дѣло, обратившее на себя всеобщее вниманіе и доселѣ всѣмъ памятное въ Бельгіи. Я повторю вкратцѣ обстоятельства его.

Жилъ въ Антверпенѣ, на покоѣ, нѣкто де-Бой, несмѣтно богатый, бездѣтный купецъ, щедрою рукою раздававшій милостыню. Съ родственниками своими онъ находился въ наилучшихъ отношеніяхъ, доставлялъ имъ занятія и, обыкновенно, черезъ нихъ помогалъ бѣднымъ. Іезуиты сообразили, что отъ него можетъ быть пожива и дружно взялись за дѣло. Подкравшись къ старику и войдя къ нему въ довѣренность, они, прежде всего, разобщили его со всѣми его родственниками, уговорили его прекратить всякія съ ними сношенія, словомъ — взяли его подъ караулъ. Въ числѣ упомянутыхъ родственниковъ, былъ одинъ по имени Бенедиктъ де-Букъ, племянникъ де-Боя, человѣкъ рано замотавшійся, бывшій не разъ подъ судомъ, сидѣвшій въ разныхъ тюрьмахъ и, наконецъ, попавшій на 9 лѣтъ въ Тулонъ, на каторгу. Іезуиты зорко за нимъ слѣдили; подъ предлогомъ нравственнаго его исправленія, они взяли его на свое попеченіе и окончательно очернили его въ глазахъ стараго дяди. Такимъ обра-

зомъ, были приняты всѣ нужныя мѣры для устраненія соперниковъ, и дѣло, правильнымъ ходомъ, пошло къ развязкѣ. Въ 1850 году умеръ де-Бой. Іезуиты, не отходившіе отъ него до послѣдней минуты, вышли изъ дому, когда онъ закрылъ глаза, и, проходя мимо прислуги, указали ей на свои молитвенники, говоря: «вы видите, кромѣ нашихъ книгъ, мы ничего не выносимъ изъ дому». Черезъ нѣсколько дней, оказалось духовное завѣщаніе, по которому покойникъ передалъ почти все свое состояніе какому-то адвокату, подставному лицу, съ которымъ онъ въ первый разъ познакомился за нѣсколько дней до своей смерти, а адвокатъ этотъ, немедленно, пожертвовалъ все наслѣдство въ руки Іезуитовъ, на постройку коллегіи. Родственникамъ покойнаго, за исключеніемъ Бенедикта, оставлены были сравнительно незначительныя суммы, при томъ съ оговоркою, что они лишатся ихъ безусловно, если позволятъ себѣ оспоривать силу завѣщанія.

Все казалось улаженнымъ, но Іезуиты издавна предусматривали, что неугомонный и обиженный Бенедиктъ, которому нечего было терять, не оставитъ ихъ въ покоѣ. Противъ того, заблаговременно, было придумано слѣдующее средство. Отецъ Лоаръ, настоятель одного изъ Іезуитскихъ домовъ въ Бельгіи, вкравшійся въ душу стараго де-Боя и нѣкоторое время игравшій роль посредника между нимъ и его племянникомъ, успѣлъ увѣрить послѣдняго, что желаетъ ему добра и готовъ за него заступиться: подъ этимъ предлогомъ,

онъ выманилъ у него подробную, письменную исповѣдь, въ которой безмозглый Бенедиктъ, не высмотрѣвъ ловушки, подробно изложилъ всѣ свои преступленія и продѣлки. Имѣя въ рукахъ такое оружіе, Іезуиты могли не бояться его; но, избѣгая скандала, они все таки щадили его и пытались нѣсколько разъ ублажать его незначительными денежными ссудами; пытались также запугать его; однако, онъ ни на что не подался и явно высказалъ свое намѣреніе начать искъ, какъ скоро минетъ срокъ его заключенія.

Тогда, чтобъ отдѣлаться отъ него окончательно, Іезуиты представили въ судъ письмо, по ихъ увѣренію Бенедиктомъ писанное, въ которомъ онъ угрожалъ убійствомъ провинціалу Боссерту и другимъ членамъ Ордена; но Бенедиктъ объявилъ, что письмо это было поддѣлано самими Іезуитами и что, для составленія его, они воспользовались другимъ его письмомъ, писаннымъ изъ тюрьмы, которое не дошло по назначенію, а попало въ ихъ руки и ими было вскрыто. Тогда же пущена была въ ходъ и письменная исповѣдь: отецъ Лоаръ, выманившій ее у Бенедикта, самъ же предъявилъ ее къ дѣлу, съ приложеніемъ письма, при которомъ она была ему доставлена. Въ началѣ письма значилось: «я хочу исповѣдать передъ вами грѣхи мои за послѣднія 7 лѣтъ».

На допросѣ, адвокатъ Бенедикта спросилъ между прочимъ Іезуита Гессельса:

— Полагаете ли вы, что духовное лицо можетъ выдать тайну, ввѣренную ему на исповѣди?

— Никогда.

— А если исповѣдь письменная?

— О! это совсѣмъ иное дѣло.

— Ну, а если въ письменной исповѣди положительно требуется тайна, не должна ли она быть соблюдаема?

— Да, если это было условлено.

Послѣ долгихъ преній, присяжные признали Бенедикта невиннымъ. Можетъ быть, они и ошиблись; ибо, хотя многія обстоятельства указывали на подлогъ со стороны Іезуитовъ, однако прежняя жизнь обвиненнаго говорила не въ его пользу. Но для меня, въ этомъ дѣлѣ, важно вотъ что: изъ всѣхъ продѣлокъ, въ которыхъ обвинялись Іезуиты, нѣтъ ни одной, которая бы не была предусмотрѣна и оправдана ихъ ученіемъ; каждый шагъ ихъ, каждый поступокъ, каждое слово, есть не болѣе какъ самое точное примѣненіе правилъ, прямо взятыхъ изъ Богословскихъ учебниковъ Ордена. Прошу васъ припомнить главные пункты обвиненія.

1) Іезуиты воспользовались своимъ вліяніемъ, чтобъ перебить у законныхъ наслѣдниковъ состояніе ихъ родственника.

2) Они взвели клевету на человѣка, который могъ нанести ихъ матеріальный ущербъ и повредить ихъ репутаціи.

3) Они перехватили чужое письмо.

4) Они огласили исповѣдь.

Теперь я приведу справки изъ Іезуитскихъ учебниковъ по каждому пункту и въ томъ же порядкѣ.

По первому пункту.

«Кто, не употребляя насилія, обмана и клеветы, отклоняетъ другаго отъ заявленнаго имъ намѣренія дать третьему лицу что либо такое, на что́ по закону это лицо не имѣетъ права помимо доброй воли жертвователя, напр. долю въ наслѣдствѣ, тотъ, хотя, можетъ быть, и грѣшитъ, если дѣйствуетъ изъ ненависти къ лицу, или въ виду какой либо другой цѣли, но не обязывается къ вознагражденію. Кто прибѣгаетъ для этого къ насилію, обману или клеветѣ, обязывается вознаградить понесшаго ущербъ, по приговору сторонняго, разсудительнаго мужа (viri prudentis). Призванный къ опредѣленію такого вознагражденія, обязанъ сообразить, во-первыхъ, въ какой мѣрѣ можно считать несомнѣннымъ или вѣроятнымъ, что понесшій ущербъ получилъ бы ожидаемое (напр. долю въ наслѣдствѣ), еслибы не встрѣтилъ противодѣйствія; во-вторыхъ, достоинъ ли онъ вознагражденія; ибо, если окажется недостойнымъ, то никакого вознагражденія въ его пользу не полагается, развѣ только за опороченіе его репутаціи, если она въ чемъ либо пострадала»[20]).

Въ дѣлѣ де-Боя, Іезуиты преслѣдовали цѣль не только не злостную, но, по ихъ понятіямъ, богоугодную;

нужно было забрать въ руки Ордена капиталъ для усиленія его дѣятельности на пользу ближняго и во славу Божію; слѣдовательно, грѣха не было. Далѣе, можно было, не прибѣгая къ насилію, прямому обману и явной клеветѣ, разлучить стараго де-Боя съ его родственниками и склонить его сочувствія и заботы въ другую сторону; для этого, достаточно было держать предъ его глазами распутную жизнь его племянника и твердить ему ежечасно (какъ это и дѣлалось по свидѣтельству многихъ опрошенныхъ лицъ), что, въ рукахъ его прямыхъ наслѣдниковъ, накопленное имъ состояніе въ прокъ не пойдетъ, и что отвѣтственность за это ляжетъ на его душу. Наконецъ, увѣрить себя, что Бенедиктъ де-Букъ не стоилъ вознагражденія, было еще легче. Вся статья, писанная въ XVII вѣкѣ, какъ будто нарочно придумана была на этотъ случай.

По второму пункту.

«Простительно подрывать ложнымъ обвиненіемъ, въ какомъ бы то ни было преступленіи (falso crimine elidere), авторитетъ человѣка, насъ опорочивающаго (detrahentis) и тѣмъ наносящаго намъ вредъ».

«Правдоподобно, что не грѣшитъ смертно тотъ, кто взваливаетъ на другаго ложное обвиненіе въ преступ-

[20]) Herm. Busen. Med. Th. Mor. L. III. Tr. V. C. II. D. IV. R. C. 2. 3.

леніи, для защиты своей правоты (justitiam) и своей чести. Если это не правдоподобно, то едва ли, во всемъ Богословіи, останется какое-нибудь правдоподобное мнѣніе (et si hoc non sit probabile, vix ulla erit opinio probabilis in Theologia)».

Надобно сказать, что Іезуиты, въ дѣлѣ де-Боя, поступили даже человѣколюбиво и снисходительно съ Бенедиктомъ де-Букомъ; ибо, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ ихъ ученыхъ богослововъ, какъ скоро онъ обнаружилъ явное намѣреніе оттянуть у нихъ наслѣдство, они имѣли бы право просто убить его. Конечно, осторожнѣе было, при нынѣшнемъ порядкѣ вещей, ограничиться клеветою; но вотъ какъ судили объ этомъ опытные, надежные руководители душъ:

«Разрѣшается прибѣгать къ убійству для защиты (defendere defensione occisiva) не только того, чѣмъ мы дѣйствительно владѣемъ, но и того, на что мы предъявили свое право или что надѣемся пріобрѣсти».

«Къ тому же способу можетъ прибѣгать для защиты своего права и тотъ, кому, по завѣщанію предназначено наслѣдство или сдѣланъ отказъ (legatum), то есть: онъ можетъ убить всякого, кто сталъ бы воздвигать ему незаконныя препятствія къ пріобрѣтенію наслѣдства или къ полученію отказанной суммы» и т. д. [21]).

---

[21]) Prop. dam. ab. Innoc. XI. 2 Mart. 1679 №№ 32, 33, 43, 44.

Правда, папа Иннокентій XI нашелъ, что это уже слишкомъ, и осудилъ приведенныя положенія; но закваска осталась въ школѣ казуистовъ Ордена; отъ уцѣлѣвшаго корня пошли новые отпрыски [22]).

По третьему пункту.

«Вскрывать и читать чужія письма вовсе не грѣхъ, если прибѣгающій къ этому подозрѣваетъ, что они писаны въ видахъ нанесенія ему несправедливаго ущерба или обиды (injustum damnum vel injuriam), которую онъ хочетъ отвратить отъ себя: ибо всякому дозволяется заботиться о себѣ».

«Не грѣхъ также вскрывать письма, когда это нужно для отвращенія обиды, угрожающей другому; но, въ этомъ случаѣ, не должно читать болѣе того, что необходимо нужно для достиженія этой цѣли».

По четвертому пункту.

«Исповѣдь должна быть словесная; въ нѣкоторыхъ лишь случаяхъ, по нуждѣ, допускается письменная: кто, внѣ этихъ случаевъ, исповѣдуется письменно, тотъ грѣшитъ смертно и не получаетъ отпущенія».

«*Печатью исповѣди* (sigillum confessionis) называется строжайшая, Божественнымъ закономъ ус-

---

[22]) Въ слѣдующемъ письмѣ я докажу примѣрами, какъ мало Іезуиты стѣснялись декретами Римскихъ первосвященниковъ.

тановленная обязанность держать въ тайнѣ все *сказанное* на исповѣди, то есть *въ порядкѣ, установленномъ для таинства отпущенія грѣховъ* (dicta in confessione, id est, in ordine ad absolutionem sacramentalem)».

«Обязанность эта не распространяется ни на притворную исповѣдь (ficte factam), напр. сдѣланную, чтобъ обокрасть или обмануть (ad furandum, illudendum etc.), ни на то, что́ повѣдано *не на исповѣди* (extra confessionem), *хотя и подъ печатью исповѣди* (sub sigillo confessionis); въ послѣднемъ случаѣ, на принявшаго признаніе ложится лишь *естественная* обязанность держать тайну (obligatio secreti naturalis), и важность этой обязанности обусловливается лишь большею или меньшею важностью повѣданнаго».

«Кто клятвенно обѣщавъ соблюсти повѣданную ему тайну, обнаруживаетъ ее, не считается клятвопреступникомъ, если тайна не можетъ быть сохранена безъ важнаго вреда для того, кому она была ввѣрена *или для другаго лица:* ибо, кажется, что самое обѣщаніе тайны вяжетъ всегда только подъ условіемъ ея безвредности»[23]).

---

[23]) Herm. Busen. Med. Th. Mor. L. V. C. III D. II. R. 2. 6. C. 1. 4. L. VI. Tr. C. III. R. I. C. 2. C. I. D. III. Art. III. R. Cond. 1. L. III. Tr. II. C. II. D. V. R. 2. C. 4. Ellendorf. p. 44, 45.

«На обязывается къ соблюденію своего обѣщанія тотъ, кто, давая его, на самомъ дѣлѣ, не имѣлъ намѣренія обязываться къ исполненію его; да и едва ли можно въ комъ либо предполагать такое намѣреніе, если обѣщаніе не было подкрѣплено клятвою или формальнымъ контрактомъ. Обыкновенно, когда люди говорятъ: «я это сдѣлаю», то подразумѣваютъ: «сдѣлаю, буде не перемѣню своего намѣренія».

Отецъ Лоаръ, какъ оказывается, твердо изучилъ своихъ богослововъ; онъ выманилъ исповѣдь *письменную* [24]), то есть: простое признаніе; выгородилъ при этомъ свою нравственную отвѣтственность, заявивъ, что оно показалось ему *не правдивымъ, а исполненнымъ выдумокъ и похвальбы въ небывалыхъ преступленіяхъ;* наконецъ, хотя бы онъ и поклялся не выдавать открывшаго передъ нимъ свою душу, онъ все-таки могъ, по своей Іезуитской совѣсти, считать себя въ правѣ не держать клятвы, ибо намѣренія, заявленныя де-Бюкомъ, могли повредить не только самому отцу Лоару, но и цѣлому Ордену.

Не вдаваясь въ изслѣдованіе факта и оставляя на отвѣтственности бельгійскихъ присяжныхъ произнесенный ими очистительный приговоръ, я прихожу къ тому

---

[24]) Замѣчательно, что Іезуиты же, первые, въ самомъ началѣ XVII вѣка, пытались ввести письменную исповѣдь; папа Климентъ VIII строго осудилъ это нововведеніе. Hist. des. Jes. par l'abbe Guettée. T. I. p. 475.

заключенію, что всѣ тѣ преступленія, въ которыхъ обвинялись Іезуиты, дѣйствительно, задолго предъ этимъ, были совершены *въ теоріи* ихъ учителями и наставниками: слѣдовательно, при удобномъ случаѣ, *могли* быть совершены ихъ учениками и на практикѣ. Мнѣ кажется, что мой выводъ основывается на уважительныхъ соображеніяхъ (rationibus innititur alicujus momenti), какъ говорятъ ваши богословы, и потому, по крайней мѣрѣ, *правдоподобенъ* (probabilis), а вы знаете, что кто держится правдоподобнаго мнѣнія, тотъ правъ.

Народная молва XVII и XVIII вѣковъ, какъ всѣмъ извѣстно, обвиняла Іезуитовъ въ неразборчивомъ выборѣ средствъ, которыми они раздѣлывались съ своими недоброжелателями, и приписывала имъ не мало предательски пролитой крови. Я укажу только на два свидѣтельства.

Генрихъ IV, послѣ того какъ онъ, пройдя сквозь огнь и воду, помирился съ папою и укрѣпился на престолѣ, долго обдумывалъ, какъ ему быть съ Іезуитами: дозволить ли имъ вернуться во Францію, или оставить въ силѣ не задолго передъ тѣмъ изданный декретъ объ ихъ изгнаніи? Разъ онъ отвѣчалъ папскому легату, который ходатайствовалъ за нихъ, что будь у него двѣ жизни, онъ бы охотно пожертвовалъ одною, чтобъ угодить его святѣйшеству; но имѣя только одну, обязанъ прибѣрегать ее для своихъ подданныхъ. Нѣсколько спустя въ частномъ, совершенно интимномъ разговорѣ съ

Сюлли, король привелъ тоже самое личное соображенiе но уже въ пользу допущенiя Iезуитовъ: «преслѣдовать ихъ, значило бы ввергнуть ихъ въ отчаянiе и вызвать съ ихъ стороны покушенiя на мою жизнь; при такихъ условiяхъ, самая жизнь стала бы мнѣ противна. Лучше погибнуть, чѣмъ жить въ постоянномъ ожиданiи яда или кинжала; ибо у этихъ людей обширныя связи, и направлять умы, куда имъ вздумается, они великiе мастера»[25]).—Эти простыя слова, сказанныя не для потомства, даже не для современниковъ, а для одного человѣка, слова, въ которыхъ нѣтъ ни страсти, ни расчета на эфектъ, а напротивъ проглядываетъ сознанiе въ личной слабости, мнѣ кажется, гораздо убѣдительнѣе, гораздо сильнѣе свидѣтельствуютъ противъ Ордена, чѣмъ всѣ торжественныя обличенiя и краснорѣчивыя противъ него выходки, которыми такъ богата западная литература.

Вотъ другой случай: папа Климентъ VIII принадлежалъ къ числу тѣхъ весьма немногихъ изъ Римскихъ первосвященниковъ, которые не боялись Iезуитовъ и не подчинялись ихъ влiянiю. Онъ вступилъ на престолъ въ самый разгаръ ихъ борьбы съ правительствами, епископами, университетами, парламентами, разными монашескими орденами, и при немъ же возникъ знаменитый ихъ споръ съ Доминиканцами, по поводу Молинизма, древней ереси Пелагiанцевъ, подновленной Ie-

25) Hist. des. Jés. par l'abbé Guetté T. I. p. 331, 332.

зуитами и пущенной ими въ ходъ. По внимательномъ изученіи этого дѣла, которому они придавали огромную важность, послѣ продолжительныхъ диспутовъ, папа, убѣдившись въ ложности ученія, рѣшился на торжественное его осужденіе и сообщилъ о своемъ намѣреніи знаменитому Іезуитскому богослову, кардиналу Беллармину.—«Ваше святѣйшество этого не сдѣлаете», сухо отвѣчалъ ему кардиналъ. Онъ же, разговаривая съ другимъ кардиналомъ о намѣреніи папы, выразился слѣдующимъ образомъ: «знаю, что онъ этого хочетъ, сознаюсь, что можетъ, но не сдѣлаетъ; а если попытается исполнить, то прежде умретъ».—И дѣйствительпо, Климентъ VIII умеръ-какою-то странною, загадочною смертью, въ то самое время, какъ онъ сбирался обнародовать осужденіе Молинизма, въ 1605 году. Эти обстоятельства сохранилъ для потомства Іезуитъ Селотъ (Celot) въ своей книгѣ о Іерархіи и, по какой то странной оплошности орденской цензуры, она, на сей разъ, не предупредила огласки. Правда, что авторъ передавалъ слова своего собрата съ доброю цѣлью, какъ доказательство пророческаго дара, которымъ, будто бы, обладалъ Беллларминъ[26]). Насъ это не удивляетъ. Такихъ пророковъ, въ 1863 и 1864 годахъ, очень много наплодилось въ Варшавѣ. Бывало, заброситъ чья нибудь невидимая рука записку, въ которой предсказывалась смерть какому-нибудь лицу, стоящему на виду, и, черезъ день

---

[26]) Hist. des. Jés. par l'abbé Guettée. T. I. p. 480, 481.

или два это лице действительно погибало; даже и теперь въ Россіи, пройдетъ какой-нибудь странникъ по селу или городу, скажетъ, не останавливаясь, что скоро будетъ пожаръ, и, вслѣдъ за нимъ гдѣ нибудь загорается крыша. Разумѣется, вы скажете, что ничѣмъ нельзя доказать замысловъ Іезуитовъ на жизнь Генриха IV, что они не только не причастны въ смерти Климента VIII, но даже горько ее оплакивали, и что все это явныя клеветы, такъ какъ въ Уставѣ Ордена нигдѣ не разрѣшается рѣзать королей и отправлять папъ. Не знаю, повторите ли вы также, со словъ *вашихъ*, что Польша выставляла сонмы мучениковъ и *ни одного убійцы*, что графъ Бергъ самъ себя окатилъ, съ третьяго этажа, орсиньевскими бомбами и что наши города и села такъ часто стали горѣть потому, что Русскій народъ почему-то, въ 1865 году, сталъ неостороженъ въ обращеніи съ огнемъ?

Все это можетъ быть; но меня занимаетъ не голый фактъ, а *возможность* или *вѣроятность* факта, а потому я опять таки обращаюсь къ справкамъ и нахожу въ нихъ вотъ что:

«Разрѣшается убивать: лжеобвинителя, лжесвидѣтеля, даже судью, отъ котораго навѣрное ожидается несправедливый приговоръ, если невинному не представляется другаго способа избѣгнуть угрожающей ему бѣды».

Разрѣшается монаху и всякому духовному лицу убійство клеветника, угрожающаго распустить объ немъ

или объ Орденѣ, къ которому онъ принадлежитъ, обвиненіе въ тяжкихъ преступленіяхъ, если нѣтъ возможности инымъ способомъ отъ него защититься; такой возможности, повидимому, дѣйствительно не представляется, когда клеветникъ готовится предъявить обвиненіе на монаха или на цѣлый Орденъ публично, въ присутствіи лицъ, пользующихся высокимъ авторитетомъ и когда несомнѣнно, что онъ это сдѣлаетъ, если не будетъ убитъ»[27]).

Благочестивый отецъ Лами оправдываетъ это такимъ образомъ: «Если мірянину разрѣшается убійство для спасенія своей чести, то тѣмъ паче духовному и монаху, ибо то, на чемъ зиждется честь послѣднихъ, мудрость и духовная доблесть, гораздо цѣннѣе военной доблести, на которой основана честь мірянъ».

---

[27]) Чтобъ не упрекнули меня въ неточности перевода, я привожу текстъ:

Licet interficere falsum accusatorem, falsos testes ac etiam judicem, a quo iniqua certo imminet sententia, si alia via non potest innocens, damnum evitare.

Est licitum religioso vel clerico, calumniatorem gravia crimina de se vel de sua religione spargere minentem, occidere, quando alius modus defendendi non suppetit, aut suppetere non videtur, si calumniator sit paratus, vel ipsi religioso, vel ejus religioni publice et coram gravissimis viris praedicta impingere, nisi occidatur. Prop. dam. ab Alex. VII. Sept. 24, an. 1665. Выписанныя положенія были осуждены папою, но, какъ мы докажемъ въ своемъ мѣстѣ, это не помѣшало ни преподавателямъ Ордена сохранить имъ въ своихъ курсахъ нравственнаго богословія, ни орденской цензурѣ разрѣшать ихъ перепечатаніе.

Почтенный отецъ Карамюель возбуждаетъ по этому поводу частный вопросъ: «въ правѣ ли Iезуиты убивать Жансенистовъ за то, что послѣднiе обвиняли ихъ въ Пелагiанизмѣ?» Правда, онъ разрѣшаетъ его отрицательно, но вотъ по какой причинѣ: «Жансенисты, хотя и имѣли намѣренiе повредить намъ, но это имъ не удалось, такъ какъ они не болѣе нанесли ущерба нашей славѣ, чѣмъ какая-нибудь сова солнцу».

«Отлученнаго папою отъ церкви, всякiй можетъ убить во всякомъ мѣстѣ».

Въ приведенныхъ случаяхъ, убiйство разрѣшается для защиты отъ нападенiя ничѣмъ *не заслуженнаго*, по крайней мѣрѣ, по убѣжденiю защищающагося, но Iезуиты этимъ не удовольствовались.

Нѣкоторые изъ ихъ учителей доказываютъ, «что можно убить свидѣтеля, намѣревающагося, по злобѣ ко мнѣ, отъ себя, безъ судебнаго къ тому вызова, предъявить на меня обвиненiе въ преступленiи *дѣйствительно мною содѣянномъ*, если это преступленiе дотолѣ оставалось тайнымъ, если обнаруженiе его грозитъ мнѣ смертною казнью или значительнымъ ущербомъ въ имуществѣ, если нѣтъ другаго способа избавиться отъ опасности и если обвинитель не подается не предварительныя увѣщанiя».

«Убiйство въ видахъ самозащиты разрѣшается, даже когда нападенiе вызвано преступленiемъ: на этомъ основанiи монахъ, застигнутый въ прелюбодѣянiи, можетъ,

не выходя озъ предѣловъ законной ззщиты, убить мужа, нападающаго на него для отмщенія своей обиды».

Буллою Григорія XIV, виновные въ предательскомъ убійствѣ лишались права убѣжища въ церквахъ (droit d'asile). «Нѣтъ сомнѣнія, замѣчаетъ Эскобаръ, что это относится одинаково къ употребляющимъ ядъ и кинжалъ, но вопросъ въ томъ: что значитъ убійство *предательское?* Это значитъ убійство человѣка, ничего не подозрѣвающаго и не остерегающагося; слѣдовательно, не подходитъ подъ эту категорію убійство *врага,* хотя бы онъ былъ завлеченъ въ засаду и хотя бы ударъ былъ нанесенъ ему сзади. Ну, а если—продолжаетъ тотъ же учитель—я убилъ человѣка, *бывшаго* моего врага, но съ которымъ я послѣ помирился и которому далъ торжественное обѣщаніе не посягать на его жизнь?—Все таки и въ этомъ случаѣ нѣтъ предательства, если я не жилъ съ нимъ въ тѣсной дружбѣ и если наши взаимныя отношенія были таковы, что еще можно было *предполагать* во мнѣ остатокъ старой вражды»[28].

Вотъ что писали, печатали, доказывали на диспутахъ и чему учили Іезуиты, съ разрѣшенія орденской цензуры и съ одобренія своего начальства. А вы, зная все

---

[28]) Всѣ эти статьи заимствованы изъ сочиненій Эскобара, Лессія, Филліуція, Молины, Са, Наварра, Регинальда, Азора, Лами, Герро, Санчеза, и др. См. Die Moral und Politik der Jesuiten v. Ellendorf. Darmstadt 1840. p. 73, 74, 75, 81, 82, 93, 94; также Propos. damn.

это лучше меня, хотите, чтобъ мы не давали вѣры никакимъ обвиненіямъ и отвергали свидѣтельства исторіи, единственно па томъ основаніи, что ваше общество присвоило себѣ имя Іисусово и состоитъ на половину изъ священниковъ, ежедневно приносящихъ безкровную жертву! Ужъ будто только безкровную? По моему, кто могъ изобрѣсти приведенные рецепты для оправданія убійства, у того навѣрно чесалась совѣсть отъ запекшейся на ней крови. Легко понять, что головорѣзы прикидываются агнцами, мошенники услаждаютъ слухъ сладкими рѣчами о любви къ ближнему, безбожники, на людяхъ, умильно складываютъ руки передъ иконами: но я никогда не повѣрю, чтобъ цѣлый Орденъ, котораго вся сила заключалась, повидимому, въ высокомъ объ немъ мнѣніи, рѣшился предстать передъ публикою въ образѣ убійцы и произвести своимъ ученіемъ небывалый соблазнъ, еслибъ его не влекла къ тому потребность, болѣе или менѣе сознательная, поставить вверхъ дномъ весь нравственный міръ, чтобъ уронить его до собственнаго своего уровня.

До сихъ поръ я не замѣчаю, чтобъ ваша зрѣло обдуманная аргументація отличалась особенною твердостію; а между тѣмъ, вы очень строго относитесь къ журнальной импровизаціи «Дня». Вы въ ней нашли противорѣчіе и съ торжествомъ на него указываете. Посмотримъ, въ чемъ оно заключается? Было сказано въ одномъ мѣстѣ передовой статьи «Дня», что дѣятельность Іезуитскаго Ордена «почти неосязательна, не-

уловима», а въ другомъ мѣстѣ, что Орденъ этотъ «имѣетъ въ виду не область духа, а исключительно область внѣшней, практической дѣятельности». Какъ согласить это съ неуловимостью? — спрашиваете вы. «Если она (то есть дѣятельность Iезуитовъ) въ самомъ дѣлѣ неуловима, то на чемъ основаны ваши сужденія и какъ можете вы произносить надъ нею приговоръ съ такою торжественною увѣренностью?» И такъ, вотъ въ чемъ противорѣчіе. Васъ поражаетъ оно въ особенности потому, что вы никакъ не можете угадать, съ чего взяли предполагать какую то таинственность въ образѣ дѣйствій вашего Ордена. «Помилуйте — продолжаете вы — вѣдь мы не духи безплотные, мы такіе же люди какъ и всѣ прочіе, и наша дѣятельность существенно ничѣмъ не отличается отъ дѣятельности остальнаго католическаго духовенства. Развѣ мы составляемъ какое-либо тайное общество? Развѣ мы проповѣдуемъ не на весь міръ? Въ нашихъ школахъ перебывало не одно поколѣніе учениковъ... Какая тьма свидѣтелей! Уставъ нашего общества находится у книгопродавцевъ и не въ одномъ изданіи. Безпрестанно мы печатаемъ новыя сочиненія по всѣмъ отраслямъ науки. Однимъ словомъ, наше ученіе, образъ жизни, наша дѣятельность учительская, священническая, миссіонерская такъ открыта, такъ очевидна, что многимъ она колетъ глаза, а вы называете ее почти неуловимою и т. д.».

Для уясненія противорѣчія, на которое вы наткнулись, я позволю себѣ показать вамъ его въ другой фор-

мѣ, конечно, болѣе для васъ понятной и, вѣроятно вамъ знакомой.

Одинъ изъ генераловъ вашего Ордена, принимая въ своемъ кабинетѣ французскаго посланника герцога де-Бриссакъ, говорилъ ему: «изъ этой комнаты я управляю не только Парижемъ, но Китаемъ, не только Китаемъ, но цѣлымъ міромъ, *и никто не знаетъ какъ это дѣлается* (senza che nessuno sappia come si fa)». Можетъ быть, эти слова покажутся нѣсколько напыщенными и не совсѣмъ умѣстными въ устахъ начальника *маленькаго общества* (hoec minima societas, cette petite société), какъ называетъ себя при случаѣ Іезуитскій Орденъ; но нельзя же вѣчно притворяться, иногда правда беретъ свое, даже надъ Іезуитскимъ генераломъ. Въ этомъ случаѣ онъ говорилъ правду, и «День» одного съ нимъ мнѣнія. Да,—*результаты* орденской дѣятельности въ области видимой, практической, очевидны и колятъ глаза; а *какъ они достигаются*,—этого не знаетъ никто, ибо *орудіе* таинственно, *средства* неуловимы, неосязаемы. Гдѣ жъ противорѣчіе?

Чтобъ окончательно помирить васъ съ этою странностью, я приведу вамъ примѣръ.

Представьте себѣ человѣка, стоящаго въ центрѣ государственнаго управленія, но безъ всякой оффиціальной должности. Онъ находится при государѣ въ самыхъ близкихъ и тѣсныхъ съ нимъ сношеніяхъ, поль-

зуется неограниченною его довѣренностью и сильнымъ на него вліяніемъ. По свойству существующихъ между ними отношеній, все, что́ дѣлаетъ и думаетъ государь, этому человѣку извѣстно; всѣ сферы дѣятельности верховной власти, въ томъ числѣ внутренняя и внѣшняя политика, ему открыты; по всѣмъ предметамъ онъ даетъ указанія, предостереженія и совѣты, вмѣшивается рѣшительно во все, разумѣется черезъ государя, а самъ остается въ сторонѣ и, слѣдовательно, не несетъ никакой отвѣтственности, не только юридической, но дажа нравственной, передъ землею, которой судьба нерѣдко отъ него зависитъ. Никто не видитъ его, никто не слышитъ его голоса, подписи его нѣтъ нигдѣ; когда къ нему обращаются за совѣтами или съ просьбами, онъ систематически уклоняется, повторяя всѣмъ и каждому, что онъ ни во что не вмѣшивается и ни въ чемъ не причастенъ. Подчиненныхъ и начальниковъ у него нѣтъ, то есть нѣтъ въ той землѣ, въ которой онъ живетъ, а есть у него начальникъ въ другомъ государствѣ, далеко, въ Римѣ, съ которымъ онъ переписывается и перемигивается. О чемъ? — неизвѣстно. Словомъ, онъ не управляетъ, а *направляетъ* и *вдохновляетъ*. Таково положеніе духовника-Іезуита при вѣнчанной особѣ. Ему дана спеціальная инструкція, составленная генераломъ Ордена Аквавивою и одобренная шестою генеральною конгрегаціею Ордена. Смыслъ ея можетъ быть выраженъ въ двухъ словахъ: забирать какъ можно больше власти и не подавать въ томъ вида,

вмѣшиваться во все и никогда ни въ чемъ не выступать открыто, своимъ лицомъ.

Вы любите указывать на уставъ Ордена, позвольте же и мнѣ на него сослаться:

«Духовникъ долженъ постоянно заботиться о снисканіи и поддержаніи благоволенія и благосклонности государя не къ своей личности, а къ обществу, т. е. къ Іезуитамъ и въ случаѣ встрѣчаемаго сомнѣнія, испрашивать совѣтовъ у своего начальства».

«Онъ обязанъ говорить съ государемъ не только о томъ, что̀ узнаетъ отъ него, какъ отъ духовнаго своего сына, но и обо всемъ, что̀ слышитъ на сторонѣ и что требуетъ врачеванія, для пресѣченія насилій и уменьшенія соблазновъ, часто допускаемыхъ, въ противность намѣреніямъ и волѣ государя, виною его министровъ, хотя вина, равно какъ и обязаность предупрежденія всего этого, ложится на отвѣтственность самаго государя».

«Хотя бы духовникъ пользовался значительнымъ авторитетомъ у своего государя, и хотя бы черезъ него онъ могъ употребить въ дѣло нѣкоторый свой авторитетъ, однако онъ отнюдь не долженъ принимать на себя передачи министрамъ ни словесно, ни письменно, какихъ либо совѣтовъ или указаній по дѣламъ государя».

«Все должно дѣлаться съ глазу на глазъ, между духовникомъ и его духовнымъ сыномъ; но если дѣло дойдетъ до предмета, касающагося благочестія, и при-

томъ предмета, по мнѣнію орденскаго начальства, существенно необходимаго, то духовникъ обязанъ озаботиться, чтобъ государь лично объ немъ написалъ или приказалъ».

«Духовникъ обязанъ въ особенности остерегаться, чтобъ не стали употреблять его для передачи министрамъ и придворнымъ замѣчаній и выговоровъ отъ имени государя; отъ подобныхъ порученій онъ долженъ рѣшительно отказываться».

«Но болѣе всего обязанъ онъ заботиться о томъ, чтобы какъ нибудь не разнесся слухъ, будто бы онъ имѣетъ на государя сильное вліяніе и управляетъ имъ. Такая молва, сама по себѣ, возбудила бы всеобщую ненависть и негодованіе, не принесла бы чести государю и, наконецъ, сверхъ того, нанесла бы обществу неисчислимый вредъ».

«Поэтому, хотя бы онъ дѣйствительно могъ кое-что сдѣлать, онъ долженъ всячески стараться, чтобъ этого никто не предполагалъ и умѣрять свою власть указанными выше способами»[29]).

Вотъ теорія, а сложившуюся по ней практику можетъ видѣть всякій напр. въ исторіи послѣднихъ годовъ царствованія Людовика XIV, или, точнѣе, благочестивыхъ отцевъ Лашеза и Анна.

---

[29]) Les Constit. des Jes. Paris. Paulin 1843 Appendice, Note A. A.

Такого идеальнаго духовника, какого очертилъ Аквавива въ приведенныхъ строкахъ, я называю силою дѣйствительною и, въ тоже время, неуловимою: это, въ точномъ смыслѣ слова, государственная пружина, которой дѣйствіе повсемѣстно ощущается, но которой нельзя ощупать.

Понимаете ли вы теперь что̀ сказалъ «День»?

Вы увѣряете, что вся ваша дѣятельность на виду, что Орденъ вашъ нисколько не походитъ на тайное общество и что Уставъ вашъ доступенъ всѣмъ. Такъ ли это? Что есть въ вашей дѣятельности сторона явная, открытая ad usum публики, въ этомъ никто не сомнѣвается; но чтобъ этою стороною ограничивалась вся дѣятельность Ордена, этого вы никогда не докажете, не передѣлавъ сперва всей вашей исторіи и не вычеркнувъ сотенъ свидѣтельствъ изъ вашихъ же писателей.

Взглянемъ хоть на Уставъ, или говоря точнѣе, на то, что̀ самими Іезуитами опубликовано *изъ ихъ Устава.* Самъ по себѣ, и независимо отъ поясняющей его практики, онъ вполнѣ оправдываетъ почти всеобщее чувство инстинктивнаго подозрѣнія, возбужденное Іезуитами при первомъ ихъ появленіи. Всякаго, на первыхъ же порахъ, не можетъ не поразить, съ одной стороны —крайняя сложность общественной организаціи, а съ другой—крайняя простота *заявляемыхъ* цѣлей и средствъ. Одно другому противорѣчить такъ рѣзко, что невольно зараждается сомнѣніе: нѣтъ ли еще другихъ намѣреній, о которыхъ, изъ предосторожности, умалчи-

вается въ программахъ, предназначаемыхъ для публики? Вы видите предъ собою какой-то мудреный, загадочный снарядъ, съ безчисленнымъ множествомъ замаскированныхъ пружинъ, потаенныхъ ящиковъ и, повидимому, совершенно праздныхъ колесъ; а приставленный къ нему механикъ добродушно увѣряетъ васъ, что единственное назначенiе этого снаряда — черпать воду изъ колодца или подметать пыль на улицахъ. Повѣрить этому трудно. Назначенiе Iезуитскаго общества — духовное подвижничество, обученiе и проповѣдь. Къ чему же было окружать себя тайною и такъ долго держать въ секретѣ вашъ Уставъ? Что значитъ это множество разрядовъ или степеней, на которые распадается общество [30])? Отчего число допускаемыхъ въ высшiй разрядъ, то есть полноправныхъ членовъ, имѣющихъ голосъ въ дѣлахъ общества, такъ ограничено (*alicui* admittuntur [31]), если, какъ вы увѣряете, общество не боится свѣта и не нуждается въ тайнѣ? На что было въ

---

[30]) Высшiй, первый классъ составляютъ такъ называемые *профессы* (professi). Они дѣлятся на два разряда, произнесшихъ три обѣта (воздержанiя, нищенства и послушанiя) и произнесшихъ, сверхъ того, спецiальный обѣтъ послушанiя папѣ, по дѣламъ миссiй; второй классъ составляютъ *коадъюторы*, распадающiеся на мiрянъ и духовныхъ (*iереевъ*); третiй классъ — *аппробованные ученики* (scholastici approbati); четвертый классъ — всѣ, еще не распредѣленные по разрядамъ, выжидающiе (indifferentes). Prim. ac. gener. Exam. C. I. §§ 7,8, 9, 10, 11, C. VI. § 1.

[31]) Exam. Gener. C. I. § 8.

Уставѣ, говоря объ *обществѣ*, придавать этому слову *четыре различныхъ смысла:* широкій, тѣсный, тѣснѣйшій и самый тѣсный? [32]) Какая надобность обществу, намѣревающемуся дѣйствовать открыто, растягиваться и сжиматься по усмотрѣнію, на подобіе змѣи, ускользать отъ всякаго точнаго опредѣленія и черезъ это дѣлаться неуловимымъ? Вѣдь это почти тоже, что расписываться четырьмя различными фамиліями или, отправляясь на промыселъ, запасаться, про всякій случай, четырьмя паспортами. Гдѣ граница вашего общества, гдѣ начинается оно и гдѣ кончается? Кто *дѣйствительно* членъ вашего общества, кто у васъ считается состоящимъ *въ* обществѣ, кто *при* обществѣ, кто *внѣ* его? Къ чему это множество разнохарактерныхъ обѣтовъ, которымъ присвоены названія не только не выражающія ихъ смысла, но какъ будто нарочно придуманныя, чтобъ замаскировать его, какъ напримѣръ: обѣты *публичные* (vota publica), имѣющіе всѣ признаки и свойства торжественности и, въ тоже время, по какому-то подразумѣваемому условію, считающіеся *не торжественными* (non solemnia), или еще, эти такъ называемые *простые* обѣты (vota simplicia), произносимые съ вѣдома и разрѣшенія общества, по его распоряженію облекаемые въ форму письменныхъ обязательствъ, хранимые обществомъ въ копіяхъ, повторяемые по нѣскольку разъ по требованію

---

[32]) Constit. Pars. V. D § 1. Declar.

общества и, въ тоже время, слывущіе *непринятыми* обществомъ (non acceptata, non admissa) и потому для него, нисколько не обязательными [33])? Что за двусмысленное положеніе испытуемыхъ (novitii), допущенныхъ къ произнесенію обѣтовъ, и такъ называемыхъ учениковъ (scholastici), отдавшихся обществу безусловно, навсегда, обязанныхъ, по Уставу, считать себя принадлежащими къ обществу и, въ тоже время самимъ обществомъ не признаваемыхъ за своихъ членовъ [34])? Къ чему вамъ эти такъ называемые *своекоштные* или *короткополые* Іезуиты (Jésuites externes ou à robe courte), эти дѣйствительные, но гласно непризнанные члены вашего общества, скрывающіе отъ людей свое значеніе, эти потаенныя орудія Ордена, встрѣчающіяся на каждой страницѣ его исторіи, хотя, по Уставу, можно только догадываться о ихъ существованіи [35])? Наконецъ, что за странное право исключать изъ общества кого вздумается, безъ суда и слѣдствія, тайно (occulte dimitti possunt), безъ объясненія причинъ, даже не за какое либо преступленіе, а просто по усмотрѣнію начальства, и еще болѣе странное

---

[33]) Exam. gen. C 1. §§ 8, 9, 10, C. IV. § 16. C. VI § 8. Constit. Pars. V. C. VI. Declar. ad §§ 1, 2, § 5 et Declar.

[34]) Exam gen. C. I. declar. ad. § 12. C. IV § 17. C. VII § 7. Constit. Pars. I. C. IV. C. IV. declar. ad. § 5. Pars V. C. I. § 1. C. IV. declar. ad § 2, § 6. Append. Note R. p. 482.

[35]) Constit. des Jés. Appendice. Notes Lit. U.

право; во всякое время *требовать* назадъ исключеннаго и брать его опять въ общество (qui *reducti* redeunt[36]).

Уставъ не только не даетъ на эти вопросы ясныхъ отвѣтовъ, а напротивъ, какъ будто преднамѣренно, затрудняетъ ихъ разрѣшеніе. Расположеніе и редакція комбинированы такъ искусно, что на какомъ бы заключеніи вы ни остановились и сколько бы статей вы ни подобрали въ пользу того или другаго толкованія, а найдется непремѣнно какая нибудь статья или декларація, на основаніи которой вамъ возразятъ и опровергнутъ васъ. Выяснить что̀ бы то ни было окончательно и разъ навсегда, нѣтъ никакой возможности. Какъ хотите, все это подозрительно; во всемъ проглядываетъ одно намѣреніе: оставить за собою возможность отпереться, ускользнуть, уклониться отъ всякой отвѣтственности. А вы еще спрашиваете: «развѣ мы составляемъ какое либо тайное общество?» — Судя по вашему уставу — да, въ полномъ значеніи слова. Риперъ-де-Монкларъ долго ломалъ себѣ надъ нимъ голову и, наконецъ, пришелъ къ такому заключенію: «Я не стану биться надъ разгадкою загадокъ, преднамѣренно запутанныхъ, но ограничусь однимъ замѣчаніемъ: не слишкомъ ли много таинственности въ Орденѣ, котораго двухтомный уставъ оставляетъ въ умѣ

---

[36]) Constit. Pars II. C. I. § 1 et declar. C. II. § 2. declar. C. IY § 5. et declar. Appen. Notes G. I. U.

читателя, взявшаго на себя трудъ прочесть его, и обдумать, столько темнаго въ самыхъ существенныхъ своихъ статьяхъ?» Новѣйшій историкъ Ордена, писавшій подъ диктовку Іезуитовъ, Кретино-Жоли, разсуждая объ уставѣ, говоритъ: «нѣтъ ничего таинственнаго въ Іезуитскомъ Орденѣ, ибо нѣтъ преступнаго», а черезъ нѣсколько строкъ, онъ же, забывшись, въ защиту того же устава, уподобляетъ его уставамъ франъ-масоновъ и другихъ тайныхъ обществъ [37]). Въ общемъ смыслѣ, Кретино-Жоли совершенно правъ: гдѣ нѣтъ ничего зазорнаго, тамъ неумѣстна таинственность; но и на оборотъ: гдѣ замѣчается желаніе окружить себя тайною, тамъ естественно рождается подозрѣніе въ чистотѣ замысловъ.

Вы говорите, что вашъ уставъ всѣмъ доступенъ; но позвольте спросить: давно ли это такъ и всегда ли *ваши* такъ любили свѣтъ и гласность? Вотъ, между прочимъ, что̀ мы читаемъ въ обнародованномъ уставѣ:

«Никто да не дерзаетъ, безъ одобренія начальника, передавать стороннимъ то, что̀ дѣлается или что̀ предположено дѣлать до̀ма; равномѣрно, безъ особаго, положительно выраженнаго, разрѣшенія начальника, сообщать стороннимъ *устава*, ни иныхъ такого-же рода книгъ или рукописей, содержащихъ въ себѣ учрежденіе или привиллегіи общества.

---

[37]) Hist. de la Comp. de Jésus. T. I. chap. I.

«Безъ разрѣшенія генерала, сокращенный сборникъ (compendium) привиллегій какъ большой, такъ и малый не долженъ быть издаваемъ печатно; экземпляры этого сборника, хранящіеся во всѣхъ домахъ и коллегіяхъ Ордена, преимущественно для употребленія начальствующихъ и совѣтниковъ (consultorum), не иначе могутъ быть сообщаемы нашимъ (т. е. другимъ членамъ общества), какъ съ разрѣшенія провинціала и подъ условіемъ отнюдь не выносить ихъ оттуда въ другія мѣста и не показывать стороннимъ (externis)».

«Испытуемымъ (novitii), до произнесенія ими обѣтовъ, не давать для прочтенія всего устава, въ полномъ его составѣ, но давать имъ извлеченія изъ него, въ которыхъ всякій бы могъ вычитать свои обязанности, развѣ бы начальникъ, по какимъ либо особеннымъ причинамъ, призналъ за нужное кому либо сообщить уставъ въ полномъ объемѣ».

Чтобъ дать возможность всякому узнать свои обязанности, не посвящая его во всѣ тайны общества, составлены были особые сборники или правила (regulae), въ первый разъ изданные, кажется, врагами Іезуитовъ. Затѣмъ, въ 1557 году, когда уже оказалось невозможнымъ держать все въ тайнѣ, изданъ былъ въ Прагѣ, по распоряженію самаго Ордена, такъ называемый полный уставъ его, подъ названіемъ Учрежденія (Institutum) Общества Іисусова. Въ предисловіи значится, «что къ общему и краткому уставу (con-

stitutiones universales et breviores), представляющему особенныя удобства, для руководства *нашихъ* и *для показа*, когда понадобится, стороннимъ, прилагаются равносильныя ему, по своей обязательности, декларацiи (т. е. дополненiя, развитiя и, очень часто, прямыя противорѣчiя), преимущественно для наставленiя начальствующихъ; *вовсе не входятъ въ это изданiе всѣ временныя и мѣстныя инструкцiи и правила* (ordinationes, regulae), которыя также признаются необходимыми» [38]).

Изъ этого видно, во первыхъ, что такъ называемый вами *уставъ* Iезуитскаго общества, не есть какой либо одновременно составленный, цѣльный и какъ бы сразу вылитый кодексъ; это даже не сводъ дѣйствующихъ постановленiй, а сборникъ разновременно изданныхъ законовъ, правилъ, инструкцiй и поясненiй къ нимъ; это *выборъ* изъ матерiаловъ самыхъ разнообразныхъ, безъ притязанiй на полноту. Видно, во вторыхъ, что, по крайней мѣрѣ, часть этихъ законовъ, инструкцiй и привиллегiй долго *составляла тайну*, которая заботливо оберегалась не только отъ стороннихъ, но и отъ большей части членовъ общества, и что тѣмъ и другимъ, а особенно первымъ, въ случаѣ нужды, предъявлялось не все, а кое-что ad usum ихъ подго-

---

[38]) Les Constit. des Jés. Paris. Paulin 1843. Pages IX—XI, 72, etc. Reg. Commun. art. 38 Instit. etc. T. II p. 77. Const. Pars. 1. Cap. IV § 5 decl. Ex. Gen. C. VI. § 1.

товленное. Кто жь намъ поручится, что теперь общество дѣйствительно разоблачило передъ публикою всѣ безъ исключенія свои тайны и не имѣетъ уже ничего для нея закрытаго? Организація общества, его цѣли, духъ и направленіе ни въ чемъ существенно не измѣнились; по крайней мѣрѣ, оно этимъ хвастается; въ прежнія времена тайна была ему нужна; вѣроятно ли, чтобъ оно обходилось безъ нея теперь?

Вы упоминаете съ ироніею объ изданіи, извѣстномъ подъ названіемъ Monita secreta или privata (секретныя наставленія) и ставите его на одну доску съ романами Евгенія Сю. Я знаю, что *ваши* называютъ эти наставленія подлогомъ, и вы, повидимому, считаете вопросъ рѣшеннымъ окончательно. Но на какомъ же основаніи? Вотъ что отвѣчаетъ на это одинъ изъ защитниковъ вашего Ордена: «Доказано, что Monita, изданныя въ Краковѣ, въ 1615 году, произведеніе негодяя, двадцать разъ уличеннаго въ подлогѣ и осужденнаго за это. Петръ Тилецкій (Pierre Tyliecky), епископъ Краковскій, нарядилъ для изслѣдованія содержанія Monita secreta и ихъ происхожденія судебное слѣдствіе; 14 Іюля 1615, книга эта была признана за поддѣлку и осуждена; 14 Ноября, Варшавскій нунцій, Францискъ Діоталленіусъ подтвердилъ этотъ приговоръ. Въ 1616 году, Андрей Липскій (Lipski), администраторъ Краковскій, заступившій мѣсто Тилецкаго, повторилъ приговоръ послѣдняго. Передъ этимъ, Римская Конгрегація (de l'Index) осудила Monita

secreta и въ 1621 году внесла ихъ въ списокъ запрещенныхъ книгъ. Въ 1616 году, графъ Иванъ Остророгъ, Познанскій пфальцграфъ, заклеймилъ ихъ въ письмѣ къ своимъ дѣтямъ (какое доказательство!), напечатанномъ въ Нейсѣ, въ Шлезіи; почти единовременно, въ 1618 году, Іезуитъ отецъ Петръ Гретцеръ издалъ опровержение ихъ, напечатанное cum privilegio»[39]). И такъ, авторитетъ двухъ Латинскихъ епископовъ, въ добавокъ еще Поляковъ, папскаго нунція, еще Поляка изъ высшаго шляхества, за тѣмъ: Іезуита и Римской Конгрегаціи, — вотъ и все! Это напоминаетъ ваше доказательство невинности Іезуитовъ отъ собственнаго ихъ молчанія о своихъ грѣхахъ. А что если приговоръ о подложности Monita secreta составленъ былъ съ подразумѣваемою оговоркою, хотя бы въ такой формѣ: «никогда Орденъ такихъ наставленій не издавалъ» — это вслухъ, «для обнародованія» — *это про себя*? Согласитесь, что это не невозможно.

По поводу вашего письма, я въ первый разъ прочелъ Monita secreta или privata и пришелъ къ слѣдующему заключенію. Подобно тому, какъ мы сейчасъ доказали ученіемъ Іезуитовъ возможность преступленій имъ приписываемыхъ, такъ и на оборотъ, можно бы историческою практикою Ордена доказать *внутреннюю правду* секретныхъ наставленій. Затѣмъ, дѣйствительно ли онѣ вышли изъ мастерской Ордена; точ-

---

[39]) Les Jésuites par un solitaire. Paris 1843. p. 254. 255.

по ли это одинъ изъ сборпиковъ тѣхъ необнародованпыхъ инструкцій, о которыхъ упоминается въ предисловіи къ печатному уставу; или это трудъ частнаго лица, положимъ даже негодяя, можетъ быть ученика Іезуитовъ, во всякомъ случаѣ изучившаго въ тонкости всѣ ихъ лазы, ходы, выходы и возсоздавшаго a posteriori ихъ теорію по ихъ дѣйствіямъ — это, во всякомъ случаѣ, дѣло второстепенной важности и потому, чтобъ не усложпять спора, я добровольно отказался отъ всякихъ ссылокъ па Monita privata,оставивъ вопросъ о ихъ подлинности неразрѣшеннымъ.

Къ такому заключенію я пришелъ въ 1865 году; но, съ тѣхъ поръ, мой взглядъ на дѣло измѣнился. Въ прошломъ, 1867 году, мнѣ попались подъ руку совершенно случайно, въ *Іезуитской* рукописи, хранящейся въ Прагѣ, два списка Monita privata. О подробностяхъ этой находки, я сообщаю все нужное въ особомъ приложеніи къ этой книгѣ; тамъ же читатели найдутъ и самый текстъ секретной инструкціи по отысканному мною списку, а теперь ограничусь простымъ и рѣшительнымъ заявленіемъ въ отмѣну первоначальнаго моего заключенія: да, Monita secreta или privata—произведеніе Іезуитовъ *несомнѣнно подлинное*, а всѣ ихъ отреченія, увѣренія и клятвы не болѣе какъ сознательная и дерзкая ложь. Пусть читатели прочтутъ приложепіе и рѣшатъ, въ правѣ ли я это утверждать.

Кажется, я не оставилъ безъ отвѣта ни одного изъ вашихъ аргументовъ. Вы видите сами, что дѣло обо-

шлось одними справками, почти безъ всякихъ возраженій съ моей стороны. Много ли осталось отъ вашихъ рѣшительныхъ заявленій, пусть судятъ читатели. Но идя за вами шагъ за шагомъ, какъ подобало отвѣтчику, уличаемому въ пристрастіи и непростительномъ легкомысліи, я невольно ударился въ частности и могъ бы подвергнуться упреку въ оставленіи безъ вниманія самой сущности вашей аргументаціи. По крайнему моему разумѣнію она заключается въ слѣдующемъ.

Указывая на терпимость, которою пользуется въ настоящее время Іезуитскій Орденъ и на успѣхи его въ просвѣщеннѣйшихъ странахъ Европы, какъ на признаки пріобрѣтаемаго имъ вновь благоволенія западной публики, вы, очевидно, ссылаетесь для очистки своихъ на свидѣтельство общественнаго мнѣнія. Слѣдовательно, вы признаете его какъ авторитетъ. Съ вашей стороны это смѣло.

Въ продолженіи всего XVII и почти до конца XVIII вѣковъ, Іезуиты были подъ судомъ; объ нихъ производился въ Европѣ, въ Индіи и въ Китаѣ своего рода повальный обыскъ, съ тою разницею, что общественное мнѣніе не вызывалось ex officio, какъ это дѣлается при производствѣ уголовныхъ слѣдствій, а прорывалось само собою, словомъ и дѣломъ, часто вопреки всѣмъ усиліямъ сдержать и заглушить его. Извѣстно, что обширное дѣлопроизводство, въ которомъ собраны свидѣтельства королей, папскихъ легатовъ, епископовъ, монашескихъ орденовъ, бѣлаго духовен-

ства, ученыхъ корпорацій, парламентовъ и цѣлыхъ народовъ, окончилось едва ли не безпримѣрнымъ по своему единодушію приговоромъ. Іезуиты были изгнаны отовсюду, и наконецъ, самый Орденъ, въ 1773 году, былъ упраздненъ *на вѣчныя времена* папою Климентомъ XIV.

У кого за спиною такое прошедшее, тому не слѣдовало бы смотрѣть общественному мнѣнію прямо въ глаза и, такъ сказать, дразнить его; казалось бы болѣе приличнымъ для членовъ Ордена держаться позитуры, указанной, не безъ тонкаго разсчета, его основателемъ. Вы помните: нѣсколько опущенную голову, взглядъ изъ подлобья и строгій запретъ поднимать глаза въ уровень съ глазами собесѣдника [40]). Но обстоятельства измѣняются и, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ показаться болѣе выгоднымъ вызвать нападеніе, ухвативъ, какъ говорится, чорта за рога. Да и переходъ отъ притворной скромности къ разсчитанной дерзости не такъ труденъ какъ кажется, особенно когда въ богатомъ арсеналѣ Ордена имѣется издавно припасенное средство, вызвавъ свидѣтельство, тотчасъ же заподозрить его, или даже обратить себѣ въ пользу самый неблагопріятный отзывъ. Вотъ въ чемъ заключается это средство, едва ли не въ первый разъ употребленное въ дѣло сочинителями диѳирамба извѣстнаго подъ названіемъ Imago primi soeculi, потомъ

---

[40]) Histoire de Jésuites par l'abbée Guettée. T. 1. p. 41.

служившее всѣмъ адвокатамъ Ордена до отца Равиньяна включительно, наконецъ и вами незабытое; я напередъ зналъ, что безъ него не обойдется.

Іезуитовъ жалуютъ и ласкаютъ—слѣдовательно, они этого стоятъ.

Іезуитовъ проклинаютъ и гонятъ—слѣдовательно, какъ истинные слуги Христовы, они идутъ по стопамъ Апостоловъ.

Какъ въ самомъ дѣлѣ, не ссылаться на повальный обыскъ, зная напередъ, что каковъ бы ни былъ отвѣтъ опрошенныхъ, и одобреніе, и порицаніе послужатъ одинаково къ оправданію подсудимаго и обратятся ему въ славу! На эту старую, истасканную и избитую тему, вы разыграли слѣдующую варіацію: «Какъ будто гоненіе не есть насущный хлѣбъ истинной церкви и залогъ ея могущества? Какъ будто она не взросла среди кровавыхъ преслѣдованій и не полагаетъ всю свою славу, все блаженство въ Крестѣ, страданіяхъ и мученической смерти? Развѣ міръ не гналъ Апостоловъ, какъ отребье человѣческаго міра? И развѣ ученики могутъ быть выше своего Божественнаго Учителя?» и т. д. А въ другомъ мѣстѣ: «Понятна та слѣпая ненависть, которую питаютъ къ намъ враги католической церкви, причина тѣхъ гоненій, которымъ наше общество всегда подвергалось и будетъ подвергаться, пока останется вѣрнымъ своему высокому призванію. Не даромъ оно носитъ пресвятое имя Іисуса».

Не знаю, удастся ли мнѣ разъяснить вамъ то чувство, которое я испыталъ при чтеніи этихъ строкъ; думаю однако, что его пойметъ всякій православный, даже всякій уважающій Христіанство, хотя бы только какъ историческое явленіе. Но прежде всего позвольте мнѣ повторить, что выписанныя мною слова ваши идутъ не отъ васъ; они вамъ были продиктованы и навязаны всею литературою вашего Ордена: пускай же онъ, а не вы, отвѣчаетъ за нихъ.

Ни въ одной церкви, ни въ одномъ вѣроисповѣданіи, ни священническая ряса, ни монашескій клобукъ не застраховываютъ отъ нравственнаго паденія [41]). Совѣсть человѣка, спеціально посвятившаго себя на службу Божію, можетъ заразиться какъ и всякая другая; но поврежденіе ея часто сопровождается особеннымъ явленіемъ, на которое не разъ указывали Отцы Церкви

---

[41]) Если вѣрить картинѣ перваго вѣка (Imago primi soeculi), то Іезуиты, въ этомъ отношеніи, составляютъ изъятіе. Имъ повѣдано, какъ мы видѣли, что *каждый* членъ Ордена, пробывшій въ немъ до конца своей жизни, непремѣнно попадетъ въ рай и что самъ Іисусъ Христосъ выходитъ къ нему на встрѣчу и принимаетъ его. Такова *особенная привиллегія*, данная Іезуитамъ, кажется впрочемъ только на первыя три столѣтія. Это завѣреніе очень важно для характеристики Ордена; но, признаюсь, оно меня не вполнѣ убѣждаетъ. Не знаю даже, всѣ ли Іезуиты принимаютъ его и обязаны ли они этому вѣрить? Можетъ быть, это не болѣе какъ приманка (un allèchement, какъ говорятъ Іезуиты) для привлеченія въ общество довѣрчивыхъ душъ, или просто благочестивая шутка.

въ своихъ проповѣдяхъ и обличеніяхъ. Я назвалъ бы его *безстрашіемъ въ кощунствѣ*. Почему эта нравственная болѣзнь привязывается преимущественно къ клиру, не трудно себѣ объяснить. Мы ежедневно видимъ, что міранинъ, увязнувъ въ порокѣ, до того развлекается своею обстановкою, что, въ полномъ смыслѣ слова, забываетъ про Бога. Жизнь его сама собою такъ устраивается, что ничто не стучится въ его совѣсть, не разшевеливаетъ его сознанія и не зоветъ къ покаянію; но и въ этомъ полномъ забытьи, онъ часто не теряетъ спасительной воспріимчивости для впечатлѣній другаго, духовнаго міра, хотя онъ и стоитъ къ нему спиною и никогда въ него не заглядываетъ. Обстоятельство повидимому случайное: давно забытая молитва, неожиданно поразившая его слухъ, церковный обрядъ, отъ котораго онъ отвыкъ, какое-нибудь Евангельское слово, для него новое, все это можетъ заставить его внутренно содрогнуться и прохватить насквозь его сонную душу. Для духовнаго—нѣтъ середины. Если ежедневное обращеніе съ святынею не облагороживаетъ и не просвѣтляетъ его души, то оно обращается ей въ пагубу. Погрязая въ неправдѣ, онъ туда же втягиваетъ за собою эту сподручную ему святыню и оскверняетъ ее, въ собственныхъ своихъ глазахъ, своимъ фамильарнымъ обращеніемъ съ нею. Она остается при немъ какъ внѣшняя обстановка его жизни, какъ неразлучная его спутница, примѣшивается ко всѣмъ его помысламъ, присутствуетъ при всѣхъ

дѣлахъ его. Оттого совѣсть его такъ скоро тупѣетъ именно для тѣхъ впечатлѣній, которыя должны бы были оживлять ее; пропадаетъ ощущеніе трепета передъ Божественнымъ и, наконецъ, теряется даже способность почувствовать въ себѣ все возмутительное безобразіе этого незаконнаго сожительства въ одной душѣ торжествующаго порока и осрамленной святыни. Всмотритесь въ него поближе: имя Іисусово онъ не только пріемлетъ всуе, но играетъ или промышляетъ имъ, рядитъ въ него внутреннее свое безобразіе. Ангелы, Апостолы, святые и мученики — это для него свои люди, своя компанія, къ которой онъ давно пригля-дѣлся и съ которою пересталъ чиниться. Вздумается ли ему написать пасквильный доносъ, онъ пересыплетъ его текстами изъ Писанія; понадобится ли оклеветать кого нибудь, онъ сдѣлаетъ это во имя любви къ ближнему или для большей славы Божіей; рѣшится ли солгать, онъ приложится сперва къ Кресту и положитъ руку на Святое Евангеліе; наконецъ, когда переполнится мѣра его беззаконій и негодующая толпа, разглядѣвъ его насквозь, отступится отъ него, какъ отъ зачумленнаго, чего добраго — онъ еще пожалуй вздохнетъ изъ глубины души, подниметъ къ небу смиренные взоры и самъ себя причтетъ къ святому лику страдальцевъ за вѣру.

Печальныя явленія этого рода обнаруживаются какъ въ отдѣльныхъ личностяхъ, такъ и въ цѣлыхъ обществахъ, разумѣется въ той мѣрѣ, въ какой собира-

тельная личность способна проникнуться однимъ духомъ и потому можетъ быть судима какъ одно живое лице. Но безстрашіемъ въ кощунствѣ Іезуиты превзошли всѣхъ. За ними остается пальма первенства. Никто, въ этомъ отношеніи, не произвелъ такого соблазна, какъ они; никто не погубилъ стольких честныхъ душъ примѣромъ своимъ, наведя ихъ на несчастную мысль, будто бы въ самомъ существѣ вѣры есть непремѣнно какая-то примѣсь притворства или сознательной неискренности. Оттого, даже теперь, когда сила іезуитизма сокрушена навсегда, когда сами Іезуиты, умудренные опытомъ, стараются настроить свою рѣчь на новый ладъ, ихъ апологіи и полемическія сочиненія возбуждаютъ непріятное ощущеніе какой-то нравственной тошноты, которое съ трудомъ преодолѣвается читателемъ.

Замѣчательно, что однородное ощущеніе Іезуиты возбудили почти повсемѣстно, какъ только они появились. Такъ напримѣръ, оно выразилось очень сильно въ негодованіи, съ которымъ епископъ Парижскій Дюбелле и тамошній богословскій факультетъ, въ 1554 году, протестовали противъ притязанія новооснованнаго Ордена на имя Іисусово [42]).

---

[42]) Вотъ подлинныя слова «Nom arrogant pour eux, titre inusité, voulant attribuer à eux seuls ce qui convient à l'Eglise Catholique et Universelle... et semble qu'ils se veulent dire seuls faire et constituer l'Eglise» Hist. des Jés. par l'abbé Guettée. T. I. p. 84—87.

Было ли это простое чувство приличія, или чуткое религіозное сознаніе, опознавшее внутреннюю ложь по ея формѣ?—трудно рѣшить. Какъ бы то ни было, извѣстно, что во Франціи Іезуиты долго не смѣли называть себя оффиціально своимъ именемъ; но впослѣдствіи вся Европа и сама Франція къ нему прислушались.

Основатель вашего Ордена называлъ Божію Матерь своею дамою, себя ея рыцаремъ, изъ-за нея вызывалъ на дуэль какого то Мавра, и увѣрялъ своихъ учениковъ, что Богъ Отецъ взялъ его въ товарищи къ Іисусу Христу; это дало тонъ всему Ордену, и вы, по примѣру старшихъ, приравниваете теперь Іезуитовъ къ Апостоламъ первыхъ вѣковъ. Но Игнатію Лойолѣ, судя по разсказамъ его біографовъ, можетъ, до нѣкоторой степени, послужить извиненіемъ искренность его помѣшательства. Воображеніе его помутилось на единовременномъ чтеніи рыцарскихъ романовъ и житій святыхъ; одно съ другимъ перепуталось, и подъ вліяніемъ этой комбинаціи, Испанскій дворянинъ преобразился въ какой-то небывалый, оригинальный типъ полу-Донкихота, полу-юродиваго. Но неужели это образецъ для всѣхъ, и чѣмъ оправдаются послѣдователи, въ которыхъ здравый разсудокъ остался нетронутымъ?

Если бъ мнѣ, стороннему человѣку, пришлось подбирать къ Іезуитамъ историческія аналогіи, я назвалъ бы ихъ Преторіанцами или Янычарами папизма, усердными противъ внѣшнихъ враговъ его и, въ тоже время, крайне безпокойными дома и далеко не безопасными

для своего владыки. Вамъ это сравненіе вѣроятно не понравится; но, скажите на милость, въ чемъ же вы нашли сходство съ Апостолами? Вспомните, кто были они, и оглянитесь на себя.

Вы вышли на проповѣдь во всеоружіи небывалыхъ привиллегій, обезпечивавшихъ за вами полнѣйшую безнаказанность и независимость отъ всякихъ властей духовныхъ и свѣтскихъ; всесильное покровительство папъ и ихъ рекомендательныя письма открыли вамъ доступъ къ владыкамъ міра сего и, на первыхъ же порахъ, вы размѣстились по всѣмъ Европейскимъ дворамъ. Впослѣдствіи, вы заняли такое же положеніе въ Японіи, Абиссиніи и Китаѣ [43]). Дворъ и средоточіе правительства вездѣ служили вамъ операціоннымъ базисомъ,— вы же любите сравненія изъ военнаго быта. Самъ Игнатій Лойола крѣпко на крѣпко внушилъ своей дружинѣ снискивать благосклонность царей и вельможъ, разумѣется, *чтобъ угодить Богу*; тоже наставленіе повторялось его преемниками тысячу разъ, въ разныхъ формахъ, и, надобно сознаться, ученики, въ этомъ отношеніи, исполнили въ точности завѣтъ своего учителя. Мы уже видѣли, что они сами это заявляли и что успѣхи ихъ на этомъ поприщѣ издавна составляли лю-

---

[43]) Чтобъ стать поближе ко двору, іезуитскіе миссіонеры ни чѣмъ не пренебрегали, даже составленіемъ языческихъ календарей и завѣдываніемъ королевскими псарнями. Hist. des Jés. par l'abbé Guettée. T. II. p. 87, 151, 152.

бимую тему обычнаго ихъ самовосхваленія. Вспомнимъ Imago primi soeculi и примѣненный къ Ордену текстъ Исаіи: Цари тебя вскормятъ, Царицы вспоятъ и т. д. Теперь Іезуиты стали скромнѣе; по все же, по старой привычкѣ, вѣрные добрымъ преданіямъ своего общества, и вы, въ письмѣ вашемъ къ редактору «Дня», не упустили заявить, что ваши проповѣдники умѣютъ привлекать къ себѣ *избранныхъ слушателей*, что въ вашемъ обществѣ встрѣчаются *люди лучшихъ фамилій*, и что въ числѣ вашихъ соотечественниковъ, вступившихъ въ Орденъ, есть имена, *которыми гордится Русское дворянство* [44]. Спорить противъ этого я не буду. Охотно вѣрю, что вы имѣли бы право украсить вашу вывѣску всевозможными гербами и написать на ней крупными буквами: поставщики благочестія на коронованныхъ особъ и высшее дворянство. Все это прекрасно; но такая практика взыскательна, и постоянное угожденіе ей обходится не безъ пожертвованій. Постарайтесь припомнить, не приходилось ли вамъ, чтобъ не лишиться ея, поддѣлывать ввѣренный вамъ товаръ по ея вкусу, разводить и смягчать то, что̀ казалось ей крутымъ, обрѣзывать и облег-

---

[44]) Въ старину ваши говорили тоже, но гораздо игривѣе и граціознѣе: «Comme les roses et les narcisses s'ouvrent au soleil, ainsi, à l'arrivée du père Cabral, la fleur de la Noblesse Japonaise ouvrit son coeur à l'Evangile». Tableau raccourci de se qui s'est fait par la compagnie de Jésus durant son premier siècle etc. etc. Tournay. 1642. p. 259.

чать, что̀ казалось тяжелымъ; наконецъ, не случалось ли вамъ, для поддержанія вашихъ лестныхъ связей съ большимъ свѣтомъ, отворачиваться отъ униженныхъ и отверженныхъ, напримѣръ хоть въ Индіи, когда, прохаживаясь рука объ руку съ нарядными браминами, вы встрѣчали на пути своемъ одѣтыхъ въ лохмотья Паріевъ? [45])

Сколько мнѣ извѣстно, Христовы Апостолы не имѣли такихъ успѣховъ, да и не искали ихъ; за то они не гнушались ни мытарей, ни самарянъ. Одинъ изъ Апостоловъ замѣчалъ даже, что между призванными не много было премудрыхъ по плоти, не много сильныхъ, не

---

[45]) Еще разъ сошлюсь на свидѣтельство Іезуита. Вотъ что писалъ въ 1587 года Клавдій Аквавива, орденскій генералъ, въ посланіи ко всѣмъ начальствующимъ: «Привязанность къ міру и къ придворной средѣ (soecularitas et aulicismus), побуждающая втираться въ домашній бытъ и заискивать благоволенія *внѣшнихъ*, составляетъ одинъ изъ опасныхъ недуговъ нашего общества; опасность эта обнаруживается какъ во внутренней его жизни, такъ и въ его отношеніяхъ къ внѣшнимъ. Почти безъ вѣдома нашего, это зло, мало по малу, проникаетъ подъ *благовиднымъ предлогомъ задабриванія государей, прелатовъ и людей знатныхъ и пріобрѣтенія ихъ благоволенія къ обществу на служеніе Богу и ближнимъ;* на самомъ же дѣлѣ, мы ищемъ нашей пользы, и вотъ что склоняетъ насъ къ уступчивости мірскому образу мыслей» (Hist. Jés. par l'abbée Guettée, I. p. 471). Если такъ было въ концѣ XVI вѣка, что жь послѣ, напримѣръ при Людовикахъ XIII и XIV, при Сигизмундѣ Польскомъ и т. д.? Надобно прибавить, что подобные голоса рѣдко раздавались въ обществѣ и, разумѣется, терялись безслѣдно.

много благородныхъ, то есть именно такихъ, какихъ выискиваютъ Іезуиты, и что, напротивъ, Богъ избиралъ безумныхъ, немощныхъ, худородныхъ міра и униженныхъ для посрамленія премудрыхъ, крѣпкихъ и значущихъ (Посл. къ Коринѳ. I. Гл. I. ст. 26 — 28). Другой Апостолъ спрашивалъ, не бѣдныхъ ли міра избралъ Богъ быть богатыми вѣрою и наслѣдниками царствія? (Соб. Іакова Гл. II. ст. 5). «Нѣтъ — отвѣтили бы Іезуиты — сперва сильныхъ и богатыхъ міра сего, а бѣдные и униженные пусть тянутся за ними. Таковъ у насъ порядокъ».

Іезуиты, это *маленькое нищенствующее общество*, въ короткое время удивило весь міръ громадностью своихъ пріобрѣтеній и своимъ мастерствомъ въ стяжаніи, разумѣется, не на себя—сохрани Богъ!—не на личную пользу членовъ общества, даже не на пользу всего общества, а на *свои коллегіи*. Это значитъ, что, приспособивъ къ своему обиходу Христову заповѣдь, они лѣвою рукою открывали лавки, снаряжали суда, учреждали банки, продавали и покупали, подбирались къ крупнымъ наслѣдствамъ и со всѣхъ сторонъ загребали капиталы [46]), въ то время

---

[46]) Когда Іезуиты называютъ себя не солнцемъ, не луною и не питомцами царей и царицъ, а маленькимъ, скромнымъ, едва примѣтнымъ обществомъ, они увѣряютъ добрыхъ людей въ строгой обязательности произносимаго имъ обѣта нищенства и доказываютъ это самыми рѣшительными статьями изъ своего устава. Какъ-же удалось имъ согласить эти статьи съ ихъ огромными

какъ правая рука, отзываясь полнымъ невѣдѣніемъ о подвигахъ лѣвой, твердымъ почеркомъ, безъ всякаго дрожанія, подписывала обѣтъ нищенства [47]).

Апостоламъ далеко было до такого искусства.

Іезуиты, какъ люди практическіе, мало надѣялись на могущество безхитростной проповѣди и не слишкомъ довѣряли Божьей силѣ, заключенной въ словѣ крестномъ. (Кор. 1. Гл. 1 ст. 18). Они любили дѣйствовать навѣрняка, и разсчитывали свой успѣхъ, въ христіанскихъ обществахъ, на ловкомъ приспособленіи строгихъ требованій нравственнаго закона къ понятіямъ, предубѣжденіямъ и привычкамъ, съ которыми не надѣялись совладать, а въ Китаѣ, Японіи, Индіи и Африкѣ, на сочетаніи христіанскихъ обрядовъ съ языческими суевѣріями; они предлагали средства оправдаться, не перерождаясь внутренно, и сдѣлаться христіаниномъ, не переставая быть язычникомъ. Правда, что для этого нельзя было не расширить узкихъ вратъ ко спасенію, и что въ крайности, во избѣжаніе соблазна, приходи-

---

пріобрѣтеніями и съ ихъ богатствомъ? Читатели, которыхъ заинтересовалъ бы этотъ вопросъ, найдутъ, въ видѣ приложенія, въ концѣ этой книги подробное объясненіе, какъ образчикъ іезуитскихъ пріемовъ.

[47]) Громадныя торговыя операціи Іезуитовъ въ Японіи, Индіи и другихъ земляхъ доказаны множествомъ свидѣтельствъ *исключительно латинскихъ*, какъ-то: донесеніями миссіонеровъ другихъ Орденовъ, разныхъ должностныхъ лицъ по колоніальному управленію, отчасти даже признаніями самихъ Іезуитовъ.

лось иногда припрятывать подальше распятаго Бога, принявшаго зракъ раба [48]).

Но вѣдь не однимъ же Браминамъ и Бонзамъ, а и тѣмъ язычникамъ, которымъ проповѣдывали Христовы ученики, слово о крестѣ казалось соблазномъ и безуміемъ; однако, никому изъ Апостоловъ не приходило на умъ, приспособляясь къ предубѣжденіямъ слушателей, прикрывать отъ нихъ это слово. Они не говорили, какъ другіе, намъ извѣстные *дѣлатели льстивіи*: «сообразуйтеся вѣку сему», а напротивъ: «преобразуйтеся обновленіемъ ума вашего». Они твердо вѣрили, что Богъ благоизволилъ не чѣмъ либо инымъ, а имен-

---

[48]) Францисканскій миссіонеръ, Людвигъ Сотело, замученный Японцами (1626), не задолго передъ смертью, писалъ къ папѣ, между прочимъ, слѣдующее: „Наслушавшись Іезуитскихъ миссіонеровъ и проповѣдниковъ другихъ Орденовъ, туземцы начинаютъ поднимать насъ на смѣхъ; они упрекаютъ насъ въ томъ, что мы исповѣдуемъ *двухъ* Боговъ, одного богатаго и могущественнаго (это Богъ Іезуитовъ) и другаго бѣднаго и смиреннаго (Бога другихъ проповѣдниковъ); второй, говорятъ туземцы, у перваго въ глубокомъ презрѣніи“. Вотъ другое свидѣтельство; „Когда началось въ Японіи гоненіе на христіанъ, всѣхъ приставравшихъ къ берегу европейцевъ, мѣстныя власти заставляли топтать и оплевывать распятіе, и Іезуиты, по торговымъ своимъ дѣламъ пріѣзжавшіе въ Японію, подчинялись этому требованію, оправдываясь тѣмъ, что они при этомъ обращали мысленно оскорбленіе къ презрѣнному металлу, а не къ изображенному на немъ Богу“. Это свидѣтельство Французскаго главнокомандующаго при Индѣйской компаніи, ревностнаго католика. Въ Китаѣ также умалчивали о Христѣ распятомъ. (Hist, des Jés. par l'abbé Guettée. T. 2, p. 32, 36, 84).

но *буйствомъ* проповѣди спасти вѣрующихъ и оттого знать ничего не хотѣли кромѣ Іисуса Христа, и того распятаго. (Кор. I. Гл. I. ст. 18, 21, 23. Гл, II. ст. 2. Кор. II. Гл. XI. ст. 13. Римл. Гл. XII. ст. 2). Іезуиты, на оборотъ, хотѣли все знать, кромѣ распятаго Бога.

Іезуитскіе миссіонеры (за исключеніемъ очень немногихъ, дѣйствительно предпринимавшихъ обращеніе иновѣрцевъ на свой рискъ и безъ внѣшней поддержки) обыкновенно пристраивались къ военнымъ или дипломатическимъ экспедиціямъ, разумѣется не потому, чтобъ они уклонялись отъ опасности (въ недостаткѣ личной неустрашимости никто ихъ не упрекалъ), а потому, что по ихъ понятіямъ Слово Божіе успѣшнѣе сѣялось и давало лучшіе всходы на поляхъ, предварительно закрѣпленныхъ международными трактатами или обнесенныхъ бойницами. Оттого мы видимъ ихъ почти всегда въ хвостѣ военныхъ отрядовъ, напримѣръ, при опустошеніи Германіи имперскимъ генераломъ Тилли, котораго Іезуиты называли *старымъ добрякомъ* (ce bon vieillard)[49]), а иногда въ авангардѣ португальскихъ и Испанскихъ экспедицій, съ бёрдышами въ рукахъ и насаженными на нихъ распятіями[50]). Но гдѣ не-

---

49) Tableau raccourci de ce qui s'est fait etc. etc. p. 433.

50) Les pères Jean Mesquita et Almeida accompagnèrent l'armée qui s'en allait contre I'Jdoleam et les Maures, le premier portant devant l'avangarde le crucifix attaché à une

льзя было ядрами пробивать путей Слову Божію, тамъ усердные миссіонеры Ордена не пренебрегали и путями дипломатическими. Обыкновенно, они прикомандировывались къ посланникамъ и министрамъ въ качествѣ торговцевъ, врачей, ученыхъ, аптекарей, астрономовъ, только не миссіонеровъ, и, въ этихъ случаяхъ, вмѣсто оружія, забирали съ собою разсортированные выборы всякихъ вещицъ, нужныхъ чтобъ расположить слухъ иновѣрцевъ къ слушанію проповѣди (dona allectiva), напр. математическіе инструменты, клавикорды, игрушки всякаго рода, конфекты и духи [51]).

---

hallebarde. Ibid. p. 161. Самъ Францискъ Ксаверій, безспорно, одна изъ лучшихъ личностей Ордена, апостольствовалъ въ Индіи подъ прикрытіемъ военнаго конвоя, разрушавшаго капища и горячо настаивалъ на учрежденіи инквизиціи противъ новообращенныхъ. Hist. des Jés. par l'abbé Guettée. T. I. p. 91—93.

[51]) Для курьеза, приведу перечень того, что забрала съ собою большая миссія, снаряженная въ Китай: Le pape y envoyait une belle bibliothèque et des dispenses sur la rigueur du droit de l'Eglise; le roi d'Espagne dépécha des patentes pour dresser 15 résidences et pour fournir des rentes pour 300 personnes de notre compagnie. Les sérénissimes princes des Pays-Bas Albert et Isabelle envoyèrent de très belles peintures et de très riches ornements d'Eglise et la reine mère du roi de France de riches tapisseries de Flandre. Le sérénissime Cosme, grand duc de Toscane, donna une horloge d'un artifice incomparable, en forme d'un satyre qui se promenait sur la table. Les présents des archevêques de Cologne et de Trèves étaient dignes de leurs altesses, donnant chacun une riche châsse pleine de sacrés ossements des onze mille vièrges. Les dons des autres

Все это въ замѣнъ жезла и сумы, которыхъ Спаситель не приказывалъ своимъ ученикамъ забирать съ собою въ путь (Лук. IX. 3, X. 4).

Еще разъ, въ чемъ же сходство? Нѣкоторые изъ вашихъ отвѣчаютъ: въ трудахъ, подъятыхъ на проповѣдь иновѣрцамъ и въ успѣхѣ обращенія; вы отвѣчаете—въ вынесенныхъ гоненіяхъ.

Дѣйствительно, труды Іезуитскихъ миссіонеровъ несомнѣнны; они избороздили всѣ моря, исходили всѣ пути и удивили міръ сперва быстротою, а потомъ непрочностью своихъ успѣховъ; но не всякій миссіонерскій трудъ и не всякій успѣхъ находитъ оправданіе передъ Богомъ. Были и въ ветхомъ завѣтѣ люди, во многомъ

---

princes furent des horloges de diverse grandeur et figure... un coffret d'ebène, oeuvre raccourcie de l'art et de la nature, en laquelle il y avait plusieurs layettes pleines de choses diverses et prodigieuses pour leur rareté.. les éléments, des poissons, des oiseaux, des onguents, des fleurs, tout. Il y avait aussi des statues se mouvant par l'entremise de petites roues... des instruments musicaux, des dragées pour le gout, des senteurs pour l'odorat, toutes sortes d'ustensiles pour l'attouchement, et l'âme y avait à quoi s'occuper lorsque les sens extérieurs étaient ravis sur leurs objets etc. Les écrivains, les chirurgiens, les apothicaires, les cuisiniers chinois y auraient là leurs maîtres artistement élabourés et des enseignements muets. Vous y voyez aussi la vie de notre Seigneur exprimée en images et en un petit livret de ses Evangiles. Ce coffret n'avait que trois pieds, etc. etc. Это переносная лавочка *d'allèchements à la piètè*, какъ говорятъ Іезуиты. Tableau racourci etc. p. 424, 425.

похожіе на Іезуитовъ, «проходившіе море и сушу сотворити единаго пришельца», но вспомните, что̀ сказалъ имъ Господь (Матѳ. XXIII. 15). Не знаю, какъ звучатъ эти Его слова въ ушахъ Іезуитовъ?

Гоненія и возбужденная ненависть также не рекомендаціи *сами по себѣ*. Вопросъ въ томъ, *за что* гонятъ и *чѣмъ* возбуждается ненависть!

На этотъ вопросъ служитъ отвѣтомъ вся исторія Іезуитовъ, а въ сокращенномъ видѣ, можно найти его въ декретѣ папы Климента XIV объ упраздненіи Ордена. Какъ ни противенъ вамъ этотъ документъ, но вы вѣроятно не захотите передъ Русскою публикою повторять объ немъ то, что говорятъ ваши писатели въ кругу своихъ. Въ немъ высчитаны всѣ обвиненія, падавшія на ваше общество; многія изъ нихъ самимъ папою подтверждены, *и ни одно не опровергнуто*, *даже не отвергнуто имъ*. Вотъ они: Іезуитовъ обвиняли во внутреннихъ домашнихъ распряхъ; въ нарушеніи мира и согласія въ Латинской церкви; въ возстаніяхъ противъ другихъ монашескихъ Орденовъ, пастырей церкви, академій, университетовъ, коллегій, училищъ и даже государей, дозволившихъ имъ водвориться въ своихъ державахъ; въ распространеніи ученія совершенно противнаго православію и доброй нравственности; въ любостяжаніи и алчности къ земнымъ благамъ; въ неумѣстномъ вмѣшательствѣ въ дѣла политики и государственнаго управленія; въ устраненіи обрядовъ, освященныхъ церковью, и въ допущеніи и

превратномъ объясненіи языческихъ суевѣрій; наконецъ, по свидѣтельству того же папы, не было почти такого тяжкаго обвиненія, которое бъ на нихъ не пало.

Довольно ли поводовъ къ гоненію, и есть ли между ними хоть одинъ, которымъ бы можно было похвалиться?

Я знаю, что Іезуиты ненавидятъ Климента XIV и всячески стараются умалить значеніе произнесеннаго имъ приговора; хитрости и извороты, къ которымъ прибѣгаютъ для этого отецъ Равиньянъ, Кретино-Жоли и другіе, по истинѣ, забавны и служатъ любопытнымъ комментаріемъ къ той безусловной преданности Римскимъ первосвященникамъ, которою Іезуиты хвалятся на словахъ и которую дѣйствительно оказываютъ на дѣлѣ, но только пока сами папы ихъ балуютъ. Преторіанцы дѣлали тоже. Хотятъ теперь увѣрить весь міръ, что Климентъ XIV разыгралъ съ Іезуитами, передъ всею Европою, роль Понтійскаго Пилата передъ раздраженными Іудеями и выдалъ своихъ слугъ на пропятіе, страха ради народнаго, будучи внутренно убѣжденъ въ ихъ невинности. Но этому очевидно противорѣчитъ какъ внутренній смыслъ, такъ и самый образъ выраженія декрета; предвидя несомнѣнно тѣ нареканія, которымъ онъ подвергнется, папа, не безъ умысла, взялъ на себя трудъ со всѣхъ сторонъ защитить свое дѣло, связать его съ цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ распоряженій и доказать, что ему суждено лишь было исполнить то, что гораздо ранѣе было задумано его

предшественниками. Впрочемъ, кто въ этомъ случаѣ правъ: Іезуиты ли или папа, это домашній, внутренній вопросъ Латинской церкви, до насъ не касающійся. Передъ нами, въ своихъ сношеніяхъ и дѣйствіяхъ ad extra, Іезуиты выставляютъ себя служителями и проповѣдниками папизма; а папа отъ нихъ отрекся и осудилъ ихъ. Мы вправѣ ему вѣрить и не принимать апелляціи на его приговоръ. Это его, а не наше дѣло.

Другіе защитники Ордена относятся къ Клименту XIV умѣреннѣе и осторожнѣе. Они не рѣшаются обвинить его въ подломъ предательствѣ и сознаются, что обстоятельства той эпохи оправдывали его крутое рѣшеніе, какъ временную мѣру противъ временныхъ же золъ; но, прибавляютъ они, обстоятельства измѣнились, условія и вся историческая обстановка, подавшія поводъ къ тѣмъ уклоненіямъ Іезуитскаго Ордена отъ прямаго его назначенія, которыя вызвали противъ него взрывъ всеобщаго неудовольствія, теперь миновали и миновали безвозвратно; чѣмъ были нѣкогда Іезуиты, тѣмъ они уже никогда не сдѣлаются. Пусть же забудутся старые, безвозвратно минувшіе грѣхи, и пусть не отказываютъ цѣлому обществу въ правѣ употребить на пользу всѣхъ средства и способности, теперь уже безвредныя. Есть доля правды въ этихъ словахъ; дѣйствительно, при нынѣшнихъ понятіяхъ объ отношеніяхъ власти къ подданнымъ, при отсутствіи цензуры (тамъ, гдѣ ея нѣтъ) и при свободѣ преподаванія (тамъ, гдѣ она есть) іезуитизмъ не представляетъ преж-

ней опасности, ибо не можетъ пріобрѣсти прежней силы; нельзя также не признать, что люди XVIII вѣка, какъ прямые участники въ тяжбѣ съ Іезуитскимъ Орденомъ, не могли отнестись къ нему съ безпристрастіемъ судей и отличить въ его дѣятельности существенное отъ временнаго и случайнаго. Такое смѣшеніе замѣтно и въ декретѣ Климента XIV. Но легче ли будетъ Іезуитамъ передъ судомъ поколѣній, непричастныхъ къ ихъ тяжбѣ? Мнѣ кажется, что какъ ни длиненъ приведенный выше перечень ихъ грѣховъ, а все таки не все въ немъ высказано; по крайней мѣрѣ, въ немъ не выяснена и какъ будто оставлена въ тѣни, главная причина всеобщаго негодованія, подъ тяжестью котораго надломился Орденъ. Я готовъ допустить, что изъ этихъ грѣховъ, иные могли бы быть прощены и забыты (разумѣется, если бы сами Іезуиты въ нихъ покаялись), но одинъ грѣхъ не простится и не забудется; онъ не можетъ быть ни прощенъ, ни забытъ, потому что въ немъ заключается вся сущность, весь сокъ іезуитизма, тайна его успѣховъ въ прошедшемъ и въ настоящемъ, и, вмѣстѣ, оправданіе поразившаго его осужденія.

Въ душѣ каждаго человѣка таится, болѣе или менѣе, сознательное поползновеніе убаюкать свою совѣсть, подкупить ее или спрятаться отъ ея докучливыхъ обличеній за какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ. Это поползновеніе хуже всякаго прямаго влеченія ко злу, потому что ослабляетъ и стремится подрѣзать въ самомъ

корнѣ всякое живое противодѣйствіе злу, начиная съ внутренняго смысла для различенія добра отъ зла. Іезуиты угадали, въ покушеніяхъ человѣка на чуткость собственной его совѣсти и въ уклоненіяхъ его отъ строгихъ ея требованій, присутствіе страшной силы, способной сдѣлаться превосходнымъ орудіемъ для порабощенія чужой воли. Они изучили эту силу во всѣхъ ея проявленіяхъ, овладѣли ею, и на ней, какъ на незыблемой, всегда присущей психической основѣ, вывели стройное зданіе своего ученія и своей организаціи.

Подскоблить раздѣльную черту между добромъ и зломъ, стушевать крайности, заморить въ человѣкѣ жажду безпримѣсной правды и пріучить его довольствоваться правдоподобіемъ; замѣнить внутреннюю бесѣду съ совѣстью и тяжелый процессъ самообличенія справками въ каталогахъ дѣлъ грѣховныхъ и безгрѣшныхъ; пріискать на всѣ случаи формулы сдѣлокъ для примиренія нравственнаго закона, отталкивающаго своею строгостью, съ пороками, возмущающими чуткую совѣсть; водворить въ душѣ человѣка не миръ и не согласіе, а своего рода *Унію*, унію между истиною и ложью, добромъ и зломъ, Божьею правдою и человѣческою неправдою — такова была задача, въ своемъ родѣ великая и общечеловѣческая, надъ разрѣшеніемъ которой трудился Іезуитскій Орденъ. Нельзя не прибавить, что онъ дѣйствительно разрѣшилъ ее, и что труды его увѣнчались успѣхомъ, въ той мѣрѣ, въ какой вообще

дается человѣку осуществленіе сознательной лжи. Этою задачею опредѣляется историческое значеніе Ордена и участіе его въ развитіи христіанскаго человѣчества. Спѣшу заявить, что ея нѣтъ въ уставѣ Ордена; а гдѣ и въ чемъ она высказалась — это я скажу въ слѣдующемъ письмѣ.

ПИСЬМО II.

Первое отвѣтное письмо мое я окончилъ опредѣленіемъ капитальнаго подвига Іезуитовъ, назвавъ его мировою сдѣлкою, или *своего рода уніею* между правдою и ложью, добромъ и зломъ, закономъ и грѣхомъ. Разумѣется, вы скажете, что это клевета, изобрѣтенная какими-нибудь Жансенистами, врагами Христова имени, и подхваченная Русскимъ невѣжествомъ.

Но я попросилъ бы васъ выслушать сперва слѣдующій цитатъ, которымъ настоящее, второе, письмо мое свяжется съ первымъ. Какъ ни слабъ и ни безцвѣтенъ мой переводъ, но вы вѣроятно узнаете въ немъ знакомый вамъ, краснорѣчивый подлинникъ.

«Святѣйшій владыка узналъ не безъ глубокаго душевнаго сокрушенія, что многія ученія, *вносящія распущенность въ область христіанской нравственности* (christianae disciplinae relaxativas) и ведущія къ погибели душъ, частью заимствуются у древнихъ и нынѣ возобновляются, частью возникаютъ вновь; что этотъ доходящій до крайности разгулъ невоздержныхъ умовъ (summam illam luxuriantium

ingeniorum licentiam) съ каждымъ днемъ усиливается, и что теперь уже успѣли распространиться такія сужденія о предметахъ совѣсти, которыя, будучи совершенно несогласны съ Евангельскою простотою и съ ученіемъ Святыхъ Отцевъ, *неминуемо породили бы великую порчу въ христіанскихъ нравахъ*, если бъ вѣрующіе приняли эти сужденія за надежныя правила жизни. А потому, дабы путь ко спасенію, которому верховною Истиною, то есть самимъ Богомъ (Его же слово пребываетъ во вѣки), опредѣлено быть тѣснымъ, отнюдь и никогда бы не расширялся или, говоря точнѣе, не извращался къ погибели душъ, тотъ же святѣйшій владыка, желая пастырскою своею ревностію отвлечь ввѣренныхъ ему овецъ отъ *просторнаго, широкаго пути, ведущаго къ смерти духовной*, и вернуть ихъ на прямую стезю, поручилъ разсмотрѣніе вышепомянутыхъ ученій, сперва нѣсколькимъ преподавателямъ Богословія, а затѣмъ — кардиналамъ генеральной инквизиціи».

Эти строки, буквально переведенныя съ латинскаго, служатъ вступленіемъ къ декретамъ 24 Сентября 1665 и 18 Марта 1666 годовъ, изданнымъ отъ лица папы Александра VII, и содержащимъ въ себѣ осужденіе и проклятіе 45-ти Іезуитскихъ положеній [53]). Въ

---

[53]) Въ этихъ декретахъ Іезуиты по имени не названы и источники не указаны, но осужденные тезисы извлечены изъ сочиненій Іезуитскихъ богослововъ. Доказательства не трудно будетъ представить, если они потребуются.

полемическихъ сочиненіяхъ самыхъ заклятыхъ враговъ Ордена, я не нашелъ характеристики болѣе мѣткой и, въ тоже время, приговора болѣе строгаго.

Разсудите сами — легкое ли дѣло! Духовное общество присвоило себѣ имя Іисусово, забрало въ свои руки народное воспитаніе, отбило у бѣлаго духовенства большую часть его духовныхъ чадъ, особенно въ кругу высшихъ сословій, и вдругъ оказывается, что назидательныя творенія, одобренныя и распространенныя этимъ обществомъ, портятъ нравы и сбиваютъ людей съ узкаго, Евангельскаго пути, на укатанный путь къ погибели; оказывается, что не одинъ Паскаль, котораго Іезуиты называютъ клеветникомъ, не одни Жансенисты, на которыхъ они взвели столько небылицъ, не одни протестанты и схизматики, но и кардиналы-инквизиторы, и самъ первосвященникъ Римскій, котораго нельзя же заподозрить въ систематической враждѣ къ Латинской церкви, сходятся въ своихъ сужденіяхъ и говорятъ въ одинъ голосъ; оказывается, наконецъ, что, приписавъ Іезуитамъ введеніе уніи между добромъ и зломъ, я только парафразировалъ приговоръ Ватиканскаго громовержца. На этомъ я могъ бы остановиться, въ полной увѣренности, что вы меня поймете и не потребуете отъ меня ближайшихъ указаній. Вы были нѣкогда членомъ Православной Церкви и, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, по собственному выбору, перешли изъ нея подъ знамя Лойолы; какъ ни непонятенъ для меня такой выборъ, но я не могу не предположить, что рѣшенію вашему

предшествовало глубокое изученіе всей богословской литературы вашего Ордена. Безъ всякаго сомнѣнія, она вамъ знакома гораздо ближе, чѣмъ мнѣ. Вы знаете поэтому, что Александръ VII имѣлъ въ виду не случайныя уклоненія какихъ-либо немногихъ, одинокихъ личностей, но цѣлую школу, воспитанную Орденомъ, въ которой насчитываются сотни писателей; для васъ не тайна, что эта школа, въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ, трудилась въ одномъ духѣ, по одной программѣ, вырабатывая систему такъ называемаго *облегченнаго благочестія* la dévotion aisée[54]); и такъ какъ вы гордитесь званіемъ Іезуита, то вѣроятно, сличая произведенія вашихъ учителей, вы не разъ приходили въ восторгъ отъ той необыкновенной послѣдовательности въ трудѣ, съ которою одинъ прокладывалъ новую тропу и ставилъ на ней вѣхи, другой, идя по стопамъ смѣлаго піонера, снималъ съ нея препятствія и расширялъ ее, а третій равнялъ и укатывалъ. Повторяю, для васъ все это дѣло извѣстное.

Но въ массѣ Русской публики, передъ которою завязалась между нами эта переписка и для которой мы ведемъ ее, я не въ правѣ предполагать такихъ же спеціальныхъ познаній и потому, если не вы, то другіе

---

[54]) La dévotion aisée — заглавіе очень извѣстнаго сочиненія Іезуита Отца Лемоана: но оно годилось бы въ заглавіе ко всѣмъ твореніямъ казуистовъ Ордена и здѣсь употребляется въ этомъ широкомъ смыслѣ.

читатели потребуютъ, можетъ быть, прямыхъ доказательствъ строительнаго искусства благочестивыхъ Отцевъ и пожелаютъ ознакомиться съ ихъ пріемами въ прокладкѣ тѣхъ широкихъ дорогъ, которыхъ такъ боялся папа Александръ VII. Благодаря плодовитости писателей Ордена, этому требованію удовлетворить не трудно.

Всего бы легче было извлечь изъ сочиненій нѣсколькихъ ученыхъ Іезуитовъ, пользующихся въ своемъ кругу наибольшимъ авторитетомъ, самыя яркія мѣста, сшить ихъ на живую нитку, связать въ одинъ пучекъ и поднести читателямъ, какъ эссенцію цѣлаго ученія.

Можно бы также, изъ ряда первоклассныхъ писателей, выбрать одного, притомъ непремѣнно такого, который бы не отличался ни оригинальностію, ни особенною смѣлостью своихъ воззрѣній, а могъ бы быть принятъ за типическое выраженіе всей школы, и представить, хотя сжатое, но по возможности полное изложеніе одной его системы.

Перваго способа придержался Паскаль въ своихъ Lettres d'un Provincial и выполнилъ свою задачу такъ, что послѣ него никто, конечно, не рѣшится взяться за нее вновь. Въ видахъ полемическихъ, способъ этотъ представляетъ несомнѣнныя выгоды; но я охотно отъ нихъ отказываюсь, во первыхъ, чтобъ избѣжать встрѣчи съ Паскалемъ, а во вторыхъ потому, что цѣль моя отнюдь не полемическая. Въ настоящее время, у насъ Русскихъ, какая можетъ быть полемика съ Іезуи-

тами? Благодаря Бога, мы съ ними не сталкиваемся и даже не встрѣчаемся лицомъ къ лицу. Насъ интересуетъ не столько Іезуитскій Орденъ, въ смыслѣ историческаго учрежденія, сколько *іезуитство*, въ смыслѣ психическаго явленія или своего рода нравственной заразы, которая, имѣя свой корень въ душѣ человѣческой, по этому самому, можетъ развиться вездѣ и отравить всякую общественную среду.

Наше дѣло—узнать эту болѣзнь, назвать ее по имени и опредѣлить ея діагностику; иными словами, я хотѣлъ бы, не пускаясь въ возраженія, ограничиться раскрытіемъ тѣхъ глубоко обдуманныхъ пріемовъ, посредствомъ которыхъ іезуитизмъ проникаетъ въ совѣсть и мутитъ ее, прослѣдить логическую ихъ генеалогію и показать ихъ общее происхожденіе изъ одного строго выдержаннаго намѣренія.

Къ этой цѣли, второй изъ двухъ указанныхъ выше способовъ, то есть полное изложеніе цѣлой системы нравственнаго ученія по одному писателю, приведетъ насъ прямѣе, чѣмъ первый, тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ случаѣ, аналогическій выводъ совершенно безопасенъ. Одинъ можетъ отвѣчать за всю школу, ибо всѣмъ извѣстно, что единство доктрины нигдѣ такъ строго не соблюдается, какъ въ Іезуитскомъ Орденѣ, и составляетъ одно изъ существенныхъ правилъ его конституціи. Правда, писатели этого Ордена часто между собою расходятся и одинъ другаго оспориваютъ, но только въ частностяхъ и подробностяхъ. Вся разница

между ними заключается въ степени ихъ личной снисходительности къ порокамъ, и въ этомъ отношеніи, нельзя не замѣтить послѣдовательности въ прогрессѣ.

Древнѣйшіе извиняютъ многое, ихъ послѣдователи прощаютъ больше, а новѣйшіе переносятъ еще дальше границу дозволеннаго [55]). Затѣмъ, построеніе системы нравственныхъ обязанностей, основныя положенія о совѣсти, грѣхѣ, степени обязательности закона, особенно-же—и это важнѣе всего—общее направленіе въ примѣненіи этихъ положеній къ практическимъ вопросамъ, у всѣхъ совершенно одинаковы.

Остается найдти такого писателя, противъ котораго не могли бы ничего сказать и отъ котораго не могли бы отречься почитатели и защитники Ордена. Изъ немногихъ мнѣ доступныхъ оригинальныхъ сочиненій я остановился на учебникѣ Германа Бузенбаума, извѣстномъ подъ замысловатымъ заглавіемъ «Мозжечка нравственнаго богословія» (Hermanni Busenbaum Medulla Theologiae moralis facili ac perspicua methodo resolvens casus conscientiae, ex variis probatisque autoribus concinnata, omnibus poenitentibus aeque ac confessariis perquam utilis. Coloniae. 1694).

Прежде всего нужно оправдать этотъ выборъ, сказавъ нѣсколько словъ объ авторѣ и о самой книгѣ.

---

[55]) Любопытные примѣры этой постепенности въ послабленіи приводитъ Еллендорфъ въ своей книгѣ: Die Moral und Politik der Jesuiten 1840. Seit. 270, 271, 280—282.

Бузенбаумъ жилъ во второй половинѣ XVII вѣка и преподавалъ богословіе въ Кельнѣ. Книга его не иное что, какъ его же лекціи, записанныя съ его словъ, потомъ тщательно имъ просмотрѣнныя и затѣмъ, на основаніи лестныхъ отзывовъ великихъ мужей (maximorum virorum) *и по приказанію Орденскаго начальства* (cum superiorum juberet voluntas), изданныя для руководства духовниковъ, не вполнѣ еще искусившихся въ управленіи совѣстями. Самъ авторъ, въ предисловіи своемъ, говоритъ, что онъ подражалъ пчеламъ, которыя изъ лучшихъ цвѣтовъ высасываютъ наиполезнѣйшее и складываютъ въ одномъ ульѣ. Это значитъ, что книга его не болѣе какъ сводъ или сборникъ чужихъ мнѣній, что въ ней нѣтъ ни одной строки, которая бы не была подкрѣплена ссылками на извѣстныхъ писателей, разумѣется Іезуитскаго Ордена, и что онъ самъ почти ничего не внесъ въ нее отъ себя. Такой писатель намъ и нуженъ. Въ многотомномъ словарѣ писателей Іезуитскаго Ордена[56]) Бузенбаумъ названъ «*добродѣтельнымъ и опытнымъ въ направленіи душъ*»,—vertueux et versé dans la conduite des âmes. Тамъ же значится, что учебникъ его вызвалъ не мало критикъ, но нашелъ себѣ полное оправданіе, во первыхъ, во множествѣ выдержанныхъ имъ изданій, а во вторыхъ, въ одобреніи, котораго удостоилось Богословіе Альфонса Лигуорія,

---

[56]) Bibliothèque des écrivains de la compagnie de Jésus.

положившаго книгу Бузенбама въ основаніе своему труду. Альфонсъ Лигуорій причисленъ Латинскою церковью къ лику святыхъ, и по книгѣ его долго преподавалось нравственное богословіе въ Іезуитскихъ училищахъ. Затѣмъ, трудъ Лигуорія, въ свою очередь, послужилъ главнымъ основаніемъ для учебника нравственнаго богословія, составленнаго преподавателемъ этого предмета о. Муллетомъ, изданнаго съ разрѣшенія духовнаго начальства, въ Фрейбургѣ, въ 1834 году[57]) и принятаго какъ руководство, по части нравственнаго богословія, во всѣхъ Французскихъ семинаріяхъ[58]). Такимъ образомъ связывается непрерывною нитью ученіе XVII вѣка съ ученіемъ современнымъ.

Изданій книги Бузенбаума насчитывается, начиная съ 1650 года, болѣе шестидесяти пяти. Одно это обстоятельство доказываетъ, что можно смѣло ссылаться на нее, какъ на выраженіе не личныхъ мнѣній одного автора, а ученія, цѣлымъ Орденомъ признаннаго и одобреннаго. Къ тому же, всѣмъ извѣстно, что по Іезуитскому уставу, никакое сочиненіе, написанное членомъ Общества, не можетъ быть издано имъ безъ предварительнаго просмотра Орденскою цензурою и безъ утвержденія глав-

---

[57]) Compendium Theol. mor. quod ad usum Theologiae candidatorum ex variis auctoribus, proesertim ex B. Liguorio excerpsit I. P. Moulle olim profes. Theol. mor. Superiorum permissu, Friburgi Helvetiorum etc. etc. 1834.

[58]) Les Jésuites et l'Université par. F. Génin. Paris, Paulin 1844. Trois. part. p. 415—417.

наго настоятеля — Генерала Ордена[59]). Цензорамъ, въ силу данной имъ специальной инструкціи, вмѣняется въ обязанность имѣть въ виду славу Божію *и пользу Ордена* и смотрѣть въ особенности за основательностью и *однообразіемъ* ученія; для достиженія этой цѣли, имъ предоставляется право не только вычеркивать и исключать сомнительное, но также исправлять представляемыя имъ рукописи и дѣлать въ нихъ всякаго рода измѣненія, по указаніямъ Генерала. Слѣдовательно, Орденская цензура не ограничивается полицейскою, то есть отрицательною обязанностью въ области мысли; она не только *бракуетъ* и отсѣкаетъ негодное, но *одобряетъ* пропускаемое; иными словами, она ручается за все выходящее съ ея разрѣшенія[60]). Въ отношеніи къ учебнику Бузенбаума, разумѣется, всѣ эти правила соблюдены были въ точности, какъ видно изъ приложенныхъ къ нему печатнаго разрѣшенія Провинціала (по уполномочію отъ Генерала) и печатнаго же одобренія цензоровъ. Изданіе, которымъ я пользуюсь, принадлежитъ къ древнѣйшимъ, хотя оно уже очищено авторомъ и исправлено противъ первыхъ, особенно по декретамъ папъ Александра VII и Иннокентія XI, осудившихъ болѣе ста тезисовъ, пущенныхъ въ ходъ казуистами Ордена.

---

[59]) Constit. cum declar. Sept. pars C. IV § 11. Paris. Paulin, 1843.

[60]) Die Moral und Politik der Jesuiten etc. von Ellendorf. Vorrede, p. XV.

Не смотря однако на эти исправленія, и не смотря на то, что книга Бузенбаума, въ сравненіи съ твореніями какого-нибудь Эскобара, Санчеза, Молины и другихъ Іезуитовъ, принадлежала къ числу умѣренныхъ, даже безцвѣтныхъ, нѣтъ сомнѣнія, что православный читатель, въ первый разъ встрѣчающійся съ казуистами Ордена, не скоро повѣритъ, что передъ нимъ раскрыто произведеніе, дѣйствительно слывущее за курсъ нравственнаго богословія. Скорѣе придетъ ему на мысль: не по ошибкѣ ли подшитъ къ его экземпляру заглавный листъ?

Прежде всего, ему покажется страннымъ, что въ христіанскомъ нравственномъ богословіи тексты изъ Священнаго Писанія встрѣчаются не болѣе какихъ-нибудь десяти разъ и гораздо рѣже, чѣмъ тексты изъ Римскаго гражданскаго права. Указаній на святыхъ Отцевъ церкви онъ также почти не найдетъ; за то, въ каждомъ параграфѣ, онъ увидитъ ссылки на такихъ писателей, о которыхъ онъ, можетъ быть, и не слыхивалъ и о которыхъ, внѣ Іезуитской школы, почти никто не знаетъ. Чаще всего, онъ встрѣтится съ Азоромъ, Тамбурини, Наваромъ, Филліуціемъ, Эскобаромъ, Регинальдомъ, Лайманомъ, Лессингомъ, Санчезомъ, Лайпезомъ, Суаріемъ,Васкезомъ, и многими другими, ихъ же имя легіонъ. Это казуисты Ордена, *благочестивые, мудрые, ученые, основательные, опытные мужи* (viri pii, prudentes, docti, graves, artis periti), какъ ихъ называютъ сами Іезуиты, ихъ свѣтила и при-

знанные ими авторитеты въ дѣлахъ совѣсти. Нѣкоторые изъ Іезуитскихъ писателей, разумѣется той же школы (напр. Регинальдъ), прямо даже утверждаютъ, что въ вопросахъ совѣсти новѣйшимъ учителямъ, то есть казуистамъ, слѣдуетъ давать предпочтеніе предъ древнѣйшими и ближайшими къ Апостоламъ Отцами Церкви. Видно, послѣдніе не такъ ясно понимали дѣло духовнаго совершенствованія.

Далѣе, въ книгѣ Бузенбаума, поразитъ читателя разнообразіе и пестрота содержанія. Дѣйствительно, трудно найти предметъ, о которомъ бы въ ней не говорилось. Это своего рода энциклопедія или справочная книга, къ которой можно обращаться за разрѣшеніями на всякаго рода затрудненія. Въ ней есть, между прочимъ, правила о выдачѣ солдатамъ квартирныхъ билетовъ и о карточной игрѣ; наставленіе о надежнѣйшихъ способахъ наживать вѣрные проценты, пуская свой капиталъ въ торговый оборотъ и, въ тоже время, застраховывая себя отъ всякихъ потерь; подробное ученіе о всевозможныхъ видахъ контрактовъ и обязательствъ, о заемныхъ письмахъ, сохранныхъ роспискахъ, духовныхъ завѣщаніяхъ, о камбіи и рекамбіи и т. д. Но не ищите въ ней ни психологичекихъ фактовъ, ни наблюденій надъ внутренними процессами духовнаго паденія и благодатнаго возрожденія. Всего этого Іезуиты, конечно, не отрицаютъ; но они этимъ не занимаются, даже не затрогиваютъ этой области. Она для нихъ посторонняя. Нравственное богословіе, какъ они его по-

нимаютъ, отъ начала до конца, занимается разрѣшеніемъ одного вопроса: чего требуетъ законъ отъ человѣка и какъ бы отбиться отъ его требованій—и только.

Наконецъ, читатель наткнется на цѣлыя главы, дышащія такимъ безстыднымъ и, въ то же время, изысканнымъ развратомъ воображенія, что кровь бросится ему въ голову, если онъ сохранилъ способность краснѣть за другихъ, а книга вывалится изъ рукъ его, если онъ самъ не броситъ ее отъ себя подальше.

Что-жь дѣлать! Все это черты общія всѣмъ казуистамъ Ордена, а вовсе не отличительныя особенности добродѣтельнаго и опытнаго Бузенбаума. Я нарочно указываю на нихъ, чтобъ отстранить отъ себя подозрѣніе въ злонамѣренномъ выборѣ руководителя, и съ тою же цѣлію, въ дальнѣйшемъ изложеніи, буду приводить параллельныя мѣста изъ другихъ писателей той же школы и изъ тезисовъ, осужденныхъ папскими декретами[61]).

---

[61]) Никто изъ писавшихъ объ Іезуитахъ (разумѣется, кромѣ самихъ Іезуитовъ и ихъ поклонниковъ) не избѣгнулъ упрека въ голословности сужденій или въ злонамѣренномъ искаженіи текстовъ. По этому, зная съ кѣмъ я имѣю дѣло, считаю нужнымъ указать служащіе мнѣ источники и пособія и объяснить, какъ я ими пользуюсь. Передо мною лежатъ: Нравственное Богословіе Бузенбаума, книга Санчеза о супружествѣ (de sancto matrimonii Sacramento disputationum tomi tres). Краткое Богословіе Антонія Эскобара (Liber theologiae moralis viginti quatuor societatis Jesu Doctoribus reseratus etc. post 37 editiones, editio novissima juxta editionem Bruxellensem 1651 et postremam Lugdunensem et venundatur Parisiis, 1656); тезисы осужденные папами, по іезуитскому изданію, приложен-

Это послужитъ къ убѣжденію читателя въ справедливости сказаннаго о казуистахъ вообще и, кстати, дастъ

ному къ книгѣ Бузенбаума (Propositiones damnatae ab Alex. VII. Innocent. XI et Alex. VIII. 24 Sept. 1665, 18 Mart. 1666. 2 Mart. 1679, 24 Aug. 1696). Всѣ эти источники я цитую по подлинникамъ и, слѣдовательно, отвѣчаю лично за точность ссылокъ. Сверхъ сего, я пользуюсь двумя сводами положеній, извлеченныхъ изъ Іезуитскихъ богослововъ; изъ нихъ первый, неизвѣстнаго автора, изданъ въ Парижѣ, въ 1844 году подъ заглавіемъ: Doctrines morales et politiques, cas de conscience et aphorismes des Jésuites, textuellement extraits et traduits des écrivains de la Compagnie de Jésus; второй составленъ пасторомъ Еллендорфомъ, на Нѣмецкомъ языкѣ, и изданъ въ Дармштадтѣ, въ 1840 году, подъ заглавіемъ: Die Moral und Politik der Jesuiten, nach den Schriften der vorzüglichsten theologischen Autoren dieses Ordens. Писателей Ордена, которыхъ подлинныя сочиненія были мнѣ недоступны, я цитую по этимъ Сборникамъ, особенно по послѣднему; онъ составленъ добросовѣстно и тщательно, въ чемъ я убѣдился, сличивъ съ подлинниками цитаты изъ книгъ Бузенбаума, Санчеза и Эскобара.

Мое изложеніе системы Бузенбаума занимаетъ середину между извлеченіемъ и подстрочнымъ переводомъ; я передаю положенія автора въ сокращеніи, но его же словами. Нѣкоторыя мѣста, напримѣръ самые существенные тезисы и яркіе примѣры, привожу, по возможности, буквально, и въ рѣдкихъ лишь случаяхъ, притомъ всегда въ скобкахъ, вставляю отъ себя немногія, дополнительныя слова, совершенно необходимыя для ясности. Вообще, какъ въ сокращеніи, такъ и въ переводѣ, я придерживался не столько буквы, сколько смысла и старался передавать мысли автора, отнюдь не обобщая, не натягивая, но и не ослабляя ихъ. Въ этихъ видахъ, вопервыхъ, сохранены всѣ существенныя, вводныя предложенія, ограничивающія или стѣсняющія примѣненіе того или другаго положенія; во вторыхъ, гдѣ только возникало малѣйшее сомнѣніе въ точности перевода,

ему возможность составить себѣ понятіе о томъ, въ какой мѣрѣ Іезуиты уважали папскіе приговоры и подчинялись имъ [62]).

подлинныя выраженія текста приводились въ скобкахъ. Понятно, что изложеніе не могло отъ этого не потерпѣть; сознаю вполнѣ, что оно тяжело и нескладно; за то, я считаю себя въ правѣ поручиться за его вѣрность, и, по крайней мѣрѣ, надѣюсь, что безпристрастные читатели не упрекнутъ меня въ злонамѣренномъ искаженіи. Отъ повѣрки и справокъ съ текстами я не уклоняюсь, а напротивъ, для облегченія ихъ, указываю вездѣ на источники и пособія. Нѣкоторыя, немногія мѣста приведены въ подлинникѣ, на Латинскомъ языкѣ, безъ перевода. Я не рѣшился, да и цензура бы не дозволила, осквернить нашъ родной языкъ выраженіемъ тѣхъ помысловъ, на которыхъ, съ такою любовью, останавливалось засоренное воображеніе благочестивыхъ и мудрыхъ мужей Ордена. Они приспособили къ этому употребленію языкъ Латинскій, тотъ самый, на которомъ славословили Бога; пусть же подъ покровомъ этого языка, и на ихъ отвѣтственности, остается вся мерзость и нечистота, занесенныя ими въ область ученія объ отношеніяхъ человѣка къ Истинѣ и Святости.

62) Я буду ссылаться на Суарія (Suarez) и на Васкеза (Vasquez) чаще чѣмъ на другихъ писателей, потому что эти два богослова слывутъ и теперь у Іезуитовъ свѣтилами первой величины. Отецъ Равиньанъ, въ брошюрѣ изданной въ 1844 г. писалъ: «можно ли не видѣть признаковъ богословскаго генія въ Суаріѣ и Васкезѣ, которыхъ Бенедиктъ XIV называлъ двумя свѣтильниками Богословія, duo luminaria Theologiae?» Равиньанъ писалъ апологію Іезуитовъ и рекомендовалъ ихъ Парижской публикѣ; потому, онъ, безъ всякаго сомнѣнія, выставлялъ товаръ лицемъ, то есть указывалъ на лучшихъ и, по мнѣнію Ордена, самыхъ безукоризненныхъ представителей его ученія. По этимъ избраннымъ, которыми Іезуиты считаютъ се-

И такъ, я обращаюсь теперь не къ Отцу Мартынову, а къ православному читателю: сложимъ у самаго преддверія нравственную брюзгливость (съ этимъ грузомъ насъ бы не впустили) и, по слѣдамъ нашего добродѣтельнаго руководителя, спустимся въ лабиринтъ іезуитской казуистики.

I. О СОВѢСТИ.

«Человѣку, для управленія его дѣйствіями, даны два правила (regulae), одно внутреннее — совѣсть, другое внѣшнее — законъ. Совѣсть, *обыкновенно*, подсказываетъ правду (то есть вѣрно различаетъ добро и зло) и, въ такомъ случаѣ, называется прямою (communiter est recta, dictans quod verum est); но иногда она заблуждается (est erronea), напримѣръ, когда принимаетъ зло за добро. Заблужденіе совѣсти бываетъ двоякаго рода: иногда оно можетъ быть избѣгнуто человѣкомъ, а иногда оно неизбѣжно; въ первомъ случаѣ, заблужденіе называется *непобѣдимымъ* (error invincibilis), во второмъ — *побѣдимымъ*. Заблужденіе перваго рода, по самой своей неизбѣжности, почитается невольнымъ и потому въ вину не вмѣняется: ideoque nec voluntarius est (invincibilis error) et consequenter, non imputatur ad culpam. (Busenb. Liber 1. Tractatus 1, Caput 1, Responsio 1»).

бя въ правѣ гордиться, пусть читатели судятъ о массѣ худшихъ, о которыхъ они благоразумно умалчиваютъ.

Слѣдовательно, отупѣніе совѣсти *само по себѣ* (независимо отъ обстоятельствъ), помраченіе и даже утрата внутренняго смысла для распознанія добра и зла, не почитаются, повторяю опять, *по себѣ*, признаками отпаденія человѣка отъ Бога въ области сознанія и не имѣютъ, *по себѣ*, свойства грѣховности. Такимъ образомъ, съ перваго же слова, человѣкъ облегчается отъ всей тяжести такъ называемаго грѣха по невѣдѣнію. Онъ просто скидывается со счета. Далѣе, въ ученіи о грѣхѣ, это положеніе выступитъ еще яснѣе.

Отсюда выводится:

«Что человѣкъ обязанъ слѣдовать внушеніямъ совѣсти не только прямой, *но и невинно заблуждающейся* и что, поступивъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ вопреки своей совѣсти (заблуждающейся), онъ впалъ бы въ грѣхъ (non tantum conscientia recta, sed etiam inculpabiliter erronea obligat ut eam sequaris et si contra facis, peccas). Это доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что свойство поступка (разумѣется, въ этомъ случаѣ, его грѣховность или безгрѣшность) зависитъ отъ того, какъ, въ данномъ случаѣ, представился разуму объектъ поступка, т. е. самое дѣло (quia objectum tribuit actui speciem, prout hic et nunc ab intellectu proponitur. Busenb. L. 1. Tr. 1. C. Resp. 2. Escob. Liber Theol. moral. Examen III. Caput. II. 5)»

Читатели конечно обратятъ вниманіе на это многозначительное правило, содержащее въ себѣ разгадку многаго не только въ ученіи, но и въ практикѣ Іезуитскаго Ордена. Авторъ подкрѣпляетъ его ссылкою на блаженнаго Ѳому (точность ссылки пусть остается на его отвѣтственности) и объясняетъ его слѣдующимъ примѣромъ: «Кто лжетъ, чтобъ избавить ближняго отъ опасности, угрожающей его жизни, думая, что къ этому обязываетъ его состраданіе, тотъ дѣлаетъ доброе дѣло, и если бъ не солгалъ, то погрѣшилъ бы противъ состраданія» (Busen. ibid.).

Въ подобныхъ случаяхъ, то есть, когда человѣкъ грѣшитъ добросовѣстно, думая, что онъ поступаетъ по правдѣ и по долгу, что дѣлать духовнику? Казалось бы, кому же, коли не ему вразумить открытую передъ нимъ совѣсть? Авторъ, въ разрѣшеніе этого вопроса, даетъ слѣдующій отвѣтъ, зная напередъ что въ кругу *своихъ*, умѣющихъ понимать намёки, онъ не пропадетъ даромъ.

«Если духовникъ усмотритъ, что кающійся находится въ состояніи непобѣдимаго (слѣдовательно невиннаго заблужденія), напримѣръ: добросовѣстно удерживаетъ въ своемъ владѣніи чужую вещь, то онъ обязанъ вразумить и предостеречь его *въ томъ лишь случаѣ, когда можно ожидать отъ этого пользы и нѣтъ повода опасаться* еще большаго *вреда*; въ противномъ же случаѣ, не обязанъ, даже не можетъ, развѣ бы (оговариваетъ одинъ учитель) этого требова-

ло общественное благо: ибо духовникъ долженъ радѣть о пользѣ кающагося. Поэтому, когда отъ вразумленія не ожидается никакого успѣха, ни прока, онъ даже имѣетъ право присовѣтовать кающемуся сообразоваться въ своей жизни съ своимъ заблужденіемъ, хотя бы отъ этого долженъ былъ произойти ущербъ для третьяго лица. Такъ (обращаясь къ тому же примѣру), если духовникъ предусматриваетъ, что кающійся не отдастъ чужой вещи, хотя бы ему и стали разъяснять, что актъ, въ которомъ онъ находитъ мнимое оправданіе своему владѣнію, вовсе не дѣйствителенъ, то духовникъ отнюдь не долженъ входить *отъ себя* въ подобныя разъясненія, буде самъ кающійся его объ этомъ не спроситъ. Иное дѣло, если бы послѣдній усомнился въ своемъ правѣ и сталъ бы самъ просить совѣта. Въ подобномъ случаѣ, духовникъ обязанъ сказать ему правду, но осторожно и отнюдь не переступая въ своемъ отвѣтѣ границъ заданнаго ему вопроса» (Busenb. Liber VI. Tractatus IV. Caput II. Dubium V. Responsio I. Casus 7).

Выше было объяснено, что такъ называемое непобѣдимое заблужденіе обладаетъ свойствомъ смывать вину и превращать грѣховное дѣло въ безгрѣшное; слѣдовательно, такое заблужденіе само по себѣ драгоцѣнно, а потому понятна бережливость, съ которою относятся къ нему Іезуиты, заботливо охраняя его отъ риска подвергнуться вразумленію и черезъ это утратить присущую въ немъ очистительную силу. Одна лишь на-

дежда на успѣхъ уполномочиваетъ на вразумленіе и увѣщаніе; если нѣтъ такой надежды—а кто поручится что она есть?—молчаніе обязательно. И такъ, все подчиняется здѣсь чисто человѣческимъ соображеніямъ, разсчетамъ и вѣроятностямъ; о Божьей благодати, о дѣйствіи Духа, идѣже хощетъ вѣющаго—ни полслова. Но какъ же согласить это правило съ проповѣдью христіанства язычникамъ? Развѣ тутъ не встрѣчается на каждомъ шагу заблужденіе упорное, носящее всѣ признаки непобѣдимости? Неужели, и въ этомъ случаѣ, молчать до тѣхъ поръ, пока вѣроятность перевѣситъ сомнѣніе въ успѣхѣ? Самая практика Ордена, прославившагося своими миссіонерскими подвигами, кажется, противорѣчитъ этому правилу.—Да! кажется, но именно только кажется; на самомъ же дѣлѣ, нигдѣ оно не находило такого широкаго примѣненія, какъ въ миссіяхъ. Гдѣ внѣшняя сила была въ рукахъ Іезуитовъ, гдѣ можно было разсчитывать на несомнѣнный успѣхъ проповѣди, подкрѣпленной правительственными мѣрами, тамъ они дѣйствовали рѣшительно и безъ утаекъ; но гдѣ недоставало этихъ средствъ, гдѣ по неволѣ приходилось имѣть дѣло съ убѣжденіями, ихъ двуличная проповѣдь постоянно пасовала при встрѣчѣ съ такъ называемымъ непобѣдимымъ заблужденіемъ, и передъ нимъ склонялась ввѣренная ихъ рукамъ хоругвь Спасителя. Такъ, напримѣръ, ознакомившись съ условіями общественнаго быта въ Индіи, миссіонеры Ордена порѣшили въ своей премудрости, что было бы безумно проповѣдывать брат-

ство въ средѣ пропитанной духомъ кастъ и благоразумно ограничились возможнымъ; то есть, они понастроили не мало церквей, роздали и распродали несмѣтное количество четокъ и образковъ; но, слѣдуя примѣру духовника, о которомъ сейчасъ было говорено, они не отважились на борьбу съ непобѣдимыми предубѣжденіями браминовъ противъ паріевъ. Мало того, они сами себя выдали за браминовъ и усвоили себѣ ихъ предубѣжденія. Дѣло дошло до того, что священники, называвшіе себя прямыми послѣдователями Апостоловъ, приняли за правило, во избѣжаніе оскверненія, не входить въ дома паріевъ, не прикасаться къ нимъ, при совершеніи надъ ними таинства елеосвященія употреблять какія-то палочки, строить для нихъ особыя церкви и выгонять ихъ изъ храмовъ, въ которыхъ собирались на молитву брамины и высшія сословія.

Такимъ же порядкомъ поддѣлывалась Іезуитская проповѣдь подъ религіозныя заблужденія Японцевъ, Китайцевъ и Мусульманъ, распространяя между ними разсчетливо подпорченное христіанство или, точнѣе, какую-то нездоровую помѣсь христіанской терминологіи съ догматами и обрядами грубѣйшаго язычества. И все это дѣлалось сознательно, по системѣ. Напрасно другіе монашескіе Ордена протестовали противъ посрамленія церкви; напрасно мѣстные епископы и папскіе легаты пытались положить конецъ соблазну; напрасно сами Римскіе первосвященники, не разъ, а

по нѣскольку разъ, просили, умоляли, приказывали пощадить христіанство; разгулявшіеся на просторѣ Преторіанцы папизма никого не слушали. Они отписывались, отрекались и отлыгались, прятали подлинные папскіе декреты и распускали подложные *оракулы* (oracles verbaux), т. е. словесныя резолюціи папъ; наконецъ, когда масса накопившихся, неопровержимыхъ уликъ, повидимому, обрѣзывала имъ всѣ выходы, они пускали въ ходъ послѣдній запасный свой аргументъ: малѣйшее отступленіе отъ нашей системы, говорили они, погубитъ миссію и остановитъ успѣхъ обращенія. Разумѣется — *ихъ* миссію и обращеніе въ *ихъ* смыслѣ. Случилось разъ, по этому поводу, невѣроятное происшествіе; кардиналъ Беллярминъ, какъ извѣстно, самъ Іезуитъ и одинъ изъ надежнѣйшихъ покровителей Ордена, слыша безпрестанное повтореніе этой угрозы, вышелъ изъ себя и проговорился: «Христово Евангеліе не нуждается ни въ подкраскѣ, ни въ поддѣлкѣ; пусть лучше брамины не обращаются къ истинной вѣрѣ, лишь бы сами христіане не проповѣдывали Евангелія не искренно и не свободно. Христосъ на крестѣ соблазнялъ Іудеевъ, а Еллинамъ казался безуміемъ; но не пересталъ же ради этого Боговдохновенный Павелъ, не перестали и другіе Апостолы проповѣдывать свободно и правдиво Христа распятаго. Не хочу заводить спора о каждой статьѣ порознь; но не могу не заявить, что подражаніе гордости браминовъ, по моему убѣжденію, прямо противорѣчитъ смиренію

Господа нашего Іисуса Христа, а снисходительное допущеніе извѣстныхъ обрядовъ (языческихъ) крайне опасно для вѣры.» Эти слова, въ минуту какого-то просвѣтленія, сорвались съ языка обычно скованнаго преданіями Ордена и прозвучали безотзывно; видно, они также встрѣтили непобѣдимое заблужденіе, которому самъ произнесшій ихъ, одумавшись и, можетъ быть, выдержавъ эпитимію, поспѣшно подчинился [63]).

Читатели простятъ это отступленіе. Теорія Іезуитовъ такъ ловко приспособлена къ ихъ практикѣ, прак-

---

[63]) Все сказанное о дѣйствіяхъ миссіонеровъ основано частью на подлинныхъ документахъ, бумагахъ, декретахъ, окружныхъ посланіяхъ, частію на свидѣтельствахъ *исключительно* латинскихъ прелатовъ, легатовъ и монаховъ Августинскаго, Францисканскаго, Капуцинскаго и другихъ орденовъ. Любопытные могутъ навести справки въ: 1) Mémoires Historiques présentés au souverain pontife Benoit XIV sur les missions des Indes Orientales etc. par le R. P. Norbert capucin de Lorraine, Missionnaire Apostolique etc. Lucques 1745. 2) Six lettres d'un docteur ou relation des assemblées de la faculté de Théologie de Paris, tenues en Sorbonne sur les opinions des Jésuites touchant la religion, les cultes et la morale des Chinois etc. Cologne. 1701. 3) Lettre à M-me de Lionne sur le libelle des Jésuites contre M-r l'Evêque de Rosalie, son fils. Rome. 10 Fevr. 1701 4) Le Mahométisme toléré par les Jésuites dans l'Isle de Chio. 1711. 5) Lettres de M-r Maigrot à M. Charmot du 11 Janvier 1699, qui montrent la fausseté de ce que le père Le Comte a écrit touchant la religion ancienne des Chinois. 1701. 6) Histoire des Jésuites etc. par l'abbé Guettée. Paris. 1859. Авторъ этой замѣчательной книги извлекъ множество фактовъ изъ источниковъ, долго бывшихъ недоступными.

тика ихъ такъ строго держится въ границахъ теоріи, что одна другой служитъ необходимымъ дополненіемъ, и нѣтъ возможности высмотрѣть всю суть ученія безъ пособія живаго къ нему комментарія фактовъ. Случается иногда, что ученіе съ практикою, повидимому, совершенно расходится, но при внимательномъ изслѣдованіи, въ этихъ-то именно размолвкахъ и обнаруживается во всей ясности внутреннее ихъ единство, обусловленное происхожденіемъ изъ одного намѣренія.

Такого рода кажущееся противорѣчіе, читатель, въ первый разъ заглядывающій въ захолустья Іезуитскаго такъ называемаго нравственнаго богословія, встрѣтитъ вѣроятно и въ вышеизложенномъ ученіи о совѣсти. Не странно ли въ самомъ дѣлѣ? Два обвиненія, въ безцеремонномъ обращеніи съ совѣстью и въ систематическомъ посягательствѣ на духовную свободу человѣка, такъ сказать, прилипли къ Іезуитамъ; таковъ приговоръ исторіи, подтверждаемый повсемѣстнымъ употребленіемъ самаго имени Іезуитовъ въ смыслѣ общаго прозвища. Между тѣмъ оказывается, что, по ихъ ученію, въ основаніе всего нравственнаго строя полагается не иное что, какъ *добросовѣстность*, въ смыслѣ сообразности внѣшнихъ дѣйствій съ внушеніями совѣсти, каковы бы они ни были сами по себѣ; что этому требованію субъективной правды подчиняется другое, казалось бы, по существу своему, по крайней мѣрѣ равносильное первому—требованіе правды объективной, или сообразности дѣйствій съ закономъ;

что вслѣдствіе этого, авторитетъ закона какъ будто отодвигается на заднiй планъ, и каждая личность, притомъ именно самая неотчуждаемая, ни для кого неприступная сердцевина личности—совѣсть человѣка, становится дла самой себя нормою добра и зла.

Для ясности послѣдующаго изложенія, необходимо теперь же объяснить эту странность. Дѣло въ томъ, что Іезуиты относятся къ личной совѣсти точно также, какъ относятся они къ верховной власти Римскаго первосвященника. Они ставятъ ее безконечно высоко, выше чѣмъ что либо, поклоняются ей до земли, ниже чѣмъ кто-либо; но цѣль ихъ—овладѣть ею и черезъ нее подчинить себѣ все. Она для нихъ не болѣе, какъ орудіе, которое они бросаютъ и ломаютъ, какъ скоро оно перестаетъ имъ служить. Представьте себѣ человѣка, для котораго его совѣсть сдѣлалась бы верховнымъ закономъ, и предположите, что кому-нибудь удалось бы поработить ее, мало того,—выкрасть ее изъ его души, взять ее въ свои руки и спрятать въ свой карманъ. Не правда ли, что такой человѣкъ пересталъ бы быть человѣкомъ самъ по себѣ и превратился бы въ принадлежность чужой мысли и воли? Счастливый обладатель его совѣсти сталъ бы водить его за собою и отпускать ему, по порціямъ, на вѣсъ и мѣрою, его духовную пищу. Какъ же однако выкрасть или какъ купить чужую совѣсть? Дѣло это кажется несбыточнымъ; но невозможное для другихъ, возможно для Іезуитовъ. Они, дѣйствительно, нашли средство купить у че-

ловѣка его совѣсть цѣною фальшиваго, ими же составленнаго свидѣтельства на право соблазнительной безнаказанности. Что такова была ихъ цѣль, въ этомъ читатели сами убѣдятся, какъ скоро передъ ними раскроются придуманныя для ея достиженія средства. Главнѣйшее изъ нихъ, въ своемъ родѣ геніальное, извѣстно всѣмъ, хотя бы по наслышкѣ, это теорія вѣроятности или, точнѣе —*правдоподобія*, пробабилизмъ. Но не забѣгая впередъ, можно, кажется, высмотрѣть эту цѣль и въ томъ, что̀ уже повѣдалъ намъ добродѣтельный Бузенбаумъ о совѣсти. Сказано выше, что человѣкъ обязанъ слѣдовать внушеніямъ совѣсти даже заблуждающейся, когда заблужденіе непреодолимо, то-есть невольно, и потому безгрѣшно. Не правда ли, что въ этомъ изрѣченіи слышна какая-то соблазнительная поблажка? Какъ-бы, кажется, не воспользоваться ею; да жаль, что какъ правило, данное человѣку для собственнаго его руководства, она лишена всякаго смысла. Можно ли представить себѣ человѣка, разсуждающаго про себя слѣдующимъ образомъ: «совѣсть моя велитъ мнѣ обворовать или оклеветать ближняго для вящшей славы Божіей, ad majorem Dei gloriam; я сознаю, что это заблужденіе, но оно непреодолимо и невольно, ибо я воспитанъ въ такой средѣ, въ которой то и другое разрѣшается, а потому я могу смѣло и не грѣша послѣдовать внушенію моей совѣсти.». Очевидно, самъ человѣкъ, пока его совѣсть дѣйствительно находится еще при немъ, никогда не

обратится къ самому себѣ съ такою рѣчью; ибо коль скоро заблужденіе сознано, совѣсть изъ-подъ его гнета высвободилась; она же, то есть совѣсть, на него и указываетъ, называя его заблужденіемъ и тѣмъ самымъ опредѣляя противоположный ему путь правды. Заблужденіе сознанное уже побѣждено, а потому дѣло, подъ вліяніемъ такого заблужденія задуманное и исполненное, не можетъ считаться безгрѣшнымъ; до тѣхъ же поръ, пока заблужденіе дѣйствительно невольно, то есть безсознательно, человѣкъ видитъ въ немъ не заблужденіе, а внушеніе правды.

Что жь ему дѣлать съ правиломъ, рѣшительно для него непримѣнимымъ? Бузенбаумъ не договорилъ своей мысли; но наставленіе, которое онъ даетъ духовнику, пополняетъ недосказанное. Дѣло въ томъ, что правило это, очевидно, дано человѣку не для того, чтобъ онъ самъ руководствовался имъ въ управленіи собою, а для того, чтобъ онъ поручилъ примѣненіе его къ себѣ другому лицу. Сторонній человѣкъ, всматриваясь въ чужую душу, дѣйствительно отличитъ въ ней вольное заблужденіе отъ невольнаго; онъ пойметъ, при нѣкоторой подготовкѣ, особенно если онъ прошелъ черезъ школу *опытныхъ мужей,* чего ожидаетъ отъ него отдающаяся ему на попеченіе совѣсть; онъ не откажется пораздвинуть для нея кругъ непреодолимаго и невольнаго и снисходительно поможетъ вдаться въ обманъ, которому не поддалась бы эта совѣсть, себѣ самой предоставленная. И такъ, вся задача въ

томъ, какъ бы подготовить и чѣмъ оправдать сдачу совѣсти съ рукъ на руки.

II. О ПРАВДОПОДОБІИ.

Человѣкъ ощущаетъ въ себѣ борьбу разнородныхъ, одного другому противоположныхъ побужденій; надобно на что нибудь рѣшиться (tenetur se resolvere), а совѣсть недоумѣваетъ. Какъ быть? Казуисты даютъ на это слѣдующее правило: кто руководствуется въ своихъ дѣйствіяхъ правдоподобнымъ мнѣніемъ (opinio probabilis), тотъ можетъ быть спокоенъ, ибо, ни въ какомъ случаѣ, не грѣшитъ.

А что такое правдоподобное мнѣніе?— «Прадоподобнымъ признается всякое мнѣніе, основанное на доводахъ сколько нибудь уважительныхъ» (quae rationibus innititur alicujus momenti. Esc. Lib. Theol. Mor. Exam. III. Cap. III. 8. Busenb. Lib. I. Trac. I. Cap. II. Dub. I. Resp. 3.)

А какъ опознать уважительность? — На это есть вѣрный признакъ: «если мнѣніе имѣетъ за себя авторитетъ нѣсколькихъ мужей благочестивыхъ, мудрыхъ и опытныхъ, или *даже одного такого мужа*, то оно правдоподобно и на практикѣ безопасно» (in praxi secura); иными словами; можно смѣло ему слѣдовать, не рискуя впасть въ грѣхъ (Busenb. Lib. I. Tr. I. Cap. II. Resp. 3. Escob. Lib. Th. Mor. Exam. III. Cap. III. 8. [64]).

[64]) Тому же учатъ Санчезъ, Наварръ, Са и всѣ вообще казуисты Ордена. Ellendorf. p. 5, 6 etc. etc.

А кто эти мужи?... Но читатель вѣроятно пощадитъ скромность Іезуитовъ и догадается самъ.

И такъ, голосъ мужа, признаннаго Іезуитами за авторитетъ, придаетъ мнѣнію свойство правдоподобія. Это, разумѣется, отнюдь не значитъ, чтобъ оно было истинно; Іезуиты никогда этого не утверждали. Вся сила и вся глубокая безнравственность ученія въ томъ именно и заключается, что *нѣтъ ничего общаго* между правдоподобіемъ и истиною.

Благочестивые и ученые мужи, затмившіе собою Отцевъ Церкви и заставившіе позабыть объ нихъ, какъ извѣстно, заходили иногда очень далеко и, на каждомъ шагу, одинъ другому противорѣчили въ отвѣтахъ на одни и тѣ же вопросы. Стоитъ развернуть любаго казуиста, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Одинъ называетъ дѣло грѣхомъ смертнымъ, другой простительнымъ, третій вовсе не грѣхомъ. Изъ этихъ мнѣній только одно можетъ быть истинно, остальныя непремѣнно ложны; о томъ, которое истинно, идутъ продолжительные, горячіе споры; но, не смотря на то, всѣ три мнѣнія почитаются правдоподобными, то есть надежными и безопасными, какъ правила для руководства совѣсти, ибо всѣ три поддерживаются авторитетами. Всѣми тремя мнѣніями, въ совокупности взятыми, опредѣляются границы правдоподобія по данному вопросу. Это не предположеніе и не исключеніе, а общее и коренное правило, всѣми казуистами признанное. Въ этомъ они всѣ между собою согласны. Мнѣніе, прослывшее прав-

доподобнымъ, хотя бы впослѣдствіи оно было опровергнуто, остается навсегда правдоподобнымъ и лишается этого свойства лишь въ случаѣ торжественнаго осужденія его церковною властью, то есть папою. Съ этой минуты, оно перестаетъ быть правдоподобнымъ. Таково, по крайней мѣрѣ, требованіе теоріи, а практика обнаружится дальше. Понятно, что при встрѣчѣ съ массою противоположныхъ, хотя и правдоподобныхъ мнѣній, совѣсть часто становилась въ тупикъ. Какъ быть въ подобныхъ случаяхъ, кому вѣрить, чѣмъ руководствоваться въ выборѣ?

Не взять ли за правило, изъ многихъ правдоподобныхъ и между собою непримиримыхъ мнѣній, слѣдовать всегда правдоподобнѣйшему, по свидѣтельству совѣсти, ищущей вразумленія? — Повидимому, это было бы всего сообразнѣе съ требованіемъ добросовѣстности, такъ высоко поставленнымъ въ началѣ: но Іезуиты, принимая къ сердцу человѣческую немощь, не усматриваютъ въ этомъ надобности. Они находятъ, «что это было бы невыносимо тяжело и подало бы поводъ мнительнымъ совѣстямъ тревожиться сомнѣніями.» (Busen. L. T. I. C. II. D. II. R.)

Или, не держаться ли того мнѣнія, которое представляетъ наименѣе опасности впасть въ грѣхъ, иными словами: не воздерживаться ли отъ всего сомнительно-законнаго и дозволеннаго? — Опытные мужи и этого не требуютъ. Предложенные вопросы разрѣшаются очень просто. Вотъ одинъ отвѣтъ:

1) «Говоря вообще, пока мы основываемся въ нашихъ дѣйствіяхъ на какомъ бы то ни было правдоподобіи, внутреннемъ или внѣшнемъ (sive intrinseca, sive extrinseca), хотя бы на самомъ слабомъ (quantumvis tenui), лишь бы только оно не выходило изъ границъ правдоподобія, до тѣхъ поръ мы дѣйствуемъ осмотрительно (prudenter)». Изъ этого общаго правила выведены слѣдующія, въ примѣненіи къ судьямъ:

2) «Правдоподобно ученіе, разрѣшающее судьѣ, при постановленіи приговора, руководствоваться мнѣніемъ менѣе правдоподобнымъ (откинувъ правдоподобнѣйшее)».

3) «Когда обѣ стороны приводятъ въ свою пользу основанія одинаково правдоподобныя, судья можетъ взять деньги отъ одного изъ тяжущихся, чтобъ произнести приговоръ въ его пользу». Это переведено буквально, а попробуйте сказать Іезуитамъ, что теоріею правдоподобія оправдывается взяточничество, и васъ непремѣнно назовутъ клеветникомъ.

Эти три тезиса, за 15 лѣтъ до выхода того изданія книги Бузенбаума, которымъ я пользуюсь, были осуждены и прокляты папами Александромъ VII и Инокентіемъ XI; ихъ декреты припечатаны въ приложеніяхъ къ этому изданію (Propositiones damnatae 24 Sept. 1665, № 26. 2 Mart. 1679 №№ 2. 3).

Любопытно теперь посмотрѣть, на сколько нашъ добродѣтельный руководитель воспользовался уроками

Римскихъ первосвященниковъ и какъ онъ разрѣшилъ вопросъ. Вотъ его отвѣтъ:

«Нисколько не грѣша, можно слѣдовать мнѣнію правдоподобному, *даже чужому* (въ противоположность голосу своей совѣсти) и *менѣе безопасному, отвергнувъ правдоподобнѣйшее, безопаснѣйшее свое собственное*, лишь бы во-первыхъ, не подвергался черезъ это опасности или ущербу ближній [65]), и во вторыхъ, принимаемое мнѣніе было бы все-таки правдоподобно. Таково (прибавляетъ авторъ) сужденіе большей части учителей» (Busen. L. I. Tr. I. C. II. Dub. II. Res.).

Приговоры Римскихъ первосвященниковъ, какъ видно, не помѣшали автору остаться при своемъ, и авторитетъ опытныхъ мужей перевѣсилъ въ его глазахъ авторитетъ боговдохновенныхъ владыкъ Латинской церкви. Это одинъ изъ очень многихъ примѣровъ единства, которымъ она славится, и хвалепаго послушанія Іезуитовъ.

Изъ приведенныхъ выписокъ, само собою вытекаетъ слѣдующее заключеніе, котораго авторъ впрочемъ и не скрываетъ, заявляя его въ разныхъ мѣстахъ своей книги: «Въ выборѣ мнѣнія изъ нѣсколькихъ правдоподобныхъ, всякій можетъ руководствоваться своими

---

[65]) Изъ примѣровъ, которые будутъ приведены ниже, читатель удостовѣрится, что эта оговорка вставлена только для формы и, при разрѣшеніи отдѣльныхъ казусовъ, совершенно забывается.

выгодами и слѣдовать на практикѣ тому, которое наименѣе его стѣсняетъ и наиболѣе ему благопріятствуетъ (opinio favorabilior, magis sibi favens).»

На тѣхъ же основаніяхъ, составлена слѣдующая инструкція для духовниковъ:

«Духовникъ, а равно всякій ученый мужъ (къ которому обращаются за совѣтомъ) можетъ отвѣчать опрашивающему, руководствуясь *чужимъ*, правдоподобнымъ мнѣніемъ, если оно благопріятнѣе для опрашивающаго, и *устранить свое собственное мнѣніе*, хотя бы оно было *правдоподобнѣе* и *безопаснѣе*; ибо самъ духовникъ могъ бы смѣло послѣдовать первому мнѣнію» — это ученіе Бузенбаума, а Эскобаръ прибавляетъ отъ себя, въ практическихъ правилахъ Іезуитской школы (praxis ex Societatis Jesu scola): «Чѣмъ чаще духовникъ будетъ совѣтовать то, что можетъ быть исполнено опрашивающимъ его легче, съ наименьшею опасностью и наименьшимъ для него неудобствомъ, тѣмъ лучшимъ прослыветъ онъ совѣтникомъ.» (Busen. Lib. I. Tr. I. C. II. Dub. II. Cas. I. Escob. Lib. Th. Mor. Ex. III. Cap. VI. 24).

«Призванный на совѣтъ можетъ также заявить опрашивающему, что такое-то мнѣніе нѣкоторыми учеными защищается какъ правдоподобное и что онъ (опрашивающій) можетъ имъ руководствоваться, хотя самъ подающій совѣтъ признаетъ это мнѣніе въ теоріи (speculative) ложнымъ и потому не посмѣлъ бы по-

слѣдовать ему на практикѣ». Тому же учитъ Равиньяново свѣтило, геніальный Васкезъ.

«Исповѣдующемуся, когда онъ заявляетъ намѣреніе послѣдовать мнѣнію правдоподобному, духовникъ можетъ и даже, по общепринятому мнѣнію, обязанъ, подъ страхомъ смертнаго грѣха, дать отпущеніе (хотя бы самъ считалъ это мнѣніе ложнымъ), не отсылая кающагося къ другому духовнику, раздѣляющему его мнѣніе; ибо хорошо расположенному не должно отказывать въ отпущеніи грѣховъ, а готовность послѣдовать правдоподобному мнѣнію, сама по себѣ, свидѣтельствуетъ объ удовлетворительности внутренняго расположенія».

«Не подлежатъ осужденію тѣ, которые поочередно обращаются ко многимъ учителямъ, пока наконецъ отыщутъ такого, котораго мнѣніе было бы для нихъ благопріятно, лишь бы этотъ учитель былъ опытенъ, благочестивъ и не слылъ чудакомъ (non singularis habeatur); ибо таковые, самымъ этимъ исканіемъ, заявляютъ о своемъ намѣреніи послѣдовать мнѣнію правдоподобному.» (Busen. Lib. I. Tr. I. C. II. Dub. II. Cas. 2, 3, 4. Lib. VI Tr. IV C. II D. V. R. I. Cas. 2.)

И такъ, каждому разрѣшается поступать, разрѣшается другихъ наставлять, разрѣшается и даже вмѣняется въ обязанность давать отпущеніе, въ противность своему убѣжденію и свидѣтельству своей совѣсти. Спрашивается: много ли осталось отъ требованія

добросовѣстности, на которое такъ налегалъ и которымъ, повидимому, такъ дорожилъ авторъ въ началѣ? Не успѣли еще мы окончить первой книги его труда, а уже оно съежилось, улетучилось, обратилось въ нуль. Такова сила правдоподобія. Приведенныя цитаты бросаютъ нѣкоторый свѣтъ и на отношенія духовниковъ къ ихъ духовнымъ чадамъ. Извѣстно, что необыкновенные успѣхи Іезуитовъ въ дѣлѣ исповѣди и такъ называемаго направленія совѣсти (la direction des consciences) издревле служили имъ однимъ изъ главныхъ поводовъ къ самовосхваленію, на которое они никогда не скупились [66]. Что правда, то правда. Ни бѣлое духовенство, ни другіе монашескіе Ордена не могли, на этомъ поприщѣ, выдержать ихъ соперничества; они

[66]) Въ книгѣ, изданной по поводу столѣтняго юбилея Іезуитскаго Ордена, о которой было уже упомянуто въ первомъ письмѣ (Imago primi saeculi) перечисляются разные подвиги общества и, между ними, разумѣется, одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ исповѣдь и направленіе совѣстей. Вотъ подлинныя слова: «Кающіеся почти вламываются къ намъ въ двери... благодаря нашей благочестивой, религіозной находчивости, благодаря заботливости нашей о духовномъ просвѣтленіи людей, нынѣ нечестивыя дѣла гораздо скорѣе очищаются и искупаются, чѣмъ творятся; едва успѣетъ человѣкъ запятнать себя грѣхомъ, какъ ужъ мы его омоемъ и очистимъ». — Понятно, что какой-нибудь старый прелюбодѣй въ родѣ Людовика XIV, по счастливому выраженію современника, выбивавшій себѣ отпущеніе на спинахъ Гугенотовъ и Жансенистовъ, не могъ обойтись безъ духовника-Іезуита и безпрестанно забѣгалъ въ прачешную своего Père Annat. См. Ellendorf. pag. 264 и Hist. des Jésuites par l'abbé Guettée, t. l. p. 428—442.

всегда и вездѣ у всѣхъ перебивали лавочку. Но что значилъ этотъ успѣхъ? Дѣйствительно ли толпа, валившая къ Iезуитамъ за отпущенiемъ своихъ грѣховъ, свидѣтельствовала объ оживленiи благочестiя и о подъемѣ общественной нравственности? Не гораздо ли вѣроятнѣе, что ее привлекала дешевизна отпущенiя? Испорченное общество искало не врачеванiя, а поблажки; Iезуиты угадали его вкусъ и предложили ему обуявшей соли по спущенной цѣнѣ. Толпа отвѣдала и осталась довольна.

Спрашивается: по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ подъ рукою готоваго, правдоподобнаго мнѣнiя, за которымъ бы можно было спрятаться, когда недоумѣнiе истекаетъ изъ сомнительности не права, а факта, не слѣдуетъ ли отдавать предпочтенiе безопаснѣйшему выходу?

«Отнюдь не всегда (отвѣчаетъ авторъ). Очень можно избрать выходъ хотя и не столь безопасный, но болѣе благопрiятный для свободы недоумѣвающаго (т. е. наименѣе стѣсняющiй ее), если только недоумѣвающiй дѣйствительно владѣетъ свободою выбора (dummodo sit in possessione libertatis) по извѣстной аксiомѣ (Римскаго гражданскаго права): въ случаяхъ сомнительныхъ, дается предпочтенiе фактическому владѣнiю, in dubio melior est conditio possidentis [67])». Это-

---

[67]) Это правило играетъ очень важную роль въ Iезуитскомъ нравственномъ богословiи и далѣе, въ статьѣ о законѣ, объяснится способъ его примѣненiя къ разрѣшенiю вопросовъ совѣсти.

му отнюдь не противорѣчитъ другая аксіома, по которой, въ сомнительныхъ обстоятельствахъ, должно избирать безопаснѣйшій путь (то есть воздерживаться отъ всего сомнительно-дозволеннаго); ибо (по оригинальному толкованію автора) примѣненіе ея строго обязательно въ тѣхъ только случаяхъ, когда предстоитъ выборъ между сомнительнымъ съ одной стороны и несомнѣннымъ съ другой; когда же оба выхода безопасны, она не имѣетъ силы обязательнаго правила, а лишь совѣта. (L. I. Tr. I. C. II. D. III. R.)

Вотъ образцы разрѣшеній на частные случаи.

«Если, наканунѣ поста, ты усомнишься: пробило ли двѣнадцать часовъ ночи? и если, по внимательномъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, тебѣ не удастся разрѣшить это недоумѣніе, то ты можешь ужинать и ѣсть мясное. На оборотъ, если нынѣ день постный, и ты недоумѣваешь: миновалъ-ли онъ? то ѣсть не должно. Все это относится къ случаямъ въ строгомъ смыслѣ сомнительнымъ (de dubio stricte sumpto), а не къ тѣмъ, въ которыхъ представляется достаточное основаніе къ устраненію всякаго недоумѣнія. Напримѣръ, еслибъ на однихъ часахъ пробило двѣнадцать, а на другихъ нѣтъ, то, въ этомъ случаѣ, двое часовъ уподобились бы двумъ учителямъ или двумъ правдоподобнымъ мнѣніямъ и потому ничто бы не помѣшало принять по желанію показаніе тѣхъ или другихъ часовъ, если нѣтъ положительной увѣренности, что одни идутъ невѣрно».

«Если ты недоумѣваешь, не поужиналъ ли ты, или не проглотилъ ли чего нибудь по полуночи (masticando aliquid deglutiveris), то въ этотъ день ты не долженъ ни совершать литургіи, ни пріобщаться Святыхъ Таинъ; впрочемъ, и противное этому мнѣніе правдоподобно, даже безопасно на практикѣ (по мнѣнію одного учителя), ибо, между прочимъ, того нельзя обвинить въ нарушеніи благоговѣнія къ святынѣ, кто можетъ оправдать свой поступокъ ссылкою на вѣроятность, допускаемую гражданскимъ правомъ» (neque censetur irreverens qui juris praesumptionem sequitur. L. I. Tr. I. C. II. D. III. R. Cas. 5. 6).

Вотъ еще курьезное примѣненіе правдоподобія къ медицинской практикѣ: «Спрашивается, можетъ-ли врачъ, за отсутствіемъ несомнѣнно-вѣрнаго средства, прописать больному лѣкарство правдоподобное, то есть вѣроятно полезное, если, при этомъ, самъ врачъ держится *болѣе правдоподобнаго* мнѣнія, что это лекарство повредитъ больному? — Можетъ, отвѣчаетъ на вопросъ ученый Азоръ; ибо нельзя осудить поступка, основаніемъ которому служитъ правдоподобное заключеніе (Escob. Ex. III. C. VI. § 25). Любопытно бы узнать: лѣчатся ли сами Іезуиты, въ случаѣ болѣзни, у *своихъ?*

Бываютъ однако на свѣтѣ совѣсти несговорчивыя, такъ называемыя мнительныя (conscientiae scrupulosae). Чтобъ ихъ закупить, необходимы какія-нибудь приманки. Авторъ предлагаетъ имъ между прочимъ:

«во-первыхъ пріучить себя слѣдовать правиламъ болѣе легкимъ (mitiores, въ противоположность строгимъ) и *менѣе безопаснымъ* (minus tutas); во-вторыхъ, твердо знать данныя людямъ мнительнымъ *привиллегіи*, къ числу коихъ принадлежитъ слѣдующая: право къ дѣйствіямъ своимъ прилагать самую лишь малую, сравнительно съ другими людьми, долю вниманія (L. I. Tr. I. C. III. R. 4).

Съ такимъ арсеналомъ правилъ, чего не смогутъ опытные мужи? Знаменитый Эскобаръ, въ одномъ мѣстѣ своего пространнаго Богословія, оглянувъ неистощимый запасъ доводовъ, опроверженій и оговорокъ, накопленныхъ трудолюбивыми казуистами, и удостовѣрившись собственнымъ опытомъ въ легкости, съ которою весь этотъ грузъ приводится въ движеніе рычагомъ правдоподобія, приходитъ въ восторгъ и въ порывѣ лирическаго одушевленія восклицаетъ:

«По истинѣ, созерцая это обиліе разнообразныхъ сужденій о предметахъ правственности, я усматриваю въ немъ благодатное дѣйствіе Промысла, захотѣвшаго, многообразіемъ мнѣній, облегчить для насъ ношеніе Господняго бремени. Такъ, Провидѣнію угодно, чтобъ можно было, въ области нравственной дѣятельности, идти различными путями и чтобы въ одномъ и томъже дѣлѣ, слѣдованіе одному мнѣнію, также какъ и слѣдованіе другому, противоположному, могло быть оправдано и признано за дѣло доброе».

«Напримѣръ (продолжаетъ этотъ великій наставникъ) подданные обязываются правдоподобнымъ мнѣніемъ уплачивать подати, и въ тоже время, другимъ, правдоподобнымъ же мнѣніемъ, освобождаются отъ этой обязанности».

Это, кажется, крайній предѣлъ цинизма. Но, можетъ быть, читатели спросятъ: кстати ли поднимать теперь эту смердящую, давно схороненную старину? Рѣчь идетъ о Іезуитахъ настоящаго времени; можетъ ли быть, чтобъ они сами не отреклись отъ этихъ соблазновъ и не покаялись, хоть заднимъ числомъ, въ грѣхахъ, которыми хвалились ихъ такъ называемые благочестивые мужи? Въ отвѣтъ на этотъ, естественно представляющійся вопросъ, можно сказать слѣдующее: новѣйшіе Іезуиты избѣгаютъ объясненій о своихъ ученыхъ свѣтилахъ XVII и XVIII вѣковъ; они не любятъ говорить объ нихъ, стараются даже умалить ихъ значеніе и выставляютъ ребромъ тѣхъ немногихъ, очень немногихъ писателей Ордена, которые отдѣлялись отъ общаго направленія школы; но новѣйшіе Іезуиты приняли наслѣдство своихъ предковъ безоговорочно и безусловно; они не перестаютъ и теперь поносить достойнѣйшихъ обличителей казуистики и бросать грязью въ Паскаля; наконецъ, они не только не отреклись отъ старыхъ своихъ учителей и не покаялись за нихъ, но даже не признаютъ ихъ вины передъ человѣческою совѣстью и нагло отрицаютъ ее.

Въ сороковыхъ годахъ вышла въ свѣтъ исторія Іезуитскаго Ордена, подписанная Кретино-Жоли и продиктованная Іезуитами. Вотъ его характеристика казуистовъ Ордена, о которыхъ, по поводу писемъ Паскаля, нельзя было не сказать двухъ словъ: «Они (казуисты) пытались осуществить сдѣлку между безконечнымъ совершенствомъ и порочною природою человѣка. Глубоко посвященные во всѣ тайны сердца человѣческаго, они пришли къ тому убѣжденію, что крайнею строгостью порождается лишь распущенность, тогда какъ благоразумною уступчивостію возстановляются упадающія силы. Они относились почтительно къ таинственному величію догматовъ и не имѣли другой цѣли какъ только популяризировать религію посредствомъ комбинаціи требованій нравственной жизни съ нѣкоторыми изъ господствующихъ въ свѣтѣ мнѣній... Съ самаго возникновенія христіанства, свѣтъ жаловался на строгость нѣкоторыхъ заповѣдей; Іезуиты поспѣшили на помощь недовольнымъ и т. д.» [68]). Очевидно, это не отреченіе, а оправданіе и апологія.

Около того же времени, то есть въ сороковыхъ годахъ, въ Парижскомъ большомъ свѣтѣ славился Іезуитъ отецъ Равиньянъ. Іезуиты долго съ нимъ носились; ils l'ont fait mousser, сколько могли.

Судя по слухамъ, онъ обладалъ ораторскимъ искусствомъ и умѣлъ завлекать на свои бесѣды, въ собор-

---

[68]) Histoire religieuse, politique et littéraire de la Compagnie de Jésus etc. etc. t. 4, p. 40 et 41. Edit. 2. Paris 1846.

ную церковь Парижской Божіей Матери, столичное, великосвѣтское общество, людей лучшихъ фамилій, такъ что, на время, затмилъ собою другія свѣтила одного съ нимъ созвѣздія — Рубини, Нури и Рашель. Судя по сочиненіямъ его, это былъ напыщенный адвокатъ, совершенно обдѣленный религіознымъ смысломъ, но одаренный способностью пристращиваться къ своему предмету, защищать и опровергать все на свѣтѣ, при этомъ не чуждый въ образѣ выраженія нѣкоторой довольно эффектной дерзости, съ примѣсью приторной елейности. Книжка его: «О существованіи Іезуитовъ и объ учрежденіи ихъ Ордена» [69]) была какъ бы манифестомъ, которымъ болѣзненный остатокъ Ордена во Франціи, дотолѣ скромно таившійся, сбросилъ съ себя всѣ покровы и громогласно повѣдалъ о своемъ возрожденіи.

Посмотримъ же, какъ отнесся къ ученію о правдоподобіи этотъ новѣйшій изъ великихъ мужей Лойоловой дружины.

Я уже привелъ то мѣсто изъ брошюры о. Равиньяна, въ которомъ онъ такъ рѣшительно заявляетъ о несомнѣнныхъ признакахъ богословскаго генія въ твореніяхъ Суарія и Васкеза; но по справкѣ оказывается, что оба эти свѣтила первой величины ни въ чемъ не расходятся съ Бузенбаумомъ и Эскобаромъ въ ученіи о правдоподобіи и даже проводятъ его далѣе, чѣмъ нашъ

---

[69]) De l'existence et de l'institut des Jésuites par le R. P. de Ravignan de la Comp. de Jésus. Paris 1844.

добродѣтельный и осторожный руководитель. Вотъ доказательства:

«Когда представляются два противоположныхъ, и въ тоже время, правдоподобныхъ мнѣнія о позволительности или непозволительности того или другаго поступка, разрѣшается всякому принять въ руководство то изъ нихъ, которое *наиболѣе ему нравится*, хотя бы онъ про себя *признавалъ это мнѣніе наименѣе правильнымъ*». — Этому учитъ Суарій.

«Судья, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, можетъ, при произнесеніи приговора, откинуть свое собственное убѣжденіе, кажущееся ему наиболѣе правильнымъ, и *основаться на мнѣніи противоположномъ*, хотя бы онъ считалъ его *менѣе правильнымъ* (разумѣется, если оно имѣетъ признакъ правдоподобія)». Этому учитъ Васкезъ.

«Отказывать въ отпущеніи кающемуся, поступившему на основаніи правдоподобнаго мнѣнія (каково бы оно ни было само по себѣ), есть смертный грѣхъ». Этому учатъ, въ одинъ голосъ, оба богословскія свѣтила, Суарій и Васкезъ.

«Духовникъ обязанъ давать отпущеніе и противъ собственнаго своего убѣжденія, въ тѣхъ случаяхъ, когда кающійся поступилъ или намѣревается поступить согласно правдоподобному мнѣнію, хотя бы самъ духовникъ находилъ это мнѣніе неправильнымъ *и хотя бы содѣянный или предположенный*

кающимся поступокъ сопряженъ былъ съ ущербомъ для третьяго лица». Такъ далеко не заходилъ и Бузенбаумъ, но такъ учатъ Суарій и Васкезъ.

«Когда духовный сынъ обращается въ сомнительномъ случаѣ за наставленіемъ къ своему духовнику, послѣдній смѣло можетъ присовѣтовать ему поступить на основаніи правдоподобнаго мнѣнія, наиболѣе выгоднаго и благопріятнаго для опрашивающаго, хотя бы самъ духовникъ считалъ это мнѣніе неправильнымъ». Это ученіе Эскобаръ вычиталъ у Васкеза (Ellend. p. 7, 8, 17, 21, 22, 23. Escob. Lib. th. mor. Exam. III. C. VI. § 24.)

И такъ, по мнѣнію Равиньана, *нашего современника*, можно быть геніальнымъ богословомъ, свѣтильникомъ науки и придерживаться теоріи пробабилизма, не отступая отъ самыхъ возмутительныхъ ея примѣненій.

Но какъ человѣкъ умный, Равиньянъ не могъ не понять, что послѣ Паскаля, Іезуитамъ нашего времени было бы слишкомъ невыгодно, по примѣру ихъ предшественниковъ, принять на себя полную и всецѣлую отвѣтственность за ученіе, возбудившее такое единодушное негодованіе, а потому, чтобъ уклониться какънибудь отъ этой отвѣтственности, онъ поднялся на адвокатскую хитрость. Послушайте его: «Съ чего это взяли приписывать Іезуитамъ, однимъ Іезуитамъ и всѣмъ Іезуитамъ, ученіе о правдоподобіи? Не они его

выдумали; оно было въ ходу у казуистовъ, задолго до учрежденія общества. Правда, многіе изъ писателей общества, пристали къ этому ученію, но за то *многіе изъ Іезуитскихъ богослововъ* (plusieurs théologiens de la compagnie) оспоривали его. Къ чему жь тутъ припутывать *все* общество?» Такъ разсуждаетъ о. Равиньанъ и, въ доказательство, указываетъ на *одного* изъ генераловъ Ордена, Ѳирса Гонзалеса, прибавляя: «самые сильные доводы противъ пробабилизма, какіе только мнѣ извѣстны, я нашелъ въ его твореніи».

Оказывается, что *многіе* богословы сводятся *къ одному* богослову. Правда — этотъ одинъ, какъ генералъ, стоитъ многихъ; но не полюбопытствуетъ ли читатель узнать, какъ было принято обществомъ его ученіе? Объ этомъ я могу сообщить интересную справку.

Въ то еще время, когда Ѳирсъ Гонзалесъ былъ простымъ преподавателемъ, онъ написалъ книгу противъ доктрины о правдоподобіи, и по заведенному порядку, отправилъ ее на предварительный просмотръ къ тогдашнему генералу Ордена, Оливѣ. Разсмотрѣніе ея было поручено *пятерымъ Іезуитамъ*, которые, *единогласно, осудили сочиненіе своего собрата за излишнюю строгость нравственныхъ требованій,* прямо противоположную общепринятой и удобнѣйшей системѣ *снисходительнаго руководства*. Черезъ нѣсколько лѣтъ, папа Иннокентій XI, тотъ самый, который въ 1679 году разгро-

милъ 65 Іезуитскихъ тезисовъ, узнавъ о книгѣ Гонзалеса, поручилъ другимъ Богословамъ *не Іезуитамъ*, разсмотрѣть ее вновь: на сей разъ, книга была одобрена, но не безусловно; нашли, что нравственныя требованія автора могли бы быть ***строже.*** Папа приказалъ издать ее и, въ то же время, поручилъ генералу запретить членамъ Ордена писать противъ нея; но ни то, ни другое приказаніе исполнено не было, и самъ Гонзалесъ, боясь ослушаться своего генерала, отказался, подъ разными предлогами, отъ изданія своей книги. Когда умеръ генералъ Олива, Иннокентій XI настоялъ на томъ, чтобы въ преемники ему избранъ былъ Гонзалесъ, и затѣмъ, оба вмѣстѣ, то есть папа и Гонзалесъ, въ качествѣ генерала, предложили общему собранію Іезуитскаго Ордена осудить ученіе о правдоподобіи и отступиться отъ него; но это имъ не удалось—оппозиція пересилила. Въ состоявшемся тогда постановленіи общества значится: «по поводу распространившихся слуховъ будто бы общество усвоило себѣ и вмѣнило въ обязанность всѣмъ своимъ членамъ, совокупными силами, отстаивать доктрину учителей, утверждающихъ, что можно, на практикѣ, слѣдовать мнѣнію менѣе правдоподобному и болѣе благопріятному для личной свободы, откинувъ правдоподобнѣйшее и гласящее въ пользу обязательности закона, собраніе заявляетъ, что оно не воспрещало и не воспрещаетъ *предпочитающимъ* противное ученіе, держаться его».

Вотъ все, чего могли добиться папа и генералъ. Черезъ пять лѣтъ по выходѣ этого декрета, Гонзалесъ собрался было вновь издать свою книгу; но приставленные къ нему отъ общества ассистенты (совѣтники и вмѣстѣ шпіоны) воспротивились этому двумя протестами и вслѣдъ за тѣмъ обратились съ жалобою къ папѣ. Они грозили, въ случаѣ отказа, поступить на основаніи конституцій Ордена, то есть: созвать общество для суда надъ генераломъ. Эта угроза потому только не осуществилась, что папа и нѣмецкій императоръ горячо заступились за Гонзалеса. Наконецъ, его книга вышла въ Детлингенѣ, въ 1691 году, и, три года спустя, въ Римѣ; но это было поставлено ему въ упрекъ Іезуитами, какъ актъ деспотизма [70]). Разумѣется, добросовѣстный о. Равиньанъ не говоритъ обо всемъ этомъ ни полслова. Къ чему? Авось читатели не догадаются.

И такъ, въ Іезуитской богословской литературѣ, отъискалась *одна* книга, въ которой ученіе о правдоподобіи оспоривается; эта книга, не смотря на то, что была писана генераломъ Ордена и что папа принялъ ее подъ свое покровительство, не могла быть издана съ одобренія или, хотя бы, съ согласія общества. Мало того, она вызвала, со стороны всего общества, едва ли не единственный, по своему упорству, случай противодѣй-

---

[70]) Les Constitutions des Jésuites etc. Paris. Paulin, 1843. Appendice C. C. 510—515. Тамъ же указаны и источники.

ствія всемогущему его начальнику, и этою-то книгою о. Равиньанъ доказываетъ, что Іезуиты, какъ общество или какъ школа, не подлежатъ отвѣтственности за ученіе о правдоподобіи. Послѣ этого, вѣрьте на слово Іезуитскимъ показаніямъ и ссылкамъ.

Кажется что самъ о. Равиньанъ сознавалъ слабость своей аргументаціи; по крайней мѣрѣ, онъ счелъ за нужное, не ограничиваясь простымъ отреченіемъ, коснуться сущности вопроса и представить оправданіе пробабилизма. Этотъ второй его доводъ, по тѣсной его связи съ ученіемъ о законѣ, разсмотрѣнъ будетъ ниже; здѣсь же, я ограничусь приведеніемъ нѣсколькихъ строкъ, служащихъ введеніемъ. О. Равиньанъ говоритъ: «выслушавъ меня, всякій увидитъ, что пробабилизмъ вовсе не заключаетъ въ себѣ глупости (cette sottise), предполагаемой въ немъ многими людьми, подразумѣвающими подъ этимъ, будто бы добро и зло, во всякомъ случаѣ, одинаково правдоподобны».

Не смѣю ручаться за читателя; но что касается до меня, то я безусловно причисляю себя къ разряду этихъ многихъ людей; сознаюсь, я дѣйствительно вычиталъ эту глупость въ Бузенбаумѣ, въ Санчезѣ, Эскобарѣ, въ тезисахъ, осужденныхъ папою, и ее же встрѣтилъ на практикѣ въ исторіи Іезуитскаго Ордена. Да, эта глупость лежитъ въ основаніи всего нравственнаго, точнѣе безнравственнаго, ученія Іезуитовъ и мнѣ бы очень не хотѣлось попасть въ разрядъ тѣхъ лю-

дей умныхъ, которые этой глупости не видятъ или не хотятъ видѣть.

Не могу кстати не привести еще одного, крайне характеристичнаго цитата. Іезуитъ Карамюель, прославляя собрата своего, извѣстнаго богослова Діана, говоритъ объ немъ, между прочимъ: «Дивлюсь геніальности этого ученаго! Одни лишь завистники могутъ отрицать, что его остроумію удалось возвести на степень правдоподобныхъ много такихъ мнѣній, которыя, до него, были неправдоподобны. И такъ, если эти мнѣнія стали правдоподобны, то благодаря именно ему, всѣ тѣ, которые слѣдуютъ имъ на практикѣ, теперь уже не грѣшатъ, тогда какъ прежде, до него, слѣдуя тѣмъ же мнѣніямъ, они грѣшили» (Ellend. p. 118). Что сказалъ бы на это о. Равиньанъ? Въ отношеніи къ нему, остается предположить одно изъ двухъ: или онъ никогда не заглядывалъ въ творенія своихъ учителей или, на оборотъ, до того проникся ими, что потерялъ не только всякую совѣстливость, но и всякое чувство литературнаго приличія.

Представивъ улики, считаю себя въ правѣ сказать, что теорія правдоподобія дѣйствительно устанавливаетъ безразличіе добра и зла и, слѣдовательно, неутрализируетъ, замариваетъ совѣсть. Совѣсти ужь нѣтъ. Нравственное мѣрило выкрадено изъ человѣческой души и перенесено въ книгу; ищите его тамъ. Le tour est joué, какъ говорятъ Французы.

III. О ЗАКОНѢ.

Покончивъ съ совѣстью, закруживъ и полонивъ ее, авторъ переходитъ къ внѣшнему правилу, данному человѣку въ руководство — къ закону.

Изложенію его ученія объ этомъ предметѣ необходимо предпослать нѣсколько общихъ понятій.

Спаситель засталъ народъ Божій подъ бременемъ закона, извнѣ опредѣлявшаго всѣ подробности его духовной жизни и матеріальнаго быта. Онъ упростилъ его и свелъ къ двумъ заповѣдямъ, о любви къ Богу и о любви къ ближнему, сказавъ, что на нихъ утверждается весь законъ и пророки (Матѳ. XX. II. 40). Эти двѣ заповѣди, одна другой подобныя и нераздѣльныя какъ два проявленія одной силы, ибо любовь къ ближнему есть отраженіе любви Божіей къ человѣчеству (Іоан. XV. 12) и истекаетъ изъ любви человѣка къ Богу, Спаситель назвалъ *своею* заповѣдью, заповѣдью *новою* (Іоан. XIII. 34. XV. 12).

Но самъ Богъ въ явленіи Бого-человѣка, открылъ Себя міру какъ любовь: Богъ любы есть, повѣдалъ Онъ о Себѣ устами ученика, котораго любилъ (Іоан. Посл. I. IV. 8) и оттого, новая заповѣдь, въ отличіе отъ прежнихъ, могла выразиться еще короче, въ словѣ: будьте совершены какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный (Матѳ. V. 48). Это ужь не законъ, въ тѣсномъ и точномъ смыслѣ слова, не правило, не форму-

ла дѣйствій, а живой идеалъ. Отъ подзаконнаго человѣчества требовалось послушаніе; усыновленное человѣчество вдохновляется къ единенію съ Искупившимъ его.

Любовь есть полное отождествленіе субъекта любящаго съ объектомъ любви. Истинно любящій отдается предмету своей любви безоговорочно и беззавѣтно; онъ погружается въ него всецѣло, въ немъ пребываетъ и не теряетъ своей свободы; напротивъ, ибо онъ влечется къ предмету своей любви, потому что ощущаетъ въ немъ начало и средоточіе своей собственной жизни, которая для любящаго не мыслима и не возможна въ разобщеніи съ источникомъ, изъ котораго она течетъ. Чѣмъ искреннѣе любовь, и чѣмъ она полнѣе, тѣмъ въ то же время свободнѣе. Спрашивается: легче ли стало усыновленному человѣчеству? И легче и труднѣе. Легче потому, что любовь не допускаетъ принужденія и не терпитъ неволи: Отецъ не принимаетъ отъ сына рабскаго послушанія. Труднѣе потому, что призывъ къ любви захватываетъ душу глубже и шире, чѣмъ всякій законъ; что нѣтъ ему ни границъ, ни предѣла; что сознанный идеалъ не достижимъ и что въ стремленіи къ нему, не можетъ быть ни полнаго удовлетворенія, ни роздыха. Совѣсть, хоть смутно познавшая что такое любовь, не скажетъ никогда: довольно, я отлюбила и выполнила свой урокъ.

Это ученіе Евангельское, ученіе Церкви; а вотъ другое, вышедшее изъ самыхъ основныхъ понятій Латин-

ства и развитое Іезуитами съ изумительною послѣдовательностію, до окончательныхъ изъ него выводовъ.

Человѣкъ, по природѣ своей, свободенъ, иными словами, можетъ дѣлать что хочетъ — это его право. Но оно ограничивается другимъ правомъ, Творца надъ тварью. Это послѣднее право выражается *въ законѣ*, который *обязываетъ* человѣка, тѣснитъ его свободу и требуетъ *повиновенія*. Повиновеніе — *долгъ* человѣка. И такъ, свобода съ одной стороны, законъ съ другой; разумѣется, законъ въ смыслѣ узды, задержки, преграды. Свобода *признаетъ* законъ и *подчиняется* ему, но не *безоговорочно*, а только въ мѣру несомнѣнной дѣйствительности его требованій и сообразно съ степенью ихъ обязательности, которая измѣряется свойствомъ кары, угрожающей нарушителю. Свобода удерживаетъ за собою свое право и требуетъ *проведенія ясныхъ границъ*. Это для нее дѣло капитальнаго интереса, главная задача, передъ которою все остальное блѣднѣетъ. По самой ея постановкѣ, можно догадаться, что діалектическій процессъ ея разрѣшенія приметъ непремѣнно характеръ тяжебнаго дѣла и всосетъ въ себя начало гражданскаго судопроизводства.

Общія, широкія и абсолютныя правила въ родѣ слѣдующихъ: не убій, не укради, люби ближняго, меня не удовлетворяютъ. Опредѣлите мнѣ въ точности, подробно и обстоятельно, чего именно, *въ каждомъ данномъ случаѣ*, хочетъ отъ меня *каждый законъ*, насколько *я непремѣнно обязанъ* его слушаться

и въ чемъ я свободенъ. Идеалъ — самъ по себѣ; пускай онъ остается для желающихъ, для охотниковъ, а ты укажи мнѣ, чего *безнаказанно* дѣлать или упускать нельзя?

На этотъ, ложно поставленный, неразрѣшимый и неисчерпаемый вопросъ, вызывались отвѣтить ветхозавѣтные законники; за него же взялись законники новаго завѣта — латинскіе казуисты. Но между ними есть разница: первые родились подъ закономъ и въ немъ остались: вторые вышли и вывели за собою Западную Европу изъ царства любви и обратили ее назадъ, въ подзаконное рабство. Затѣмъ, пріемъ у тѣхъ и у другихъ одинаковъ. Подобно своимъ предшественникамъ, казуисты новаго завѣта раздробили то, что̀ Спасителемъ было слито; они искрошили *законъ* на *законы*, раздробили *грѣхъ* на *грѣхи* и попытались каждый законъ примѣнить къ каждому возрасту, полу, званію, къ каждой обстановкѣ и къ каждому случаю. Разумѣется, они растерялись въ подробностяхъ, и съ ними повторилось тоже, что̀ было съ книжниками и фарисеями: они задушили Слово Божіе, опутавъ его сѣтью своихъ преданій.

Новозавѣтная казуистика выдумана не Іезуитами. Она родилась раньше ихъ, отъ латинскаго корня, который проросъ сквозь западное христіанство, какъ только оно отложилось отъ вселенскаго общенія и зажило своею, мѣстною жизнью [71]). Но Іезуиты овладѣли ка-

[71]) Первые, конечно слабые и безсознательные зародыши

зуистикою, усвоили ее себѣ и развили до уродливыхъ послѣдствій, въ извѣстномъ, имъ по преимуществу принадлежащемъ направленіи. Въ школѣ казуистовъ можно различить двѣ партіи: сторонниковъ закона и сторонниковъ такъ называемой свободы. Іезуиты пристали къ послѣдней и рѣшительнѣе всѣхъ приняли сторону свободы противъ закона. Этимъ-то и закупались совѣсти. Ихъ система можетъ быть вкратцѣ выражена слѣдующими словами:

Человѣкъ владѣетъ свободою, а впредь до предъявленія полныхъ и неопровержимыхъ доказательствъ, фактическое владѣніе пользуется преимуществомъ неприкосновенности — это аксіома права: melior est conditio possidentis. По отношенію къ закону, человѣкъ отвѣтчикъ, ибо законъ на него наступаетъ и посягаетъ на его свободу, требуя отъ него послушанія; пусть же законъ подкрѣпляетъ свой искъ доказательствами; volenti obligationem imponere quae libertate privet, incumbit probatio — это другая аксіома права [72]). Мы же будемъ отстаивать свои интересы, отбиваться, какъ знаемъ, и откупаться; будемъ обрѣ-

---

латинскаго понятія о свободѣ встрѣчаются у западныхъ писателей очень рано. Вспомнимъ, напримѣръ, изреченіе блаженнаго Августина, которое такъ часто цитуется Іезуитами и, кажется, приходится имъ такъ по сердцу: in necessariis *unitas*, in dubiis *libertas* etc., то есть, единство, не какъ проявленіе свободы, а какъ терминъ ей противоположный.

[72]) Оба эти положенія безпрестанно встрѣчаются въ твореніяхъ Бузенбаума, Эскобара, Санчеза и другихъ.

зывать, сжимать законъ и толковать его въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, будемъ, до послѣдней возможности, ограничивать его примѣненія, возводя частные, исключительные случаи на степень правилъ, обобщая изъятія; будемъ изобрѣтать способы обходить законъ, будемъ запасаться отговорками и оправданіями для всякаго рода нарушеній — это наше право.

Тоже самое, только разумѣется съ нѣкоторыми утайками, говоритъ и отецъ Равиньанъ въ оправданіе пробабилизма [73]). Бузенбаумъ этихъ общихъ основаній

---

[73]) Вотъ подлинныя его слова: «Человѣкъ свободенъ: законъ долга сковываетъ свободу лишь въ томъ случаѣ, когда налагаемая имъ обязанность несомнѣнна. Законъ сомнительный или несознанный, не законъ: онъ не отнимаетъ у человѣка несомнѣннаго права на свободу дѣйствій. И такъ, когда въ совѣсти возникаетъ основательный, разумный поводъ усомниться въ дѣйствительности существованіи закона или долга, когда представляются полновѣсныя соображенія и полновѣсные авторитеты, достаточные для убѣжденія человѣка мудраго и клонящіеся къ утвержденію недѣйствительности или, по крайней мѣрѣ, сомнительности и недостовѣрности существованія спорной обязанности, тогда свобода пользуется преимуществомъ такъ называемаго правдоподобнаго мнѣнія. Такимъ образомъ, говоритъ теологъ, въ случаяхъ сомнительныхъ, по разумномъ изслѣдованіи, и въ тѣхъ отдаленныхъ и темныхъ примѣненіяхъ кореннаго закона, въ которыхъ обязанность не совсѣмъ очевидна и недостаточно опредѣлена, человѣкъ остается свободнымъ и предписаніемъ не вяжется; въ такихъ обстоятельствахъ, предписаніе — не законъ; дѣйствительно правдоподобно, что закона нѣтъ, свобода еще держится (dure encore), ничто не стѣсняетъ ее, и т. д.». Здѣсь коренная враждебность отношеній между *свободою* и *закономъ*— это основное понятіе ветхозавѣтнаго, латинствомъ обновленнаго

въ своемъ учебникѣ не касается, но онъ предполагаетъ ихъ и безпрестанно на нихъ ссылается, какъ на общепризнанное. Читатели встрѣтятся съ ними не разъ и узнаютъ ихъ въ дальнѣйшемъ изложеніи его ученія, къ чему я сейчасъ приступлю; но прежде я позволю себѣ, однимъ примѣромъ, уяснить окончательно разницу между Евангельскимъ понятіемъ объ отношеніяхъ человѣка къ Богу и понятіемъ Іезуитскимъ.

Можетъ ли придти въ голову православному человѣку возбудить такой вопросъ: въ какой мѣрѣ, на сколько, когда, сколько разъ въ жизни, при какихъ именно обстоятельствахъ, обязанъ я любить Бога? — Мы приняли бы этотъ вопросъ за кощунство, а онъ стоитъ во всѣхъ Іезуитскихъ курсахъ нравственнаго

воззрѣнія, признана авторомъ, какъ нельзя положительнѣе; даже предложенная имъ характеристика Іезуитскаго ученія была бы вѣрна, еслибъ онъ прибавилъ къ ней: 1) что благочестивые и мудрые мужи участвуютъ въ нескончаемой тяжбѣ между закономъ и свободою, какъ стряпчіе и ходатаи свободы, только принарядившіеся въ судейскую тогу; 2) что они не ограничиваются разрѣшеніемъ сомнѣній, а преднамѣренно изобрѣтаютъ и возбуждаютъ ихъ; 3) что такъ какъ каждый случай, къ которому прикидывается законъ, имѣетъ свои особенности и слагается изъ множества разнообразныхъ данныхъ, то *прямыхъ* и непосредственныхъ примѣненій закона къ жизни, на практикѣ, не бываетъ вовсе; поэтому всѣ, безъ изъятія, примѣненія относятся къ разряду *отдаленныхъ* и *темныхъ* (по выраженію автора), а льгота въ пользу свободы, которую онъ выдаетъ за исключеніе, благодаря стараніямъ и ловкости стряпчихъ, превращается въ общее правило.

богословія; благочестивые мужи, нисколько не подозрѣвая его дикости, написали, для разрѣшенія его, цѣлые трактаты и додумались вотъ до чего. Во-первыхъ, по ихъ ученію, заповѣдь любви къ Богу есть не заповѣдь по преимуществу, не общее основаніе всѣхъ заповѣдей, а просто *законъ*, какъ и всякій другой, или одинъ *изъ многихъ законовъ*, такой же какъ: не укради, подавай милостыню, соблюдай посты и т. д. слѣдовательно, примѣненіе его имѣетъ свои границы (Busenb. L. I. Tr. II. C. III. D. I. R.). Во-вторыхъ, по ихъ же ученію, любить Бога значитъ настроить себя на душевный порывъ къ Богу или на умиленіе передъ Богомъ, буквально: вызвать, вытянуть изъ себя актъ любви — elicere actum amoris — это общепринятое понятіе. Въ третьихъ, въ какой мѣрѣ любить? Надобно опредѣлить предѣлъ требованія, чтобъ дать человѣку возможность расквитаться съ Богомъ. И порѣшили, что заповѣдь не требуетъ, чтобъ мы непремѣнно любили Бога любовью *безусловною*, высшею; но довольствуется *относительно* высшею (non quidem intensive, sed etiam appretiative), т. е. требуетъ, чтобъ мы никакой твари не любили превыше Бога. Но нельзя поддерживать себя постоянно въ такомъ настроеніи, а потому, естественно, рождаются вопросы: когда, при какихъ обстоятельствахъ, въ какомъ именно возрастѣ, и сколько разъ въ жизни это обязательно. На этомъ благочестивые и мудрые мужи расходятся. Нѣкоторые учатъ (перевожу бук-

вально): что вызывать изъ себя какіе-либо акты вѣры, надежды и любви, человѣкъ, силою Божественныхъ заповѣдей объ этихъ добродѣтеляхъ, ни въ какую эпоху своей жизни не обязывается» (Propos. damnatae ab Alex. VII. Decret. 24 Sept. 1665 № 1). Этотъ тезисъ осужденъ и проклятъ папою Александромъ VII, что однако не помѣшало Бузенбауму повторить его какъ ученіе правдоподобное. Другіе утверждаютъ, что законъ о любви къ Богу становится обязательнымъ съ того времени, когда человѣкъ приходитъ въ возрастъ и получаетъ достаточное познаніе о Божьей благости. «Однако, замѣчаетъ одинъ ученый, не впадетъ же онъ въ смертный грѣхъ, если *тотчасъ же*, по пріобрѣтеніи такого познанія, не возлюбитъ Бога; не должно только откладывать любви на долгое время, напримѣръ долѣе года». — Достаточно ли одинъ разъ въ каждыя пять лѣтъ полюбить Бога? — »Весьма достаточно, отвѣчаютъ нѣкоторые, даже правдоподобно, что законъ, по всей строгости, и этого не требуетъ».— Ну, а одинъ разъ въ жизни? — «Этого мало, хотя и такого упущенія нельзя положительно назвать грѣхомъ смертнымъ. Впрочемъ, если тебя мучитъ недоумѣніе: удовлетворилъ ли ты этой заповѣди (т. е. отлюбилъ ли Бога), и если ты положительно не можешь припомнить, что пренебрегъ ею, то ты можешь счесть себя удовлетворившимъ ей.» — «Передъ смертью, нельзя не полюбить Бога»; это обязательно и въ этомъ согласны почти всѣ, но съ оговорками, напр. если на

умирающаго находятъ искушенія, которыхъ онъ иначе побѣдить не можетъ, какъ возлюбивъ Бога; если нѣтъ подъ рукою духовника, для полученія отпущенія въ грѣхахъ; если нѣтъ инаго способа оправдаться передъ Богомъ, какъ возлюбивъ его [74]). (Busenb. L. II. Tr. III. C. I. R. 2. Prop. damn. ad Innoc. XI. 2. Mar. 1679 №№ 5, 6, 7 Ellend. p. 231, 232). Нѣкоторые благочестивые мужи пошли еще далѣе и прямо заявили, «что человѣкъ не обязанъ любить ни въ началѣ, ни въ концѣ своей духовной жизни — homo non tenetur amare neque in principio neque in decursu vitae suae moralis» (Prop. dam. ad Alex. VIII. Aug. 2. 1690. № 1).

Можетъ быть, читатель пожелаетъ узнать, какого рода софизмами оправдывается такое ученіе? За этимъ дѣло не станетъ; стоитъ послушать Іезуита Пинтеро (Pintereau) изъ Французовъ: «Господь Богъ посту-

---

[74]) Іезуиты, какъ извѣстно, изобрѣли много иныхъ, новыхъ легчайшихъ способовъ оправдаться, н. п. такъ называемыя dévotions à la S-te Vièrge, числомъ до 100, изъ коихъ каждая порознь *несомнѣнно* избавляетъ отъ суда и отверзаетъ двери райскія. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ способовъ или ключей, какъ ихъ называетъ благочестивый забавникъ, отецъ Барри: prononcer souvent le nom de Marie, donner commission aux Anges de lui faire la révérence de notre part, lui donner tous les matins le bonjour et sur le tard le bonsoir, donner des oeillades amoureuses aux images de la Mère de Dieu etc. etc. Тому кто не успѣетъ или не захочетъ такими средствами выслужить рай, тому, за неимѣніемъ лучшаго, приходится поневолѣ любить Бога.

пилъ по всей справедливости, упразднивъ въ царствѣ новозавѣтной благодати суровую и строгую заповѣдь, требовавшую для оправданія полнаго раскаянія, то есть возбужденія любви; повторяю, онъ поступилъ по справедливости, установивъ таинства, *восполняющія недостатокъ любви* и не требующія отъ насъ этого внутренняго настроенія, котораго такъ трудно достигнуть; ибо, въ противномъ случаѣ, христіанамъ, чадамъ Божіимъ, было бы отнюдь не легче пріобрѣсти благоволеніе небеснаго своего Отца, чѣмъ рабамъ Божіимъ, Іудеямъ». Итакъ, цѣль вочеловѣченія и искупленія заключалась будто бы въ томъ, чтобъ избавить людей отъ тяжелой, докучливой и непріятной обязанности любить Бога. Теперь, по увѣренію господъ Пинтеро, Сирмонда и Лемуана, можно спасаться безъ любви; на то есть таинства, индульгенціи, чудотворныя четки и т. п. (Ellend. p. 45—51).

Вотъ до чего выродилось въ рукахъ Іезуитовъ ученіе о любви. Безъ предпосланныхъ объясненій, самая возможность такихъ вопросовъ и отвѣтовъ на нихъ была бы непонятна. И эти люди называютъ себя обществомъ Іисусовымъ и послѣдователями его учениковъ.

Статью о законѣ Бузенбаумъ начинаетъ дѣленіемъ его на положительный, т. е. предписывающій что нибудь (affirmativum), и отрицательный, воспрещающій что-либо; потомъ, на естественный, прирожденный человѣку, и положительный (принимая это слово въ смыслѣ латинскаго positivus, т. е. установленнаго

прямымъ дѣйствіемъ свободной воли Божественной или человѣческой), затѣмъ, подраздѣляетъ положительный (во второмъ смыслѣ) законъ на Божественный и человѣческій, Божественный — на ветхо и ново-завѣтный, а человѣческій, на церковный и гражданскій. Содержаніе Божественнаго закона опредѣляется слѣдующимъ образомъ: «ветхо-завѣтный заключаетъ въ себѣ предписанія *нравственныя*, обрядовыя и судебныя; новозавѣтный — предписанія сверхъестественныя о предметахъ вѣры и о таинствахъ — и только» (Busen. L. I. t. II. 1. D. II. R. 2).

Слѣдовательно, въ отношеніи къ нравственному закону, новый завѣтъ, по мнѣнію автора, ничѣмъ не отличается отъ ветхаго, не дополняетъ и не просвѣтляетъ его. *Новую* заповѣдь онъ проглядѣлъ. Это многозначительно!

Все, что говорится далѣе о законѣ, сводится къ тремъ вопросамъ: какъ бы стѣснить и ограничить обязательную его силу? — Чѣмъ бы извинить его нарушеніе? — Какъ бы упростить и облегчить его исполненіе?

Въ разрѣшеніяхъ на первый вопросъ, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія статьи, относящіяся, конечно, не къ Божественному, а къ человѣческому закону, какъ церковному, такъ и гражданскому.

«Если обнародованный законъ не принимается и не исполняется большею частію лицъ, подлежащихъ его дѣйствію, и если законодатель, зная это, молчитъ,

то предполагается, что онъ тѣмъ самымъ отмѣняетъ законъ.»

«Если ты лично расположенъ принять обнародованный законъ и дѣйствительно соблюдаешь его когда приходится; другіе же (твои сограждане), и притомъ составляющіе большинство, не принимаютъ его, и, *повидимому, не намѣреваются принять* (nec recepturi videantur), то и тебя можно извинить въ неисполненіи» (Busenb. L. I. Tr. II. C. I. D. III, R. C. 2, 4.).

Цѣлый рядъ статей посвященъ разграниченію круга дѣйствія мѣстныхъ законовъ; сами по себѣ, они не имѣютъ большой важности, но нѣкоторые изъ нихъ интересны, какъ образцы крючкотворства и подъяческой придирчивости:

«Кто рано утромъ (возвращаясь къ себѣ домой) выходитъ изъ города (чужаго), въ которомъ, по мѣстному обычаю, въ тотъ день не полагается поста, тотъ можетъ ѣсть мясное, хотя бы, къ полудню, онъ долженъ былъ придти домой, въ городъ, гдѣ, по мѣстному закону, въ тотъ день соблюдается постъ; даже придя-домой, не обязанъ въ тотъ день къ соблюденію поста (jejunium, въ смыслѣ воздержанія отъ пищи), *потому что уже нарушилъ его* (по утру) и, слѣдовательно, не можетъ соблюсти; но обязанъ, дома, не ѣсть мяснаго, такъ какъ эту часть двойственнаго [75]) предписанія онъ можетъ выполнить».

[75]) Въ предписаніи о постѣ различается воздержаніе отъ вся-

«Кто намѣревается оставить мѣсто, гдѣ соблюдается постъ, и знаетъ навѣрное, что, къ вечеру, достигнетъ мѣста, гдѣ нѣтъ поста, тотъ, хотя и не долженъ, въ томъ мѣстѣ откуда выходитъ, ѣсть мясное, но можетъ утромъ позавтракать, а въ полдень пообѣдать».

«Правдоподобно также, и для совѣсти безопасно мнѣніе учителей, доказывающихъ, что сбирающійся въ путь освобождается и до выхода изъ того города, въ которомъ онъ имѣетъ осѣдлость, отъ исполненія мѣстныхъ законовъ; напримѣръ, кто выходитъ въ праздничный день (предполагается мѣстный праздникъ), не обязанъ, до выхода, отслушать обѣдню, если къ обѣду онъ долженъ прибыть въ такое мѣсто, гдѣ праздникъ этотъ не соблюдается; ибо, еслибъ онъ остался дома, то и тогда бы могъ отложить обязательное посѣщеніе церкви до обѣда (т. е. отслушать самую позднюю обѣдню); а какъ скоро онъ къ этому времени пришелъ въ другое мѣсто, обязанность эта сама собою съ него слагается. Можно, конечно, возразить, что, предусматривая препятствіе къ исполненію предписанія, онъ долженъ бы былъ заблаговременно устранить его (т. е. побывать у ранней обѣдни), но такое возраженіе не имѣло бы никакой силы въ настоящемъ случаѣ, ибо приведенное правило относится лишь къ тѣмъ случаямъ, когда предвидится препятствіе въ исполненіи

вой пищи до извѣстнаго времени (jejunium), съ воспрещеніемъ двукратной ѣды въ теченіи сутокъ, отъ воздержанія отъ извѣстнаго рода пищи.

предписанія *обязательнаго*; здѣсь же, самая обязанность снимается. Впрочемъ, можно присовѣтовать держаться и противнаго правила, какъ болѣе сообразнаго съ внушеніями благочестія, конечно, если не встрѣчается въ томъ затрудненія» (Busenb. L. I. Tr. II. C. II. D. II. c. 4, 5, 6).

Этой, слово въ слово переведенной, въ своемъ родѣ драгоцѣнной статьѣ, конечно позавидовали бы казуисты Моисеева закона.

Въ разрѣшеніе втораго вопроса, авторъ высчитываетъ разныя личныя обстоятельства, какъ-то: страхъ невѣдѣніе и т. п., извиняющія нарушеніе закона. О снисходительности, съ которою они взвѣшиваются, дадутъ нѣкоторое понятіе слѣдующія статьи:

«Боязнь смерти или иной великой бѣды, часто извиняетъ въ нарушеніи закона, не только положительнаго (въ противоположность естественному), притомъ какъ человѣческаго, такъ и Божественнаго, но иногда и закона естественнаго, положительнаго (въ противоположность отрицательному). Такъ, никто не обязывается, если жизнь его подвергается опасности, къ полному признанію, къ сбереженію отданнаго ему на сохраненіе, къ исполненію обѣта, и къ подачѣ помощи ближнему въ крайней его нуждѣ. Исключаются лишь тѣ случаи, въ которыхъ самопожертвованіе требуется общимъ благомъ или заботою о спасеніи человѣческой души» (Busenb. L. I. Tr. II. C. IV. D. II. c. 2, 3. L. II. Tr. III. C. 2. D. 1).

«Въ остальныхъ случаяхъ, никакой человѣческій законъ, ниже церковный, самъ по себѣ не вяжетъ, если исполненіе его сопряжено съ опасностью жизни или хотя бы съ инымъ подобнымъ неудобствомъ (similis incommodi). Напримѣръ, если бъ тебя стали принуждать, подъ страхомъ смерти, жениться на единокровной, въ степени родства воспрещенной церковью, то ты могъ бы вступить въ бракъ для вида (in speciem), но долженъ бы былъ воздержаться отъ сожительства, иначе впалъ бы въ блудъ» (Bus. L. I. Tr. II. C. IV. D. 2. c. 4).

Другіе ученые той же школы пошли гораздо дальше, причисливъ къ законнымъ отговоркамъ и извиняющимъ обстоятельствамъ, тупое упорство, безсознательность, забывчивость и т. п. Напримѣръ: «человѣкъ убиваетъ другаго, сознавая, что это дурно, и считая это легкимъ преступленіемъ; въ такомъ случаѣ, самое убійство не вмѣняется ему въ тяжкій грѣхъ». Такъ разсуждаетъ Георгъ Родусъ (Ellend. p. 201.).

Пропустить обѣдню въ праздничный день, большинство учителей считаетъ грѣхомъ смертнымъ. Это почти общее правило, повидимому грозное, но за нимъ слѣдуетъ длинный перечень извиняющихъ обстоятельствъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаются слѣдующія: «занятія по кухнѣ, дальность церкви, дурное состояніе дорогъ, дождливое время и неимѣніе приличной своему званію одежды» (Busenb. L. III. Tr. III. C. I. D. III. R. D. V. R. c. 2, 5, 7). И такъ, набѣжавшее обла-

ко или незаштопанная прорѣха на праздничномъ кафтанѣ оправдываютъ отъ смертнаго грѣха.

Хотя разсѣянность и лѣность не попали въ одинъ разрядъ съ трусостью и не удостоились получить мѣста въ числѣ уважительныхъ извиненій, однако и на ихъ долю кое-что перепало отъ щедротъ благодушныхъ мужей. Они долго ломали себѣ голову: какъ бы сократить время, нехотя, по обязанности, удѣляемое на Богослуженіе, и придумали примѣнить къ слушанію обѣдни правило о сложеніи дробей. Извѣстно, что въ латинскихъ церквахъ бываетъ обыкновенно по нѣскольку алтарей и что, въ праздничные дни, передъ каждымъ изъ нихъ, отслуживается обѣдня: одна начинается раньше, другая нѣсколько позднѣе, но не выжидая окончанія первой, третья еще позднѣе и т. д., такъ что двѣ, три, четыре обѣдни идутъ единовременно; у одного алтаря служба отходитъ, у другаго только что начинается, у третьяго идетъ середина обѣдни. Іезуиты воспользовались этимъ обычаемъ и стали доказывать, что нѣтъ никакой необходимости выстоять или высидѣть цѣлую обѣдню, отъ начала до конца, у одного алтаря и что единовременно отслушанныя доли нѣсколькихъ обѣденъ, если изъ нихъ слагается полная обѣдня, могутъ засчитываться за полную службу. Казалось бы, чего лучше? Уловивъ удобный моментъ, въ какихъ-нибудь пять минутъ, можно было удовлетворить обязанности, на которую требовалось прежде цѣлыхъ полчаса, и такимъ образомъ, избавиться отъ

смертнаго грѣха. Но на бѣду, Иннокентій XI, кажется рѣшительно обдѣленный художественнымъ смысломъ для оцѣнки подобнаго рода тонкостей, въ порывѣ необъяснимой и неумѣстной строгости, осудивъ заразъ болѣе 75-ти Іезуитскихъ тезисовъ, не пощадилъ и правила о раздробительномъ слушаніи обѣдни. Добродѣтельный Бузенбаумъ упоминаетъ объ этомъ не безъ грусти. «Въ прежнія времена — говоритъ онъ — это мнѣніе было правдоподобно, а теперь, послѣ произнесеннаго надъ нимъ приговора, оно ужъ неправдоподобно; по крайней мѣрѣ, противное, кажется, теперь стало правдоподобнѣе». — А жаль! хорошее было мнѣніе. Но простившись съ нимъ, авторъ все-таки стоитъ крѣпко на томъ, что отслушавшему у двухъ священниковъ двѣ полуобѣдни, не единовременно, а одну *послѣ* другой, половины засчитываются за полную службу; онъ идетъ еще далѣе и доказываетъ, что кому вмѣнено въ обязанность отслушать двѣ или три обѣдни (въ видѣ эпитиміи), тотъ можетъ исполнить это разомъ, выслушавъ всѣ обѣдни вдругъ. Никто конечно не скажетъ, чтобъ добродѣтельный авторъ глумился надъ папою; ибо Римскій первосвященникъ (по увѣренію латынянъ, наставляемый Духомъ Святымъ) повѣдалъ только, что *единовременно* отслушанныя доли нѣсколькихъ обѣдень не складываются въ одну полную, но онъ не запретилъ ни сложенія *послѣдовательно* выслушиваемыхъ долей, ни зачета трехъ, хотя бы и единовременно отслушанныхъ, *полныхъ* обѣдень за

три. Пріятно видѣть, что, по крайней мѣрѣ, спасено отъ Ватиканскаго гнѣва все, что̀ возможно было спасти и что, при этомъ, все-таки оказано послушаніе, и совѣсть правовѣрнаго автора чиста.

Оставалось еще облегчить стояніе или сидѣніе въ церкви. Съ этою цѣлью, придумано слѣдующее правило, также правдоподобное: «удовлетворяетъ предписанію церкви и тотъ, кто, во все продолженіе службы, преднамѣренно развлекается (voluntarie est distractus) лишь бы не забывался (modo sibi sit praesens) и соблюдалъ наружное благоговѣніе (reverentiam externam)». (Busenb. L. III. Tr. III. C. I. D. III. R. c. 7, 9. L. I. Tr. II. C. III. D. V. R. 2. c. 2. Propos. damn. ab Innoc. XI. Mart. 2. 1679.

И такъ, уважены и лѣность и разсѣянность. Можно ли желать большей снисходительности и не дорожить духовниками, воспитанными въ такихъ правилахъ?

Но гораздо серьезнѣе вопросъ объ условіяхъ исполненія закона вообще, то есть всякаго закона. Разрѣшеніе его, составляя одно цѣлое съ ученіемъ о грѣхѣ, какъ нарушеніи закона, имѣетъ особенную важность.

«Удовлетвореніе закону, по ученію Бузенбаума, предполагаетъ одно условіе: участіе воли, иначе — намѣреніе исполнить то, что̀ предписано (intentio seu voluntas faciendi id quod praeceptum est), ибо законъ данъ людямъ, а не безсловеснымъ животнымъ. Поэтому, дѣло содѣянное во снѣ, въ пьяствѣ, или вы-

нужденное прямымъ насиліемъ, не считается исполненіемъ закона».

«Но достаточно ли одного этого условія и не нужно ли, сверхъ того, чтобъ законъ исполнялся изъ любви?» Авторъ отвѣчаетъ: «не нужно, развѣ бы дѣло шло о такомъ законѣ, въ которомъ это требованіе было бы положительно высказано, какъ напр. въ заповѣди о любви къ Богу[76]); ибо вообще, *закономъ предписывается только сущность дѣйствія, о которомъ въ немъ говорится, а отнюдь не цѣль и не способъ исполненія предписаннаго* (quia tantum praecipitur substantia actus inclusi in praecepto, non autem finis aut modus praecepti)».

Иными словами: требуется дѣло, понятое въ его сухой отвлеченности, безъ отношенія къ цѣли и къ внутреннему настроенію дѣлающаго.

«Впрочемъ, прибавляетъ авторъ, несомнѣнно, что присутствіе любви, въ дѣйствующемъ лицѣ, необходимо для того, чтобъ исполненіе закона вмѣнилось ему

---

[76]) Какъ не сказать, что Бузенбаумъ принадлежитъ къ числу писателей умѣренныхъ и робкихъ: онъ, напримѣръ, не рѣшается сказать, что можно, не любя, удовлетворить заповѣди о любви, а вотъ чему учили другіе: «Мы не обязаны любить ближняго внутреннею, субъективною любовью — non tenemur proximum diligere actu interno et formali. Чтобъ удовлетворить заповѣди о любви къ ближнему, достаточно однихъ дѣйствій внѣшнихъ — praecepto proximum diligendi satisfacere possumus per solos actus externos» Prop. damn. ad Innoc. XI. Mart. 2. 1679 №№ 10, 11.

въ заслугу. Такъ, напримѣръ, кто держитъ постъ ради суетной славы, или ходитъ въ церковь, чтобъ обокрасть кого нибудь, тотъ всётаки исполняетъ законъ, хотя дѣйствіемъ, по особеннымъ обстоятельствамъ, грѣховнымъ, ибо онъ исполняетъ сущность (substantiam) предписаннаго (о постѣ и о посѣщеніи церкви), но при этомъ, конечно, грѣшитъ противъ другаго закона, воспрещающаго дурную цѣль, вносимую имъ въ исполненіе» (Bus. L. I. Tr. II. C. III. D. I. R. c. 1).

Оговорка, содержащаяся во второй половинѣ этой статьи, по всей вѣроятности, подшита къ первой послѣ декрета Иннокентія XI, чтобъ сколько-нибудь отличиться отъ тѣхъ изъ благочестивыхъ мужей, въ ученіи которыхъ, для любви, рѣшительно не оказывалось мѣста. Во всякомъ случаѣ, очевидно, что эта вторая половина нисколько не вяжется съ первою; ибо кто исполняетъ *все* то, чего законъ требуетъ, тотъ передъ закономъ правъ, слѣдовательно закономъ оправдывается; а если, на оборотъ, исполненіе безъ любви не оправдываетъ, то это доказывало бы, что въ сущности самого закона, притомъ всякаго Божественнаго закона, лежитъ требованіе любви; но этого то именно и не допускаетъ авторъ. Онъ объяснилъ намъ, что требованіе любви составляетъ спеціальность одной или двухъ заповѣдей, въ отличіе отъ прочихъ, такъ что сведенное къ единству Спасителемъ вновь раздробляется, и мы уже имѣемъ дѣло не съ закономъ, а съ каждою статьею его порознь. Это гораздо удобнѣе для подкупа совѣсти.

«Спрашивается еще: нужно ли, для дѣйствительнаго исполненія, намѣреніе, не только сдѣлать то или другое дѣло, но именно удовлетворить этимъ закону?»

«Отнюдь не нужно—отвѣчаетъ авторъ, ибо законъ требуетъ одного лишь *матеріальнаго* послушанія (чтобъ было исполнено то, что̀ приказано), а *не формальнаго* или субъективнаго (чтобъ исполнено было потому, что приказано)» (Busenb. L. I. Tr. II. C. III. D. II. R. c. 2).

Изъ этого вытекаетъ слѣдующее разрѣшеніе:

«Обязанности, налагаемой церковью, по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, въ установленное время, пріобщаться Святыхъ Таинъ, удовлетворяетъ и тотъ, кто пріобщается кощунственно [77]) (etiam per communionem sacrilegam impletur); таково, прибавляетъ авторъ, *общее мнѣніе* (ut habet communis), вытекающее изъ того, что церковь предписываетъ одно лишь внѣшнее дѣйствіе, а на цѣль, съ которою оно предписывается, сила предписанія не распространяется (quia Ecclesia tantum praecipit actum externum, nec finis praecepti cadit sub praeceptum). Однако, прибавляетъ авторъ, это мнѣніе недавно проклято папою Иннокентіемъ XI.» (Busen. L. VI. Tr. III. C. II. D. II. Art. III. R. 2. c. 1).

---

[77]) Этому правилу слѣдуютъ у насъ хлысты, которые, отвергая рѣшительно таинство Евхаристіи, исполняютъ все, что̀ требуется отъ причастниковъ. По теоріи Іезуитовъ, они удовлетворяютъ предписанію церкви и передъ нею правы.

Дѣйствительно, въ числѣ осужденныхъ тезисовъ, подъ № 55, читается буквально: praecepto communionis annuae satisfit per sacrilegam Domini manducationem, а въ концѣ декрета сказано: «запрещается, подъ страхомъ отлученія, *защищать* которое либо изъ осужденныхъ предложеній какъ публично, такъ и въ частной бесѣдѣ, даже *трактовать* объ немъ, или приводить въ проповѣди, развѣ бы опроверженія ради» (Prop. dam. ad. Innoc. XI. 2 Mart. 1679. № 55). Какъ видно, это нисколько не помѣшало автору не только перепечатать почти буквально приведенный тезисъ, но и выставить его, какъ общее мнѣніе, даже оправдать его, какъ совершенно правильный выводъ изъ ученія о силѣ и обязательности закона вообще. Глядя на дѣло со стороны, нельзя не признать, что въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ онъ топчетъ ногами папскіе декреты, нашъ добродѣтельный руководитель разсуждаетъ гораздо логичнѣе и послѣдовательнѣе своего владыки. И Александръ VII, и Иннокентій XI, повидимому, забывали, что дурное дерево не даетъ добрыхъ плодовъ; можетъ быть и то, что чувство собственнаго безсилія и сознаніе невозможности исправленія запущеннаго зла, заставляло ихъ щадить основныя положенія Іезуитской доктрины. Какъ бы то ни было, они ограничивались самою неблагодарною работою — отсѣченіемъ выводовъ и обрываніемъ плодовъ. Напротивъ того, Бузенбаумъ, и вообще всѣ казуисты Ордена, безстрашно идутъ впередъ, ни на ми-

нуту не останавливаясь передъ безобразіемъ выводовъ. Въ этомъ есть своего рода заслуга, которой нельзя не признать.

Тоже ученіе примѣняется къ индульгенціямъ.

«Тотъ не воспользуется индульгенціею, кто не выполнитъ дѣла, которымъ она обусловлена. Напримѣръ, кто будучи обязанъ, для пріобрѣтенія ея, подать милостыню, дастъ предназначенную на этотъ предметъ сумму своему слугѣ, для передачѣ ея по принадлежности, тотъ не получитъ индульгенціи, если слуга утаитъ милостыню; ибо требуется, чтобъ было исполнено дѣло само по себѣ; на оборотъ, кто въ точности выполнитъ условіе, вовсе при этомъ не думая заслужить индульгенцію, тотъ все-таки пріобрѣтетъ ее» (Bus. L. VI. Tr. IV. C. I. D. IV. Art. II. § I. R. 3. c. 13. p. 3. c. 14. p. 5.)

Спрашивается наконецъ: «удовлетворяетъ ли закону тотъ, кто, исполняя предписанное дѣло, преслѣдуетъ при этомъ прямо противоположную цѣль, то есть: имѣетъ положительное намѣреніе *не* удовлетворить закону?»

Все-таки удовлетворяетъ, ибо обязательность закона не распространяется далѣе воли законодателя, т. е. далѣе сущности предписаннаго дѣла. Поэтому кто, напримѣръ, въ праздничный день былъ у обѣдни, или исполнилъ наложенную на него эпитимью, съ намѣреніемъ не исполнить предписаннаго, тотъ и впослѣдствіи *не обязанъ* измѣнить расположенія своей воли (то есть, заднимъ числомъ подложить другое намѣреніе),

дабы сдѣланное имъ вмѣнилось ему въ удовлетвореніе закону, ибо онъ уже, по истинѣ, удовлетворилъ ему» (Busenb. L. I. Tr. II. C. III. D. III. R. c. 3). Слѣдовательно, вопреки сказанному выше исполненіе засчитывается въ заслугу, даже при полномъ отсутствіи всякой любви въ побужденіи, и выражая противную мысль (въ приведенной выше оговоркѣ), авторъ очевидно говорилъ не по убѣжденію и не своимъ голосомъ.

И такъ, разсуждая объ исполненіи закона, Іезуиты различаютъ намѣреніе, въ смыслѣ простаго акта воли, безъ котораго не можетъ быть вольнаго, то есть внѣшнимъ насиліемъ не вынужденнаго, поступка, отъ намѣренія, этимъ поступкомъ, выполнить требованіе закона, то есть послушаться, и не признаютъ намѣренія, во второмъ смыслѣ, за необходимое условіе удовлетворенія.

Вотъ какъ легко, по ихъ ученію, удовлетворить закону; слѣдующее за симъ ученіе о грѣхѣ покажетъ, какъ на оборотъ, трудно, по ихъ же теоріи, провиниться передъ закономъ.

IV. О ГРѢХѢ.

Нарушеніе закона тогда лишь вмѣняется въ грѣхъ, когда соединяетъ въ себѣ слѣдующія условія: во первыхъ, оно должно быть *непринужденно* (liberum), то есть, чуждо всякаго внѣшняго насилія; во вторыхъ— *вольно*, то есть, должно истекать изъ свободнаго со-

изволенія (ut fiat a voluntate consentiente); въ третьихъ, должно сопровождаться *дѣйствительнымъ* усмотрѣніемъ *злостности* поступка (actualis advertentia malitiae). Усмотрѣніе названо *дѣйствительнымъ* въ отличіе отъ подразумѣваемаго или возможнаго (advertentia virtualis vel interpretativa), то есть, отъ присущей человѣку способности, посредствомъ которой онъ можетъ, а потому и обязанъ, обдумывать свои дѣйствія. Наконецъ, указано на *злостность,* какъ на объектъ усмотрѣнія, потому что замышляемый поступокъ можетъ представляться сознанію съ разныхъ сторонъ, напримѣръ, со стороны его выгодности или невыгодности; свойство-же грѣховности получаетъ поступокъ лишь въ томъ случаѣ, когда соизволенію на дѣло предшествовало сознаніе *именно смертной его злостности* (mortalis malitiae), когда эта сторона его возбудила въ сознаніи, по крайней мѣрѣ, предварительное недоумѣніе. При отсутствіи котораго либо изъ этихъ условій нѣтъ свободы, нѣтъ и вины (Busen. L. V. C. I. D. I).

Ясно, что совокупность этихъ условій составляетъ преднамѣренность въ *грѣхѣ;* слѣдовательно, такъ называемый грѣхъ *невольный* совершенно выпадаетъ изъ области грѣха. Въ самомъ началѣ, въ статьѣ о совѣсти исключенъ изъ нея грѣхъ по невѣдѣнію. Вотъ ужь на сколько стѣснилась отвѣтственность человѣка за самого себя. Между совѣстью и волею устанавливается своего рода круговая порука; воля, пойманная

на дурномъ дѣлѣ, оправдываетъ себя тѣмъ, что совѣсть не указала ей на злостность содѣяннаго; совѣсть, въ свою очередь, не безъ основанія отвѣчаетъ, что рядъ учащенныхъ дурныхъ дѣлъ, естественно, не могъ пройти по ней безслѣдно, что она не могла не утратить своей чуткости и что теперь ея отупѣніе непобѣдимо.

Съ другой стороны, опредѣленіе грѣха, сопоставленное съ ученіемъ о законѣ, приводитъ къ слѣдующему результату: не грѣшитъ тотъ, кто исполняетъ законъ безъ любви, даже безъ всякаго намѣренія удовлетворить ему, ибо грѣхъ есть нарушеніе закона, а законъ требуетъ только дѣла, отнюдь не намѣренія. Не грѣшитъ и тотъ, кто нарушаетъ законъ дѣломъ, хотя бы и не безсознательно, но безъ прямаго намѣренія нарушить его, ибо такое намѣреніе составляетъ существенное условіе грѣха. Любо смотрѣть, какъ все это стройно, цѣльно, какъ одно другимъ поддерживается и одно съ другимъ вяжется! Исполняющаго законъ кое какъ, но недовольнаго своимъ внутреннимъ расположеніемъ, мужи искусные въ управленіи совѣстями утѣшаютъ, говоря ему, что вся сила въ дѣлѣ, а не въ намѣреніи, и онъ отходитъ довольный. Предчувствуемъ, что найдутся утѣшительныя слова и для того, кто, нарушая законъ, находитъ въ этомъ свое наслажденіе, свою выгоду, кто не хотѣлъ бы отставать отъ грѣха, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень бы желалъ расквитаться съ Богомъ и успокоить свою совѣсть.

Такъ ставится вопросъ Іезуитами, разумѣется, про себя. Что это не поклепъ, что именно съ этою, а не иною мыслью разработана ими вся система нравственныхъ обязанностей, доказываютъ самые пріемы ими изобрѣтенные. Всѣхъ ихъ перечислить нѣтъ возможности, и потому, поневолѣ, надобно ограничиться указаніемъ на главнѣйшіе изъ нихъ.

А. Простительный грѣхъ (peccatum veniale).

Первый и самый обыкновенный пріемъ заключается въ безконечномъ расширеніи области такъ называемаго простительнаго грѣха. Этотъ терминъ встрѣчается иногда и у нашихъ духовныхъ писателей въ смыслѣ грѣха *сравнительно* съ другимъ, или *по отношенію къ другому,* менѣе тяжкаго, но казуисты придаютъ ему совершенно иное, очень странное значеніе. По ихъ понятіямъ, простительный грѣхъ есть точно грѣхъ, ибо въ немъ предполагается намѣренное нарушеніе закона; въ тоже время, онъ какъ будто и не грѣхъ, ибо слагается съ совѣсти безъ отпущенія, даже безъ покаянія.

Никто не обязанъ на-духу упоминать о простительныхъ грѣхахъ; за кѣмъ ихъ много, тотъ можетъ пожалѣть объ одномъ изъ нихъ (de uno veniali dolere formaliter), и это считается вполнѣ достаточнымъ; отъ него не требуется ни сокрушенія объ остальныхъ таковыхъ грѣхахъ, ни даже намѣренія въ нихъ испра-

виться (etsi plurium venialium peccatorum sis conscius de quibus nec dolorem nec propositionem emendandi habeas, sive ea confitearis, sive non); кто кромѣ простительныхъ грѣховъ, никакихъ другихъ за собою не знаетъ, тотъ допускается къ причастію безъ исповѣди (Busen. L. VI. Tr. IV. C. I. D. I. R. c. 2. D. II. R. c. 2. C. III. D. II. R. c. 3).

Нѣкоторые грѣхи считаются по роду своему (ex genere) простительными; таковы всѣ тѣ, которыми человѣкъ вредитъ только себѣ, а не ближнему; сюда относятся: суетные помыслы, желанія и вожделѣнія, не переходящія въ дѣла (inutilis et vana concupiscentia, vana oblectatio), расточительность, лѣность, невоздержность въ ѣдѣ и питьѣ, алчность къ деньгамъ, и т. п.

Вотъ примѣръ:

«Est probabilis opinio quae dicit esse tantum veniale osculum habitum ob delectationem carnalem et sensibilem quae ex osculo oritur, secluso periculo consensus ulterioris et pollutionis» (Prop. damn. ab Alex. VII. Mart. 18, 1666. N 40).

Кромѣ того, всякій грѣхъ, по существу своему смертный, можетъ превратиться въ простительный, въ силу обстоятельствъ, вмѣняемыхъ погрѣшившему въ извиненіе. Обстоятельства эти распадаются на три категоріи, смотря потому, принимается ли за извиненіе умственное настроеніе погрѣшившаго, или расположеніе его воли, или малоцѣнность матеріи грѣха (напр.

при опредѣленіи грѣховности воровства — незначительность покражи). Умственное настроеніе опредѣляется тремя признаками, а расположеніе воли пятью, такъ что, не говоря уже о третьей, самой упругой категоріи извиняющихъ обстоятельствъ, которую можно, по желанію сжимать и растягивать, достаточно отъискать въ данномъ случаѣ одинъ признакъ изъ восьми, чтобъ имѣть основаніе перечислить грѣхъ изъ разряда смертныхъ въ разрядъ простительныхъ, т. е. не требующихъ ни покаянія, ни исправленія. О легкости перечисленія можно судить по свойству признаковъ. Напримѣръ, «грѣхъ, по существу своему смертный, превращается въ простительный, если погрѣшившій какъ бы въ дремотѣ, усматривалъ злостность своего поступка, или если онъ, согрѣшивъ, послѣ того, обсудилъ внимательно дѣло и убѣдился, что не впалъ бы въ грѣхъ, если бы поступокъ его, съ самаго начала, представился ему въ настоящемъ его видѣ; или, если погрѣшившій сомнѣвается, дѣйствительно ли онъ внутренно соизволилъ на дурное дѣло (это извиненіе примѣняется въ особенности къ людямъ мнительнымъ); или, наконецъ, если обыкновенное душевное настроеніе погрѣшившаго таково, что онъ охотнѣе согласился бы умереть, чѣмъ преднамѣренно впасть въ смертный грѣхъ и т. д.» (Busenb. L. V. C. II. D. I. R. 2. C. I. D. II. R. I. R. 2).

Кажется, не много нужно ловкости, чтобъ укрыться за однимъ изъ восьми такихъ *если*. Очевидно, напри-

мѣръ, что, по Іезуитской теоріи, Апостолъ Петръ, послѣ отреченія своего, могъ бы смѣло сослаться на обыкновенное душевное свое расположеніе и тогда бы онъ избавился отъ горькихъ слезъ и скорбнаго покаянія. Но въ тѣ времена, никто и не подозрѣвалъ, до какихъ усовершенствованій новѣйшіе доведутъ ученіе о грѣхѣ.

В. Крошеніе цѣльныхъ понятій.

Другой, также очень употребительный пріемъ, заключается въ процессѣ аналитическаго разложенія, дробленія, дѣленія и подраздѣленія цѣльныхъ понятій. Въ этомъ дѣлѣ, искусство Іезуитовъ и ихъ смѣлость, слѣдствіе ихъ увѣренности въ своемъ искусствѣ, рѣшительно неподражаемы. Подъ острымъ, анатомическимъ ножемъ, которымъ вооружены ихъ опытныя руки, жизнь мгновенно улетучивается, духъ испаряется, и на столѣ остается трупъ, изсѣченный на мелкія части, съ которыми ладить становится легко, такъ какъ ни въ одной изъ нихъ нѣтъ уже ни той силы, ни той способности къ отпору, которая ощущалась въ ихъ живомъ единствѣ. Divide et impera — это правило находитъ примѣненіе и въ области отвлеченной науки. Слѣдующіе примѣры уяснятъ какъ это дѣлается. Въ Писаніи сказано: люби ближняго какъ самого себя. Это просто и ясно; но, въ тоже время, въ этой краткой заповѣди такая неисчерпаемая глубина нравственныхъ требованій, что вступить съ нею въ сдѣлку для примиренія ея

съ эгоистическими побужденіями, таящимися въ душѣ каждаго человѣка, кажется рѣшительно невозможнымъ; а примирить непремѣнно нужно; съ этою цѣлью Іезуиты и взялись за дѣло. Они разрѣзали заповѣдь вдоль, разрѣзали ее поперекъ и помирили. Вотъ она, въ переводѣ съ языка Евангельскаго на ихъ языкъ:

«Каждый обязанъ любить, послѣ Бога, во первыхъ, самого себя, по отношенію къ духовнымъ благамъ (secundum bona spiritualia, т. е. къ спасенію души своей); во вторыхъ — ближняго, по отношенію къ тѣмъ же благамъ; въ третьихъ — самого себя, по отношенію къ благамъ тѣлеснымъ (quoad bona corporalia н. п. здоровью); въ четвертыхъ — ближняго, по отношенію къ тѣмъ же благамъ; наконецъ, по отношенію къ внѣшнимъ благамъ (bona externa, т. е. внѣшней обстановкѣ человѣка, его средствамъ, положенію въ обществѣ и т. п.) сперва — самого себя, а затѣмъ уже — ближняго» (Busenb. L. II. Tr. III. C. II. D. I. R. 1).

Изъ этого кореннаго правила, о всегдашнемъ предпочтеніи самого себя ближнему, вытекаютъ слѣдующія:

«Не должно (non licet), говоря вообще, жертвовать своею жизнью для спасенія жизни ближняго; сказано *вообще*, ибо самопожертвованіе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, обязательно, а именно когда дѣло идетъ о спасеніи лица, облеченнаго властью, отъ котораго зависитъ участь многихъ, или о государственной пользѣ,

или о защитѣ вѣры, или о другѣ любимомъ въ Богѣ» (Busen. L. II. Tr. III. C. II. D. I. R. I. c. 4).

«Для спасенія своей жизни, можно не щадить жизни ближняго; напр. если тебя преслѣдуетъ врагъ и нѣтъ иной возможности избавиться отъ смерти какъ бѣгствомъ по узкой дорогѣ, раздавивъ сидящаго на ней человѣка, то ты смѣло можешь бѣжать, хотя этимъ, безъ намѣренія, подвергнешь опасности жизнь ближняго; можно поступить такимъ же образомъ и съ ребенкомъ (то есть раздавить его), *если онъ окрещенъ*» Busen. L. III. Tr. IV. C. 1. D. IV. R. c. 3). Послѣдняя оговорка вставлена потому, что по ученію Латинской церкви, некрещеный лишился бы не только временной, но и вѣчной жизни, слѣдовательно духовнаго блага.

«На томъ же основаніи, можно желать ближнему всякаго внѣшняго зла, только въ мѣру, напр. болѣзни или инаго несчастія, чтобъ онъ покаялся въ своихъ грѣхахъ, но не дѣлать этого изъ мести; можно, ради общей пользы, желать смерти іересіарху или нарушителю общественнаго спокойствія, можно сокрушаться о здоровьѣ человѣка, когда оно даетъ ему возможность грѣшить, желать ему болѣзни, чтобъ онъ исправился, даже смерти, чтобъ онъ пересталъ грѣшить. Вообще, *ради душевной пользы своей* или чужой, можно отвлеченнымъ, недѣйственнымъ помысломъ (inefficaci affectu) желать другимъ зла, какъ праведнаго воздаянія (mala poenae); въ этомъ нѣтъ ничего незаконнаго,

ибо благо духовное ставится все-таки выше временнаго» (Busen. L. II. Tr. III. C. II. D. II. R. 2. c. 3).

«Враговъ своихъ любить должно — это несомнѣнно, но спрашивается: какъ любить и нельзя ли, въ извѣстныхъ случаяхъ, ненавидѣть ихъ (an possint odio haberi)?»

Хотѣлось бы спросить самого автора: почему же это спрашивается и къ чему нуженъ такой вопросъ? но читатель знаетъ, что онъ прямо вытекаетъ изъ основной задачи Іезуитской казуистики. Въ настоящемъ случаѣ, для разрѣшенія его, очень кстати подвертывается новое различеніе. Любовь бываетъ двухъ сортовъ: обыкновенная (communis), обязательная въ отношеніи ко всѣмъ, не исключая и враговъ, и особенная (specialis), въ общемъ смыслѣ не обязательная. По общему правилу никто не обязывается оказывать врагамъ своимъ любви втораго, высшаго сорта, напр. не обязывается навѣщать ихъ въ болѣзни, утѣшать ихъ въ горѣ, и т. д. (Busen. L. II. Tr. III. C. II. D. II. R. I. c. 1).

По той же системѣ, разработано ученіе о милостынѣ или, говоря точнѣе, ученіе о тѣхъ предлогахъ, которыми можно безгрѣшно отговариваться отъ подачи милостыни.

Обязательность ея обусловливается, съ одной стороны, положеніемъ нуждающагося въ ней, съ другой, средствами подающаго. Въ нуждѣ различаются три

степени: крайняя, тяжкая и обыкновенная (extrema, gravis et communis). Въ средствахъ, двѣ категоріи: необходимое и избытокъ. Для разсортированія средствъ по этимъ категоріямъ, принимаются въ соображеніе данныя троякаго рода: потребности естественныя (на поддержаніе жизни), званіе лица (принадлежность его къ тому или другому сословію) и приличный состоянію каждаго образъ жизни (respectu vitae, sive naturae, vel respectu status, vel decentis conditionis personae). Все нужное «на содержаніе дѣтей, прислуги, на приличные подарки (honestae donationes), на угощеніе и гостепріимство (не предполагая ни блеска, ни изъисканной роскоши), на запасъ про всякій случай, на обезпеченіе наслѣдниковъ, на предусматриваемыя въ будущемъ надобности: далѣе, *собственно въ дворянскомъ быту*, нужное на содержаніе прислуги, лошадей, оружія» и т. д., все это не составляетъ избытка и причисляется къ категоріи необходимаго. Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ, рѣдко кто изъ мірянъ и находитъ у себя избытокъ» (saeculares raro putant se habere superflua. Busenb. L. II. Tr. III. C. III. Supp. 1. 2. 3. L. III. Tr. V. C. II. D. VII. Art. III. R. I. c. 5).

Передавая общее понятіе мірянъ о своемъ состояніи, авторъ, какъ видно, не только не опровергаетъ его, но находитъ естественнымъ, даже законнымъ, ибо самъ же оправдываетъ его своимъ перечисленіемъ всякого рода необходимостей. А въ декретѣ Иннокентія

XI, въ числѣ другихъ осужденныхъ и отвергнутыхъ положеній, отмѣчено было слѣдующее: «сомнительно, чтобъ нашлось у мірянъ, даже у королей, что либо составляющее избытокъ по отношенію къ ихъ состоянію, и потому, если обязательна милостыня только отъ избытка, то едва ли для кого либо изъ нихъ она можетъ быть обязательна.» (Prop. damn. ab. Inn. XI. N 12).

Изъ комбинаціи трехъ степеней нужды, двухъ категорій средствъ и трехъ разрядовъ потребностей, всего восьми данныхъ, выводится рядъ правилъ самыхъ пригодныхъ для людей, не желающихъ помогать ближнимъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

«Никто не обязанъ удѣлять что либо на милостыню изъ необходимаго ему на поддержаніе своей жизни (ad vitam), развѣ бы общее благо зависѣло отъ судьбы нуждающагося» (Busen. L. II. Tr. III. C. III. R. I).

«Помогать ближнему, находящемуся въ крайней нуждѣ, изъ тѣхъ средствъ, которыя, до нѣкоторой степени, составляютъ для тебя необходимость по твоему званію (ex bonis aliquo modo ad statum necessariis), ты, говоря вообще, обязанъ; сказано *вообще*, ибо если бъ ты рисковалъ черезъ это выдти изъ твоего званія и если бъ это сочлось бо̀льшимъ зломъ, чѣмъ смерть бѣдняка, то обязанность эта съ тебя слагается. Во всякомъ случаѣ, по правдоподобному мнѣнію, эту обязанность можно выполнить, оказавъ по-

мощь подъ условіемъ возврата, когда нуждающійся разбогатѣетъ» (Busen. L. II. Tr. III. C. III. R. 3).

«Никто не обязанъ давать бѣдному значительную сумму денегъ на покупку лѣкарства, хотя бы и необходимаго для спасенія его жизни, или на избавленіе его отъ смертной опасности» (Bus. L. II. Tr. III. C. III. R. 4. c. 2).

По мнѣнію большинства учителей, тотъ, кто обладаетъ избыткомъ на удовлетвореніе потребностей естественныхъ и обусловленныхъ званіемъ, обязанъ, иногда, подавать милостыню находящимся на степени обыкновенной нужды; другіе отрицаютъ эту обязанность. Кажется, что нарушеніе ея, во всякомъ случаѣ, не болѣе какъ грѣхъ простительный и то, когда нѣтъ достаточныхъ причинъ отъ нея отказаться, а когда есть такая причина, то вовсе не грѣхъ (Busen. L. II. Tr. III. C. III. R. 5).

«Нищимъ, ежедневно попадающимся (trivialibus), хотя бы ихъ нагота и болѣзненное состояніе являли признаки крайней нужды, рѣдко кто, силою заповѣди, бываетъ обязанъ помогать, даже отъ избытка своего: во первыхъ потому, что они часто преувеличиваютъ свою крайность, для возбужденія къ себѣ состраданія, а во вторыхъ потому, что можно предполагать, что имъ помогутъ другіе» (Busen. L. II. Tr. III. C. III. R. 5 c. 1).

«Богатый, пользующійся избыткомъ, не грѣшитъ, хотя бы онъ долго и безусловно отказывалъ въ подая-

ніи, если онъ при этомъ держитъ про себя намѣреніе оказать милостыню лучшимъ образомъ, благовременнѣе и болѣе нуждающимся, или сдѣлать пожертвованіе на богоугодное дѣло; это законная причина къ отказу» (Busen. L. II. Tr. III. C. III. R. 5. c. 2).

Мудрый Эскобаръ выражается еще рѣшительнѣе; на вопросъ: обязанъ ли, обладающій избыткомъ для обезпеченія своей жизни и своего состоянія, помогать ближнимъ въ обыкновенныхъ ихъ нуждахъ, онъ отвѣчаетъ: «правдоподобно, что обязанъ, а еще правдоподобнѣе, что не обязанъ: *иначе, весьма немногіе изъ богатыхъ достигали бы спасенія* (Escob. Th. Mor. Ex. V. C. VI. § 47).» — А вся задача въ томъ и состоитъ, чтобъ непремѣнно угодить богатымъ и дать имъ возможность спасаться, не безпокоя себя. Къ этому и принаравливается Божья заповѣдь.

«Вообще, никому, хотя бы и богатому, отгоняющему отъ себя всѣхъ бѣдныхъ безъ подаянія, не должно, ради этого, легко отказывать въ отпущеніи грѣховъ: во первыхъ, потому, что объ этой обязанности учители судятъ различно; во вторыхъ, потому, что едва ли найдется человѣкъ, который, если бъ онъ даже и призналъ за собою избытокъ, не пріискалъ бы въ тоже время хотя призрака причины въ свое оправданіе» (causam saltem apparentem non praetendet. Busen. L. II. Tr. III. C. III. R. 5. c. 3.)

Послѣ всего, именно съ этою цѣлью придуманнаго, нельзя не сказать, что въ послѣднемъ случаѣ авторъ

разсуждаетъ вполнѣ основательно. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не пріискать?

C. Очистительныя оговорки (consensus conditionalis).

Человѣка пріучаютъ не поддаваться искушенію, не предпославъ своему соизволенію на грѣхъ предварительно придуманнаго *условія*, которое бы выгораживало нравственную его отвѣтственность и предохраняло бы его отъ оскверненія, какъ бы онъ ни втянулся послѣ того въ грѣхъ. Въ сущности, очистительная оговорка почти тоже что *мысленное изъятіе* (restrictio mentalis), тѣми же добродѣтельными мужами изобрѣтенное и о которомъ будетъ говорено ниже. Вся разница въ томъ, что очистительная оговорка употребляется какъ средство обмануть не людей, а самого себя, свою совѣсть, и пригодна лишь въ примѣненіи къ помысламъ и влеченіямъ, не переходящимъ въ область дѣлъ. Напримѣръ:

Грѣшно увлекаться, хотя бы только мысленно, желаніемъ ограбить или убить ближняго, но стоитъ къ первому желанію приложить условіе: «если бъ Богъ мнѣ это позволилъ» или, ко второму, «еслибъ я былъ судьею», и грѣхъ исчезнетъ, по крайней мѣрѣ превратится въ простительный. Нужно только подбирать такія оговорки, которыя снимали бы съ предметовъ желаній всякую злостность.

Нѣкоторые искусные мужи утверждаютъ даже, что

безгрѣшно всякое мысленное нарушеніе не только положительнаго, но и естественнаго закона, лишь бы оно сопровождалось условіемъ, по существу своему невозможнымъ, напримѣръ: «какъ-бы я сталъ развратничать, еслибъ это не было грѣшно!» Другіе идутъ еще далѣе и учатъ, что нѣтъ грѣха наслаждаться какимъ бы то ни было дурнымъ дѣломъ, подъ условіемъ даже не невозможнымъ по существу своему, лишь бы только устремленіе къ объекту оставалось въ области отвлеченной мысли и воли, не переходя въ область чувственнаго вожделѣнія; но Бузенбаумъ, какъ строгій пуристъ въ дѣлѣ нравственности (по крайней мѣрѣ такимъ онъ представляется по сравненію съ другими благочестивыми его собратьями), не одобряетъ этого мнѣнія, хотя и не отрицаетъ въ немъ условій правдоподобія (Bus. L. V. C. I. D. II. Art. I. R. 2. c. 1, 3, 4).

Д. Подразумѣваемыя изъятія (restrictiones mentales), двусмыслія (aequivoca).

Этотъ четвертый пріемъ близко соприкасается съ третьимъ и находитъ самое широкое примѣненіе въ ученіи о присягѣ, о свидѣтельствѣ передъ судомъ и о другихъ дѣйствіяхъ, принадлежащихъ къ области гражданскихъ отношеній. Разница между мысленнымъ изъятіемъ и двусмысліемъ несущественна и легко усматривается. Это два вида одного и того же обмана,

въ которомъ говорящій, держа про себя одинъ смыслъ, въ тоже время умышленно оставляетъ того, кто его слушаетъ, въ твердомъ убѣжденіи, что произносимыя слова имѣютъ иной смыслъ.

Польза, извлекаемая изъ двусмыслій и подразумѣваемыхъ изъятій на судебныхъ допросахъ, въ дѣлахъ уголовныхъ, исковыхъ и тяжебныхъ, была объяснена въ первомъ письмѣ; теперь остается указать на нѣкоторыя примѣненія тѣхъ же уловокъ въ частномъ быту.

По общему правилу, кто соблазнилъ дѣвушку, давъ ей обѣщаніе на ней жениться, обязанъ сдержать свое слово; но эта обязанность слагается и замѣняется обязанностью наградить приданымъ, или инымъ способомъ пристроить обманутую, если, завѣряя ее въ своемъ намѣреніи на ней жениться, соблазнитель «употреблялъ выраженія, въ которыхъ легко было высмотрѣть обманъ.» (Si verbis usus est fictionem facile indicantibus. Busen. L. V. C. II. D. VI. Art. IV. c. 4, 5, p. 1).

Это очень удобно для людей, привыкшихъ не щадить чужой чести, когда дѣло идетъ объ удовлетвореніи своей страсти; но Іезуиты не даромъ хвалятся своимъ нелицепріятіемъ. Подслужившись соблазнителю, они не оставляютъ и соблазняемой безъ добраго совѣта, и указываютъ ей средство уловить соблазнителя въ его собственныхъ сѣтяхъ.

«Когда кто либо дѣлаетъ подарокъ, съ подразумѣваемымъ намѣреніемъ склонить другаго къ исполненію

своего желанія, но прямо не высказываетъ этого, *какъ условія* (dona allectiva), тогда тотъ, кому приносится даръ, можетъ смѣло принять его, хотя бы отнюдь не намѣревался исполнить подразумѣваемое желаніе. На этомъ основаніи, соблазняемая дѣвушка можетъ принимать предлагаемые ей подарки и не обязывается возвратить ихъ, если-бъ этого потребовалъ впослѣдствіи обманутый въ своихъ надеждахъ соблазнитель; ибо, такъ какъ онъ явно не выговаривалъ условія, то дѣвушка, за которою онъ ухаживалъ, въ правѣ предположить, что онъ сперва дарилъ безусловно, а потомъ сталъ требовать возврата въ отмщеніе, или съ цѣлью вынудить ея согласіе» (Bus. L. III. Tr. V. C. III. D. II. R. c. 2).

Въ случаѣ принужденія къ клятвѣ, можно извороться, употребивъ такую формулу:

«Клянусь всѣмъ, чѣмъ только могу», ибо, такъ какъ нѣтъ такого предмета, которымъ бы позволялось клясться безъ нужды, то предполагается, что произнесшій эти слова не имѣлъ намѣренія связывать себя клятвою (Busen. L. III. Tr. II. C. II. D. I. R. I. c. 7). Очень ловко! Новѣйшіе отъискали въ словахъ Спасителя о клятвѣ такой смыслъ, котораго, конечно, не подозрѣвалъ никто изъ древнихъ.

Но какъ быть тому, кто, будучи понуждаемъ угрозами и насиліемъ, далъ клятву, напр. внести за себя выкупъ разбойникамъ или уплатить лихвенные проценты ростовщику и, при этомъ, *забылъ* употребить

двусмыслiе? Авторъ отвѣчаетъ: «тотъ, по всей вѣроятности, вяжется данною имъ клятвою» (Busen. L. III. Tr. II. C. II. D. V. R, c. 4). И подѣломъ! Добродѣтельные мужи ломали себѣ мудрыя головы, придумывая самыя легкiя средства обманывать людей безгрѣшно, такъ пусть же платятся тѣ, которые ими пренебрегаютъ.

Не только двусмыслiя и подразумѣваемыя изъятiя, но и гласныя прямо высказанныя условiя представляютъ возможность изворачиваться, какъ доказываетъ слѣдующiй примѣръ, въ которомъ жалкую роль обманутаго играетъ Богъ.

Ты далъ обѣтъ сходить на богомолье, но далъ его условно, напр. если Петръ это одобритъ. Затѣмъ, ты подсылаешь кого-нибудь къ Петру, чтобъ уговорить его не одобрять твоего намѣренiя, и тогда, если онъ дѣйствительно не одобритъ, обѣтъ твой упраздняется. (Это не считается обманомъ). Впрочемъ, правдоподобно, что и въ томъ случаѣ, когда бы препятствiе возбуждено было обманомъ или инымъ злостнымъ средствомъ, данный обѣтъ все таки потерялъ бы силу. Одинъ учитель замѣчаетъ однако, что въ подобныхъ случаяхъ, надобно принимать въ соображенiе намѣренiе произнесшаго обѣтъ. Напримѣръ: еслибъ кто-либо далъ обѣтъ вступить въ монашество подъ условiемъ, что этому не воспротивится его отецъ, то подсылать къ нему со стороны, чтобъ настроить его къ сопротивленiю, ни къ чему бы не повело: ибо, въ этомъ случаѣ,

вступило бы въ силу предположеніе, что давшій обѣтъ подразумѣвалъ не какое-нибудь сопротивленіе, а исключительно сопротивленіе свободное, отъ человѣка предоставленнаго собственнымъ внушеніямъ. (Busen. L. III. Tr. II C. III. D. IV. R. c. 11).

Отчего одинъ и тотъ же пріемъ, въ одномъ случаѣ, допускается, а въ другомъ, совершенно однородномъ, отвергается и считается недѣйствительнымъ?—авторъ не объяснилъ; но, по другимъ примѣрамъ, догадаться можно. При встрѣчѣ съ интересомъ монашескаго Ордена, мысль его какъ будто яснѣетъ, вѣроятно оттого, что около обители самый воздухъ чище.

Но это все примѣры выдуманные и случаи предполагаемые; а вотъ фактъ дѣйствительнаго примѣненія мысленнаго изъятія.

Во французской колоніи Пондишери, задолго до водворенія въ ней Іезуитовъ, Капуцины завѣдывали приходомъ и мѣстною духовною юрисдикціею. Іезуитамъ это было не по сердцу; чтобъ какъ-нибудь вытѣснить соперниковъ, перебивавшихъ у нихъ духовную лавочку, Іезуитъ отецъ Ташаръ сперва было обратился къ губернатору съ просьбою раздѣлить приходъ на двое и сослался на высочайшее повелѣніе Людовика XIV, которое оказалось подложнымъ и отъ котораго король отрекся. Дѣло передано было на разрѣшеніе въ Парижъ. Отецъ Ташаръ поѣхалъ туда хлопотать, и, въ разговорѣ съ министромъ, завѣрилъ его, что никогда Капуцины не завѣдывали приходомъ въ городѣ, и что

у них была только одна церковь въ кремлѣ (т. е. въ чертѣ крѣпостнаго вала), въ городѣ же ни единой церкви не было и нѣтъ. — Однако, возразилъ министръ, помнится, я слышалъ и о другой Капуцинской церкви, въ городѣ? — «Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство». — Ладно, мы справимся; я кстати приказалъ снять и доставить мнѣ планъ города. — Дѣйствительно, вскорѣ прислали планъ, и министръ послалъ за Ташаромъ: «Посмотрите, это что? На берегу моря церковь св. Лазаря, принадлежащая Капуцинамъ. Какъ же вы меня увѣряли, что у нихъ нѣтъ церкви въ городѣ?» — Извините, ваше превосходительство, я не сказалъ *безусловно*, что нѣтъ церкви въ городѣ, я подразумѣвалъ, что нѣтъ *приходской* церкви, кромѣ кремлевской [78]).

E. Подтасовка намѣреній.

Это безспорно самый замысловатый и тонкій пріемъ. Намъ уже растолковано, что дѣло не можетъ быть грѣховнымъ, если въ немъ нѣтъ сознательнаго, ко злу устремленнаго намѣренія; слѣдовательно, стоитъ подмѣнить намѣреніе или обратить его съ одной стороны предмета на другую, съ злостной на невинную, и тогда дѣло, не измѣняясь въ существѣ своемъ, превра-

---

[78]) Mémoires historiques etc. du R. P. Norbert. Tome 3. liv. 2. p. 95, 96.

тится изъ грѣховнаго въ безгрѣшное, или, по крайней мѣрѣ, изъ смертнаго грѣха въ простительный. Операція, совершаемая по этому рецепту надъ человѣческою совѣстью, походитъ на перемѣну подкладки подъ испачканнымъ платьемъ, но она несравненно легче; ибо намѣренія часто соприкасаются между собою такъ близко, переходятъ одно въ другое такъ неуловимо, что самому зоркому глазу не услѣдить за ихъ подтасовкою. Здѣсь, опять, нельзя не преклониться передъ мастерствомъ Іезуитовъ. Многое въ ихъ различеніяхъ до того тонко, что рвется отъ малѣйшаго прикосновенія критики; до того неуловимо, что едва держится въ прозрачной оболочкѣ слова; до того нѣжно, что боится свѣта и не переноситъ громкаго выраженія. Впрочемъ, не для Божьяго свѣта и созданы эти духовныя сокровища, а для передачи въ предварительно-настроенную и подогрѣтую душу, шопотомъ, за ширмами, въ таинственномъ полумракѣ.

Примѣненіе подтасовки намѣреній разнообразно до безконечности, такъ что, въ крайности, можно бы было ограничиться однимъ этимъ пріемомъ, прилагая его ко всевозможнымъ случаямъ.

Вотъ нѣкоторые примѣры:

«Кто наслаждается преступною связью съ замужнею женщиною, *но не какъ съ замужнею,* а какъ съ красавицею, слѣдовательно, абстрагируя отъ обстоятельства замужства (abstrahendo a circumstantia matrimonii), тотъ грѣшитъ не прелюбодѣяніемъ, а

простымъ блудомъ». Причина понятна: предполагается, что намѣреніе направлено не къ нарушенію супружеской вѣрности и посягаетъ на нее лишь косвенно; а гдѣ нѣтъ прямаго намѣренія нарушить ту или другую заповѣдь, тамъ нѣтъ и грѣха противъ этой заповѣди. Это ученіе приводитъ Лигуорій, причисленный Латинскою церковью къ лику святыхъ, *какъ весьма правдоподобное;* но повѣрятъ ли читатели, что оно перепечатано въ 1834 году, въ учебникѣ нравственнаго Богословія отца Муллета (Moullet), по которому, съ одобренія духовнаго вѣдомства, преподавалась въ то время, вѣроятно преподается и теперь, эта наука во Французскихъ семинаріяхъ? Сомнѣвающихся прошу навести справку въ книгѣ: Les Jésuites et l'Université, par F. Génin, professeur à la faculté des lettres de Strasbourg. Paris, Paulin, 1844. p. 418, 419.

«Кто даетъ обѣтъ подать милостыню, если, въ неправомъ дѣлѣ, одолѣетъ своего противника, или успѣетъ совершить благополучно замышляемое воровство или прелюбодѣяніе, тотъ кощунствуетъ, ибо вызываетъ содѣйствіе Божіе грѣховному дѣлу, и потому такой обѣтъ недѣйствителенъ». Это, кажется, ясно и недвусмысленно; но въ слѣдующей статьѣ значится: «если тотъ же обѣтъ дается подъ условіемъ выдти невредиму изъ поединка, или непопасться въ воровствѣ, или, отъ прелюбодѣйной связи, получить сына, то обѣтъ почитается дѣйствительнымъ». Въ чемъ же разница?

А вотъ въ чемъ: «въ трехъ послѣднихъ случаяхъ, намѣреніе направляется къ цѣли не злостной, а безгрѣшной и доброй, ибо невредимость, честное имя, дитя— все это такіе дары Божіи, о сбереженіи или пріобрѣтеніи коихъ всякому позволительно заботиться» (Busen. L. III. Tr. II. C. III. D. III. R. c. 4. 6).

Читатель припомнитъ литыя иконы, украшающія остроконечныя шляпы Итальянскихъ бандитовъ, и ихъ усердныя молитвы передъ выходомъ на промыселъ. У насъ, при болѣе кроткихъ нравахъ, въ комедіи Гоголя, городничій даетъ обѣтъ поставить такую свѣчу, какой еще никто не ставилъ, если ревизія, которой онъ боится, *сойдетъ съ рукъ поскорѣе;* цѣль позволительна, слѣдовательно обѣтъ вяжетъ; городничій, не кощунствуя, могъ надѣяться на Божью помощь и, въ случаѣ успѣха, былъ бы обязанъ поставить свѣчу. Кто знаетъ, еслибъ онъ побывалъ въ школѣ благочестивыхъ мужей, можетъ быть онъ выразился бы иначе и оговорилъ бы свой обѣтъ такими словами: *если мнѣ удастся еще разъ провести начальство*, тогда, и въ случаѣ полнѣйшаго успѣха, онъ могъ бы отговориться отъ исполненія недѣйствительностью обѣта, ибо обманывать начальство—грѣхъ.

Вотъ другая, не менѣе замысловатая, но не переводимая тонкость: на вопросъ: an et quanta peccata sint: oscula, amplexus, tactus, verba obscœna et similia extra matrimonium? авторъ отвѣчаетъ; ad id dignoscendum, distinguenda est imprimis,

intentio et delectatio venerea et venereorum ab intentione et delectatione sensitiva et sensitivorum aliorum, quae consistit in quadam proportione et conformitate rei tactae cum organo tactus. (Busen. L. III. Tr. IV. C. II. D. I. R.).

«Запрещается лишать жизни невиннаго, даже еслибъ этого требовалъ тиранъ, подъ угрозою истребить цѣлый городъ; запрещается, но только *прямымъ* а не косвеннымъ намѣреніемъ (directa intentione). Такъ, въ приведенномъ предположеніи, осажденное общество можетъ понудить невиннаго отдаться въ руки тирану, можетъ даже выдать его, если не уговоритъ идти добровольно; ибо, какъ любовь, такъ и законъ справедливости обязываютъ всякаго гражданина жертвовать жизнью для общаго блага и кто отъ этого уклоняется, тотъ, черезъ это самое, дѣлается преступникомъ. Выдавая такимъ образомъ невиннаго, общество отнюдь не *содѣйствуетъ* его казни, а только *попускаетъ* ее, такъ какъ актъ выдачи, самъ по себѣ, есть дѣло безразличное, ни доброе, ни злое; казнь же, въ приведенномъ случаѣ, есть косвенное послѣдствіе выдачи, независимое отъ намѣренія общества (Busen. L. III. Tr. IV. C. I. D. IV. R. c. 1, 2).

Благочестивые и добродѣтельные мужи доказывали, что человѣкъ, пользующійся почетомъ, если кто либо дастъ ему пощечину или ударитъ его кулакомъ и затѣмъ обратится въ бѣгство, можетъ, догнавъ обидчика, убить его. Иннокентій XI проклялъ это мнѣніе

(Prop. dam. № 30), но Бузенбаумъ нашелъ средство удержать его, подвернувъ невинное, по его мнѣнію, намѣреніе. «Убійство обидчика, говоритъ онъ, дѣйствительно запрещается, какъ отмщеніе, но по правдоподобному ученію, тоже убійство и въ тѣхъ же обстоятельствахъ совершенное разрѣшается — *какъ оборона чести обиженнаго*». (Busen. L. III. Tr. IV. C. I. D. III. R. c. 7).

Подтасовка намѣреній оказала Іезуитамъ огромныя услуги въ оправданіи поединковъ. Задача была нелегкая; приходилось имѣть дѣло не только съ Божественною заповѣдью «не убій» (съ нею Іезуиты легко бы справились), но и съ очень строгими, уголовными законами, съ которыми опасно было становиться въ рѣшительное противорѣчіе, особенно при постоянной заботливости о поддержаніи государей въ той вѣрѣ, что для упроченія ихъ власти, воспитаніе, даваемое Орденомъ, выгоднѣе всякаго другаго. Въ тоже время, стоило и похлопотать, даже подвергнуться нѣкоторому риску; ибо страстью къ поединкамъ заражены были не простые смертные, не средняго и низшаго разбора люди, а дворянство, знать, люди лучшихъ фамилій, къ которымъ Орденъ питалъ искони, и теперь питаетъ особенную нѣжность. Испробованы были разныя системы оправданія. Нѣкоторые, между прочимъ, доказывали, что поединка вовсе нѣтъ и не бываетъ. «Человѣкъ выходитъ рано утромъ изъ дома при шпагѣ. Что-жь, развѣ это грѣхъ? — Онъ направляетъ шаги

свои къ опредѣленному мѣсту—тоже не грѣхъ!—Прохаживается взадъ и впередъ, гуляетъ — все это совершенно невинно. Вдругъ, на него нападаетъ противникъ; естественно, по праву самозащиты, онъ выхватываетъ шпагу и обороняется; чтобы за тѣмъ ни случилось, неужели осудить его?» Другіе просто доказывали, что общественное уваженіе и добрая слава дороже жизни, и потому «дворянинъ, вызванный на поединокъ, можетъ принять вызовъ, чтобъ не подвергнуться въ глазахъ свѣта подозрѣнію въ трусости». Это мнѣніе было осуждено и проклято Александромъ VII (Prop. damn. 24 sept. 1665 № 2), а вотъ что проповѣдуетъ, по выслушаніи осужденія, Бузенбаумъ: «Поединокъ запрещается, когда побужденіемъ къ нему служитъ желаніе выказать свое мужество, или отомстить за обиду, или избѣжать стыда; но нельзя осудить дворянина, который, состоя при дворѣ или въ арміи, принялъ-бы вызовъ, чтобъ избѣгнуть подозрѣнія въ трусости и не лишиться должности или милости своего государя» (Busen. L. III. Tr. IV. C. 1. D. V. Art. I. R. c. 2, 3, 6).

«Можно, не впадая въ смертный грѣхъ, скорбѣть, разумѣется въ мѣру (cum debita moderatione), о жизни ближняго, радоваться естественной его смерти и желать ея, недѣйственнымъ желаніемъ (inefficaci affectu), только бы не вслѣдствіе нерасположенія къ этому лицу, а имѣя въ виду какую либо мірскую пользу для себя».

«Позволительно сыну, отвлеченнымъ помысломъ (absoluto desiderio), желать отцу своему смерти, конечно не какъ зла для отца, но какъ добра для себя, ради ожидаемаго, значительнаго наслѣдства».

«Позволительно даже сыну, въ пьяномъ видѣ убившему своего отца, радоваться этому, только бы радость возбуждалась значительнымъ наслѣдствомъ ему доставшимся» (Prop. damn. ad. Innoc. XI. 2 Mart. 1679 №№ 13, 14, 15).

Тотъ же пріемъ служитъ къ прикрытію лихоимства. По ученію Латинской церкви, *все*, что взимается кредиторомъ сверхъ капитала, въ видѣ *отплаты за ссуду* (ratione mutui, ut prœtium), будь это денежный процентъ, *какой бы то ни было*, или выговоренная услуга (pactum de obtinendo officio), считается лихоимствомъ и безусловно осуждается какъ тяжкій грѣхъ. Такому же осужденію подвергается и лихоимство въ помыслѣ, такъ называемая usura mentalis, то есть, дѣломъ не проявленное намѣреніе получить что либо за ссуду. Не мѣсто обсуждать это ученіе, котораго Іезуиты ни сколько не оспаривали; но интересно узнать средства ими придуманныя, чтобъ уклониться отъ осужденія, не переставая наживаться.

Во-первыхъ, они строго отличаютъ отъ лихоимства *благодарность* за ссуду; поэтому можно безгрѣшно давать въ займы, имѣя при этомъ главною цѣлью получить отъ должника благодарность (licet illud quod

ex gratitudine sperat ut finem principalem intendat).

Во-вторыхъ, разрѣшаютъ давать въ займы съ намѣреніемъ снискать *дружбу* должника (ибо дружба на деньги не цѣнится) и за тѣмъ уже, отъ дружескаго его расположенія, получить какую либо услугу.

Въ-третьихъ, не воспрещаютъ требовать чего нибудь сверхъ капитала, въ видѣ *обезпеченія* за предполагаемый рискъ и *уплаты за трудъ и расходы* по взысканію капитала.

Въ-четвертыхъ, позволяютъ выговаривать *вознагражденіе* за ущербъ, которому подвергаетъ себя кредиторъ, отказываясь, на время, отъ распоряженія своимъ капиталомъ, если онъ черезъ это стѣсняется въ своихъ предпріятіяхъ (Busen. L. III. Tr. V. C. III. D. VII. R. c. 2, 4, 8, 10).

И такъ, стоитъ повернуться намѣреніемъ не къ платѣ за ссуду, а къ благодарности, дружбѣ, обезпеченію или вознагражденію и, тогда, совѣсть не приметъ на себя осужденія, а сундукъ все-таки наполнится, что и нужно было доказать.

Тѣмъ же самымъ способомъ открывается возможность торговать святынею и обмѣнивать духовное на вещественное, не впадая въ симонію (Busen. L. III. Tr. I. C. II. D. III. Art. I).

F. Цѣль и средства.

Оправданіе грѣховности средствъ безгрѣшностью цѣли связано неразрывно съ подтасовкою намѣреній и подразумѣвается въ ней. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно вникнуть въ любой изъ вышеприведенныхъ примѣровъ. Обиженный бросается въ погоню за убѣгающимъ отъ него обидчикомъ, настигаетъ и убиваетъ его; затѣмъ убійца идетъ къ своему духовнику и объявляетъ ему, что онъ не мстилъ, а оборонялъ свою честь. — «Если таково было ваше намѣреніе, отвѣчаетъ духовникъ, то оно безукоризненно; а такъ какъ нѣтъ грѣха безъ злостнаго намѣренія, то и поступокъ вашъ безгрѣшенъ — идите съ миромъ». — Такъ! Но первые въ мірѣ мастера на различенія всякаго рода не могли же проглядѣть, что одно это, духовнику заявленное, намѣреніе — оборонить оскорбленную честь — не повело бы *прямо* и *непосредственно* къ дѣлу, т. е. къ пролитію крови ближняго, еслибъ оно не перешло въ другое намѣреніе — совершить убійство. Убійство, само по себѣ, независимо отъ намѣренія (вмѣняемаго убійцѣ въ оправданіе), совершено сознательно и вольно, слѣдовательно намѣренно, и это послѣднее намѣреніе составляетъ какъ бы переходъ отъ перваго намѣренія къ дѣлу, служитъ между ними необходимымъ звѣномъ. И такъ, здѣсь два намѣренія, одно отдаленное, другое ближайшее. Отчего же именно пер-

вымъ, отдаленнымъ, маскируется въ глазахъ духовника второе, ближайшее? Отчего безгрѣшность перваго (дѣйствительная или мнимая) снимаетъ со втораго печать грѣховности? Отчего свойствомъ перваго, и только перваго, безъ всякаго соображенія со вторымъ, опредѣляется нравственный характеръ поступка? Угадать не трудно: одно намѣреніе направлено къ цѣли, другое къ средству; первымъ извиняется второе, цѣлью оправдывается средство. Тѣмъ же ученіемъ, и только этимъ ученіемъ, могутъ быть объяснены извѣстныя сочетанія словъ, которымъ бы, кажется, не подобало и встрѣчаться, сочетанія невыносимыя для слуха православнаго человѣка, но вошедшія во всеобщее употребленіе у латинянъ, какъ напр. *благочестивое мошенничество,* une fraude pieuse, *лганье для доброй цѣли,* un mensonge pour la bonne cause, и многія другія, въ томъ же родѣ. Но, возразятъ можетъ быть читатели, все это *выводы*, а не прямыя указанія, которыхъ отецъ Мартыновъ требуетъ такъ настойчиво, съ такою увѣренностью, что они не найдутся. Онъ спрашиваетъ: «Въ какомъ мѣстѣ *нашего устава* (т. е. конституцій Ордена) прочли вы это пресловутое правило и зачѣмъ не потрудились указать на изданіе и страницы?»

Устава! Да съ какой же стати именно въ уставѣ стали бы мы искать правила, придуманнаго для разрѣшенія вопросовъ совѣсти? Иное дѣло, если бъ понадобились справки объ учрежденіи Ордена, о его со-

ставѣ, организаціи, способѣ управленія, о средствахъ забирать движимые и недвижимые капиталы, не переставая нищенствовать и т. д. Все это можно найди въ уставѣ; но искать въ немъ ученія объ отношеніи средствъ къ цѣлямъ, было бы черезъ-чуръ наивно. Такихъ безплодныхъ поисковъ сами Іезуиты никогда не предпринимаютъ. Около двадцати лѣтъ тому назадъ, имъ понадобилось подорвать общественное довѣріе къ Французскому университету и доказать зловредное направленіе свѣтскаго воспитанія. Что-жь они сдѣлали? Они разщипали учебники, одобренные начальствомъ и разобрали по волоскамъ лекціи профессоровъ и изданія ученыхъ обществъ. Но еслибъ въ то время Кине, Мишле или Кузенъ вздумали предложить имъ указать на слѣды безбожія или всебожія въ уставѣ Сорбонны или Французской коллегіи, безъ всякаго сомнѣнія, они закричали бы въ одинъ голосъ, что это значитъ отводить глаза. Я попрошу позволенія послѣдовать примѣру Іезуитовъ, а не указанію отца Мартынова, и постараюсь удовлетворить его любопытству, ограничивая розыски немногими, мнѣ доступными источниками.

Въ учебникѣ Бузенбаума, Книгѣ IV. Гл. III. Сомнѣн. VII. Разд. II. Отвѣт. Казус. 3 на страницѣ 435 изд. Кельнскаго, 1694 года, мы читаемъ:

«По совѣсти разрѣшается (приговоренному къ смертной казни или къ заточенію на всю жизнь и содержащемуся въ тюрьмѣ) обманывать сторожей, не прибѣгая однако къ насилію и обидамъ, напр. угощать и

поить ихъ до усыпленія, или придумывать средства для ихъ удаленія, разбивать оковы и выламывать двери; ибо *такъ какъ цѣль дозволена, то и средства дозволяются»* (quia, cum finis est licitus, etiam media sunt licita) и т. д.

Того же учебника, въ Книгѣ VI, Тракт. VI, Гл. 11. Разд. 11. Отвѣт. на вопр. стр. 687 того же изданія, повторяется буквально это правило: *кому дозволена цѣль, тому дозволены и средства*, съ слѣдующею прибавкою: *кому дозволено совершеніе, тому дозволенъ и починъ* (Cui licitus est finis, etiam licent media et cui licet consummatio, etiam licet inchoatio [79]).

---

[79]) Статья, откуда извлечены эти строки, непереводима. *Quaeres*: an et quando liceant tactus, aspectus et verba turpia inter conjuges?

Resp. Tales tactus per se iis licent, quia cui licitus est finis etc.

А Бузенбаумъ—цѣломудренный и строгій аскетъ въ сравненіи съ какимъ-нибудь Санчезомъ и другими писателями той-же школы, какъ будто преднамѣренно осквернявшими супружество и превращавшими его въ узаконенный развратъ. Въ этомъ ихъ упрекали въ одинъ голосъ не только протестанты и жансенисты, но и строгіе католики, разумѣется непринадлежащіе къ Ордену; но Іезуиты никогда, ни въ чемъ не сознаются; а такъ какъ въ этомъ случаѣ не было возможности отпереться, за множествомъ явныхъ уликъ, то они прибѣгли къ оправданію Вотъ, между прочимъ, что писалъ одинъ изъ новѣйшихъ почитателей Ордена, въ 1843 году, въ книгѣ, изданной въ защиту Іезуитовъ отъ публичныхъ нападокъ профессоровъ Мишле и Кине (Les

Въ книгѣ нравственнаго богословія Эскобара (Liber Theologiae Moralis etc.), Тракт. V Изслѣд. (Examen) V. Гл. IV. § 118. стр. 801. издан. 1656, мы читаемъ: «Я знаю, что добрая цѣль извиняетъ иногда грѣхъ содѣянный наведеніемъ соблазна, но я спрашиваю и т. д. (Scio bonum finem excusare aliquando a peccato scandali etc.)».

На вопросъ предложенный убійцѣ: онъ ли убилъ такого то? — виновный въ убійствѣ можетъ смѣло отвѣчалъ *нѣтъ*, подразумѣвая про себя, что онъ не посягалъ на жизнь убитаго имъ человѣка «*до его рожденія*». Это не значитъ лгать, и этимъ средствомъ позволительно пользоваться для спасенія своей жизни, чести, своего имущества, или для добраго дѣла». — Такъ разсуждаетъ Санчезъ, а Филліуцій прибавляетъ въ объясненіе: «ибо качество поступка (т. е. невин-

---

Jésuites, par un Solitaire. Réponse à M. M. Michelet et Quinet, 2-me édition, Paris, page 36):

«Вы знаете, что развратъ, въ самыхъ мерзкихъ формахъ, можетъ иногда проскользнуть въ таинственное святилище самой законной любви, а потому и проповѣдникъ нравственности (это Санчезъ!) не можетъ уклониться отъ обязанности внести туда свои изслѣдованія, проникнутыя любовью строгою и скромною». *Строгою и скромною*, ses investigations sévères et discrètes! Пусть читатель сообразитъ эти эпитеты съ словомъ *licent*, въ приведенномъ выше латинскомъ цитатѣ, и рѣшитъ самъ: въ какой мѣрѣ новѣйшіе Іезуиты покаялись въ грѣхахъ своихъ старшихъ братьевъ и можно ли вѣрить ихъ свидѣтельствамъ о себѣ самихъ?

ность или злостность его опредѣляется конечною его цѣлью». Ellend. стр. 43).

Довольно ли?

6. Поблажки всякаго рода.

Владѣя шестью указанными пріемами, которыми, повторяю, далеко не исчерпываются средства Іезуитской казуистики, не трудно было угодить міру, поддѣлавъ по его вкусу и надобностямъ Христово ученіе и низведя Божьи заповѣди до уровня господствовавшаго разврата. Благочестивые мужи въ этомъ отношеніи, никого не обидѣли; правда, главною ихъ заботою было всегда подслужиться высшимъ сословіямъ, но и на долю меньшей братьи перепадали крупицы отъ духовной трапезы, изготовлявшейся по ихъ рецептамъ. Смѣло можно сказать, что нѣтъ такого преступленія, котораго бы они не извинили; нѣтъ такого порока, начиная съ грубѣйшихъ и кончая самыми утонченными, нѣтъ той слабости, для которыхъ бы они не придумали благовиднаго оправданія и поблажки. Разверните любой курсъ ихъ нравственнаго богословія — это, въ полномъ смыслѣ слова, справочная книга, въ которой всякій можетъ отъискать, по алфавитному указателю, именно то, что ему нужно для усыпленія своей совѣсти.

Вотъ, напримѣръ, привиллегіи знатныхъ и богатыхъ.

Мы видѣли, что по общему правилу, соблазнившій дѣвушку обѣщаніемъ на ней жениться, обязанъ сдержать слово; но если дѣвушка, по своему состоянію или званію, стоитъ значительно ниже соблазнителя, то на послѣдняго это правило не распространяется. Такъ, напримѣръ, дворянинъ не обязывается вступить въ бракъ съ крестьянкою, которую онъ лишилъ невинности, и можетъ отдѣлаться выдачею приданаго; а если обольщенная имъ *сознавала* раздѣлявшее ихъ неравенство состоянія или званія (si fuerit conscia desparis status seu conditionis), то онъ освобождается и отъ этой обязанности (Busen. L. VI. Tr. VI. C. I. D. 11. R. I. c. 4).

Въ случаяхъ подробно опредѣленныхъ казуистами, захватъ чужой собственности, или ущербъ, другому лицу нанесенный, влечетъ за собою обязательное вознагражденіе; но еслибы немедленное исполненіе этой обязанности должно было поставить того, на комъ она лежитъ, въ невозможность продолжать образъ жизни, званію его приличный, напримѣръ: если-бы дворянину приходилось отказаться отъ прислуги, лошадей, оружія, или первостатейному гражданину — взяться за незнакомое ему ремесло, то разрѣшается тому и другому отложить исполненіе и вознаградить понесшаго ущербъ, по немногу, не выходя изъ своего состоянія (Busen. L. III. Tr. V. C. II. D. VII. Art. III. R. I. c. 5).

«Кто не хочетъ знать своихъ родителей потому, что

они бѣдны, грѣшитъ противъ пятой заповѣди; но того, кто принимаетъ на себя только видъ будто не знаетъ ихъ (т. е. отступается отъ нихъ передъ людьми) или отказывается, не безъ достаточнаго основанія, содержать ихъ при себѣ, можно извинить отъ тяжкаго грѣха, лишь бы онъ снабжалъ ихъ всѣмъ для нихъ необходимымъ» (Busen. L. III. Tr. III. C. I. D. I. R. I. c. 2).

Іезуиты ветхаго завѣта разрѣшали тотъ же случай нѣсколько иначе; они требовали дара въ церковь Божью (Матѳ. XV. 5 и 6).

«Господа наносятъ иногда тяжкія обиды своимъ слугамъ, называя ихъ, напримѣръ, чертями или псами. По мнѣнію нѣкоторыхъ учителей, это не грѣхъ, ибо дѣлается, большею частью, необдуманно и въ припадкѣ гнѣва» (Busen. L. III. Tr. III. C. II. D. IV. R. I. c. 2).

По общему правилу, повредившій доброй славѣ ближняго обязанъ возстановить ее (restituere famam), т. е. повиниться передъ опороченнымъ; но изъ этого правила исключается цѣлый рядъ случаевъ, напримѣръ: «если добрая слава обиженнаго не такъ цѣнна (minoris est valoris), какъ репутація обидѣвшаго. Поэтому, прелатъ не обязанъ къ удовлетворенію опороченнаго имъ человѣка низкаго званія (vilis hominis), если не можетъ этого сдѣлать не пожертвовавъ своею собственною репутаціею, несравненно болѣе стоющею. Достаточно, въ такомъ случаѣ, замол-

вить слово въ похвалу опороченному или вознаградить его деньгами (Busen. L. III. Tr. VI. C. I. D. III. Quaest. I. R. 6).

Вообще, дворянамъ, прелатамъ и людямъ съ состояніемъ, жить на свѣтѣ хорошо, и имъ прощается многое.

Теперь, посмотримъ, что сдѣлано для служащихъ по найму, для купцовъ, ремесленниковъ и т. п. Для нихъ придумано особое ученіе о воровствѣ, въ разныхъ его видахъ.

По общему правилу, не считается воровствомъ самовольное присвоеніе себѣ чужаго, въ видѣ вознагражденія, когда не представляется иного способа получить должное. Поэтому, «слуги обоего пола могутъ тайно похищать (occulte surripere) принадлежащее ихъ господину, для вознагражденія себя за труды, если они (т. е. слуги) находятъ, что эти труды недостаточно оплачиваются получаемымъ ими жалованьемъ». Этотъ тезисъ былъ осужденъ и проклятъ Иннокентіемъ XI (Prop. dam. 2 Mart. 1679 № 37). Бузенбаумъ, выслушавъ Римскаго первосвященника, продолжаетъ: «слуга, вознаграждающій себя украдкою (occulta compensatione) изъ имущества своего господина, не грѣшитъ въ тѣхъ случаяхъ: 1) когда господинъ не выдаетъ ему содержанія или жалованья, на которое слуга имѣетъ право; 2) когда слуга оказываетъ господину, не по доброй своей волѣ и не даромъ, а съ намѣреніемъ получить за это вознагражденіе, какія-либо особенныя

услуги, сверхъ договоренныхъ; 3) когда слуга, безчестнымъ образомъ, подговоренъ былъ наняться за плату для него обидную». (Busen. L. III. Tr. III. C. II. D. IV. R. 2. c. 2. 3. Tr. V. C. 1. D. I. R. c. 3).

Чѣмъ кто ближе стоитъ къ хозяину, котораго обкрадываетъ, тѣмъ снисходительнѣе судится воровство. Въ этомъ отношеніи, жены и дѣти пользуются особенными привиллегіями. Напр. «сынъ не тяжко грѣшитъ, похищая у богатаго отца незначительныя денежныя суммы». Казуисты не могли однако согласиться въ опредѣленіи самой суммы дозволеннаго воровства; одни разрѣшаютъ покражу только одного червонца, другіе доходятъ до шести. Латинская церковь, для разрѣшенія этого вопроса, откровенія не получила, потому — in dubio libertas.

«Равномѣрно, если сынъ завѣдуетъ отцовскими дѣлами, то можетъ требовать себѣ такой же платы, какую получалъ-бы въ его должности сторонній приказчикъ, а если не посмѣетъ этого требовать, или отецъ не согласится удовлетворить его, то самъ можетъ вознаградить себя украдкою» (Bus. L. III. Tr. V. C. I. D. IV, R. c. 6, 8).

Вообще, кто, находясь въ *крайней* нуждѣ, присвоитъ себѣ чужое, въ количествѣ только необходимомъ для себя, тотъ воромъ не считается и не обязывается, впослѣдствіи, возвратить взятое — это общее мнѣніе. По мнѣнію нѣкоторыхъ, оно примѣняется и къ случаямъ *тяжкой* нужды. Бузенбаумъ, какъ чело-

вѣкъ умѣренный, находитъ первое мнѣніе *болѣе правдоподобнымъ*, слѣдовательно не отрицаетъ правдоподобія и втораго, не смотря на то, что оно было осуждено и проклято Иннокентіемъ XI (Prop. damn. 2 Mart. 1679. № 36. Busen. L. III. Tr. V. C. I. D. I. R. c. 2).

Іезуитовъ долго занималъ вопросъ: слагаются ли учащенныя мелкія воровства, не составляющія порознь смертнаго грѣха, въ одно крупное воровство, слѣдовательно въ смертный грѣхъ, и обязательно ли, въ подобномъ случаѣ, возвратить украденное? Нѣкоторые отвѣчали: не слагаются и не обязательно; но Иннокентій XI проклялъ и это мнѣніе. Тогда, добродѣтельный Бузенбаумъ, удерживая тотъ же отрицательный отвѣтъ, обмоталъ его въ разныя оговорки и произвелъ на свѣтъ слѣдующую статью: «Мелкія воровства не слагаются въ одно крупное, если производились при случаѣ (ex occasione) по малости, безъ намѣренія этимъ способомъ разжиться или нанести ближнему тяжкій ущербъ; но лишь только сложность разновременно похищеннаго достигнетъ *значительнаго количества* (ad quantitatem notabilem pervenit — къ сожалѣнію, авторъ не опредѣлилъ сколько аршинъ, пудовъ или червонцевъ составляетъ значительное количество), тамъ начинается для удерживающаго украденное опасность впасть въ смертный грѣхъ. Впрочемъ, онъ можетъ отъ нея уклониться, если возъимѣетъ намѣреніе, хотя бы не тотчасъ, а въ скоромъ вре-

мени, возвратить, по принадлежности, по крайней мѣрѣ то, что было имъ похищено въ послѣдній разъ». Не знаю, вѣрно ли я понялъ автора; вотъ подлинныя его слова: si vel animum habeat paulo post restituendi ea saltem quae tunc accipit (Prop. damn. 2 Mart. 1679, № 38, Busen. L. III. Tr. V. C. I. D. III. R. c. I).

Такъ какъ, по общему правилу, тягость грѣха находится въ прямомъ отношеніи къ вѣсу, мѣрѣ и цѣнности похищеннаго, и такъ какъ рядъ мелкихъ покражъ не всегда равняется одной, крупной, то и купцы, продающіе свой товаръ на укороченныя мѣры, извиняются отъ тяжкаго грѣха, если дѣлаютъ это по нуждѣ и по невозможности возвысить цѣну, не отбивъ покупателей (Busen. L. III. Tr. V. C. I. D. III. R. c. 2 p. 2, 3).

«Купецъ, продающій порченый товаръ, обязанъ спустить цѣну, но не обязанъ, по совѣсти, предупредить покупщика о порчѣ, если товаръ пріобрѣтается не для перепродажи и если сбавка въ цѣнѣ не можетъ подать повода думать, что цѣна вообще на этотъ товаръ понизилась» (Ellend. 129).

«Если продавецъ, по какой-либо причинѣ, не можетъ сбыть своего вина по настоящей его цѣнѣ, то онъ можетъ безгрѣшно разбавить его водою и отпускать уменьшенною мѣрою, чтобъ этимъ способомъ привести вино въ настоящую цѣну» (тамъ же стр. 151).

«Обанкрутившийся купецъ, даже если онъ разорился по собственной своей винѣ, отъ мотовства и распутства, можетъ, до заявленія о своей несостоятельности, укрыть изъ своего имущества сколько ему нужно, чтобъ жить прилично съ своею семьею. Въ случаѣ надобности по требованію кредиторовъ, самъ обанкрутившийся, а равно тѣ, которымъ эта утайка извѣстна, могли бы безгрѣшно присягнуть, что онъ ничего не скрылъ изъ своего состоянія, подразумѣвая про себя: *ничего такого, чего бы онъ не имѣлъ права отложить*».

Указавъ средства безгрѣшно присвоивать себѣ чужое добро, оставалось защитить отъ упрековъ совѣсти спокойное обладаніе неправеднымъ стяжаніемъ. Эту задачу разрѣшаетъ ученіе о вознагражденіи, разработанное Іезуитами чрезвычайно подробно и съ особенною любовью. Понятно: тутъ можно было прямо черпать готовый матеріалъ изъ римскаго права, а не изъ Св. Писанія и отцевъ Церкви.

«Основаніе вознагражденія (ratio restitutionis), говоритъ Бузенбаумъ, лежитъ въ правѣ того лица, которому нанесенъ ущербъ незаконнымъ поступкомъ другаго лица (damnum illatum per injuriam). Изъ этого, повидимому, должно бы слѣдовать, что размѣръ вознагражденія, во всякомъ случаѣ, опредѣляется сообразно съ ущербомъ обиженнаго, независимо отъ внутреннихъ побужденій обидчика; но авторъ приходитъ къ другому заключенію: «Обида, сопряженная съ ущер-

бомъ, по отношенію къ обидчику, двоякаго рода: исключительно вещественная (materialis), то есть, чуждая злостной преднамѣренности, или сознательная и преднамѣренная (formalis). Въ первомъ случаѣ, причинившій ущербъ безвинно обязанъ вознаградить только тѣмъ, что еще осталось въ его владѣніи отъ предмета принадлежащаго другому, или тѣмъ, что на этотъ предметъ нажито, притомъ, если незаконность пріобрѣтенія не покрыта давностью. Во второмъ лишь случаѣ, вознагражденіе соразмѣряется съ нанесеннымъ ущербомъ. Но, спрашиваетъ авторъ, примѣняется ли это послѣднее правило къ тѣмъ случаямъ, когда вина нанесшаго ущербъ, сама по себѣ, простительна? Оказывается, что ученые авторитеты, на этомъ вопросѣ, расходятся; одни даютъ отвѣтъ положительный, другіе — отвѣтъ отрицательный; но оба мнѣнія правдоподобны и на практикѣ безопасны, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда вознагражденіе сопряжено, для нанесшаго ущербъ, съ *неудобствами* (quando non commode potest restituere. Busen. L. III. Tr. V. C. II. D. I. R. I. c. 2, 3. D. VI. Art. I. R).

Дальнѣйшее развитіе приводитъ къ такимъ результатамъ:

«Если ты купилъ у вора или получилъ отъ него въ даръ вещь краденую, зная, что она краденая, притомъ — вещь, по свойству своему, подверженную потребленію (напримѣръ: вино, масло, пшеницу), и если

ты перемѣшалъ ее съ своими собственными вещами, такъ что уже нѣтъ возможности отличить ее, то ты не обязанъ отдать ее тому, кому она, по праву, принадлежала, хотя бы ты и узналъ, впослѣдствіи, что она у него похищена; за то и тотъ, у кого она была украдена, не теряетъ своего права и можетъ, тайкомъ, присвоить себѣ слѣдующее ему изъ твоихъ вещей» (Busen. L. III. Tr. V. C. II. D. VI. Art. I. c. I). И такъ, воровство воровствомъ узаконяется и умѣряется.

«Кто, добросовѣстно владѣя вещью, по внимательномъ обсужденіи, склонится къ убѣжденію, что она чужая, тотъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ учителей, обязанъ, сколько нибудь, по собственному своему усмотрѣнію, вознаградить хозяина; но, по мнѣнію большинства, это нисколько не обязательно; ибо фактическому владѣнію всегда дается преимущество передъ доводами, противъ него приводимыми, если они не вполнѣ убѣдительны. Къ этому присовокупляютъ нѣкоторые, что кто въ пору не озаботится дознать въ точности — кому принадлежитъ вещь по праву, тотъ, впослѣдствіи, когда самое дознаніе сдѣлается невозможнымъ, ни къ чему уже не обязывается» (Busen. L. III. Tr. V. C. II. D. VI. Art. I. R. c. 4).

«Кто укралъ какую либо вещь, и за тѣмъ, впавши въ крайнюю нужду, потребилъ украденное, тотъ не обязывается къ вознагражденію: ибо, во первыхъ, вещи ужъ нѣтъ на лицо; во вторыхъ, актъ покражи

не отнимаетъ у вора того права, которое давала ему на чужую вещь крайняя его нужда» (Busen. L. III. Tr. C. II. D. VI. Art. II. R. c. II).

«Кто, въ пьяномъ видѣ, совершилъ убійство, не обязывается къ вознагражденію за ущербъ, если напился не преднамѣренно, или хотя и преднамѣренно, но не предвидя, что пьянство приведетъ его къ убійству, или, хотя и предвидя, если только употребилъ противъ этого мѣры предосторожности» (Busen. L. III. Tr. V. C. II. D. VI. Art. III. R. c. I).

«Передъ судомъ совѣсти извиняется тотъ, кто нанесъ ближнему ущербъ безъ учиненія смертнаго грѣха и черезъ это самъ не обогатился, напримѣръ: кто убилъ другаго *въ первомъ или во второмъ моментѣ перваго движенія гнѣва* (si fuerit motus irae tantum primo primus vel secundo primus), если убійца не предусмотрѣлъ опасности, или, предусмотрѣвъ, употребилъ, для отвращенія ея такія мѣры предосторожности, какія обыкновенно принимаются людьми его званія» (Busen. I. III. Tr. V. C. II. D. II. Art. VII. R. I. c. 3).

Наконецъ, придуманы случаи, въ которыхъ можно отвертѣться отъ уплаты вознагражденія несомнѣнно обязательнаго, въ томъ числѣ слѣдующіе два:

«Кто, будучи обязанъ возвратить какую либо вещь бѣднымъ, и находясь самъ въ дѣйствительной бѣдности, подаритъ ее самому себѣ, тотъ и впослѣдствіи не обязывается возвратить ее, хотя бы и разбога-

тѣлъ.» — Іезуитскій Орденъ и каждый Іезуитъ порознь, кажется, всегда считаются бѣдными, по крайней мѣрѣ, *нищенствующими.*

Если вознагражденіе можетъ вовлечь въ грѣхъ, напримѣръ, если тотъ, на комъ лежитъ обязанность вознаградить, убѣдится, что, исполнивъ ее, онъ подвергся бы опасности съ досады впасть въ отчаяніе (per impatientiam incidendi in desperationem), или могъ бы утратить доброе имя, то эта обязанность съ него слагается» (Busen. L. III. Tr. V. C. II. D. VII. Art. III. R. I. c. 9, 10).

Короче сказать: кто не хочетъ вознаградить, тотъ и не вознаграждай; а вмѣсто этого, поройся въ Книгѣ III, Трактатѣ V, Главѣ II, de restitutione, и спрячься за подходящею статьею. Такая статья непремѣнно отъищется.

При этомъ, однако, не мѣшаетъ принять одну предосторожность, а именно: не обижать монаховъ; ибо, въ противномъ случаѣ, пришлось бы расплатиться на чистоту, по всѣмъ статьямъ, какъ за дѣйствительные, такъ и за возможные убытки. Послушайте:

«Кто убѣжденіемъ, или инаго рода содѣйствіемъ, склонитъ монаха къ отступничеству (т. е. къ выходу изъ монастыря), тотъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, обязанъ своею особою вознаградить Орденъ, то есть — вступить въ него; но Бузенбаумъ отвергаетъ этотъ способъ вознагражденія и, вмѣсто этого, обязываетъ провинившагося, во первыхъ, употребить всевозмож-

ное старапіе къ убѣжденію отступника вернуться въ оставленную имъ обитель; во вторыхъ, вознаградить, ее за всѣ тѣ выгоды, которыхъ она ожидала отъ наслѣдствъ, имущества или способностей (industria) отступника» Busen. L. III. Tr. V. C. II. D. VI. Art. VI. R. c. 5).

Потрясая собственность извинепіемъ воровства, Іезуиты, съ другой стороны, поддерживали ее въ тѣхъ формахъ, которыя, вообще, не пользуются особеннымъ покровительствомъ гражданскихъ законовъ, какъ напр. заработки непотребныхъ женщинъ. Этимъ предметомъ занимались Филліуцій, Тамбурини, Луго и другіе теологи.

По ихъ ученію, всякая непотребная женщина имѣетъ право на свой заработокъ; но вознагражденіе женщины, промышляющей собою тайно, гораздо обязательнѣе, по совѣсти, чѣмъ вознагражденіе промышляющей явно; ибо, въ первомъ случаѣ, самый предметъ промысла цѣнится дороже; такимъ же преимуществомъ пользуются невинныя дѣвушки, замужнія женщины и *монашенки*.

Тамбурини пытался было рѣшить интересный вопросъ о томъ: какую именно цѣну позволительно запрашиватъ: но онъ не дошелъ до опредѣленной цифры и ограничился общимъ правиломъ, что цѣна должна соображаться съ обстоятельствами, какъ-то: съ званіемъ, красотою, возрастомъ, честью (?), доброю славою (?) домогающейся вознагражденія и что, поэтому,

женщина честная (?), не назойливая, заслуживаетъ большей платы, чѣмъ бросающаяся каждому на шею. Невинная дѣвушка можетъ цѣнить себя по самой высокой цѣнѣ; но женщина, всѣмъ доступная, должна довольствоваться умѣренною и для всѣхъ одинаковою платою, безъ лицепріятія, при чемъ, конечно, эта плата можетъ быть выше въ началѣ ея поприща, а затѣмъ должна понижаться (Ellend. p. 140, 141). И это все въ Богословскихъ курсахъ, въ комментаріяхъ къ заповѣдямъ!

Іезуиты, кажется, сами усмотрѣли, что ученіе о тайномъ самовознагражденіи требовало, какъ противуядія, усиленія оборонительныхъ мѣръ. Въ этихъ видахъ, они разрѣшили убійство вора, когда это необходимо для спасенія предмета подвергающагося опасности и когда предметъ этотъ имѣетъ извѣстную стоимость. Но какъ опредѣлить ее? Объ этомъ разсуждали долго и много; тема приходилась по вкусу казуистамъ. Рѣшили, что убійство безгрѣшно, если вещь стоитъ не менѣе червонца (unius aurei). Однако, Иннокентій XI осудилъ и проклялъ этотъ тезисъ (Prop. damn. 2 Mart. 1679 № 31). Тогда, подняли цѣну до двухъ червонцевъ, а нѣкоторые возвысили ее до трехъ, даже до четырехъ. Выше этой цѣны, кажется, никто не назначалъ таксы на человѣческую жизнь, по крайней мѣрѣ, судя по свидѣтельству добродѣтельнаго Бузенбаума, который приводитъ всѣ мнѣнія, а въ заключеніе говоритъ:

«Правдоподобно, что при тѣхъ же обстоятельствахъ убійство разрѣшается и духовнымъ, даже монахамъ, ибо, хотя въ доказательство противнаго приводятся нѣкоторыя постановленія, но ихъ должно понимать не иначе, какъ въ смыслѣ запрещенія переступать за предѣлы необходимаго для законной обороны» (quando non servatur moderamen inculpatae defensionis. Busen. L. III. Tr. IV. C. I. D. III. R. c. 4, 5).

На убійство, особенно тайное, изъ за-угла, въ спину, или черезъ подговореннаго головорѣза, на убійство во вкусѣ итальянскомъ и польскомъ, Іезуиты вообще смотрѣли крайне снисходительно; на это представлены были доказательства въ первомъ письмѣ. Любопытные найдутъ ихъ цѣлые десятки въ книгѣ Эллендорфа. Напримѣръ: «Невинный, когда этого требуетъ защита чести или имущества, можетъ не только принять вызовъ на поединокъ, но и вызвать противника; впрочемъ, еще лучше, не прибѣгая къ вызову, тайно сбыть своего противника, если представится къ тому случай; лучше потому, что невинный, во-первыхъ, самъ себя избавляетъ отъ опасности, а во вторыхъ, избавляетъ и противника своего отъ риска убить невиннаго» Ellend. p. 92, 93).

По мнѣнію отца Лами и другихъ, монаху разрѣшается убійство непотребной женщины, съ которою онъ согрѣшилъ, если она намѣревается опорочить его оглашеніемъ его преступленія (Ellend. p. 86) и т. д. Нельзя скрыть, что и добродѣтельный Бузенбаумъ по-

вторяетъ, какъ мнѣніе опытныхъ и надежныхъ учителей, «что невинно обвиняемый передъ судомъ, можетъ отдѣлаться убійствомъ какъ отъ обвинителя, такъ и отъ лжесвидѣтеля, если, вопервыхъ, подсудимому угрожаетъ несомнѣнно смертная казнь или изуродованіе, или утрата состоянія, чести и т. п.; если, во-вторыхъ, несправедливость обвиненія достовѣрна и если, въ-третьихъ, не представляется инаго способа отъ него избавиться. Впрочемъ, прибавляетъ авторъ, другіе учители не берутъ этого мнѣнія подъ свою защиту, такъ какъ оно могло бы *подать поводъ къ злоупотребленіямъ.*» (Busen. L. III. Tr. IV. C. I. D. III. c. 9). Читатель видитъ, что Бузенбаумъ не даромъ же слыветъ добродѣтельнымъ.

«Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ убійство разрѣшается, оно можетъ быть совершено за того, кому оно дозволено, другимъ стороннимъ лицемъ, *ибо къ этому побуждаетъ любовь къ ближнему*» (cum id suadeat charitas. Busen. L. III. Tr. IV. C. I. D. III. R. c. 10).

Любовь какъ-то рѣшительно не дается Іезуитамъ (разумѣется любовь Евангельская). Они и забываютъ и вспоминаютъ объ ней одинаково некстати.

Каковы бы ни были всѣ эти правила сами по себѣ, понятно, что польза ихъ ограничивается довольно рѣдкими экстренными случаями. Не всякій же день проходится запускать руку въ чужой карманъ или прибѣгать къ кинжалу, чтобъ избавиться отъ необходимости

защищаться передъ судомъ. Поэтому, въ общихъ видахъ управленія совѣстями, едва ли не важнѣе было извинить и оправдать обыденные, обыкновенные пороки. По этой части Іезуитскіе богословы накопили такія сокровища, что выборъ становится крайне затруднителенъ.

Вотъ образчики:

«Отъ хозяина, живущаго въ преступной связи съ служанкою, не требуется (для полученія отпущенія грѣховъ), чтобъ онъ удалилъ ее изъ дому, если она столь необходима для его услажденія (ad oblectamentum concubinarii), что безъ нея жизнь стала бы для него тягостна и противна, и если замѣнъ ея другою наемницею представляетъ значительныя трудности» (Propos. damn. ad. Alex. VII. Mart. 18. 1666 № 41).

«Связь съ замужнею женщиною, съ согласія законнаго ея мужа, не считается прелюбодѣяніемъ, и потому на-духу достаточно повиниться въ блудѣ» (Prop. dam. ab Innoc. XI 2 Mart. 1679 № 50).

«Если духовникъ, во время исповѣди, вручилъ любовную записку, но съ тѣмъ, чтобъ она была прочтена *послѣ*, то это не значитъ, чтобъ онъ *соблазнялъ во время исповѣди* и потому, въ этомъ нѣтъ повода къ доносу на духовника» (Prop. damn. ad Alex. VII. 24 Sep. 1665, № 5).

Вотъ статья, за которую поблагодарятъ всѣ упражняющіеся въ сплетняхъ:

«Простительно передавать слышанное, *какъ слухъ*, не утверждая справедливости его, но скорѣе давая чувствовать свое сомнѣніе, такъ чтобы можно было думать, что отъ такой огласки добрая слава ближняго не потерпитъ и слушатели не получатъ основательнаго повода повѣрить разсказанному; ибо если бы, случайно и сверхъ ожиданія, добрая слава ближняго отъ этаго пострадала, то это вмѣнится въ вину слушателямъ, повѣрившимъ разсказанному (а не разскащику)» (Busenb. L. III. Tr. VI. C. I. D. II. R. c. 12).

Вотъ Евангельское ученіе о прощеніи обидъ, усовершенствованное Іезуитами:

«Если ближній, несправедливымъ поношеніемъ, вредитъ твоей доброй славѣ, и тебѣ не представляется инаго способа защитить или возстановить ее, какъ отплативъ обидчику тѣмъ же самымъ, то это тебѣ разрѣшается, лишь бы ты не прибѣгалъ ко лжи, не заходилъ за предѣлы необходимаго для твоей защиты и не болѣе наносилъ ближнему вреда, какъ сколько самъ потерпѣлъ отъ него, принимая впрочемъ въ соображеніе относительное значеніе его и твоей личности (collata tua et alterius persona. Busen. L. III. Tr. VI. C. I. D. II. R. c. 6)».

Вотъ статьи для пьяницъ и обжоръ:

«Совершенно невинны всѣ дурныя дѣла, содѣянныя въ пьянствѣ, если они не были предусмотрѣны или

была приложена забота о предупрежденіи ихъ» (Busen. L. V. C. III. D. V. Art. II. R. c. 9).

«Невоздержность въ ѣдѣ и питьѣ, сама по себѣ, грѣхъ простительный; ибо прямо не противорѣчитъ ни любви къ Богу, ни любви въ ближнему».

«Набивать себѣ жилудокъ до тошноты, даже нарочно вызывать рвоту, чтобъ имѣть возможность пить еще, по правдоподобному ученію, считается дѣломъ простительнымъ, если оно не подаетъ повода къ соблазну» (Busen. L. V. C. III. D. V. Art. I. R. c. I. 2).

Вотъ правила для облегченія исповѣди и избавленія кающихся отъ стыда. На этотъ предметъ обращено особенное вниманіе, чтобы привлечь къ себѣ побольше духовныхъ чадъ:

«Отъ кающагося не требуется сокрушеніе (contritio); достаточно простаго сожалѣнія о содѣянныхъ грѣхахъ (attritio) и страха возбужденнаго мыслью о наказаніи за грѣхи.» Суарій, одно изъ Равиньановыхъ свѣтилъ, все-таки требовалъ сокрушенія передъ смертью;Васкезъ, другое свѣтило, открылъ, что сокрушеніе необходимо только въ случаѣ отсутствія духовнаго отца и невозможности получить отпущеніе; а новѣйшіе пошли гораздо далѣе и покончили съ сокрушеніемъ.

«Кто сомнѣвается: дѣйствительно ли онъ впалъ въ тотъ или другой грѣхъ, не обязанъ упоминать объ немъ на исповѣди, хотя бы его сомнѣніе лишено было

всякаго правдоподобнаго основанія (dubium negativum)». Этому учитъ Тамбурини, на основаніи положеній, одобренныхъ въ Римѣ Отцами-Цензорами Одрена.

«Нѣтъ надобности кающемуся упоминать объ обстоятельствахъ, увеличивающихъ вину его; достаточно простаго перечисленія смертныхъ грѣховъ, по родамъ, безъ опредѣленія видовъ. Такъ учитъ Тамбурини и Эскобаръ, опираясь на авторитетъ свѣтила, Васкеза. Поэтому, достаточно сказать: я впалъ въ ересь, не объясняя въ какую именно. Кто грѣшитъ сознательно и преднамѣренно, разсчитывая на отпущеніе или буллу, не обязанъ объ этомъ упоминать; никто также не обязанъ заявлять о томъ, что тотъ или другой грѣхъ сдѣлался для него обычнымъ». Этому учатъ оба свѣтила.

«Женатый, мысленно посягнувшій на чужую жену и усладившійся такимъ помысломъ, не обязанъ, по мнѣнію свѣтила Васкеза, каяться въ этомъ, ибо, поясняетъ Тамбурини, «далеко еще не доказано, чтобъ супруги обязаны были пребывать другъ другу вѣрными даже въ своихъ помыслахъ».

«Духовный отецъ, соблазнившій свою духовную дочь, можетъ отдѣлаться, на исповѣди, простымъ покаяніемъ въ блудѣ».

«Священникъ, впавшій въ блудъ, не обязанъ, на исповѣди, заявлять о духовномъ своемъ званіи».

«Кто оскорбилъ отца или мать, можетъ просто сказать, что провинился передъ родственникомъ».

«Кто совѣстится, передъ своимъ духовнымъ отцемъ, повѣдать грѣхъ недавно содѣянный, послѣ послѣдней исповѣди, можетъ вызваться на *генеральную исповѣдь*, то есть, принести покаяніе во всей своей жизни, и спрятать послѣдній свой грѣхъ, безъ означенія времени, въ массѣ другихъ», — это милое средство изобрѣлъ Эскобаръ.

«Кто дорожитъ добрымъ мнѣніемъ своего духовника и не желаетъ открывать передъ нимъ темныхъ сторонъ своей души, можетъ припасти себѣ двухъ духовниковъ, одному приносить покаяніе въ грѣхахъ смертныхъ, а для другаго приберегать легкіе, простительные хрѣхи», — геніальный Суарій одобряетъ этотъ способъ.

«Если духовникъ наложилъ тяжелую эпитимью и, не смотря на просьбы кающагося, не захочетъ измѣнить ее, кающійся можетъ уйти безъ отпущенія и пріискать себѣ болѣе снисходительнаго духовника» — этому учитъ свѣтило Суарій.

Другой ученый, также первоклассный авторитетъ, Луго, отстаиваетъ *новѣйшую практику*, состоящую въ томъ, чтобы за самые тяжкіе грѣхи назначать легкія эпитимьи и говоритъ: «эпитимьи трудныя, возбуждая досаду въ кающихся, заставили бы ихъ возненавидѣть исповѣдь или *обратиться къ неспособнымъ духовникамъ, несмыслящимъ духовнаго врачеванія*» и тогда... (этого впрочемъ Луго не договариваетъ) опустѣла бы Іезуитская лавочка. (Ellend.

p. 264, 270, 271, 280—291, 294, 299, 313—315).

Есть у Іезуитовъ правило и для супруговъ, желающихъ *не имѣть дѣтей:*

Possunt quidem conjuges.... [80]).

Но не довольно ли?

Въ извѣстной инструкціи (Directorium), которою руководствуются Іезуиты въ практическомъ примѣненіи такъ называемыхъ *Духовныхъ упражненій* Игнатія Лойолы (точнѣе бы было назвать ихъ истязаніями), предусматривается, что можетъ наступить минута, когда, подъ вліяніемъ одиночества, темноты и собственныхъ своихъ помысловъ, искусственно сосредоточенныхъ на заданныхъ ему для размышленія темахъ, новобранецъ, искушаемый предъ вступленіемъ въ Орденъ, начнетъ *томиться и задыхаться какъ бы въ предсмертной тоскѣ* — ut in illa quasi agonia quodammodo opprimitur et suffocatur (Instit. etc. t. II. p. 466. Prag.). Въ эту минуту предписывается давать нѣкоторую ослабу и кратковременный отдыхъ.

Исходивъ объ руку съ добродѣтельнымъ Бузенбаумомъ подземелье Іезуитской казуистики, я начинаю понимать душевную пытку, такъ смѣло и вѣрно намѣ-

---

[80]) Busenb. L. VI. Tr. VI. C. II. D. II. Art. II. Quoeest. et Resp.

ченную этими тремя чертами. Сейчасъ видна рука великаго мастера...

Именно такъ! Что-то тяжелое ложится на душу и тѣснитъ ее; дыханіе обрывается въ атмосферѣ, насыщенной обманомъ и кощунствомъ; совѣсть, чуя, что ее обходятъ и хотятъ закружить, отбивается со всѣхъ сторонъ отъ подступающей къ ней лжи и, утомленная, проситъ пощады...

Значитъ, можно теперь и мнѣ отдохнуть и освѣжиться на чистомъ воздухѣ.

ПИСЬМО III.

Могу ли я надѣяться, что подробныя выписки изъ книги Бузенбаума, которыми я вѣроятно вамъ надоѣлъ, произвели на васъ какое-нибудь впечатлѣніе и что вліяніе среды, въ которой вы живете, еще не успѣло его изгладить?

Если могу, то позвольте мнѣ, сославшись на это впечатлѣніе, взять его за исходную точку настоящаго моего письма.

Представьте себѣ, что въ какомъ-нибудь обществѣ, цѣлый кодексъ нравственности, систематически извращенной по указаннымъ мною способамъ, положенъ въ основаніе общественному воспитанію и принятъ въ руководство духовниками въ разрѣшеніи вопросовъ совѣсти; вдумайтесь въ вѣроятныя послѣдствія, и вы сами, на основаніи чисто психологическихъ данныхъ, предскажете безошибочно судьбу іезуитизма.

Честныя и строгія души, конечно раньше другихъ, почуятъ фальшь и захотятъ спасти Христово ученіе отъ угрожающей ему поддѣлки; искреннее благочестіе

и неповрежденное чувство правды будутъ на ихъ сторонѣ, но неумолимая сила логики будетъ противъ нихъ. Въ борьбѣ своей съ іезуитизмомъ, восходя постепенно отъ послѣдствій къ причинамъ, отъ примѣненій къ началамъ, онѣ неминуемо доберутся до основныхъ положеній латинства и, противъ воли, вовлекутся въ столкновеніе съ тою церковью, изъ нѣдръ которой, по закону логической генеалогіи, не могъ не выдти іезуитизмъ. Напрасно будутъ онѣ стараться выгородить ее изъ тяжбы, разобщивъ папизмъ съ казуистикою и провести черту между ученіемъ послѣдователей Лойолы и ученіемъ своей церкви; напрасно будутъ онѣ бросаться во всѣ стороны, ища лазейки изъ заколдованнаго круга: тѣснимыя со всѣхъ сторонъ своими строго послѣдовательными противниками, онѣ будутъ вынуждены объявить войну всему латинству и, сквозь него, пробить себѣ новую дорогу или, запутавшись въ противорѣчіяхъ, выбиться наконецъ изъ силъ и умолкнуть. Такова была судьба жансенизма, этой послѣдней вспышки потухавшаго во Франціи благочестія; такова же, отчасти, была судьба Станислава Конарскаго и другихъ піаристовъ, на минуту, передъ самымъ упадкомъ Польши, пытавшихся исцѣлить ея язвы путемъ народнаго образованія.

Между тѣмъ, большинство людей слабыхъ духомъ, въ особенности людей привязанныхъ къ житейскимъ благамъ, избалованныхъ счастьемъ и самоугожденіемъ, весь этотъ легіонъ ищущихъ убѣжища отъ упре-

ковъ своей совѣсти, *не исключая и людей лучшихъ фамилій*, конечно, съ радостью бросится вслѣдъ за снисходительными руководителями по укатанному пути ко спасенію и ввѣритъ имъ безусловно попеченіе о своихъ душахъ.

Поставщики дешевыхъ отпущеній войдутъ въ моду и несомнѣнно пріобрѣтутъ силу; но на долго ли и что будетъ послѣ? — Послѣ, когда нибудь, правда вступитъ въ свои права. Обольщенныя души узнàютъ наконецъ, что хитрыя сдѣлки съ совѣстью не даютъ внутренняго мира, и тогда имъ опротивятъ широкіе пути и настежъ отверзтыя двери; онѣ стоскуются по Евангельской правдѣ и по Евангельской простотѣ и захотятъ почувствовать опять на раменахъ своихъ Христово бремя и протѣсниться въ узкія врата. Но онѣ уже не найдутъ ихъ. Къ тому времени, тропа къ нимъ заростетъ наглухо, а ключъ будетъ припрятанъ Іезуитами. Тогда, падетъ кредитъ сговорчивыхъ наставниковъ, и вмѣсто прежняго, навсегда изчезнувшаго довѣрія, вспыхнетъ ненависть, безпощадная ненависть обманутыхъ къ обольстителямъ.

Откиньте второстепенныя причины, придаточныя обстоятельства, мелкіе, случайные поводы и скажите (если можно — безъ подразумѣваемыхъ оговорокъ): не такова ли была главная, коренная причина, и не въ ней ли оправданіе повсемѣстнаго изгнанія Іезуитовъ? Западная Европа, ими воспитанная, уразумѣла наконецъ, что они выкрадывали у нея верховное

благо человѣчества — недосягаемость даннаго ему нравственнаго идеала, и владычеству ихъ надъ совѣстями положилъ конецъ единодушный подъемъ общественной совѣсти. Сомнѣваюсь, чтобъ такой приговоръ подлежалъ обжалованію.

И такъ, Іезуиты изгнаны, самое общество ихъ осуждено на смерть; но все это дѣло отрицательное; спрашивается: что будетъ дальше и кто займетъ очищенное мѣсто?

Можно напередъ сказать, что, какъ всякая революція, вызванная отрицательными побужденіями, хотя бы и вполнѣ законными, революція, сокрушившая Іезуитовъ послужитъ только отрицанію, то есть невѣрію. Факты и это подтверждаютъ. Во всѣхъ обществахъ, въ которыхъ Іезуиты хозяйничали и властвовали, они, на прощанье, оставляли по себѣ отраву, которая должна была пережить всѣ ихъ интриги и просочиться въ умы самыхъ отчаянныхъ ихъ противниковъ, также какъ и въ умы ихъ неисправимыхъ почитателей. Эта отрава — не болѣе какъ *недоразумѣніе,* но недоразумѣніе живучее, всюду проникающее и почти непобѣдимое. Оно заключается въ отождествленіи вѣры съ рабствомъ мысли, благочестія съ вольнымъ самообольщеніемъ или сознательнымъ притворствомъ, неизмѣнности ученія съ суровою исключительностью, съ духомъ преслѣдованія, и на оборотъ: невѣрія съ свободомысліемъ, а равнодушія съ терпимостью. Иначе и быть не могло. Какъ самое за-

конное и естественное изчадіе латинства, какъ его послѣднее слово, іезуитизмъ, въ понятіяхъ обществъ, исповѣдующихъ латинство, связался наглухо и неразрывно съ христіанствомъ. Разорвать эту связь, разсѣять это недоразумѣніе, одинаково заслоняющее отъ защитниковъ христіанства и отъ его противниковъ образъ Христовой церкви, не смогли частныя, добросовѣстныя усилія не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ школъ. До сихъ поръ, масса видитъ передъ собою, съ одной стороны, бездонную, съ каждымъ днемъ расширяющуюся бездну голаго отрицанія, а съ другой, олицетвореніе двоедушія и лукавства въ образѣ Іезуита, стоящаго у входа въ церковь и самоувѣренно побрякивающаго ключами царствія. Трудно бы было придумать условія болѣе благопріятныя для проповѣди невѣрія. Какіе нибудь отцы Гарассы, Лемоаны, Бони, Пето и другіе, которыхъ честный Паскаль тянулъ къ позорному столбу, работали на энциклопедистовъ, прокладывали дорогу Вольтеру и заранѣе оправдывали его. Онъ это понялъ, и проронилъ нѣсколько словъ въ ихъ защиту, въ то самое время, какъ вся Европа ликовала по поводу своей надъ ними побѣды. Недоставало только, чтобъ сами Іезуиты подобрали его слова — и они дѣйствительно подобрали ихъ. Мало того, они отвели имъ видное мѣсто въ своихъ апологіяхъ [81]). Ниже этого нельзя было упасть.

[81]) См. Histoire des Jésuites par Crétinau-Joli. T. 5. p.

Я постарался раскрыть причину успѣховъ и причину паденія Іезуитовъ; на сколько это мнѣ удалось,

---

176 etc. Ravignan de l'existence et de l'Institut des Jésuites, p. 107. Les Jésuites par un solitaire, 2 édit. p. 108. Іезуиты всегда были крайне неразборчивы въ выборѣ аттестацій, которыми они себя рекомендовали. Ils font flèche de tout bois какъ говорятъ Французы. Удивительно, какъ они до сихъ поръ, не поняли, что люди отвергающіе христіанство, именно потому, что они его отвергаютъ, гораздо снисходительнѣе судятъ всякую ложь въ христіанствѣ, чѣмъ люди вѣрующіе. По той же самой причинѣ, отрицающіе возможность чуда вообще, относятся безъ всякаго негодованія къ поддѣльнымъ чудесамъ. Годъ тому назадъ, въ то время какъ я былъ въ Римѣ, въ церкви S-ta Maria in monte coeli показывали вновь открытую, мнимо чудотворную икону Спасителя. Увѣряли, что она водила зрачками и подмигивала. Народъ повалилъ туда толпами, и доходы церкви отъ этого не пострадали; вслѣдъ за другими и я туда отправился въ сопровожденіи Американца (кажется, духовной особы) и молодаго Бельгійца, страстнаго поклонника Ренана. Мы, разумѣется, ничего не увидѣли, кромѣ Padre Dgiordano, который приводилъ въ умиленіе собравшихся около него старухъ разсказами о курьезныхъ чудесахъ открытой имъ иконы. Американецъ и я, мы слушали съ изумленіемъ, изрѣдка посматривая другъ на друга; а Бельгіецъ все время самодовольно улыбался. По выходѣ изъ церкви, онъ обратился къ намъ съ слѣдующими словами: «Messieurs, franchement, je ne comprends pas votre indignation. De quoi vous scandalisez-vous? Une image qui joue de la prunelle? La belle affaire! Vous en acceptez bien d'autres. Et l'incarnation, et la résurrection? Ça vaut il mieux? A mon avis c'est tout un». Іезуитъ непремѣнно записалъ бы эти слова и сказалъ бы: видите, ни во что́ невѣрующій человѣкъ и тотъ не такъ дерзко опорочиваетъ нашу святыню какъ вы, еретики и схизматики.

предоставляю рѣшить читателямъ и обращаюсь опять къ вашему письму, чтобъ вы не упрекнули меня въ уклоненіи отъ объясненій, которыхъ вы требуете.

Вы спрашиваете: «что доказываетъ одинъ фактъ изгнанія, когда вы (то есть газета «День») не говорите ни кѣмъ и какого рода людьми мы были изгоняемы, ни въ какія времена и при какихъ обстоятельствахъ?»

Постараюсь удовлетворить любопытству вашему въ возможно краткихъ словахъ.

Во-первыхъ, позвольте замѣтить, что *одинъ* фактъ изгнанія слагается изъ многихъ фактовъ, изъ цѣлаго ряда разновременныхъ изгнаній, повторявшихся по нѣскольку разъ и повсемѣстно, гдѣ только водились Іезуиты. Они были изгнаны изъ Трансильваніи въ 1588 году, изъ Венеціи въ 1606, изъ Нидерландовъ въ 1612, изъ Богеміи, Моравіи и Венгріи въ 1618, изъ Мальты въ 1639, Изъ Португаліи въ 1759 и 1834, изъ Испаніи въ 1767 и 1820, изъ Обѣихъ Сицилій въ 1767, изъ Герцогства Пармскаго въ 1768, изъ Франціи въ 1595 и 1767, изъ Голландіи и Бельгіи въ 1818, изъ Россіи въ 1688, 1719, 1815 и 1820 годахъ. Я указалъ только на самые крупные факты и могъ бы увеличить этотъ перечень, приведя на справку Индію, Японію, Китай и Америку.

На вопросъ: какого рода люди изгоняли Іезуитовъ, пусть отвѣтитъ вамъ папа Климентъ XIV; слушайте: «Даже тѣ, которые всему міру извѣстны съ лучшей

стороны, по своему благочестію и по наслѣдственной своей благотворительности къ Іезуитскому обществу, наши возлюбленныя чада во Христѣ, короли Французскій, Испанскій, Португальскій и Обѣихъ Сицилій, вынуждены были удалить и изгнать изъ своихъ державъ всѣхъ членовъ этого Ордена... Но тѣ же короли, возлюбленныя наши во Христѣ чада, убѣдились, что это средство не возъимѣетъ прочнаго дѣйствія и не достигнетъ цѣли — возстановленія согласія въ христіанскомъ мірѣ — если само общество не будетъ окончательно упразднено и уничтожено. Вслѣдствіе этого, они выразили Клименту XIII, предшественнику нашему, свое желаніе и свою волю, и въ одинъ голосъ, какъ лица облеченныя властью, предъявили требованіе, къ которому присоединили мольбы и настоянія, чтобъ онъ упрочилъ навсегда указанною мѣрою спокойствіе ихъ подданныхъ и общее благосостояніе Христовой церкви... И до насъ, едва только милость Божія возвела насъ на каѳедру Святаго Петра, доведены были тѣ же мольбы и настоянія, а наконецъ, множество епископовъ и другихъ лицъ, отличающихся высокимъ саномъ, ученостью и благочестіемъ, присоединили къ нимъ свои ходатайства и совѣты».

И такъ, не враги Христова имени, не еретики и не схизматики, а правовѣрные государи, благодѣтели общества и благочестивые пастыри церкви вынуждены были изгнать Іезуитовъ и требовать ихъ упраздненія. По крайней мѣрѣ, таково свидѣтельство папы; я знаю,

что ваши увѣряютъ, что онъ хитрилъ и говорилъ не то, что̀ думалъ; но если такъ, то кому же намъ вѣрить? И въ какое положеніе ставите вы насъ несчастныхъ, обращая насъ къ папизму и, съ перваго же слова, заподозривая правдивость папы?

Вы желаете еще, чтобъ мы указали обстоятельства, сопровождавшія изгнаніе Іезуитовъ; иными словами, чтобъ мы вдались въ подробности и дали бы вамъ возможность прицѣпиться къ какимъ-нибудь спорнымъ мелочамъ. Позвольте мнѣ отъ этого остеречься. Всякому понятно, что обстоятельства, разумѣя подъ этимъ словомъ второстепенныя причины и ближайшіе поводы, не могли быть одинаковы въ Венеціи и въ Парижѣ, въ первой четверти XVII и въ первой половинѣ XIX вѣковъ; но вотъ въ чемъ онѣ сходствовали. Всегда и вездѣ, изгнаніе Ордена слѣдовало непосредственно за полнымъ разцвѣтомъ его многосторонней дѣятельности въ области вѣроученія, науки и политики, за тою блистательною порою его существованія, когда, по счастливому выраженію вашему, онъ руководилъ совѣстью царей и народовъ. Изгонялись люди извѣданные и испробованные, люди насквозь высмотрѣнные, успѣвшіе заявить себя въ качествѣ проповѣдниковъ, учителей, духовниковъ и совѣтниковъ; изгонялись они поколѣніями ими же воспитанными, ихъ собственными, возмужалыми учениками и духовными дѣтьми. Въ письмѣ вашемъ, вы указываете между прочимъ на множество поколѣній,

перебывавшихъ въ вашихъ училищахъ, и взываете къ ихъ свидѣтельству. Вы кажется забыли, что они уже дали его; скрѣпы и подписи поколѣній воспитанныхъ Іезуитами, вы можете найти подъ указами объ ихъ изгнаніи.

Хотите ли вы, чтобъ я напомнилъ ближайшія обстоятельства, непосредственно предшествовавшія декрету объ упраздненіи Ордена? Извольте, въ этомъ поможетъ намъ опять-таки Климентъ XIV. Онъ самъ взялъ на себя трудъ разъяснить всѣмъ правовѣрнымъ, что «желая, въ столь важномъ дѣлѣ, избрать надежнѣйшій путь, онъ счелъ нужнымъ употребить долгое время не только на самыя точныя разысканія, самое внимательное изслѣдованіе и затѣмъ на обсужденіе дѣла съ тою осторожностью, которой оно требовало, но и на то, чтобы, непрестанными молитвами и воздыханіями, испросить особенной помощи и вразумленія у Отца Свѣтовъ, не преминувъ предварительно подкрѣпить себя передъ Богомъ молитвами вѣрныхъ и благочестивыми ихъ дѣлами». Далѣе, папа заявляетъ, «что, употребивъ всѣ эти средства, признанныя имъ необходимыми», онъ произнесъ свой приговоръ объ упраздненіи Ордена, «при содѣйствіи, въ присутствіи и подъ вдохновеніемъ Святаго Духа — по крайней мѣрѣ, я смѣю такъ думать», скромно прибавляетъ папа. Неужели, все это одна риторика и рѣшитесь ли вы сказать, что въ канцелярской фразеологіи Ватикана, Духъ Святой призывается лишь для прили-

чія, по заведенному порядку, подобно тому, какъ мы, въ нашихъ письмахъ, подписываемся покорными слугами?

Этотъ декретъ Климента XIV сидитъ у Іезуитовъ какъ бѣльмо на глазу и чего, чего не придумывали они, чтобъ ослабить его значеніе или перетолковать его. Право, не знаешь, чему болѣе дивиться, недобросовѣстности, дерзости или комизму этихъ попытокъ. Я приведу нѣкоторые примѣры для назиданія читателей, чтобъ они ознакомились съ пріемами Іезуита *растерявшагося*.

Изъ вышеприведенныхъ строкъ, въ которыхъ папа заявляетъ, что онъ не щадилъ ни времени, ни труда на изслѣдованіе дѣла — какъ вы думаете: что̀ выводитъ одинъ изъ новѣйшихъ и даровитѣйшихъ защитниковъ Іезуитскаго общества? Онъ заключаетъ: «если бы, въ поступившихъ къ нему жалобахъ, папа нашелъ обвиненія вполнѣ достовѣрныя, къ чему бы ему вдаваться въ многосложныя розъисканія? Еслибъ онъ издалъ свой приговоръ добровольно, по собственному внушенію, на что бы ему тратить столько времени?» — А поступи папа поспѣшно, необдуманно, Іезуитъ сказалъ бы: что за приговоръ, произнесенный на вѣтеръ, безъ предварительнаго изслѣдованія и продолжительнаго обсужденія?

Въ другомъ мѣстѣ, папа заявляетъ, что, по его убѣжденію, Іезуитское общество стало *неспособно* приносить тѣ обильные плоды и ту пользу, *ради кото-*

рыхъ оно было учреждено. Тотъ же писатель, приводя эти слова, восклицаетъ: «и такъ, самъ папа засвидѣтельствовалъ, что Іезуитское общество *давало* обильные плоды!»

Заявивъ прямо отъ себя, какъ свое убѣжденіе, что, пока существуетъ Орденъ, возстановленіе въ церкви истиннаго и прочнаго мира невозможно, папа прибавляетъ, что правила благоразумія и мудраго управленія вселенскою церковью навели его и на другія соображенія (въ пользу упраздненія ордена), которыхъ онъ однако не высказываетъ и *которыя хоронитъ на днѣ души своей*». Смыслъ этихъ словъ, въ связи съ предшествующимъ и послѣдующимъ, очевидно тотъ, что, избѣгая соблазна и щадя Іезуитовъ, онъ умалчиваетъ о многихъ ихъ преступленіяхъ, хорошо ему извѣстныхъ; а новѣйшій защитникъ Іезуитовъ, крупными буквами перепечатываетъ эти слова и выводитъ изъ нихъ, что *настоящія* причины упраздненія Ордена намъ не повѣданы и что всѣ высчитанные папою доводы вовсе не выражаютъ его убѣжденія [82]).

Далѣе, тотъ же писатель объясняетъ своей публикѣ, что папа, какъ глава латинства, издаетъ трoякаго рода акты: буллы догматическія, буллы дисциплинарныя и *бревы* (bref, по нашему рескриптъ); что буллы перваго рода содержатъ въ себѣ непреложныя опредѣ-

---

[82]) Les Jésuites par un solitaire. Paris 1843. 2-me édit. page 212 et suivantes.

ленія о предметахъ вѣры, буллы втораго рода посвящаются *особенно важнымъ* и издаваемымъ на долгое время постановленіямъ по части внѣшняго устройства церкви и ея управленія; чтожь касается до рескриптовъ (bref), то это не болѣе какъ приказы, содержащіе въ себѣ какія-либо временныя распоряженія, или письма, въ родѣ, напримѣръ, тѣхъ поздравительныхъ посланій, которыя папа адресуетъ авторамъ по поводу выхода полезныхъ книгъ. И къ этому-то послѣднему разряду, по его же словамъ употребляемому только для дѣлъ *неважныхъ* и для распоряженій *временныхъ*, защитникъ Іезуитовъ относитъ декретъ Климента XIV объ окончательномъ упраздненіи Іезуитскаго Ордена на *вѣчныя времена*, декретъ, по увѣренію папы, *внушенный ему Духомъ Святымъ*. Странно! Неужели самъ Климентъ XIV, съ такою хитрою дальновидностью, облекъ свой приговоръ въ форму наименѣе сообразную съ его содержаніемъ [83]) или все это не болѣе какъ подъяческая придирка и Іезуитское крючкотворство? Во всякомъ случаѣ, дѣло на-

---

[83]) Въ 1775 году, кардиналъ Антонелли писалъ: «по всему видно, что хитрый папа (Климентъ XIV) *преднамѣренно* упустилъ всѣ формальности, дабы бревъ его, противъ воли имъ подписанный, въ глазахъ всѣхъ оказался недѣйствительнымъ». Это писалъ кардиналъ и повторяетъ съ торжествомъ Кретино-Жоли, авторъ исторіи, продиктованной Іезуитами. Hist. de la comp. de Jésus. 2-me édit. t. 5. p. 305. Послѣ этого, вѣрьте папамъ, и вѣрьте Іезуитской преданности!

зидательно. Но главный аргументъ, надъ развитіемъ котораго трудились всѣ новѣйшіе корифеи современнаго іезуитизма, Кретино-Жоли, Равиньанъ и другіе, заключается вотъ въ чемъ. Папа государь независимый — это правда; но, въ сравненіи съ другими сосѣдями своими — государь слабый. Военныя и денежныя средства его ничтожны. Гдѣ жь ему совладать съ кѣмъ бы то ни было? Во второй половинѣ XVIII в. составилась противъ Іезуитскаго Ордена политическая интрига, во главѣ которой стояли министры, заправлявшіе верховною властью въ Португаліи, Испаніи и Франціи, маркизъ Помбаль, д'Аранда и герцогъ Шуазель. Они пристали къ папѣ, обступили его со всѣхъ сторонъ и пригрозили ему. Что могъ бѣдный папа противъ такой стачки? Онъ помоталъ головою, испустилъ нѣсколько вздоховъ и спасовалъ. Сильные міра сего *вынудили* его согласіе и, въ буквальномъ смыслѣ, *исторгли* у него декретъ объ упраздненіи Ордена; все же, что̀ говорится въ немъ о пастырской заботливости и о внушеніяхъ Святаго Духа, вставлено для красоты слога. Иными словами: историческія розысканія Іезуитскихъ ученыхъ приводятъ ихъ къ тому заключенію, что Климентъ XIV вдохновился не Духомъ Святымъ, а примѣромъ Понтійскаго Пилата, и, будучи внутренно убѣжденъ въ невинности Іезуитовъ, выдалъ ихъ на пропятіе, страха ради народнаго.

Хорошо! Ну, а хваленая *независимость* Римскаго первосвященника, которою намъ колятъ глаза, вотъ

уже безъ малаго тысячелѣтіе? Вѣдь, если я не ошибаюсь, по латинской теоріи, духовная независимость, то есть даръ неустрашимой правдивости и неподкупной добросовѣстности, обусловливается непремѣнно и вполнѣ обезпечивается только независимостью политическою; по той же теоріи, наше православное духовенство, не пользуясь независимостью втораго рода и даже не добиваясь ея, тѣмъ самымъ отрекается и отъ независимости перваго рода. По крайней мѣрѣ, я читалъ и слышалъ это много разъ. Это одно изъ общихъ мѣстъ вашей полемики съ Церковью, употребляемое вами съ двоякою цѣлью: съ одной стороны, вы пользуетесь имъ, чтобы вселить въ мірянъ чувство презрѣнія къ духовенству, по вашимъ словамъ пребывающему въ политическомъ рабствѣ; съ другой, вы соблазняете духовенство, указывая ему на добровольное подчиненіе папѣ, какъ на вѣрное средство высвободиться изъ-подъ зависимости отъ свѣтской власти. Какъ же вы такъ неосторожно проговорились о Климентѣ XIV? Неужели и ваша многоиспытанная ловкость попадаетъ иногда въ просакъ передъ неотразимою силою логики въ дѣйствіи, то есть исторіи? Вѣдь если сообразить то, чему вы учите, то, что̀ было и что́ вами же признано, то мы неминуемо придемъ къ слѣдующему заключенію.

Даръ независимости духовной составляетъ столь существенную принадлежность Христовой Церкви, что безъ нея Церковь немыслима — въ этомъ мы всѣ согласны; затѣмъ (это ужь продолжаете вы одни) неза-

висимость духовная предполагаетъ, какъ непремѣнное условіе, независимость политическую, ибо въ ней она находитъ свою гарантію; но опытъ доказываетъ, что обладаніе ограниченною территоріею, хотя бы на правѣ полной государственной независимости, не застраховываетъ отъ внѣшняго насилія и фактической зависимости; а такъ какъ, въ вопросѣ о церкви, совѣсть человѣческая не можетъ довольствоваться вѣроятностями, условными гарантіями и приблизительными разрѣшеніями, то политическая независимость должна быть *дѣйствительная и полная;* иными словами, если мірская власть и вещественная сила необходимы для церкви, то эта власть должна быть властью единственною; эта сила не можетъ допустить рядомъ съ собою другой, равной ей по праву и по могуществу. Если папа не можетъ быть надежнымъ и вѣрнымъ пастыремъ церкви, не будучи въ то же время коронованнымъ величествомъ, то въ христіанскомъ мірѣ не должно быть другихъ величествъ, а могутъ быть только подручники папы. Нужна власть, такъ вся власть, а не малая доля власти. Такъ дѣйствительно понимали свое значеніе и свое призваніе, въ западномъ христіанскомъ мірѣ, папы послѣдовательные, какъ напр. Григорій VII и Иннокентій III. Но историческій опытъ доказываетъ также, что свѣтское едино-и полновластіе, какъ принадлежность верховной каѳедры, невозможно и немыслимо.

Сами папы давно отреклись отъ этого притязанія,

а съ этимъ ихъ отреченіемъ, падаетъ вся латинская теорія о независимости церкви. Въ кругу латинскихъ понятій, тутъ нѣтъ середины и не можетъ быть мѣста даже для сдѣлки. Остается Французскому оккупаціонному корпусу, нынѣ стерегущему *независимость* западной церкви, сослужить ей еще одну, послѣднюю службу, а именно: опустивъ знамена и ружья, выстроиться похороннымъ конвоемъ за гробомъ умершаго папизма и, церемоніальнымъ маршемъ, проводить его до Ватиканскихъ склеповъ. Посреди этого крушенія, вызваннаго внутренними противорѣчіями, остается нетронутымъ другое ученіе. Вы его знаете, по крайней мѣрѣ знали когда-то: духовная независимость сама по себѣ; политическая независимость сама по себѣ; между первою и второю ничего нѣтъ общаго, по совершенной ихъ разнородности и несоизмѣримости; вторая не можетъ служить ручательствомъ за первую; напротивъ, призванная въ подкрѣпленіе и какъ бы для подбивки первой, она сгубила бы ее; независимость духовная обезпечивается только (но обезпечивается вполнѣ) силою вѣры и любви, подкрѣпленныхъ неоскудѣвающею благодатью. Не взыщите, мы думаемъ остаться при этомъ ученіи.

Но и помимо указаннаго мною рѣзкаго противорѣчія между Іезуитскими комментаріями на декретъ Климента XIV и ученіемъ о независимости Римскихъ первосвященниковъ, комментаріи эти, съ точки зрѣнія исторической, не выдерживаютъ ни малѣйшей критики.

Несчастнаго Климента XIV выставляютъ подлымъ трусомъ [84]), забывая, повидимому, что въ его положеніи было гораздо рискованнѣе и страшнѣе оказать удовлетвореніе общему чувству негодованія на Іезуитовъ, чѣмъ заступиться за нихъ. Преемнику Климента VII, Сикста V, Бенедикта XIV, достаточно было пройтись по Ватиканскимъ галлереямъ и припомнить, по висящимъ въ нихъ портретамъ, судьбу Римскихъ первосвященниковъ, у которыхъ доставало смѣлости стряхивать съ себя гнётъ своей преторіанской гвардіи, чтобъ угадать, съ какой стороны угрожала ему опасность. Что онъ дѣйствительно сознавалъ ее и принималъ мѣры предосторожности — это видно, между прочимъ, изъ того, что онъ держалъ при себѣ, въ качествѣ повара, монаха ему преданнаго, который одинъ готовилъ ему пищу. Но, какъ извѣстно всѣмъ (кромѣ Іезуитовъ), ничто не помогло, и ядъ, подброшенный таинственною рукою, нашелъ свою жертву.

---

[84]) Кретино Жоли прямо говоритъ, что даже не желаніе возстановить миръ въ Латинской церкви, а простое чувство самосохраненія побудило папу къ уступчивости. Начавъ съ того, что онъ преклоняется безусловно передъ авторитетомъ Римскаго первосвященника, этотъ писатель продолжаетъ такимъ образомъ: «Климентъ XIV *зналъ*, что этотъ миръ былъ не болѣе какъ мечта; но онъ увѣрялъ себя, что рядомъ уступокъ онъ оградитъ отъ дальнѣйшихъ насилій послѣдніе дни своей жизни» Crét. Joly. T. 5, p. 289. Равиньянъ говорятъ: Clément XIV supprima, il est vrai, l'Institut de la compagnie, mais *sans le condamner* (!?). De l'existence et de l'institut etc. p. 50.

И такъ, въ отношеніи къ личнымъ побужденіямъ папы, комментаріи Іезуитовъ на декретъ объ ихъ упраздненіи содержатъ въ себѣ одну клевету, въ добавокъ неправдоподобную.

Но вотъ что оригинально: оказывается, что тотъ самый упрекъ въ слабости и трусости, который взваливается новѣйшими Іезуитами на память Климента XIV, онъ самъ и въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ томъ самомъ декретѣ, обращаетъ на тѣхъ изъ своихъ предшественниковъ, которые, въ лѣтописяхъ Іезуитовъ, аттестуются, какъ ревностнѣйшіе ихъ благотворители. Если вѣрить кардиналу Антонелли, Кретино-Жоли и Равиньяну, приговоръ объ упрездненіи Іезуитскаго Ордена былъ *исторгнутъ* у Климента XIV, а если вѣрить Клименту XIV, то всѣ буллы объ утвержденіи новыхъ монашескихъ Орденовъ (въ томъ числѣ и Іезуитскаго), изданныя послѣ Латеранскаго собора (на которомъ Иннокентій III безусловно воспретилъ на будущее время основывать вновь какіе либо Ордена), *были исторгнуты* у Римскихъ первосвященниковъ докучливыми требованіями (importuna petentium inhiatio approbationem extorsit). Переходя къ позднѣйшимъ временамъ, Климентъ XIV свидѣтельствуетъ, что и бревъ Климента XIII, ближайшаго его предшественника, которымъ онъ вновь одобрилъ учрежденіе Іезуитскаго общества и осыпалъ его похвалами, былъ у него не испрошенъ, а исторгнутъ (extortus potius quam impetratus).

Все это для насъ, стороннихъ людей, крайне поучительно. Исторженіе (extorsio), какъ видно, играетъ немаловажную роль въ исторіи латинства. Слово, произнесенное вчера, выдавалось за внушеніе Святаго Духа, а нынче отъ него отступаются, и, чтобъ не подать повода къ упреку въ двоедушіи или ребяческой непослѣдовательности, то же слово выдается за исторженіе. Не мѣшаетъ принять это къ свѣдѣнію. Когда, съ Божьею помощью, внутреннія и внѣшнія дѣла наши окончательно устроятся, и Россія въ глазахъ Европы сдѣлается опять тѣмъ, чѣмъ подобаетъ ей быть, Римскій первосвященникъ, нынѣ неблагополучно властвующій, или его преемникъ (если у него будетъ преемникъ), вѣроятно обрадуетъ насъ извѣстіемъ, что и разныя посланія о Польскихъ дѣлахъ, выходившія изъ Ватикана два года тому назадъ, и разныя рѣчи, произнесенныя тогда же, были *исторгнуты* желаніемъ угодить императору Наполеону или докучливыми просьбами Польскихъ эмигрантовъ, но отнюдь не выражали того, что было у папы на умѣ и на сердцѣ. Дай Богъ! Повѣрьте, мы дорожимъ, какъ нельзя болѣе, Апостольскими поученіями Римскихъ первосвященниковъ: какъ барометръ, выражающій состояніе политической атмосферы, онѣ несравненно надежнѣе передовыхъ статей Теймса.

Впрочемъ, каковы бы ни были личныя побужденія, водившія рукою Климента XIV въ минуту подписанія декрета 21 Іюля 1773 года, историческое значеніе

этого акта ими не ослабляется. Онъ важенъ не какъ выраженіе мнѣнія одного человѣка, а какъ отголосокъ мнѣнія всей Европы и какъ сводъ обвиненій, раздававшихся во всѣхъ ея концахъ. Видѣть въ немъ продуктъ придворной интриги, мелкой зависти и раздраженныхъ самолюбій, было бы также противно всякой здравой критикѣ, какъ сводить побужденія, вызвавшія реформацію, къ покушенію на церковныя имѣнія. Перечтите памятники XVI и XVII вѣковъ, начиная съ извѣстнаго пророчества, которое ходило по рукамъ въ XVI вѣкѣ, приписывалось Св. Гильдегардѣ и въ которомъ Іезуиты изображены совершенно въ тѣхъ же чертахъ, въ какихъ они выказались гораздо позднѣе, когда развернулись на свободѣ и овладѣли совѣстью царей и народовъ; переберите свидѣтельства не враговъ латинства, а ревностныхъ папистовъ, кардиналовъ, епископовъ и монаховъ, изъ коихъ многіе извѣстны были своимъ добрымъ расположеніемъ къ Іезуитамъ; я назову лишь Георгія Бронсфеля архіепископа Дублинскаго, Францисканца Людвига Сотело (мученика, причисленнаго Латинскою церковью къ лику святыхъ), Доминиканца Гарція, епископа Мексиканскаго Палафокса (также святаго), Кононскаго Мегро, Кардинала Турнона, Апостольскихъ викаріевъ, епископовъ Розалійскаго, Юльопольскаго, Сисе, аббата Фавра, аббата Ле-Дье, Боссюетова секретаря. Вспомните переписку, рѣчи и бумаги Римскихъ первосвященниковъ Павла IV, Пія V, Александра VII, Климента VIII, Бенедикта XIV; наконецъ взвѣсь-

те свидѣтельства нѣкоторыхъ изъ членовъ и генераловъ вашего Ордена: Маріаны [85]), Мендозы, Франциска Борджіа [86]), Клавдія Аквавивы, Муція Вителлесхи — сопоставьте все это, и тогда вы убѣдитесь, что въ декретѣ Климента XIV нѣтъ ни одного упрека, который бы не имѣлъ за собою цѣлой, подкрѣпляющей его традиціи, ни одного слова, которое бы не было высказано прежде, и не одинъ разъ, а многократно, въ золотое время существованія Ордена, и при томъ такими лицами, которыхъ правдивости вы сами не можете отвергнуть. Вы увидите, что въ этомъ декретѣ общеизвѣстные и общепризнанные пороки Іезуитскаго общества не только не преувеличены, а, напротивъ, смягчены и ослаблены; наконецъ, что паденіе его издавна предчувствовалось, даже предсказывалось людьми, же-

---

[85]) Когда сочиненіе Маріаны: «Des défauts du gouvernement de la compagnie» появилось въ 1625 г. (разумѣется противъ желанія Ордена, который употребилъ всѣ усилія, чтобъ истребить изданіе), никто изъ Іезуитовъ не рѣшился заподозрить его подлинности; напротивъ, нѣкоторые положительно признали ее; не ранѣе какъ въ 1667 году, они стали доказывать, что книга Маріаны есть подлогъ, и тогда же за одинъ разъ, вздумали увѣрять, будтобы они это заявили при самомъ ея появленіи. См. Hist. des Jés. par l'abbé Guettée T. 1. p. 445—447.

[86]) Въ 1611 году, Іезуиты напечатали цѣликомъ отзывъ своего генерала въ сборникѣ подъ заглавіемъ Lettres annuelles des généraux etc., а въ 1635 году перепечатали его, смягчивъ нѣкоторыя выраженія и выпустивъ самыя рѣзкія мѣста, иными словами—сдѣлали подлогъ. Аббатъ Гете приводитъ оба текста. Hist. des Jés. T. I. p. 468.

давшими предупредить его, и что на долю Климента XIV выпала лишь роль исполнителя задолго до него произнесеннаго приговора.

Подорвать значеніе декрета объ упраздненіи Іезуитскаго Ордена и отвергнуть обязательность его, очевидно было невозможно; но можно было не исполнить его, укрывшись отъ Ватиканскихъ громовъ подъ крыломъ свѣтской власти. Средство это давно испытано Іезуитами въ Китаѣ и въ другихъ земляхъ, и они не преминули воспользоваться имъ вновь, въ Америкѣ, въ Пруссіи и въ Россіи; объ этомъ ловкомъ ихъ маневрѣ мы поговоримъ въ слѣдующемъ письмѣ.

Но зачѣмъ же, спросятъ можетъ быть читатели, останавливаться такъ долго на декретѣ объ упраздненіи Іезуитскаго Ордена, какъ будто бы на послѣдней, заключительной страницѣ его исторіи? Даровитѣйшіе изъ новѣйшихъ его почитателей, правда, не совсѣмъ добросовѣстно толкуютъ его; но за то они, не безъ основанія, указываютъ на кратковременность его дѣйствія. На оборотъ, они ссылаются съ особеннымъ торжествомъ на позднѣйшую конституцію папы Пія VII, 7 Августа 1814 года, названную имъ *непреложною* (irrévocable), которою общество ихъ было возстановлено, какъ увѣряетъ папа, вслѣдствіе единодушнаго желанія почти всего христіанскаго міра. Не служитъ ли это оправданіемъ общества и какъ бы удовлетвореніемъ за крайнюю обиду, нанесенную ему въ концѣ прошлаго вѣка?

Дѣйствительно, *вѣчность* (in perpetuum), о которой пророчилъ Климентъ XIV, продлилась ровно 40 лѣтъ и 16 дней; сколько времени простоитъ *непреложность,* возвѣщенная Піемъ VII, неизвѣстно; но я готовъ допустить, что она будетъ прочнѣе.

Объяснить возрожденіе повидимому навсегда отпѣтыхъ Іезуитовъ, обставивъ его событіями предшествовавшими 1814 году, и понятіями въ то время господствовавшими, было бы очень не трудно. Не прибѣгая ни къ какимъ натяжкамъ, я могъ бы сказать и доказать, что одна лишь, не всегда дальновидная, реакція правительствъ противъ революціонныхъ началъ, разнесенныхъ Наполеономъ по всему континенту, вызвала изъ мертвыхъ Іезуитскій Орденъ; что въ то время, подъ вліяніемъ страха, хватались безъ разбора за всѣ орудія, казавшіяся пригодными для обузданія надеждъ, зарождавшихся въ массахъ, и что этимъ настроеніемъ ловко воспользовались Іезуиты, выдавъ себя за надежнѣйшихъ тѣлохранителей царствующихъ династій.

Казалось бы, простая справка съ исторіею Стюардовъ и королевской власти въ Польшѣ должна бы была убѣдить въ противномъ; но въ 1814 и 1815 годахъ, громадность новѣйшихъ, только что совершившихся событій заслоняла собою прошедшія времена, и историческія справки, наводившіяся для практическаго употребленія, не восходили далѣе начала Французской революціи.

Таково было главное побужденіе, заставившее нѣкоторыхъ государей ходатайствовать о возстановленіи Ордена, а другихъ — не противиться этому. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ, что инціатива ходатайствъ принадлежитъ не латинскому міру, а православному государю, Императору Павлу Петровичу, склонявшему въ пользу Іезуитовъ и Турецкаго султана. Но все это, въ моихъ глазахъ, не имѣетъ большаго значенія. Устранимъ внѣшнія обстоятельства и случайныя побужденія и постараемся опредѣлить внутреннее значеніе факта.

Вникнувъ въ сущность латинства и припомнивъ послѣдовательный ходъ его развитія въ области ученія и церковной организаціи, нельзя не признать, что упраздненіе Іезуитскаго Ордена Римскимъ первосвященникомъ составляло такую вопіющую аномалію, которая не могла продлиться, и что, на оборотъ, возстановленіемъ его, латинство, какъ будто выброшенное на время изъ своей исторической колеи, вошло въ нее опять и связало свое настоящее съ законными преданіями всей своей старины. Съ того времени какъ Западная Европа, отрѣшившись отъ духовнаго общенія съ православнымъ Востокомъ, самовольно уединилась, мѣстныя начала Западно-Европейской образованности не могли не взять въ ней рѣшительнаго перевѣса надъ вселенскимъ преданіемъ. Съ этого началось перерожденіе христіанства въ латинство. Оно совершалось постепенно, но строго послѣдовательно и безостановочно;

вся сила развитія была на его сторонѣ; все что двигалось впередъ, росло и крѣпло, подчинялось этому общему направленію, а уцѣлѣвшія воспоминанія вселенскихъ преданій относились къ нему лишь отрицательно, пассивно, сдерживая его по временамъ, иногда заявляя о себѣ громкими протестами, но не будучи въ силахъ поворотить его вспять. Это двойство, эта борьба между двумя силами, изъ которыхъ одна дѣйствовала наступательно, а другая только оборонительно, никогда не выражалась такъ знаменательно и не разъигрывалась съ такою силою, какъ по поводу Іезуитства. Причина понятна. Іезуитство, какъ я уже замѣтилъ въ другомъ мѣстѣ, было послѣднимъ и самымъ законнымъ изчадіемъ латинства. Можно сказать, что всѣ жизненные соки, вся душа латинства ушли въ него и что, съ первой минуты своего появленія на свѣтъ, іезуитство воплотило въ себѣ всю сущность, весь смыслъ латинства и стало на его мѣсто. Іезуиты, не даромъ и не безъ основанія, отождествляютъ свое общество съ Римскою церковью. По той же самой причинѣ, іезуитство, въ самомъ латинствѣ, должно было вызвать сильнѣйшее и послѣднее противодѣйствіе со стороны вселенскаго начала, все еще въ немъ таившагося.

Представители этого начала понимали, что съ торжествомъ іезуитства должны были окончательно погибнуть тѣ, все еще живыя, хотя и неполныя, отрывочныя преданія, которыя сберегались въ Западной Европѣ отъ лучшихъ временъ и питали въ ней христіан-

ское просвѣщеніе. Отсюда, попытка очистить латинство, отсѣкнувъ отъ него іезуитство. Глядя на нее со стороны, мы, разумѣется, не можемъ отказать ей въ глубокомъ, почтительномъ сочувствіи и не отдать полной справедливости тѣмъ великимъ дѣятелямъ, великимъ по умственнымъ дарованіямъ, искреннему благочестію и благородству характера, которые обрекли себя на этотъ опасный подвигъ; но въ то же время, мы должны сознаться, что ихъ попытка, въ предѣлахъ латинства, была безумна и что временное ихъ торжество не могло быть прочно. Латинству отбиться отъ іезуитизма, отъ Молины, Эскобара, Санчеза, Бузенбаума, Лашеза и Летелье, также невозможно, также противно логикѣ и исторіи, какъ протестантству отбиться отъ Штрауса, Бруно-Бауера и всей Тюбингенской школы.

Въ старинной, восточной сказкѣ повѣствуется, что какой-то нечестивый царь, котораго долго и безплодно обличалъ ревностный отшельникъ, получилъ отъ него на прощанье, въ даръ, таинственное зеркало. Особенное свойство его заключалось въ томъ, что оно отражало въ себѣ не внѣшнія черты, а внутренній, душевный образъ человѣка. Увидавъ въ немъ лицомъ къ лицу свое безобразіе, царь прогнѣвался и разбилъ его въ дребезги; но, къ удивленію его, осколки сами собою сблизились, и гладкая поверхность зеркала опять предстала очамъ царя. Онъ велѣлъ закинуть его на дно морское, но зеркало всплыло на поверхность и, на

другое утро, проснувшись, царь увидалъ его передъ собою и въ немъ свою прогнившую душу.

Такое же обличительное зеркало дано латинству въ іезуитизмѣ. Это его кара. Оно можетъ проклинать его, но пока остается собою, оно не развяжется съ нимъ.

ПИСЬМО IV.

Не знаю, признаете ли вы за нами, Русскими, право имѣть объ Іезуитахъ *свое сужденіе?*

Въ одномъ мѣстѣ вашего письма, вы замѣчаете редактору «Дня», что ему непремѣнно бы слѣдовало сказать, «что когда Іезуитское общество было уничтожено во всей остальной Европѣ (то есть, говоря точнѣе, упразднено папою), оно продолжало существовать въ Россіи, подъ покровительствомъ Екатерины II, *прозванной Мудрою*». Этому обстоятельству вы придаете особенную *знаменательность.* Въ другомъ мѣстѣ, вы какъ будто отрицаете нашу компетентность въ вопросѣ объ Іезуитахъ, на томъ основаніи, что мы объ нихъ знаемъ будто бы «только по романамъ и по наслышкѣ». «Просвѣщенной ли Москвѣ — восклицаете вы—не хранить благочестивыхъ преданій Странствующаго Жида (Juif Errant)? Ей ли не знать на память Тайныхъ Увѣщаній (то есть наказовъ или наставленій— Monita Secreta) и тому подобныхъ оффиціальныхъ документовъ?»

Казалось бы, если у Русскихъ, невѣжества ихъ ради, отнимается голосъ на осужденіе, то и слово заступничества или оправданія, идущее изъ той же темной глуши, не должно бы имѣть для васъ особенной знаменательности. Со стороны всякаго другаго, не-Іезуита, тутъ было бы противорѣчіе, но съ вашей стороны его нѣтъ.

Вы дорожите какъ нельзя болѣе мнѣніемъ правительства и пріятно издѣваетесь надъ мнѣніемъ общества. Это понятно и не ново. Еще въ XVI столѣтіи, папа писалъ, а Іезуиты твердили Самозванцу: «ты имѣешь надъ Россіею полное право, обращай ее скорѣе въ латинство, а подданные твои должны идти, куда ихъ поведутъ».

Положимъ, что такъ: о правѣ мы теперь толковать не будемъ; но у правительства и у подданныхъ есть одно общее достояніе, принадлежащее обоимъ, и которымъ ни правительство, ни подданные безнаказанно пренебрегать не могутъ. Это ихъ собственный опытъ, ихъ исторія.

Мнѣ кажется, вы цѣните ее слишкомъ низко, или слишкомъ много разсчитываете на нашу забывчивость. Я уже сказалъ въ началѣ и повторяю теперь: въ томъ знаніи, которое пріобрѣтается не научнымъ путемъ, а близкимъ сожительствомъ, мы въ отношеніи къ Іезуитамъ, по особенной милости Божьей, далеко и навсегда отстали отъ Западной Европы; но все же и мы имѣли случай кое-что испытать отъ нихъ на самихъ себѣ и вы-

смотрѣть ихъ своими глазами, у себя дома, или у ближайшихъ нашихъ сосѣдей, а не въ романахъ. Правда, мы читаемъ и романы; мы знаемъ, что въ Странствующемъ Жидѣ, авторъ, врагъ Іезуитовъ, изобразилъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ихъ себѣ представлялъ, и что публика ихъ узнала; знаемъ мы, что издавался когда-то и другой романъ, въ формѣ писемъ (Lettres édifiantes et curieuses), въ которомъ сами Іезуиты изображали себя въ томъ видѣ, въ какомъ имъ хотѣлось представиться публикѣ; знаемъ также, что изъ этого вышло нѣчто вовсе не похожее на ту дѣйствительность, о которой свидѣтельствуютъ очевидцы и оффиціальные документы. Оба романа писаны эффекта ради и стоятъ одинъ другаго. Я готовъ даже признать, что, въ отношеніи правдивости, первый стоитъ не много выше втораго и даю вамъ слово ни на тотъ, ни на другой не ссылаться. И такъ, въ сторону романы и обратимся къ несомнѣннымъ фактамъ. Моя задача, въ настоящемъ письмѣ, дополнить ваше отрывочное указаніе на Екатерину II историческою справкою о предшествовавшемъ и послѣдующемъ [87]).

---

[87]) Я пользовался слѣдующими источниками и пособіями: Historica Russiae Monumenta T. I. II. et suppl.; иностранными сочиненіями и актами, изданными кн. Оболенскимъ; Полнымъ Собраніемъ Законовъ; Histoire des Jésuites par l'abbé Guettée, II. III; Histoire de la compagnie de Jésus par Crétineau Joly, V. VI; сочиненіемъ Александра Лилова о зловредныхъ дѣйствіяхъ Іезуитовъ въ Россіи въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣ-

Какъ вамъ извѣстно, мы встрѣтились въ первый разъ съ Іезуитами въ лицѣ Антонія Поссевина, этого неугомоннаго дипломата-апостола, который, въ продолженіи двадцати слишкомъ лѣтъ, носясь безъ устали по всей Европѣ и мелькая то въ Мадридѣ, то въ Лондонѣ, то въ стапѣ Баторія, то въ палатахъ Ивана Грознаго, живымъ примѣромъ своимъ свидѣтельствовалъ о невмѣшательствѣ Іезуитовъ въ дѣла политики. Царю Московскому понадобился не апостолъ, а дипломатъ, который бы склонилъ Польскаго короля на миръ; онъ обратился къ папѣ съ просьбою взять на себя посредничество между воевавшими сторонами, и, не смотря на крайне стѣснительное свое положеніе, не только не уступилъ, но даже не подалъ ни малѣйшей надежды на какую либо уступку въ видахъ сближенія церквей. Въ этомъ отношеніи, онъ поступилъ такъ недвулично и честно, что папа, ожидавшій совершенно иного, остался крайне недоволенъ его посланіемъ. Римскій первосвященникъ смотрѣлъ на дѣло съ обратной точки зрѣнія. Онъ нисколько не желалъ задерживать военныхъ успѣховъ Баторія и отправилъ въ Москву апостола Лойоловой школы, съ секретнымъ порученіемъ, подъ предлогомъ

ка. Казань, 1856; Histoire de la chute des Jésuites au XVIII siècle par le C. A. de St.-Priest; La Russie et les Jésuites de 1772 à 1820 par Henri Lutteroth, Paris, 1854 и особенно, превосходнымъ трудомъ графа Толстаго, открывшаго намъ terram incognitam нашихъ отношеній къ Латинской церкви: Le Catholicisme en Russie I. II. Paris 1863 et 1864.

заключенія мира, накинуть на Россію петлю, посредствомъ которой можно бы было, впослѣдствіи, притянуть ее къ подножію Римской каѳедры. Поссевинъ завѣрилъ Ивана Грознаго въ своей готовности положить за него душу, принялъ на себя хожденіе по дѣламъ Москвы и выдалъ своего довѣрителя. Во время переговоровъ о мирѣ, онъ выругалъ Русскихъ пословъ, въ присутствіи Поляковъ, вытолкалъ ихъ изъ избы и выторговалъ Польшѣ всю Ливонію, тогда какъ самъ Стефанъ Баторій разрѣшалъ своимъ уполномоченнымъ оставить за Русскими нѣсколько городовъ. Впослѣдствіи, самъ Поссевинъ хвастался передъ нимъ этою оказанною ему услугою. Такимъ образомъ, первая половина папской инструкціи была исполнена: на поприщѣ дипломатическомъ, Россія была обманута и разбита. Затѣмъ, начались диспуты о вѣрѣ; но здѣсь надежды папскаго легата не осуществились. Онъ только узналъ отъ Ивана Грознаго, что папа *волкъ*, и уѣхалъ, потерявъ всякую надежду на обращеніе царя. Повидимому, неудача была полная, но она отозвалась страшными послѣдствіями въ дальнѣйшей судьбѣ всей Западной половины Россіи. Увидавъ совершенную невозможность убѣдить, заговорить или обольстить Москву, Поссевинъ присовѣтовалъ папѣ круто повернуть атаку отъ центра къ окружности и направить главныя батареи не на Москву, а на Вильну и Кіевъ, употребивъ въ дѣло, ad majorem Dei gloriam, матеріальную силу и государственное владычество Польши. Одинъ этотъ совѣтъ и

планъ кампаніи, составленный Поссевиномъ, для отклоненія Югозападной Россіи отъ естественнаго ея тяготѣнія къ Москвѣ и Византіи, для систематическаго подкупа высшаго, православнаго духовенства и для введенія латинства, не касаясь на первыхъ порахъ обрядовой стороны православія—этотъ совѣтъ и этотъ планъ, по широтѣ и смѣлости замысла, по необыкновенной дальновидности и по истинно-сатанинской злонамѣренности въ выборѣ средствъ, ставятъ Поссевина на ряду съ первокласными политиками XVI и XVII вѣковъ, а насъ, Русскихъ, заставляютъ отнести его къ числу самыхъ заклятыхъ враговъ Россіи, наиболѣе ей повредившихъ. Можно сказать, что вся послѣдующая исторія введенія Уніи, а за тѣмъ перечисленія уніатовъ въ латинство, съ мѣрами, придуманными для отторженія высшихъ сословій отъ народной массы, съ цѣлою, спеціальною литературою, систематически извращавшею понятія о Церкви, съ нарочно поддѣланными изданіями богослужебныхъ книгъ, съ разнообразными, варварскими преслѣдованіями, которымъ подвергались епископы, священники и простой народъ, остававшіеся вѣрными Православію, все это содержалось какъ бы въ зернѣ въ инструкціи Поссевина. Она приводилась въ исполненіе строго-послѣдовательно, въ продолженіе цѣлыхъ двухъ вѣковъ и, въ этотъ періодъ времени, Іезуитская пропаганда, при помощи шляхетскихъ сабель, достигла едва ли не крайнихъ предѣловъ успѣха, доступнаго человѣческой волѣ, въ анти-историческомъ

посягательствѣ на духовную жизнь цѣлаго народа. Согласитесь, что помянуть Поссевина добромъ, намъ рѣшительно не за что. Язвы, по его указаніямъ нанесенныя Югозападной Россіи, до сихъ поръ еще не затянулись.

Черезъ двадцать три года по отъѣздѣ его, Москва увидала опять Іезуитовъ въ своихъ стѣнахъ, въ свитѣ Самозванца. На этотъ разъ, ей удалось познакомиться съ ними нѣсколько покороче. Сами ли Іезуиты выдумали и воспитали Самозванца, или, столкнувшись съ нимъ случайно, только подготовили, снарядили и завострили его для своихъ цѣлей, какъ боевое орудіе противъ Россіи? — этого вопроса, какъ окончательно еще не разъясненнаго, я не коснусь. Какъ бы то ни было, Іезуиты несомнѣнно знали, что Лжедимитрій не былъ сыномъ царя Іоанна; они сознательно служили ему, именно *какъ Самозванцу*, самозванства его ради, и доказали это тѣмъ, что какъ только онъ сошелъ со сцены, они тотчасъ же пристали къ другому Самозванцу, извѣстному подъ названіемъ Тушинскаго вора. И такъ, они протѣснились къ намъ, предносся предъ собою, какъ свое знамя, живую ложь и олицетворенный обманъ. Обстоятельство это также не лишено своего рода знаменательности и, кажется, замѣчено было нашими предками. Что̀ замышляли Іезуиты въ Москвѣ и какого рода совѣты они давали обоимъ Самозванцамъ — извѣстно всѣмъ. Извѣстно также, что и въ этотъ разъ они не пріобрѣли особеннаго права на нашу благодар-

ность. Наконецъ, Русская земля повела плечами и стряхнула съ себя всѣхъ облѣпившихъ ее самозванцевъ, претендентовъ Шведовъ и Поляковъ, а вмѣстѣ съ ними и Іезуитовъ. Это было первое ихъ изгнаніе изъ Россіи.

Въ концѣ XVII вѣка, нѣсколько Іезуитовъ, большею частью переодѣтыхъ, пробралось въ Москву, въ свитѣ и подъ покровительствомъ пословъ Нѣмецкаго императора и пристроилось къ колоніи иностранцевъ, состоявшихъ на Русской службѣ. Имъ удалось пріобрѣсти домъ, разумѣется, на имя подставнаго лица, Итальянца Гуаскони, также Іезуита, но выдававшаго себя за купца, и даже, при этомъ домѣ, устроить себѣ школу. Ободренные этимъ успѣхомъ и покровительствомъ князя Василія Васильевича Голицына, они открыли обычныя свои дѣйствія, то есть, начали заманивать къ себѣ православныхъ дѣтей на выучку, пускать въ обращеніе разныя свои книжонки и раздавать латинскіе образа. Въ тоже время, они подслуживались иностраннымъ правительствамъ, и въ особенности Имперскому, секретными донесеніями о томъ, что творилось въ Россіи. Увѣренность ихъ въ себѣ скоро возрасла до того, что одинъ изъ нихъ, Михаилъ Яковлевичъ, возъимѣлъ было даже надежду занять патріаршую каѳедру и въ частной своей перепискѣ жаловался на Москвичей, какъ видно, не обнаруживавшихъ особеннаго желанія имѣть его своимъ верховнымъ пастыремъ. Все это, разумѣется, не могло нравиться тогдашнему патріарху Іоакиму;

онъ обратилъ вниманіе царей Іоанна и Петра Алексѣевичей на разсадникъ непрошенныхъ учителей и, въ 1688 году, вся Іезуитская колонія выпровожена была на счетъ казны за Литовскій рубежъ. Она оставила по себѣ, на память, любовную переписку благочестивыхъ Отцевъ, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшую въ Московскомъ архивѣ. Удивительно, какъ она не пропала безъ вѣсти, какъ пропадали другіе, позднѣйшіе, еще болѣе интересные документы о Іезуитахъ. Это было второе изгнаніе ихъ изъ Россіи.

За Іезуитовъ заступился усердный ихъ ходатай и почитатель, повѣренный по дѣламъ Нѣмецкаго императора, Курцій. Онъ убѣдительно доказывалъ, что для самаго Русскаго правительства было бы чрезвычайно выгодно развести въ Москвѣ колонію людей, которые, не требуя за это никакого жалованья отъ казны (въ этомъ Курцій за нихъ ручался), занимались бы совращеніемъ въ латинство дѣтей православнаго исповѣданія и, въ тоже время (этотъ аргументъ Курцій, разумѣется, приберегалъ для себя и для переписки съ своимъ правительствомъ), служили бы Нѣмецкому императору самыми надежными политическими шпіонами; но краснорѣчіе Курція не подѣйствовало, а потому, за неуспѣхомъ открытаго ходатайства, пришлось прибѣгнуть къ тайнымъ средствамъ. Тутъ, очень кстати, помогъ генералъ Патрикъ Гордонъ, Ирландецъ по происхожденію, ревностный папистъ и дѣятельный помощникъ Петра I. Подъ его крыломъ, Іезуиты успѣли, въ нѣсколько лѣтъ,

возобновить на старомъ мѣстѣ свое только-что разоренное гнѣздо; при томъ же домѣ Гуаскони, вѣроятно оставшемся въ ихъ рукахъ, неожиданно выросла латинская церковь, построенная будто бы съ разрѣшенія царя (хотя онъ отъ этого отрекся); при церкви появилась школа; все это очень скоро разрослось въ цѣлую *Іезувицкую слободу*, а вербовка учениковъ изъ православныхъ возобновилась. Русскій дворянинъ Ладыженскій обратился въ латинство, поѣхалъ въ Римъ и тамъ вступилъ въ общество Іезуитовъ — это была едвали не первая жертва ихъ пропаганды, по крайней мѣрѣ изъ «Русскихъ людей лучшихъ фамилій». Іезуитское общество, въ то время, въ Россіи не признавалось; не менѣе того, оно поспѣшило предъявить отъ себя претензію на все имѣніе новообращеннаго; какъ заявленіе, это могло на будущее время послужить точкою опоры. Но заботою о спасеніи Русскихъ дворянскихъ душъ и о пріобрѣтеніи, черезъ нихъ, Русскихъ же крѣпостныхъ душъ, дѣятельность усердныхъ апостоловъ не ограничивалась. Разъ набивъ себѣ руку, они не оставляли и другаго занятія, можетъ быть менѣе богоугоднаго, но также не безприбыльнаго. Нѣмецкій императоръ, конечно ad majorem Dei gloriam, ежегодно отпускалъ на ихъ содержаніе по 800 р., а они, конечно изъ благодарности, отплачивали ему разными справками, которыхъ бы онъ вѣроятно не получилъ оффиціальнымъ путемъ. Петръ I не могъ всего этого не знать, или по крайней мѣрѣ, не подозрѣвать;

однако, изъ уваженія къ Нѣмецкому императору, онъ молчалъ до тѣхъ поръ, пока дворы Петербургскій и Вѣнскій жили въ ладу; но какъ только послѣдовала между ними размолвка, по поводу бѣгства царевича Алексѣя, немедленно вышелъ указъ, 18 Апрѣля 1719 года, о высылкѣ за границу всѣхъ проживавшихъ въ Москвѣ Іезуитовъ. Этотъ указъ писанъ въ стилѣ Петра I, кратко и жестко. На этотъ разъ, благочестивые отцы были, какъ видно, заблаговременно предупреждены, ибо, еще за три мѣсяца до выхода указа, прекратили, по приказанію своего генерала, отправку писемъ по почтѣ и всю свою заграничную переписку повели черезъ повѣреннаго Австрійскаго правительства. Такимъ образомъ, все, что подлежало тайнѣ, могло быть въ пору схоронено или уничтожено и, при осмотрѣ уцѣлѣвшихъ бумагъ, ничего важнаго не открылось. Это было третье изгнаніе.

При Императрицѣ Екатеринѣ II, мы опять встрѣтились съ Іезуитами, но, въ этотъ разъ, не они къ намъ пробрались, а мы сами пріобрѣли ихъ. Возвративъ отъ Польши Бѣлоруссію, Екатерина застала въ ней Іезуитовъ прочно водворенными [88]) и, немедленно, въ 1772 году, предписала тамошнимъ губернаторамъ составить списокъ всѣхъ Іезуитскихъ монастырей и

[88]) Сами Іезуиты насчитывали въ Бѣлоруссіи до 200 человѣкъ своихъ: у нихъ были 4 коллегіи, въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Оршѣ и Динабургѣ, четырнадцать миссій, не считая церквей и населенныхъ имѣній.

школъ. Къ этому, въ указѣ было прибавлено: «Вы имѣете учредить особенное наблюденіе надъ Іезуитами, какъ надъ коварнѣйшимъ изъ всѣхъ латинскихъ монашескихъ Орденовъ, такъ какъ у нихъ, подчиненные ничего предпринимать не могутъ безъ разрѣшенія своихъ начальниковъ» [89]). Очевидно, Императрица хотѣла сказать, что Бѣлорусскіе Іезуиты представлялись ей особенно опасными потому, что по уставу ихъ общества, они подчинялись, непосредственно и безусловно, власти пребывавшей не въ Россіи, а въ Римѣ, и потому совершенно независимой отъ правительства. На другой годъ, Климентъ XIV обнародовалъ свой декретъ объ упраздненіи Ордена, и съ этой минуты, Іезуиты какъ будто пріобрѣли благорасположеніе Императрицы. Эту странность мы постараемся объяснить ниже. Въ высочайшемъ указѣ Января 13, 1774 года, Екатерина II объявила «свое намѣреніе, чтобъ находящіеся въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ Іезуиты оставались *тамъ* по прежнему и продолжали преподавать въ коллегіяхъ своихъ юношеству науки». Подъ юношествомъ, какъ видно изъ связи словъ и какъ это впослѣдствіи не разъ было разъясняемо, разумѣлись исключительно мѣстные уроженцы латинскаго вѣроисповѣданія. Въ томъ же году, Февраля 6, обнародована была жалованная грамота на установленіе Бѣло-

---

[89]) Не имѣя подлиннаго текста, я перевожу буквально съ французскаго перевода, по книгѣ графа Толстаго: Le catholicisme Romain en Russie. II, p. 16—17.

русской католической епархіи, а въ 1782 году, Января 17, указъ объ учрежденіи въ Могилевѣ архіепископства Римско-католическаго исповѣданія.

Этими двумя актами, Могилевскій архіепископъ поставленъ былъ во главѣ всего латинскаго духовенства въ предѣлахъ Россіи, не выключая и монашескихъ Орденовъ; въ консисторіи, учрежденной подъ его предсѣдательствомъ, сосредоточены были всѣ дѣла внутренняго, церковнаго управленія; архіепископъ и консисторіи были непосредственно подчинены Правительствующему Сенату; сношенія съ Римомъ высшее правительство предоставило исключительно себѣ, строго подтвердивъ какъ самому архіепископу, такъ и подчиненному ему духовенству, отнюдь не принимать никакихъ папскихъ буллъ, ни отъ имени его писанныхъ посланій, но всѣ таковыя буллы и посланія препровождать прямо въ Сенатъ. Іезуиты, *наравнѣ съ другими монашескими Орденами*, оставлены были «неприкосновенны» не только при совершенной, ничѣмъ не ограниченной «свободѣ въ публичномъ отправленіи вѣры, но и при законномъ каждаго владѣніи и имуществѣ, съ своими монастырями, школами, разными училищами, и съ принадлежащимъ ихъ монастырямъ и имъ самимъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ». Но эти права предоставлены были *монашескимъ Орденамъ не въ смыслѣ корпорацій разсѣянныхъ по лицу всей земли и подчиненныхъ своимъ генераламъ и, черезъ ихъ посредство*

папамъ, а исключительно *Русскимъ подданнымъ того или другаго Ордена*, или, какъ значится въ указѣ: «всякаго Ордена духовнымъ католическимъ, донынѣ въ подданствѣ нашемъ находящимся и впредь для жительства въ Бѣлорусскую губернію пріѣзжающимъ и остаться въ подданствѣ нашемъ желающимъ», притомъ: «пока они сами вѣрноподданническій долгъ и присягу непорочно сохранять будутъ». Опредѣленіе къ монастырямъ настоятелей или начальниковъ признано было принадлежностью власти архіепископа, которому повелѣно было: «тѣхъ изъ нихъ оставить или вновь опредѣлить, кои въ подданствѣ нашемъ родились или утверждены, а временно посылаемыхъ изъ за границы отрѣшить и впредь не терпѣть, запретя пріемъ оныхъ подъ опасеніемъ мірскаго суда за преступленіе въ неисполненіи указовъ верховной власти». Далѣе, подтверждено было, чтобъ «всѣ монашескіе Ордена Римской вѣры, завися *единственно* отъ архіепископа Могилевскаго, его коадъютора и консисторіи, *не дерзали* навлекать на себя зависимость отъ *какой-либо духовной власти, внѣ Имперіи Нашей пребывающей* (слѣдовательно и отъ папы), высылать имъ доходы или части оныхъ, *или-же имѣть къ нимъ какое-либо отношеніе*, подъ опасеніемъ мірскаго суда за преступленіе въ неисполненіи указовъ верховной власти». Наконецъ, подтверждено было спеціально монашескимъ Орденамъ не принимать «никакихъ буллъ папскихъ или отъ имени его писанныхъ посланій, а отсылать оныя въ Сенатъ».

Все это относилось до Латинскаго духовенства вообще, какъ бѣлаго, такъ и монашествующаго, безъ различія; собственно же Іезуитамъ, какъ признанному правительствомъ *обществу*, разрѣшено было въ 1777 г. открыть въ Полоцкѣ новиціатъ и принимать новыхъ членовъ, а указомъ 1782 года Іюня 25 имъ было позволено: «избрать изъ между себя генеральнаго викарія (т. е. викарія къ генералу), подъ которымъ провинціалы и прочіе ихъ начальники по правиламъ Ордена ихъ перемѣняемы будутъ; о таковомъ избираемомъ долженствуютъ они чрезъ архіепископа Могилевскаго Римской церкви представить въ Сенатъ, а оному донести Императрицѣ; впрочемъ предписать, что, хотя сей Орденъ и обязанъ надлежащимъ повиновеніемъ *истинному своему пастырю* — архіепископу Могилевской церкви, но упомянутый архіепископъ имѣетъ наблюдать, дабы правила онаго Ордена въ цѣлости и безъ малѣйшаго къ нимъ прикосновенія сохраняемы были, *поколику оныя согласны съ гражданскими нашими установленіями*» [90]). По поводу избранія викарія, сенатскимъ указомъ 13 Сентября по Высочайшему повелѣнію, еще разъ и рѣшительнѣе прежняго, было внушено Іезуитамъ, чтобъ

---

[90]) Пол. соб. зак. XIX, № 15443. Кретино-Жоли въ 5 т. своей исторіи Іезуитскаго Ордена, на стр. 386 (по 2-му изд.) приводитъ этотъ указъ цѣликомъ, но послѣднюю оговорку, содержащую въ себѣ существенное ограниченіе, благоразумно пропускаетъ.

они, подъ страхомъ строжайшаго взысканія, повиновались своему епископу и перестали отговариваться, ссылками на свой уставъ, отъ законнаго ему подчиненія [91]).

Таково было положеніе Латинскаго духовенства вообще и Іезуитовъ въ особенности, въ царствованіе Екатерины II, прозванной Мудрою. Любопытно теперь изслѣдовать, во-первыхъ, что̀ могло побудить ее признать Іезуитовъ *какъ общество* и отвести имъ мѣсто въ организаціи Латинскаго духовенства; во-вторыхъ, на какомъ основаніи сами Іезуиты, упраздненные, *какъ общество*, декретомъ Климента XIV, могли воспользоваться этимъ признаніемъ и принять это мѣсто.

Императрица Екатерина любила просвѣщеніе и уважала его; поэтому, всякое учрежденіе, имѣвшее назначеніемъ обучать и воспитывать, особенно въ землѣ небогатой просвѣтительными средствами, естественно могло разсчитывать на ея покровительство. Въ Западномъ новоприсоединенномъ краѣ, общественное воспитаніе издавна было въ рукахъ Іезуитовъ, и эта сторона ихъ дѣятельности, прежде всего, обратила на себя вниманіе Екатерины. Таково было первое ея побужденіе, но не единственное и даже не главное. Чтобъ употребить съ пользою педагогическую опытность и фискаль-

[91]) Графъ Толстой не упоминаетъ объ этомъ указѣ, но Кретино Жоли (V. p. 387) приводитъ изъ него цитатъ. Дѣйствительно ли есть такой указъ?

ныя способности Іезуитовъ, не было необходимости раздражать папу и, вопреки общественному мнѣнію всей Европы, за одно съ однимъ лишь королемъ Прусскимъ Фридрихомъ II, присвоивать имъ корпоративныя права и возстановлять ихъ какъ общество. Очевидно, Екатерина руководилась при этомъ другими соображеніями, и мы едва ли ошибемся, связавъ ихъ съ общею системою ея дѣйствій по отношенію къ Латинству.

Никогда, ни прежде, ни послѣ, Русское правительство не относилось къ Римской церкви такъ самостоятельно и рѣшительно, такъ логично, просто и въ то же время такъ прямодушно, какъ при Екатеринѣ II. До нея, правительство наше отбивалось отъ папъ и старалось игнорировать ихъ притязанія; послѣ нея, оно задумало пріискать формулу сдѣлки для примиренія своихъ интересовъ и своего достоинства съ латинскимъ каноническимъ правомъ и съ требованіями Римскаго двора. Екатерина II поняла, что съ присоединеніемъ къ Россіи цѣлой области, въ которой часть народонаселенія исповѣдывала латинство, нельзя было отказывать долѣе Римской церкви въ правѣ гражданства въ предѣлахъ Имперіи; съ другой стороны, она угадала, что между самыми законами и существенными требованіями, отъ которыхъ правительство, пока оно исповѣдуетъ Православную вѣру, никогда не откажется, и историческими притязаніями, составляющими неотчуждаемое наслѣдіе Римской каѳедры, прочная, для обѣихъ сторонъ удовлетворительная сдѣлка рѣшительно немыслима. Она благо-

разумно остереглась отъ всякой попытки разрѣшить эту неразрѣшимую задачу и остановилась на глубоко-обдуманной системѣ, основанной исключительно на ясно сознанныхъ интересахъ Имперіи. Система эта можетъ быть выражена въ короткихъ словахъ: не касаясь догматовъ, составляющихъ предметъ вѣры, *локализировать въ предѣлахъ Имперіи латинскую церковную администрацію, какъ предметъ не внѣшней политики, а внутренняго, государственнаго управленія*. Съ этою цѣлью нужно было: во первыхъ, дать Латинской церкви, въ Россіи, возможно полную организацію; во-вторыхъ, оборвать нити, связывавшія мѣстную іерархію съ Римскимъ церковнымъ правительствомъ; въ третьихъ, упразднить самостоятельность и іерархическія привиллегіи Латинскихъ монашескихъ Орденовъ и подчинить ихъ, на одинаковомъ съ бѣлымъ духовенствомъ основаніи, власти мѣстнаго, епархіальнаго начальства. Иными словами, Екатерина, законодательнымъ путемъ, устанавливала у себя тотъ самый порядокъ вещей, котораго, при всемъ своемъ желаніи, не успѣла завоевать для себя Франція— своего рода галликанизмъ, но болѣе послѣдовательный и, разумѣется, съ гораздо бо̀льшимъ правомъ чѣмъ Франція. На то она и была мудрая. Само-собою разумѣется, что она должна была заранѣе отказаться отъ надежды исполнить свои предначертанія съ благословенія Римскаго первосвященника; этимъ она ему и не докучала, да и онъ бы, вѣроятно, не благословилъ ея; но онъ

благоразумно молчалъ и даже утверждалъ всѣ ея распоряженія, когда она его объ этомъ просила, ибо зналъ напередъ, что въ крайнемъ случаѣ нашелся бы способъ обойтись безъ него [92]). Позиція, которую занимало въ то время Русское правительство, была такъ тверда и такъ надежно защищена со всѣхъ сторонъ, что ловкость Римской дипломатіи не могла заставить его уступить ни единой пяди [93]). Послѣдующій опытъ доказалъ, что опасно и трудно имѣть дѣло съ Римомъ только для тѣхъ, кто вступаетъ съ нимъ въ состязаніе на почвѣ каноническаго права. Но Екатерина и не претендовала на глубокія познанія въ этомъ правѣ,

---

[92]) Екатерина II и папа очень скоро другъ друга поняли и, вслѣдствіе того, жили вообще въ ладу. На первыхъ порахъ Варшавскій нунцій предъявилъ было Русскому посланнику, графу Штакельбергу, довольно рѣзкую жалобу на Могилевскаго епископа Сестринцевича за то, что онъ разрѣшилъ Іезуитамъ открыть въ своей епархіи новиціатъ, разумѣется, съ дозволенія Императрицы. Воспользовавшись этимъ первымъ поводомъ къ объясненію, она продиктовала отвѣтъ, въ которомъ, между прочимъ, значилось: «позволительно-ли утверждать, что Императрица посягаетъ на достоинство Римской каѳедры, поддерживая надежнѣйшихъ поборниковъ Латинской вѣры (т. е. Іезуитовъ)? Впрочемъ Императрица не привыкла кому бы то ни было отдавать отчетъ въ распоряженіяхъ своихъ въ предѣлахъ Имперіи». Crétineau-Joly. V. p. 382.

[93]) Общій тонъ, данный Екатериною дипломатическимъ сношеніямъ съ Римомъ, всего яснѣе выразился въ ея письмѣ къ папѣ Пію VI въ 1782 году. Le Cathol. Rom. en Russie, II. p. 21—26.

не считала себя призванною оберегать его и потому не признавала надъ собою его авторитета [94]).

Для осуществленія общаго плана, очерченнаго здѣсь въ короткихъ словахъ, судьба послала ей даровитаго и вполнѣ сознательнаго сотрудника, въ лицѣ Литовскаго дворянина, впослѣдствіи архіепископа, а еще позднѣе митрополита Сестринцевича, въ продолженіи полустолѣтія слишкомъ, при четырехъ государяхъ, управлявшаго всею Латинскою церковью въ предѣлахъ Россіи. На этомъ поприщѣ, онъ былъ для Екатерины тѣмъ самымъ, чѣмъ были при ней Суворовъ и Румянцевъ по военной части, Потемкинъ по дѣламъ восточ-

[94]) До какой степени Императрица Екатерина II проникнулась сознаніемъ исторической жизненности Православія для Русскаго народа, всего лучше видно изъ отзыва ея (1793 г.), на предложеніе Неаполитанскаго двора женить великаго князя Константина Павловича на одной изъ Бурбонскихъ принцессъ. Предложеніе сдѣлано было такъ, что предвидѣлась возможность великому князю послѣ брака перемѣнить вѣру. Екатерина отвѣчала: «Ихъ величества, вѣроятно, не знаютъ, что Россія столь же привержена въ восточной Греческой вѣрѣ, какъ они къ западной Латинской. Они не знаютъ еще, что Греческая вѣра должна быть исповѣдуема искренно и безъ затаенныхъ мыслей, что латинское или греко-латинское наслѣдіе, покуда я жива, никогда не будетъ допущено; что никакой латинскій наставникъ не получитъ доступа въ мою семью; что папа всегда напрасно интригуетъ, разсчитывая подъ какимъ ни на есть предлогомъ, добиться главенства въ Россіи; что его и теперь, точно также какъ въ былыя времена, выпроводили бы отъ насъ каменьями.» (См. Русскій Архивъ 1863 г., изд. 2-е, стр. 384—387). П. Б.

ной политики, Бецкій по общественному призрѣнію и воспитанію, князь Вяземскій и Безбородко по дѣламъ внутренняго управленія и гражданскаго законодательства. Извѣстно, что личность Сестринцевича всегда была ненавистна ультрамонтантской партіи и что онъ палъ жертвою ея мести; но, въ нашихъ глазахъ, эта ненависть доказываетъ только, что дѣятельность его была направлена къ пользамъ и выгодамъ Россіи, а месть, на него обрушившаяся, выказала только искренность его убѣжденій и твердость его характера. Дѣйствительно, до самаго конца своей жизни, онъ оставался вѣренъ Екатерининской системѣ и, въ числѣ немногихъ, не измѣнилъ ей даже въ то время, когда эта вѣрность не только не вмѣнялась въ заслугу, а навлекала немилость. Далѣе мы увидимъ этому доказательства.

Но, спросятъ вѣроятно читатели: что общаго между системою, которой слѣдовала Императрица Екатерина въ отношеніи къ Латинской церкви и покровительствомъ, оказаннымъ ею Іезуитскому Ордену? Повидимому, одно съ другимъ не вяжется, даже сталкивается. Екатерина ищетъ, въ средѣ латинства, точки опоры для противодѣйствія папѣ, и, не смотря на то, она протягиваетъ руку усерднѣйшимъ слугамъ папизма!— Чтобъ объяснить эту странность, стоитъ только одну частицу замѣнить другою; вмѣсто «не смотря на то», скажите *потому-то*, и вы ощупаете основную причину благоволенія Екатерины II къ Іезуитамъ.

Рѣшившись отвергнуть всякое вмѣшательство со стороны папы въ дѣла мѣстнаго церковнаго управленія, она, конечно, предвидѣла, что дѣло безъ борьбы не обойдется и благоразумно разсудила, что для начатія ея, вопросъ о Іезуитахъ представлялъ поводъ для Русскаго правительства самый благопріятный, какъ будто на заказъ придуманный. Отвѣтивъ Римскому двору рѣшительнымъ отказомъ сдѣлаться исполнительнымъ орудіемъ смертнаго приговора, только что разразившагося надъ ревностнѣйшими слугами папизма, Екатерина вызывала папу на состязаніе передъ всею Европою и заставляла его принять вызовъ на самыхъ для него невыгодныхъ условіяхъ; она становилась какъ бы заступницею латинства, а онъ — какъ бы врагомъ его. Въ такой борьбѣ, она могла разсчитывать на полное сочувствіе всѣхъ поклонниковъ Іезуитскаго Ордена, особенно многочисленныхъ и ревностныхъ въ странахъ слабо просвѣщенныхъ, каковы были Западная Россія и Польша; ея новопріобрѣтенные подданные и ближайшіе сосѣди, естественно, должны были помириться съ анти-каноническимъ образомъ дѣйствій Русскаго правительства, ради цѣли имъ выставленной, и этимъ наглядным примѣромъ научиться не смѣшивать интересовъ Римскаго первосвященника съ интересами своей вѣры. Это было начало схизмы, первый, приготовительный шагъ къ отторженію латинства отъ папизма, а этого-то именно и хотѣла мудрая Екатерина.

Разстроить ея глубоко-обдуманный планъ могли од-

ни лишь Іезуиты; и для нихъ это было легко. Имъ стоило для этого отвергнуть ея заступничество и, до конца, остаться вѣрными папѣ; но съ этой стороны Екатерина была покойна. Ихъ прошедшее ручалось за ихъ поведеніе въ настоящемъ. Не они ли, во Франціи, въ 1612 и 1626 годахъ, обязались подпискою принять и охранять основныя положенія галликанства? Нѣсколько позднѣе, въ 1675 году, не они ли, за одно съ парламентомъ, открыто возстали противъ ненавистнаго имъ папы Иннокентія XI и поддержали анти-каноническія притязанія Людовика XIV на доходы отъ вакантныхъ церковныхъ бенефицій (Régale)? Не они ли же, наконецъ, въ Америкѣ, получивъ декретъ Иннокентія X, отказались подчиниться ему на томъ основаніи, что этотъ декретъ не былъ принятъ намѣстническимъ совѣтомъ, дѣйствовавшимъ отъ имени Испанскаго короля? Впрочемъ, и безъ дальнихъ историческихъ справокъ, не трудно было понять, что Іезуиты, приговоренные папою къ смерти, хотѣли жить и твердо рѣшились не умирать; сами они (какъ мы сейчасъ увидимъ) подшепнули Екатеринѣ о полной своей готовности ослушаться своего владыки и, передъ лицемъ всего латинства, заявить свое ослушаніе, принявъ изъ ея рукъ право на жизнь.

И такъ, ей подвертывался случай, неожиданностью своего великодушнаго заступничества, произвести на всѣ латинскія совѣсти потрясающее дѣйствіе, уронить нравственный авторитетъ главы Римской церкви, освѣ-

тить новымъ блескомъ образъ Сѣверной Семирамиды, поднимающей отверженцевъ и спасающей гонимыхъ, наконецъ, сманить у папы, подъ свое схизматическое знамя, и вывести въ строй противъ Ватикана, надежнѣйшій изъ полковъ его гвардіи. Виды эти были далеко не такъ несбыточны, какъ это могло бы показаться съ перваго взгляда; по крайней мѣрѣ, было гораздо больше поводовъ и основаній разсчитывать, что Іезуиты продадутъ Русскому правительству свою службу, чѣмъ надѣяться (какъ это случилось въ другую эпоху), что данное ими слово воздерживаться отъ всякой пропаганды помѣшаетъ имъ вести подкопы противъ Православной Церкви. Во всякомъ случаѣ, дѣло стòило опыта; игра была конечно опасна, но за то ее вела осторожная и вмѣстѣ твердая рука.

Изъ всего предшествующаго можно, кажется, составить себѣ довольно ясное понятіе о томъ, какими глазами мудрая Императрица смотрѣла на Іезуитовъ. Она не питала къ нимъ ни уваженія, ни довѣрія; не она бы, конечно, стала ходатайствовать у папы о возстановленіи Ордена въ прежнихъ его правахъ; и не она бы освободила Іезуитскія училища отъ правительственнаго контроля; но она надѣялась подчинить себѣ Іезуитовъ, какъ орудіе наиболѣе пригодное для ея цѣлей, и увѣрена была, что въ ея рукахъ это орудіе останется безвреднымъ и покорнымъ ея волѣ. На то она и была мудрая; но, конечно, мудрость и энергія не наслѣдственны, и потому, можетъ быть, осторожнѣе бы

было не пренебрегать чужимъ опытомъ и не связываться съ союзниками, менѣе опасными для ихъ враговъ, чѣмъ для тѣхъ, кто принимаетъ отъ нихъ клятвы на вѣрную службу.

Перейдемъ теперь къ другой сторонѣ вопроса. Мы сказали, что сами Іезуиты навели Екатерину II на мысль подать имъ случай торжественнаго ослушанія Римской каѳедрѣ. Вотъ какъ это случилось.

Декретъ Климента XIV объ упраздненіи Ордена на вѣчныя времена подписанъ былъ 21 Іюля 1773 года и, слѣдовательно, предшествовалъ всѣмъ указамъ Екатерины II, въ пользу Іезуитовъ изданнымъ.

Этотъ декретъ, по своей редакціи, напоминаетъ контракты, заключаемые съ людьми подозрительной честности. Климентъ XIV зналъ съ кѣмъ имѣлъ дѣло и, ожидая несомнѣннаго ослушанія со стороны преданныхъ слугъ своихъ, принялъ заранѣе всѣ предосторожности, какія только могли быть придуманы. Въ этомъ отношеніи, это произведеніе Ватиканской канцеляріи представляетъ видъ неприступной крѣпости, со всѣхъ сторонъ окопанной рвомъ, обнесенной валомъ и защищенной всякаго рода брустверами и бойницами. Распорядительная часть, le dispositif (о вступленіи и соображеніяхъ было говорено прежде) въ сущности содержитъ въ себѣ слѣдующее:

Іезуитское общество, какъ собирательная, юридическая личность, упраздняется вполнѣ, повсемѣстно и навсегда.

Всѣ его конституціи, уставы, регламенты, статуты, привиллегіи и обычаи отмѣняются.

Всѣ общественныя должности, управленія, чины и функціи уничтожаются.

Вся власть, которою пользовались генералъ, провинціалы, визитаторы и другіе начальники, у нихъ отнимается и передается, всецѣло, мѣстнымъ епархіальнымъ начальствамъ.

Пріемъ въ общество новыхъ членовъ, произнесеніе вновь Орденскихъ обѣтовъ и посвященіе членовъ общества въ духовный санъ воспрещаются.

Послушники (novitii) немедленно распускаются.

Члены общества, связанные такъ называемыми простыми обѣтами (vota simplicia) и не посвященные въ іерейскій санъ, освобождаются отъ произнесенныхъ ими обѣтовъ и увольняются для избранія себѣ рода жизни.

Членамъ общества, получившимъ священство, предоставляется на выборъ: вступить въ другой Орденъ или въ бѣлое духовенство.

Больнымъ, престарѣлымъ и неспособнымъ пристроиться на сторонѣ, разрѣшается пожизненное пребываніе на жительствѣ въ домахъ Ордена, но безъ всякаго участія въ хозяйственномъ завѣдываніи этими домами и, притомъ, не иначе, какъ подъ управленіемъ поставленнаго надъ ними лица изъ бѣлаго духовенства.

Усмотрѣнію мѣстныхъ, епархіальныхъ начальствъ предоставляется, тѣхъ изъ бывшихъ членовъ Ордена,

которые перейдутъ въ бѣлое духовенство, допускать къ исповѣдыванію и чтенію проповѣдей, но строго запрещается распространять это разрѣшеніе на бывшихъ членовъ Ордена, имѣющихъ остаться на жительствѣ въ бывшихъ Орденскихъ домахъ.

Бывшіе члены Ордена, занимавшіеся преподаваніемъ наукъ въ качествѣ профессоровъ и учителей устраняются вообще отъ этого дѣла; изъятіе въ этомъ отношеніи допускается въ пользу тѣхъ лишь изъ нихъ, которые подадутъ достаточный поводъ надѣяться, что они отступятся отъ всякихъ ученій суетныхъ, ослабляющихъ нравственность и порождающихъ вредныя препирательства [95]).

Бывшее общество теряетъ всякое право на дома, школы, коллегіи, пріюты и всякія другія принадлежавшія ему заведенія, мѣста и доходныя статьи; изъ этихъ доходовъ имѣетъ быть отчисляема часть на временное пособіе нуждающимся членамъ бывшаго общества; затѣмъ, вся недвижимая собственность и всѣ доходы бывшаго общества имѣютъ быть обращены на другіе богоугодные предметы.

Всѣмъ христіанскимъ государямъ внушается, чтобъ они употребили власть свою на обезпеченіе строгаго,

---

[95]) Нельзя, кстати, не замѣтить, что новѣйшіе Іезуитскіе писатели все-таки продолжаютъ утверждать, будто бы Климентъ XIV, въ декретѣ своемъ, ограничился прописаніемъ обвиненій, взведенныхъ на Іезуитовъ, но самъ отъ себя будто бы не произнесъ противъ нихъ ни осужденія, ни неодобрительнаго свидѣтельства.

немедленнаго и точнаго исполненія воли Римскаго первосвященника.

Всѣмъ и каждому, подъ страхомъ отлученія первой степени (excommunicatio major), воспрещается не только препятствовать исполненію сего декрета, но даже предъявлять какіе либо противъ него протесты, споры, жалобы и возраженія, словесныя или письменныя; запрещается даже толковать объ немъ.

Все это расписано на семи страницахъ мелкой печати и подкрѣплено безчисленнымъ множествомъ повтореній и всякого рода вставочныхъ: *не смотря на* и *хотя бы.*

Но что̀ могла сдѣлать вся эта бумажная артиллерія противъ систематическаго ослушанія, долговременнымъ упражненіемъ возведеннаго на степень особой, опытной науки? Въ числѣ рецептовъ, ею выработанныхъ, былъ одинъ, драгоцѣнный, не разъ уже испытанный въ дальнихъ миссіяхъ. Когда въ Китаѣ или Японіи получалась строгая булла, устранявшая всякій поводъ къ возраженіямъ и толкованіямъ, Іезуиты, обыкновенно, забѣгали съ жалобою къ Императору и старались увѣрить его, что требованія Римскаго первосвященника шли въ разрѣзъ съ выгодами края и подрывали авторитетъ верховной свѣтской власти. Этого рода апелляціи на папу къ Императору почти всегда удавались въ Китаѣ: Пекинскій Богдыханъ сердился на Римскаго Богдыхана, издавалъ строжайшія запрещенія

исполнять его приказанія и благодарилъ Іезуитовъ за ихъ вѣрность. Бо́льшаго и не требовалось. Они отписывали въ Римъ, что были бы готовы, съ радостью, послушаться папы, но встрѣтили, со стороны Императора, *неожиданное* сопротивленіе, котораго не могли преодолѣть и которымъ пренебречь не смѣютъ, такъ какъ это повлекло бы за собою гибель миссіи. Тоже средство, съ незначительными варіантами они употребили и противъ декрета 1773 года, въ Пруссіи и въ Россіи. Станиславъ Черневичъ, ректоръ Полоцкой коллегіи, отъ имени всѣхъ Бѣлорусскихъ Іезуитовъ, 23 Ноября 1773 года, подалъ Екатеринѣ прошеніе, въ которомъ, свидѣтельствуя о безусловной своей покорности Римской каѳедрѣ и повергаясь ницъ у подножія престола, *заклиналъ Императрицу всѣмъ что есть на свѣтѣ священнаго*, дозволить Іезуитамъ послушаться папы, то есть: умереть, какъ общество, законною смертью. Это прошеніе, въ своемъ родѣ, идеалъ совершенства, и я сомнѣваюсь, чтобы въ какомъ либо архивѣ любаго присутственнаго мѣста или дипломатической канцеляріи, нашлось что либо близко къ нему подходящее. Между прочимъ, просители писали: «Ваше Величество, благоволивъ разрѣшить обнародованіе декрета объ упраздненіи общества, *проявите этимъ Вашу Царскую власть*; а мы, неукоснительнымъ послушаніемъ, окажемъ себя *одинаково* покорными какъ власти Вашего Величества, *имѣющей дозволить исполненіе* декрета, такъ и вла-

сти верховнаго Первосвященника, требующей отъ насъ исполненія» [96]).

Екатерина умѣла читать между писанныхъ строкъ и отказала просителямъ; но она не могла утаить въ себѣ ироніи, или, что̀ еще вѣроятнѣе, захотѣла дать имъ почувствовать, что видитъ ихъ насквозь. Вотъ ея отвѣтъ: «Вы обязаны послушаніемъ папѣ въ дѣлѣ догматовъ, а во всемъ остальномъ, вашимъ государямъ. Я вижу, что вы совѣстливы! Впрочемъ, для успокоенія вашего, я спишусь съ Варшавскимъ нунціемъ черезъ моего повѣреннаго». И Іезуиты удалились съ разбитымъ сердцемъ; къ смертному приговору, только что постигшему ихъ изъ Рима, присоединилось новое горе— *невольное* ослушаніе папѣ, *вынужденное* деспотизмомъ Екатерины. Бѣдные Іезуиты!

Но откуда взялась у нихъ вдругъ эта совѣстливость? Не далѣе какъ лѣтъ за шестьдесятъ передъ тѣмъ, находили же они средства, не только безъ разрѣшенія свѣтской власти, но даже вопреки формальному ея запрещенію, селиться въ Москвѣ, строить въ ней церкви, заводить училища и совращать православныхъ въ латинство? И на чтобы имъ, кажется, именно на этотъ разъ, испрашивать особаго указа? Папа не требовалъ отъ нихъ никакихъ *дѣйствій*, которыя бы могли во-

---

[96]) Подлинное прошеніе было писано по Польски, а Французскій переводъ читатели могутъ найдти въ Исторіи Іезуитовъ аббата Гете (т. III. стр. 363) или въ исторіи Кретино-Жоли (т. V. стр. 375, 376, по 2-му изданію.)

влечь ихъ въ столкновенie съ гражданскими законами; имъ стоило только воздержаться отъ всякихъ *общественныхъ* отправленiй, разойдтись, сдать епархiальному начальству свои дома и училища, а за тѣмъ, каждый изъ бывшихъ членовъ общества могъ бы, попрежнему, порознь, священнодѣйствовать и преподавать. Не даромъ говорится, что Iезуиты прибѣгаютъ ко всякаго рода средствамъ. Въ этотъ разъ они употребили даже совѣстливость.

Какъ бы то ни было, цѣль была достигнута: наглое ослушанiе папскому декрету было прикрыто подобiемъ предлога, и беззаконное, въ глазахъ всякаго добросовѣстнаго послѣдователя латинства, существованiе Ордена было обезпечено, хотя на время, въ чаянiи перемѣны обстоятельствъ въ будущемъ [97]).

---

[97]) Одинъ обманъ естественно влечетъ за собою необходимость другаго. Новѣйшiе защитники Iезуитовъ, чтобъ чѣмъ нибудь оправдать беззаконное существованiе Ордена въ Россiи въ промежутокъ времени отъ второй половины 1773 г. по 7 Марта 1801 года (то есть по день подписанiя папою Пiемъ VII декрета о возстановленiи Ордена въ Бѣлоруссiи), увѣряютъ, будто бы Климентъ XIV, за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, отъ 7 Iюня, 1774, рескриптомъ на имя епископа Вармiйскаго, разрѣшилъ Iезуитамъ оставаться въ Пруссiи и въ Россiи, въ настоящемъ ихъ положенiи, in statu quo, впредь до дальнѣйшихъ распоряженiй, и указываютъ на копiи съ этого рескрипта, хранящiяся въ церковныхъ архивахъ Вармiйскомъ, Полоцкомъ, Варшавскомъ, и, будто бы, С.-Петербургскомъ; а такъ какъ изъ переписки Варшавскаго нунцiя Гарампи, черезъ котораго производились всѣ сношенiя Рима съ Пруссiею и Россiею,

Вы называете это существованіе подъ покровомъ мудрой Императрицы явленіемъ знаменательнымъ. Я

видно, что онъ ничего объ этомъ не зналъ, то прибѣгаютъ къ предположенію, что Климентъ XIV, тайкомъ отъ своего нунція, списался съ епископомъ Вармійскимъ. Но, во первыхъ, подлиннаго рескрипта нигдѣ не оказывается; во вторыхъ, о копіи, будто бы хранящейся въ Петербургѣ, графъ Толстой, въ книгѣ своей о Римско-католической церкви въ Россіи, ни единымъ словомъ не упоминаетъ; въ третьихъ, что мнимый этотъ рескриптъ не могъ быть написанъ Климентомъ XIV, 7-го Іюня 1774 года, доказывается пятью другими, несомнѣнно подлинными рескриптами того же папы подписанными имъ позднѣе, 17 Сентября того жь года, за нѣсколько дней до его смерти. Въ нихъ онъ хвалитъ Браунсбергскихъ Іезуитовъ, покорившихся его декрету, хвалитъ епископа Вармійскаго (который сперва было противился исполненію его) за то, что онъ, впослѣдствіи, одумался; наконецъ, убѣждаетъ всѣхъ Прусскихъ епископовъ послѣдовать его примѣру. Въ четвертыхъ, содержаніе мнимаго рескрипта прямо противорѣчитъ всей перепискѣ Варшавскаго нунція, который очевидно ничего не зналъ даже о публикаціи его, и всѣмъ единовременнымъ актамъ, исходившимъ изъ Рима. Вотъ, между прочимъ, что писалъ оттуда кардиналъ Корсини Варшавскому нунцію отъ 15 Марта 1774 года, въ отвѣтъ на извѣщеніе его о просьбѣ, поданной Бѣлорусскими Іезуитами Екатеринѣ II и о послѣдствіяхъ этой просьбы: «Кардиналы, члены конгрегаціи, съ горестью узнали, что проживающіе въ Россіи члены бывшаго общества все еще не хотятъ покориться декрету о его упраздненіи, выставляя, какъ предлогъ, запрещеніе, объявленное имъ свѣтскою властью, конечно *не безъ собственнаго ихъ въ томъ участія*; этимъ они покрываютъ свою непокорность въ глазахъ прочихъ своихъ собратьевъ и всѣхъ людей добросовѣстныхъ... Отцы священной конгрегаціи поручаютъ вамъ внушить *ослушникамъ*, чтобъ они не упорствовали и бросили этотъ путь, ибо они не только самихъ себя

съ вами совершенно согласенъ, но только нахожу знаменательность не въ томъ, въ чемъ вы ее полагаете.

Вообще, ссылка ваша на мудрую Императрицу не совсѣмъ удачна; ея свидѣтельство обращается противъ васъ, и благодарить вамъ ее не за что. Дѣйствительнымъ вашимъ заступникомъ и покровителемъ былъ Императоръ Павелъ I. При Екатеринѣ, Іезуиты служили видамъ Русской политики; при Павлѣ, Русская дипломатія поступила на службу Іезуитовъ; а вы величаете Екатерину и умалчиваете о Павлѣ. Это неблагодарность.

Вскорѣ по вступленіи Императора Павла на престолъ, рушилась система, которой предшественница его такъ неуклонно держалась во все продолженіе сво-

---

губятъ, *но еще подвергаютъ опасности спасеніе душъ, которымъ они беззаконно и недѣйствительно преподаютъ святыя таинства, не смотря на то, что верховный первосвященникъ лишилъ ихъ всякой на то власти*". Наконецъ, въ декретѣ папы Пія VII, 1801 года, которымъ возстановлено было Іезуитское общество въ предѣлахъ Россіи, не упоминается ни словомъ ни о какихъ предшествовавшихъ на то разрѣшеніяхъ, а, напротивъ, прямо заявляется, что Іезуитамъ, *этимъ декретомъ*, предоставляется вновь право священнодѣйствовать, проповѣдывать и совершать таинства. Слѣдовательно, въ глазахъ Римскаго первосвященника, не только дѣйствія общества, какъ юридическаго лица, но и самое совершеніе требъ тѣми изъ его членовъ, которые были посвящены, во все продолженіе тридцатилѣтняго періода отъ декрета Климента XIV до декрета Пія VII, были совершенно незаконны и недѣйствительны. См. Hist. des Jésuites par l'abbé Guettée, III, p. 364—367, Crétinau Joly. V, p. 377.

его царствованія; рушилась не потому, чтобъ нашлась для замѣны ея другая система, а потому, что вообще систематическая послѣдовательность въ дѣйствіяхъ уступила мѣсто личнымъ вліяніямъ и личному вдохновенію. Между неожиданностями, которыми такъ богато это время, не послѣднее мѣсто занимаетъ ходатайство, съ которымъ Императоръ Павелъ обратился къ папѣ въ 1800 году о возстановленіи Іезуитскаго Ордена въ прежнихъ его правахъ, и рекомендація въ пользу Іезуитовъ, отъ имени Русскаго двора, предъявленная нашимъ Константинопольскимъ посломъ Турецкому султану. Въ томъ же, 1800 году, послѣдовали Восочайшія повелѣнія: первое о томъ, чтобъ въ католической церкви Св. Петра (въ Петербургѣ) богослуженіе отправляемо было одними Іезуитами; второе о передачѣ Іезуитамъ, въ полное ихъ распоряженіе, католической церкви Св. Екатерины со всѣми принадлежащими къ ней домами, экономическими заведеніями и доходами; третье, о разрѣшеніи Іезуитскому новиціату въ Полоцкѣ умножать богоугодныя его заведенія и въ другихъ мѣстахъ католическаго исповѣданія, и о возвратѣ Іезуитскому Ордену, по мѣрѣ открытія сихъ заведеній, отобранныхъ у него Польскимъ правительствомъ имѣній; наконецъ четвертое, содержавшее въ себѣ цѣлое новое положеніе объ управленіи Римско-католическимъ духовенствомъ въ Россіи. Этимъ послѣднимъ закономъ наносился рѣшительный ударъ учрежденію Екатерины. Повидимому, коренное начало, поло-

женное ею въ основаніе отношеній правительства къ латинской іерархіи, было не только сохранено, но даже усилено и доведено до крайности: такъ, въ параграфѣ 1-мъ, значилось, между прочимъ, что духовенство «должно быть послушно начальству (государю) во всѣхъ *духовныхъ* и мірскихъ дѣлахъ»; но это были одни слова, а въ сущности, все положеніе имѣло цѣлью установить въ пользу латинскихъ монашескихъ Орденовъ полную автономію и совершенно изъять ихъ изъ подъ всякой зависимости отъ мѣстныхъ епархіальныхъ властей. Это нововведеніе было мотивировано тѣмъ, что епархіальнымъ архіереямъ будто бы «трудно каждаго въ особенности Ордена знать постановленія и правила». По одной этой чертѣ, можно бы было опознать Іезуитскую руку, если бъ мы даже не знали, чьимъ совѣтамъ подчинялся Императоръ Павелъ.

Въ то время, особеннымъ его благоволеніемъ и полною его довѣренностью по дѣламъ Латинской церкви пользовался уже не Сестринцевичъ, имъ же возведенный на степень митрополита, а верховный настоятель Іезуитовъ въ Россіи, отецъ Гавріилъ Груберъ, хитростью и пронырствомъ прославившійся даже въ кругу своихъ. Обстоятельства сближенія этой личности съ Императоромъ Павломъ довольно поучительны.

Мы уже видѣли, что апостолы Лойоловой школы, отправляясь въ Китай и въ Японію, обыкновенно забирали съ собою всякаго рода игрушки и инструменты, а, при въѣздѣ, выдавали себя за купцовъ, лекарей,

астрономовъ или механиковъ. Груберъ пріѣхалъ изъ Вѣны въ Петербургъ подъ предлогомъ представленія академіи наукъ какихъ-то своихъ изобрѣтеній по части механики. Ему удалось, благодаря прежнимъ его связямъ, обратить на себя вниманіе высшаго общества и распустить о себѣ молву, скоро дошедшую до дворца. Императоръ потребовалъ его къ себѣ и, при первомъ же свиданіи, былъ имъ до того очарованъ, что захотѣлъ немедлено пожаловать его кавалеромъ; но умный Іезуитъ смиренно отклонилъ отъ себя эту честь, ссылаясь на свой уставъ, и прибавилъ, что члены Ордена посвящаютъ себя на службу государямъ и ихъ подданнымъ единственно для большей славы Божіей — *ad majorem Dei gloriam*. Слова эти, почему-то, окончательно плѣнили Императора, и онъ позволилъ Груберу во всякое время являться къ нему безъ доклада. Рядъ приведенныхъ выше указовъ доказываетъ, что частыя посѣщенія, за этимъ послѣдовавшія, не пропали даромъ для Іезуитовъ. Но предварительно, имъ нужно было, во что бы то ни стало, погубить Сестринцевича и овладѣть департаментомъ юстицъ-коллегіи по дѣламъ Латинской церкви, въ которомъ онъ предсѣдательствовалъ. Престарѣлый митрополитъ, молча и съ грустью, смотрѣлъ на быстрое крушеніе прежнихъ порядковъ, не одобрялъ нововведеній, но и не отваживался на безнадежную борьбу. Груберъ благоразумно устранился отъ прямаго съ нимъ столкновенія; онъ притаился, ожидая минуты, когда его призовутъ на

совѣтъ, а между тѣмъ, по старой, испытанной системѣ своего Ордена, разными путями, черезъ своихъ соумышленниковъ, докучалъ Государю безпрестанными жалобами на департаментъ юстицъ-коллегіи. Это наконецъ надоѣло Императору, и, чтобъ узнать правду, онъ потребовалъ къ себѣ Грубера. Послѣдствіемъ ихъ свиданія былъ Высочайшій приказъ о снятіи съ Сестринцевича Мальтійскаго ордена и о воспрещеніи ему въѣзда ко двору. Черезъ нѣсколько дней, въ 11 часовъ вечера, полицейскій чиновникъ объявилъ Сестринцевичу Высочайшее повелѣніе немедленно встать съ постели, очистить для отца Грубера домъ, въ которомъ жилъ митрополитъ, при церкви, и перебраться въ домъ Мальтійскаго Ордена. Въ ту же ночь, къ тремъ часамъ по полудни, это было исполнено. Отецъ Груберъ не замедлилъ взять въ свое распоряженіе какъ домъ, такъ и церковь, и, при этомъ, сказалъ своимъ пріятелямъ, изъ мѣстныхъ прихожанъ: «Каково я вымелъ церковь»! Между тѣмъ, Сестринцевичъ, желая разъяснить себѣ причину неожиданной немилости и дальнѣйшую судьбу свою, обратился за справками къ графу Палену. «Право, я ничего не знаю» — отвѣчалъ ему графъ и прибавилъ: «а въ какихъ вы отношеніяхъ съ отцемъ Груберомъ?» — Сестринцевичъ понялъ, что въ этомъ вопросѣ заключался отвѣтъ.

Вскорѣ послѣ этого, о. Груберъ, пользуясь даннымъ ему правомъ, явился къ Государю. «Что новаго и о чемъ поговариваютъ въ городѣ?» — спросилъ его Им-

ператоръ. — «Забавляются указомъ вашего Величества въ нашу пользу». — «А кто смѣетъ?» Іезуитъ вынулъ изъ кармана и подалъ Государю листъ бумаги, на которомъ выставлено было 27 именъ, въ томъ числѣ члены департамента юстицъ-коллегіи и, во главѣ ихъ, самъ председатель митрополитъ Сестринцевичъ. Этимъ дѣло было повершено. Ноября 14, 1800 года, Сестринцевичъ былъ уволенъ и сосланъ на жительство, подъ надзоромъ полиціи, въ свое имѣніе. Прочія лица, значившіяся въ спискѣ, частью подверглись той же участи, частію взяты были подъ арестъ. «Эти негодяи (ces lourques) — проговорилъ благочестивый Іезуитъ — никогда не вернутся». Въ этомъ онъ однако ошибся.

Вы знаете, изъ какой книги я перевелъ почти буквально весь этотъ разсказъ и потому, вѣроятно, не захотите оспоривать его достовѣрности. Мнѣнія вашего о поступкѣ благочестиваго отца Грубера я не спрашиваю, ибо угадываю его. Онъ дѣйствовалъ ad majorem Dei gloriam, а употребленное имъ средство, по ученію Іезуитскихъ богослововъ Эскобара и Бузенбаума, позволительно и безгрѣшно.

Мѣсто удаленнаго Сестринцевича въ департаментѣ юстицъ-коллегіи, занялъ его коадъюторъ, нѣкій Бениславскій, восполнявшій совершенное отсутствіе всякихъ способностей безусловною преданностью Іезуитамъ. Такимъ образомъ, все управленіе дѣлами Латинской церкви перешло въ ихъ руки; они развернулись

на свободѣ, не только въ Бѣлоруссіи, но по всей Россіи, овладѣли нѣсколькими церквами въ колоніяхъ Саратовскихъ и Новороссійскихъ, въ Одессѣ, въ Ригѣ, основали семинарію и школу въ Петербургѣ, и другія школы въ Астрахани и Моздокѣ; нѣсколько суконныхъ фабрикъ они завели себѣ еще прежде, при Екатеринѣ.

Между тѣмъ, въ глазахъ папы, Орденъ все еще считался упраздненнымъ, и Варшавскіе нунціи, какъ при Екатеринѣ, такъ и при Павлѣ, не переставали громить ослушниковъ и настаивать на исполненіи декрета Климента XIV. Наконецъ, по кончинѣ уже Императора Павла, полученъ былъ исходатайствованный имъ декретъ Пія VII, отъ 7 Марта 1801 года, которымъ разрѣшалось не возстановленіе, а какъ бы учрежденіе вновь общества подъ названіемъ Іисусова, притомъ въ *одной лишь Россіи, а не внѣ ея предѣловъ* и предоставлялось членамъ этого общества право законнаго священнодѣйствія, проповѣданія, исповѣданія и совершенія таинствъ.

Этотъ декретъ сообщенъ былъ государственнымъ канцлеромъ отцу Груберу, въ то время генералу Ордена, при отношеніи отъ 8 Сентября 1802 года, заслуживающемъ вниманія потому, что въ немъ еще разъ, въ видѣ предостереженія на будущее время, изложено условіе, на которомъ правительство признавало Орденъ въ предѣлахъ Россіи и оказывало ему покровительство. «Я докладывалъ — пишетъ канцлеръ — Государю Императору о намѣреніи вашемъ ввести въ

вашихъ коллегіяхъ преподаваніе всѣхъ наукъ на Русскомъ языкѣ и позаботиться о томъ, чтобы въ монастыряхъ и коллегіяхъ вашихъ отнюдь и никогда бы не было допускаемо *ничего предосудительнаго для господствующей церкви.* Его Величество надѣется, что вы сдержите въ точности *обѣщанія, вами данныя отъ имени вашего Ордена*, тѣмъ болѣе, что Государю угодно, что бы въ случаѣ ихъ нарушенія, а въ особенности, *если бы дерзнули привлекать къ принятію Римско католической вѣры кого либо изъ молодыхъ людей, исповѣдующихъ иную вѣру*, поступлено было со всею строгостью. Государь ставитъ въ зависимость отъ этого непремѣннаго условія не только покровительство, оказываемое Іезуитскому Ордену, но и самое допущеніе его въ предѣлахъ России».

И такъ, условіе, со стороны Русскаго правительства, было высказано со всею опредѣлительностью, а со стороны Іезуитовъ, формально и добровольно принято.

Можно легко представить себѣ, какимъ тонкимъ, сдержаннымъ смѣхомъ залился отецъ Груберъ, въ день полученія этой бумаги, когда вернувшись къ себѣ домой и запершись въ кругу своихъ, онъ сбросилъ маску и сталъ припоминать данныя имъ обѣщанія, съ такою добросовѣстною увѣренностью подобранныя его покровителями? Гораздо труднѣе, при нѣкоторомъ знакомствѣ съ исторіею Іезуитовъ и съ ихъ ученіемъ о при-

сягѣ и обязательствахъ, объяснить себѣ добродушную довѣрчивость правительства, полагавшагося на Іезуитское слово; но, въ то время, мы какъ будто только что начинали жить; всѣ даже административныя преданія ближайшихъ Екатерининскихъ временъ были какъ бы перерѣзаны притокомъ новыхъ, со стороны занесенныхъ къ намъ понятій; горькіе опыты нашихъ предковъ и нашихъ сосѣдей не имѣли для насъ смысла, и намъ приходилось, повтореніемъ чужихъ ошибокъ, всему учиться съизнова. Эта наука, какъ мы сейчасъ увидимъ, обошлась намъ довольно дорого.

Іезуитское общество по своему назначенію и, особенно, по своей организаціи, обречено на строгую неизмѣнность въ себѣ самомъ — sint, ut sunt, aut non sint (да пребудутъ каковы суть, или да не будутъ), говорилъ не даромъ одинъ изъ генераловъ Ордена. Но эта внутренняя неизмѣнность отнюдь не исключаетъ приспособленія средствъ къ обстоятельствамъ и не мѣшаетъ обществу являться передъ публикою въ разныхъ роляхъ. Напротивъ, быстрота превращеній, способность рекомендовать себя на всякаго рода службы и умѣнье выставлять въ своей лавочкѣ именно тотъ товаръ, на который предвидится усиленный запросъ, составляли всегда существенныя условія Іезуитской тактики. Въ старину, апостолы, которыхъ Орденъ посылалъ ощупывать Россію, соблазняли нашихъ царей разными титулами и надеждою, черезъ покровительство папы, втереться въ общество

просвѣщенныхъ державъ; на Западѣ, въ XVI вѣкѣ, Іезуиты рекомендовали себя правительствамъ, какъ блюстители единовѣрія и безпощадные обличители всякаго рода ересей; затѣмъ, они преобразились въ снисходительнѣйшихъ духовниковъ, впускавшихъ въ царство небесное за самую низкую цѣну; но все это наконецъ надоѣло и опротивѣло. Въ послѣднихъ годахъ XVIII вѣка и въ первой четверти XIX, боязнь ада и забота о спасеніи душъ уступали мѣсто боязни революціи и заботѣ объ охраненіи безопасности царствующихъ династій. Іезуиты прежде всѣхъ смекнули въ чемъ дѣло и преобразились еще разъ — «Вы боитесь революціи, и не безъ основанія; она васъ непремѣнно затопитъ, если вы не противопоставите ей надежнаго оплота. Этотъ оплотъ — мы. Никто чище не охолащиваетъ народовъ. Мы знаемъ, чего вы хотите; вамъ нужны смирные и сносливые подданные; такихъ мы вамъ и поставимъ; ввѣрьте намъ только воспитаніе юношества и спите спокойно.» — Такого рода рѣчи повели въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Парижѣ и Петербургѣ Іезуиты, прямые наслѣдники Іезуитовъ, въ первой четверти XVII вѣка, провозглашавшихъ начало народнаго самодержавія и законность цареубійства, и предки тѣхъ, которые нынѣ, во Франціи и Бельгіи, распинаются за неограниченную свободу ассоціаціи и преподаванія.

На этомъ предпослѣднемъ ихъ превращеніи, застала ихъ Екатерина II. Къ концу ея царствованія, въ пра-

вительственныхъ сферахъ нѣкоторыхъ изъ Нѣмецкихъ и Итальянскихъ государствъ, они успѣли прослыть опорою политическаго консерватизма, а мы, забывъ времена Самозванцевъ, не умудрившись даже примѣромъ Польши, въ нашихъ глазахъ заѣденной этими мнимыми оберегателями династическихъ интересовъ, повѣрили, безъ дальнихъ справокъ, свидѣтельству ихъ о себѣ самихъ.

Іезуиты — заклятые враги революціи и неподкупные стражи престоловъ, эта тема нерѣдко мелькала въ указахъ императора Павла и въ оффиціальной перепискѣ нашихъ государственныхъ людей временъ Александра I. Успѣшнѣе и настойчивѣе всѣхъ, съ свойственной ему рѣзкостью выраженія, часто доходившею до цинизма, проводилъ ее главный руководитель Іезуитовъ и тайный агентъ папы въ Россіи, въ тоже время, совѣтникъ и наставникъ нашихъ министровъ, кумиръ высшаго Петербургскаго общества, по оффиціальному своему положенію — повѣренный Сардинскаго короля при нашемъ дворѣ, а по направленію всей своей дѣятельности, политической и литературной, своего рода enfant terrible ультрамонтанства — графъ Іосифъ де-Местръ. Онъ писалъ между прочимъ: «Іезуиты, это сторожевые псы верховной власти; вы не хотите дать имъ воли грызть воровъ, тѣмъ хуже для васъ; по крайней мѣрѣ, не мѣшайте имъ лаять на нихъ и будить васъ». Переписка графа Местра съ Русскимъ министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ Разумов-

скимъ, изъ которой извлечены эти строки, представляетъ, для характеристики того времени, неоцѣненный матеріалъ. Она началась по поводу ходатайства генерала Ордена, Бржозовскаго, объ освобожденіи Полоцкой коллегіи отъ контроля Виленскаго учебнаго округа. Къ обычнымъ, истасканнымъ и избитымъ аргументамъ въ пользу педагогической системы Іезуитовъ, графъ Местръ присоединилъ новые, приспособленные къ понятіямъ той среды, которую онъ обращалъ. «Неужели вы не понимаете — восклицаетъ онъ — что всякій полкъ знаетъ своего полковника и счелъ бы себя оскорбленнымъ, еслибъ вздумали подчинить его стороннему командиру? Полковое ученіе производится въ виду всѣхъ, открыто, на плацу и, если окажется, что маневры идутъ дурно, пусть вводятъ порядокъ генералъ-инспекторы, на то назначенные отъ Государя; но, подъ предлогомъ единства, отнимать у безукоризненнаго, прославившагося полка (т. е. Іезуитовъ) право имѣть свое начальство, подчинять этотъ полкъ и всѣхъ его командировъ какому нибудь капитану мѣщанской полиціи, отъ роду не владѣвшему шпагою, это было бы до крайности забавно, а по послѣдствіямъ, было бы даже гибельно.... Ставятъ Іезуитамъ въ упрекъ вмѣшательство ихъ въ дѣла политики. Да чѣмъ же они виноваты? Развѣ не властенъ Государь, если вздумаетъ, поручить управленіе государствомъ офицерамъ своей гвардіи? Они, разумѣется, должны бы были исполнить его приказаніе. И за это, впослѣдствіи, стали бы ихъ уличать

въ интригахъ и требовать упраздненія гвардіи? Это просто безуміе». Далѣе, вотъ что̀ предлагаетъ графъ Местръ Русскому министру народнаго просвѣщенія: «На что вамъ наука? Наука творитъ людей сварливыхъ, самоувѣренныхъ порицателей правительствъ, поклонниковъ всякой новизны, презрительно относящихся къ всякому авторитету и къ народнымъ догматамъ.... Вы окажете, графъ, величайшую услугу вашей родинѣ, если внушите добрѣйшему Русскому Государю великую истину, а именно вотъ какую: Его Величеству, по истинѣ, нужны только двоякаго рода люди: храбрые и честные [98]); остальное не нужно и придетъ само собою. Наука, по самому существу своему, при всякой формѣ правленія, годна не для всѣхъ, даже не для всѣхъ принадлежащихъ къ высшимъ сословіямъ. Напримѣръ военнымъ (то есть $\frac{8}{10}$ Русскаго дворянства) отнюдь не подобаетъ быть учеными. Да и большинство, особенно въ высшихъ слояхъ общества, никогда не захочетъ прилежно заняться науками. Повѣрьте, нѣтъ такого юноши въ Русскомъ дворянствѣ, который бы не согласился охотнѣе сдѣлать три похода и принять участіе въ шести генеральныхъ сраженіяхъ, чѣмъ вытвердить греческія спряженія»... А вѣра?—«Къ чему толковать о вѣрѣ—продолжаетъ графъ—Правда, Іезуитское общество крѣпко стоитъ за свою вѣру, да вѣдь

---

[98]) Здѣсь, въ подлинникѣ, непереводимая игра словъ: deux espèces d'hommes, des gens braves et de braves gens.

по отношенію къ догматамъ она почти тождественна съ вашею; къ тому же, никто, никогда не только не обвинялъ, но даже не заподозривалъ Іезуитовъ въ самой легкой нескромности въ отношеніи къ мѣстнымъ законамъ; они уважаютъ ихъ какъ слѣдуетъ. И такому обществу не довѣряютъ!» — Расходившись, графъ Местръ дошелъ вотъ до чего: «Мы поставлены какъ громадныя Альпійскія сосны, сдерживающія снѣжныя лавины; если вздумаютъ насъ вырвать съ корнемъ, въ одно мгновеніе, все мелколѣсье будетъ занесено». Такъ Іезуиты оберегали Русскую церковь!

И это все принималъ къ свѣдѣнію, по крайней мѣрѣ выслушивалъ, Русскій министръ народнаго просвѣщенія! Мы не знаемъ, что̀ онъ отвѣчалъ, не знаемъ даже отвѣчалъ ли что нибудь; но доказательствомъ его безпримѣрнаго долготерпѣнія, служитъ одно уже то обстоятельство, что переписка длилась довольно долго (всего сохранилось пять писемъ по поводу Полоцкой коллегіи) и все въ одномъ тонѣ. Тонъ этотъ, какъ одно изъ знаменій того времени, самъ по себѣ назидателенъ. Повѣренный иностранной державы, притомъ еще иновѣрецъ, впутывается въ вопросъ внутренняго управленія, тѣсно связанный съ интересами чуждой ему церкви; при этомъ онъ берется за дѣло не какъ ходатай, а какъ власть имущій, не проситъ, а обличаетъ и тянетъ къ отвѣту. Онъ подступаетъ къ Русскому министру народнаго просвѣщенія, уставивъ въ него строгій начальническій взглядъ, хватаетъ его за во-

ротъ, трясетъ, поднимаетъ съ министерскихъ креселъ, садится на его мѣсто и, поставивъ его передъ собою какъ школьника, читаетъ ему нотацію о томъ, что̀ для Россіи нужно и что̀ не нужно, какъ управлять Русскими и чему ихъ учить, или точнѣе, чему ихъ не учить.

Въ это же время, министръ иностранныхъ исповѣданій, князь А. Н. Голицынъ, ближайшій совѣтникъ и другъ Императора, получалъ отъ подчиненнаго ему генерала Іезуитскаго Ордена записки такого рода: «Ваше превосходительство усмотрите, что вамъ не много будетъ дѣла до монаховъ Іезуитскаго Ордена; ваша обязанность, въ отношеніи къ нимъ, ограничится выслушиваніемъ ихъ просьбъ, буде встрѣтятся дѣла, по которымъ введеніе или исполненіе чего бы то ни было потребовало бы разрѣшенія правительства, и принятіемъ отъ нихъ жалобъ, если бы бѣлое духовенство вздумало, какимъ бы то ни было образомъ, досаждать имъ».

А между тѣмъ, ни Государь, ни ближайшее его окруженіе не питали къ Іезуитамъ никакого сочувствія. Графъ Местръ свидѣтельствуетъ даже, что Императоръ Александръ былъ предубѣжденъ противъ нихъ болѣе чѣмъ кто либо изъ современныхъ ему государей; казалось бы, что и религіозное настроеніе князя Н. А. Голицына, каково бы оно ни было само по себѣ, должно бы было, при нѣкоторой логической послѣдовательности, по крайней мѣрѣ оградить его отъ ихъ вліянія; и не смотря на все это, въ первые годы царствованія Императора Александра, Іезуиты

заговорили у насъ такимъ голосомъ, какого конечно не потерпѣлъ бы ни Филиппъ II, ни Людовикъ XIV. Вся сила ихъ заключалась въ духовномъ безсиліи той среды, въ которой они дѣйствовали. Здѣсь, то есть въ высшихъ слояхъ Петербургскаго общества и, разумѣется, только здѣсь все имъ благопріятствовало.

Съ самаго начала своей революціи, Франція сдала Россіи цѣлую толпу эмигрантовъ, которыхъ мы, по своей привычкѣ, приняли съ распростертыми объятіями; инымъ изъ нихъ удалось дослужиться до высокихъ чиновъ и видныхъ должностей, другіе пріютились въ семьяхъ высшаго дворянства, въ качествѣ нахлѣбниковъ, третьи — въ качествѣ гувернеровъ и учителей; послѣдніе дали тонъ домашнему воспитанію и наложили свою печать на цѣлыя поколѣнія. Такимъ образомъ почва была подготовлена для Іезуитскаго сѣва. Въ тѣ времена, планъ воспитанія для Русскаго дворянина составлялъ, по просьбѣ родителей, какой нибудь аббатъ Николь; ему же поручалось и пріисканіе наставника; этотъ наставникъ училъ всему, разумѣется, по своему, въ крайности, даже и Русскому языку. Какое мѣсто, въ такомъ воспитаніи, отводилось Русской исторіи и Православной церкви, не трудно себѣ представить. По чувству приличія, для прохожденія краткаго катихизиса, приглашался приходскій священникъ; но гувернеръ поглядывалъ на него косо, по окончаніи урока, совалъ ему въ руку билетъ

и выпроваживалъ его изъ дому. Отсюда, до отдачи мальчика въ Іезуитскій пансіонъ, былъ одинъ шагъ.

Почти въ одно время съ эмигрантами, обломки Польской аристократіи, собравшіеся въ тѣсную группу около князя Чарторижскаго, всплыли на поверхность и заняли видное мѣсто въ правительственныхъ сферахъ и въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ. Все это тянуло одно къ другому, сближалось естественно, даже безъ преднамѣренной стачки, и не только не распускалось въ Русской средѣ, а напротивъ, мало по малу, окрашивало ее въ свой цвѣтъ. Само собою разумѣется, что эта среда подчинялась не однимъ латинскимъ вліяніямъ. Отверстая для всего и ко всему воспріимчивая, она проникалась еще охотнѣе либеральными стремленіями, совершенно искренними, но безплодными по своей отвлеченности, и съ особенною любовью лелѣяла туманныя мечты о какомъ-то будущемъ, духовномъ единеніи племенъ и правительствъ, въ безразличномъ равнодушіи ко всѣмъ формуламъ вѣры. Всякое, со стороны занесенное ученіе, политическое или религіозное, всякая фантазія, всякій призракъ, могли, до извѣстной степени, разсчитывать на успѣхъ и внушать сочувствіе. Конечно, одно съ другимъ не клеилось, но все вмѣстѣ ускоряло разложеніе народныхъ стихій, издавна начавшееся въ нашемъ дворянствѣ. Таково свойство внутренней пустоты, при легкой воспріимчивости. Повидимому, все сіяло благонамѣренностью; зародыши всевозможныхъ благихъ

начинаній носились въ общественной атмосферѣ; а между тѣмъ, живое, народное самосознаніе гибло. При сильно развитомъ государственномъ патріотизмѣ, терялся народный смыслъ; историческая память была какъ бы отшибена; непосредственное ощущеніе всего пережитаго прошедшаго въ каждой минутѣ настоящаго было утрачено; народный языкъ сдѣлался какъ бы чужимъ, своя вѣра упала на степень всякой иной вѣры.

О вѣрѣ, въ тѣ времена, разсуждали такимъ образомъ: всѣ вѣроисповѣданія одинаково хороши — это былъ основный догматъ передовыхъ людей. «Слѣдовательно, всѣ одинаково дурны (договаривали Іезуиты) и въ сущности у васъ нѣтъ опредѣленной вѣры». Въ этомъ Іезуиты были правы. На латинца, который бы вздумалъ перейдти въ Православіе, высшее общество взглянуло бы также неблагосклонно, какъ и на православнаго, переходящаго въ Латинство. И тотъ и другой, въ его глазахъ, прослыли бы отступниками; мало того, оно нашло бы для втораго обстоятельства смягчающія вину — въ обаяніи высшей цивилизаціи и въ искренности убѣжденія, засвидѣтельствованной самою смѣлостью поступка. Этотъ взглядъ, изъ общественной сферы, перешелъ въ правительственную и прослылъ терпимостью. Но подъ терпимостью подразумѣвалась не воздержность отъ правительственнаго вмѣшательства въ дѣла совѣсти и въ область вѣры, а напротивъ — вмѣшательство постоянное и кропотли-

вое, только не въ пользу какого нибудь одного вѣроисповѣданія, а въ пользу, или точнѣе, во вредъ всѣмъ, *вмѣшательство во имя безразличія* всѣхъ исповѣданій.

«Удивительно — писалъ министръ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій митрополиту Сестринцевичу — какъ это Іезуиты не могутъ оставить въ покоѣ православныхъ и лютеранъ? Вѣдь мы же подаемъ имъ примѣръ, не позволяя даже господствующей церкви переступать свои предѣлы и посягать на другія вѣроисповѣданія». Понятно, что не свободѣ служила такого рода терпимость; напротивъ, она безсознательно умерщвляла духовную жизнь, и рано или поздно должна была обратиться въ пользу какой нибудь хитрой и смѣлой пропаганды, избавивъ ее заранѣе отъ всякаго честнаго противодѣйствія.

И въ эту-то дряблую и рыхлую среду, безсильную духомъ, оторванную отъ народной и церковной почвы, питавшей ее вещественно и духовно, врѣзались Іезуиты, съ ихъ строго опредѣленнымъ ученіемъ, во всеоружіи многоиспытанной своей діалектики и вѣковой педагогической опытности. Съ какой стороны могли они встрѣтить отпоръ? Со стороны ли послѣднихъ, монументальныхъ обломковъ людей Екатерининскихъ? Но Шишковъ, Державинъ, Сестринцевичъ и немногіе другіе, уцѣлѣвшіе отъ тѣхъ временъ, угрюмо посматривали на новые порядки, не понимали ихъ и не имѣли въ нихъ голоса. Со стороны ли нашего ду-

ховенства? Но въ тѣ гостинныя, гдѣ царствовали Iезуиты и гдѣ графъ Местръ доказывалъ, что Православная церковь отложилась отъ Римской и казнена растлѣнiемъ, нашихъ священниковъ не пускали; да притомъ, имъ ли, застѣнчивымъ, неловкимъ, неопытнымъ въ управленiи дамскими совѣстями, неспособнымъ даже выслушать исповѣдь на французскомъ дiалектѣ, имъ ли было вступать въ споры и выдерживать состязанiя, на которыхъ судьями были бы князья и княгини, графини и графы, подкупленные вкрадчивымъ краснорѣчiемъ Iезуитовъ и очарованные галантерейностью ихъ обращенiя?

Дѣло обошлось не только безъ борьбы, даже безъ отпора. Дворянскiя души и дворянскiе капиталы, сами собою, устремились въ раскинутыя сѣти, такъ что необыкновенная легкость успѣховъ Iезуитской пропаганды удивила самого графа Местра и заставила его призадуматься. При всей безконечной глубинѣ своего презрѣнiя къ Русской знати, котораго онъ и не принималъ на себя труда скрывать, такiе результаты казались ему чудесными.

Припомнимъ вкратцѣ внѣшнюю, оффицiальную обстановку Iезуитовъ въ тѣ времена.

По учрежденiи министерствъ, всѣ административныя дѣла Латинской церкви перешли изъ духовной Римско-католической коллегiи въ особое вѣдомство иностранныхъ вѣроисповѣданiй, порученное князю А. Н. Голицыну. Эта перемѣна смутила самого Се-

стринцевича, а графъ Местръ пришелъ отъ нея въ ужасъ; но онъ скоро ободрился и увидѣлъ, что все пошло къ лучшему — для Іезуитовъ. О князѣ Голицынѣ онъ писалъ: «уважаю его безконечно, какъ дворянина, какъ человѣка честнаго, умнаго, свѣтскаго, какъ вѣрноподданнаго, но во всемъ томъ, что бы надлежало ему знать, чтобъ насъ (т. е. Латинскую церковь) понимать, объ насъ судить и управлять нами, онъ смыслитъ столько же, сколько десятилѣтній ребенокъ». Впрочемъ, и прежнія дѣйствія новаго начальника, въ то время, какъ онъ былъ прокуроромъ Святѣйшаго Синода, кажется, могли успокоить покровителей латинства. Извѣстно, что по возвращеніи изъ ссылки, митрополитъ Сестринцевичъ, присмотрѣвшись къ крайнему разстройству ввѣреннаго ему управленія, изготовилъ для поднесенія Государю подробный объ этомъ докладъ; но одному изъ членовъ духовной коллегіи, преданному душою Іезуитамъ, удалось подкупить писаря, добыть копію съ подлинной записки и предупредить ея дѣйствіе, вручивъ Государю возраженіе, въ которомъ Сестринцевичъ выставленъ былъ властолюбцемъ. Возраженіе было подано и подкрѣплено княземъ Голицынымъ, безсознательно послужившимъ орудіемъ Іезуитской интригѣ. Очень скоро, ввѣренная ему часть утратила всякую иниціативу и превратилась въ простое агентство латинскаго духовенства, а онъ самъ подчинился вліянію генерала Іезуитскаго Ордена Зборовскаго. Князь Голицынъ писалъ

ему: «то, что̀ насъ съ вами связываетъ — божественно» (ce qui nous unit est divin). Тутъ намекалось на какое-то таинственное, мистическое душевное сродство, и Іезуитъ, конечно, не находилъ причины колебать въ своемъ начальникѣ эту увѣренность его во взаимномъ ихъ обожаніи.

Выше было упомянуто, что при возстановленіи Виленскаго университета, учебному округу порученъ былъ, на общемъ основаніи, надзоръ надъ всѣми мѣстными учебными заведеніями, не исключая и Іезуитскихъ. Послѣднимъ захотѣлось отъ этого освободиться и, благодаря назойливости и ловкости своего ходатая, графа Местра, они достигли своей цѣли и получили даже то, на что̀ въ началѣ не смѣли и надѣяться. По представленію министра народнаго просвѣщенія, графа Разумовскаго, Полоцкая ихъ коллегія была возведена на степень академіи, то есть высшаго учебнаго заведенія; ей были предоставлены всѣ права и привиллегіи университетовъ, наконецъ, всѣ вообще Іезуитскія училища были подчинены ей непосредственно. Такимъ образомъ, у насъ образовался новый учебный округъ, Іезуитскій, обнимавшій собою всю Россію.

Около того-же времени, министръ внутреннихъ дѣлъ, князь Кочубей, входилъ съ представленіемъ о разрѣшеніи Іезуитамъ обращать въ свою вѣру магометанъ и язычниковъ. Херсонскій генералъ-губернаторъ, герцогъ Ришелье, вымаливалъ себѣ у князя

Голицына партію Іезуитовъ, для мѣстныхъ колоній, и вообще, для просвѣщенія края; Сибирскій генералъ-губернаторъ, Пестель, требовалъ ихъ также къ себѣ, для сношеній съ Китаемъ и для развитія земледѣлія; ихъ усердный покровитель и агентъ, Ильинскій, водворялъ ихъ на Волыни; маркизъ Паулуччи тянулъ ихъ въ Ригу, графъ Ростопчинъ звалъ ихъ въ Москву, а дѣти лучшихъ фамилій ломились въ ихъ Петербургскій пансіонъ, безъ всякаго на то разрѣшенія, основанный ими для Русскихъ дворянъ. Все это вскружило имъ голову, и увѣренность ихъ въ отсутствіи чего-либо для нихъ невозможнаго дошла до того, что они вошли съ просьбою о передачѣ имъ Симферопольской соборной, православной церкви и завели между собою переписку о томъ, что пора бы вовсе не допускать Русскихъ священниковъ въ Русскій пансіонъ и совершенно устранить ихъ отъ преподаванія православнаго катихизиса.

Теперь посмотримъ на результаты Іезуитской дѣятельности въ Россіи. При Императорѣ Павлѣ, Латинская церковь въ Петербургѣ была передана въ ихъ завѣдываніе, а въ началѣ царствованія Императора Александра, прихожане этой церкви подали просьбу объ ихъ удаленіи, показывая между прочимъ, что Іезуиты запрещали имъ исповѣдываться у прежнихъ ихъ духовниковъ, и допустили умереть безъ причастія многихъ, не хотѣвшихъ исповѣдываться у новыхъ,

непрошенныхъ и вопреки ихъ желанію навязанныхъ имъ пастырей.

Іезуиты громко прославляли свою систему воспитанія, увѣряя, что она обратитъ юношество Западнаго края въ надежнѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ подданныхъ государя; между тѣмъ, часть воспитанниковъ Полоцкой ихъ академіи, при вступленіи Наполеона въ Россію, перешла въ его армію.

Они расточали предъ правительствомъ увѣренія въ безграничной своей благодарности и, на словахъ, молили Бога даровать имъ случай доказать ее, а въ 1812 году, когда, за отсутствіемъ другаго помѣщенія въ загроможденномъ городѣ, нѣсколько Русскихъ раненыхъ солдатъ положено было въ Полоцкомъ академическомъ зданіи, они немедленно подали протестъ, и потребовали, чтобъ имъ не мѣшали въ ихъ занятіяхъ.

Въ Россіи и за границею, они распускали молву о своихъ подвигахъ въ нашихъ дальнихъ колоніяхъ на развитіе просвѣщенія и матеріальнаго благосостоянія мѣстныхъ обывателей, а главный судья попечительной конторы надъ Саратовскими колонистами свидѣтельствовалъ, что, благодаря вмѣшательству Іезуитовъ, хозяйственный бытъ колоній латинскаго вѣроисповѣданія приходилъ въ упадокъ сравнительно съ протестантскими. Подтверждая этотъ фактъ, инспекторъ Нѣмецкихъ колоній, Лашкаревъ, прибавлялъ, что изъ приходорасходныхъ книгъ онъ убѣдился, что

большая часть общественныхъ доходовъ поглощалась содержаніемъ Іезуитовъ. Единовременно, генералъ-губернаторъ Сибирскій писалъ князю Голицыну: «присмотрѣвшись ближе къ дѣйствіямъ священниковъ Ордена, я наконецъ убѣдился, что они вовсе не оправдывали надеждъ, возбужденныхъ при ихъ водвореніи въ Сибири, и что до сихъ поръ край не получилъ отъ нихъ ни малѣйшей пользы».

Іезуиты, въ хозяйственномъ отношеніи, были у насъ обезпечены съ избыткомъ. Лавки и всякаго рода заведенія, состоявшія при переданной имъ Петербургской церкви, давали значительные доходы; въ Бѣлоруссіи они владѣли недвижимыми имѣніями съ приписаннымъ къ нимъ населеніемъ въ 13.500 слишкомъ душъ; въ одной Могилевской губерніи, девятнадцатью мельницами и тридцатью тремя постоялыми дворами; наконецъ, не считая ни доходовъ отъ другихъ церквей, ни добровольныхъ приношеній, они, продолжая восхвалять безвозмездность своего служенія, получали отъ казны денежное содержаніе и поземельные надѣлы, въ размѣрахъ, далеко превышавшихъ положеніе для православныхъ священниковъ [99]. При всемъ этомъ, ихъ крѣпостные крестьяне терпѣли

---

[99]) Въ Саратовской губерніи и Новороссійскомъ краѣ, изъ одного государственнаго казначейства, не считая доходовъ изъ общественныхъ суммъ, на приходъ отъ 300 до 600 р. сер., и отъ 50 до 120 дес. земли; въ Сибири, на приходскаго священника, отъ 750 до 1800, на викарія отъ 250 до 300 р.

голодъ, а слѣпые и увѣчные цѣлыми партіями бродили по окрестностямъ Петербурга, собирая подаяніе.

Іезуиты не упускали ни одного случая закинуть камень въ свѣтскія учебныя заведенія и заподозрить не только духъ ихъ преподаванія, но и самую ихъ нравственность; между тѣмъ, вотъ что пишетъ графъ Толстой, на основаніи Іезуитскихъ документовъ: «чувство приличія не позволяетъ намъ распространяться о противохристіанскихъ и даже противоестественныхъ поступкахъ нѣкоторыхъ изъ Іезуитовъ, ни о постыдныхъ порокахъ, *господствовавшихъ въ ихъ училищахъ;* но мы считаемъ своею обязанностію заявить, что, если кто-нибудь изъ членовъ общества вздумаетъ заподозрить правдивость нашего свидѣтельства, то мы будемъ вынуждены представить на судъ публики подлинные документы, содержащіе въ себѣ неопровержимыя доказательства гнуснѣйшихъ дѣлъ, содѣянныхъ Іезуитами». Книга графа Толстаго вышла въ Парижѣ въ 1864 году, на сколько мнѣ извѣстно, никто доселѣ не принялъ его вызова; а это было бы гораздо доказательнѣе голословныхъ заявленій въ родѣ того, что Іезуиты носятъ имя Іисусово, приносятъ безкровную жертву и сами ничего предосудительнаго о себѣ не разсказываютъ.

Наконецъ, Іезуиты торжественно обязались воздерживаться отъ всякой пропаганды между православными и, самымъ наглымъ образомъ, нарушили свое слово. Не упоминая о многихъ другихъ, они совра-

тили, въ глазахъ графа Ростопчина, его жену и въ глазахъ своего покровителя, князя Голицына, несовершеннолѣтняго его племянника. Вы скажете, что пропаганда — назначеніе Іезуитовъ и что слѣдовало это предвидѣть. — Правда, но зачѣмъ же было давать слово, вопреки своему назначенію? — Вы скажете, что Іезуитское слово не вяжетъ Іезуитской совѣсти и что вольно же было этого не знать — вы и въ этомъ правы; но не удивляйтесь, что, наведя справку и узнавъ наконецъ, хотя и поздно, какихъ людей оно у себя пріютило, правительство одумалось и показало имъ путь навсегда.

Вы утверждаете, что поводомъ къ четвертому и послѣднему изгнанію Іезуитовъ послужило будто бы «не иное что, какъ *совращеніе* православныхъ въ католическую вѣру» и совѣтуете редактору «Дня», чтобъ убѣдиться въ этомъ, перечитать указъ объ ихъ удаленіи. Позвольте и мнѣ присовѣтовать вамъ перечитать кстати всѣ четыре указа, объ удаленіи ихъ изъ Петербурга и о закрытіи ихъ училища, отъ 20 декабря 1815 года, о распредѣленіи имущества и о долгахъ [100]), оставленныхъ ими въ Петербургѣ, отъ

---

[100]) По высылкѣ Іезуитовъ изъ Петербурга, насчиталось на нихъ болѣе 400 т. р. долга; наличныхъ денегъ, разумѣется, не нашлось; но оказалось, что часть долговъ была вымышлена и что часть показанныхъ заимодавцевъ не объявила претензій; правительству пришлось однако принять на себя уплату за Іезуитовъ половины показанныхъ долговъ, то есть болѣе 200 т. р.

25 Мая 1816 г. и наконецъ о высылкѣ ихъ изъ Россіи отъ 13 Марта 1820 г. При самомъ бѣгломъ чтеніи, вы удостовѣритесь, что кромѣ совращеній, на Іезуитовъ падали и другія обвиненія; а если вы захотите вникнуть въ *смыслъ* Высочайше утвержденнаго доклада министра духовныхъ дѣлъ, то вы усмотрите, что Іезуиты вызвали противъ себя негодованіе правительства и общества не пропагандою латинства вообще, а *обстоятельствами ее сопровождавшими:* нарушеніемъ даннаго слова, употребленіемъ во зло довѣренности родителей, на слово отдавшихъ имъ своихъ дѣтей, наконецъ, вообще, *средствами,* употребленными ими въ дѣло. Вы могли видѣть изъ предъидущаго, что я не принадлежу къ числу безусловныхъ поклонниковъ Александровской эпохи; но я отдаю справедливость людямъ того времени. При всей шаткости ихъ понятій и неустойчивости ихъ направленія, они не терпѣли притворства, не мирились съ обманомъ и ненавидѣли подлость; чувство чести и

Въ такую же сумму обошлась казнѣ отправка Іезуитовъ за границу.

Въ бумагахъ Іезуитовъ нашлась интересная рукопись: исторія общества Іезуитскаго въ Россіи съ 1772 по 1801. По свидѣтельству графа Толстаго, въ ней было 144 страницы; она содержала въ себѣ обстоятельный перечень всѣхъ происшествій, относившихся до Іезуитовъ и всю ихъ переписку съ нашими министрами и съ Римскимъ дворомъ. Рукопись эта *пропала.* Какъ вы думаете, кто болѣе всѣхъ былъ заинтересованъ въ ея похищеніи?—Я думаю, не Жансенисты ли?

гражданской честности было въ нихъ живо и сильно развито. Это именно чувство и заговорило противъ Іезуитовъ. Оно не вынесло ихъ *воровскихъ* пріемовъ. Я произнесъ слово жесткое и не беру его назадъ. Пусть разсудятъ читатели, въ правѣ ли я былъ употребить его. Іезуитъ, аббатъ Сюрюгъ, писалъ одному изъ своихъ собратьевъ о графинѣ Ростопчиной, которую онъ совратилъ: «не смотря на строгій мой запретъ и не смотря на всѣ мои увѣщанія, она повѣдала тайну своему мужу... Этотъ необдуманный поступокъ срѣзалъ меня съ ногъ». Въ другомъ письмѣ, онъ объяснялъ слѣдующее: «зная край, я, изъ предосторожности, не возбуждаю рвенія, а только направляю его, и въ результатѣ всегда оказывалось, что руководимые такимъ образомъ сами собою приходили къ желанному концу. Въ сношеніяхъ моихъ съ потаенною моею паствою (mes ouailles secrètes) затрудняетъ меня болѣе всего не исповѣдь, а пріобщеніе. Исповѣдывать я могу во время гулянья, въ гостиной, на людяхъ, не возбуждая ни малѣйшаго подозрѣнія, но пріобщая, я подвергаюсь гораздо большей опасности. Поэтому, я просилъ бы васъ сообщить мнѣ ваше мнѣніе объ одномъ моемъ изобрѣтеніи. Я придумалъ устроить серебряный ларчикъ, въ который бы можно было укладывать святые дары (слѣдуетъ подробное описаніе его устройства и наставленіе какъ приносить его наканунѣ въ комнату причастника, для того, чтобъ онъ могъ на другой день, по утру, послѣ

обычной молитвы, пріобщиться наединѣ). Такимъ образомъ — продолжаетъ изобрѣтатель — устранились бы, я думаю, всѣ неудобства тайнаго пріобщенія».

Не забудьте, что въ то время, какъ эти средства придумывались и приводились въ исполненіе, графъ Местръ писалъ и завѣрялъ, что Іезуиты дѣйствуютъ всегда *открыто и гласно*, или, какъ онъ выражался —маневрируютъ на площадяхъ. Вы тоже, въ вашемъ письмѣ, повторяете «что Іезуиты дѣйствуютъ *среди бѣлаго дня, открыто*». И послѣ этого, вы хотите, чтобъ мы имъ вѣрили на слово?.... Оставалось рядъ этихъ продѣлокъ повершить отпирательствомъ. Когда огласилось совращеніе молодаго князя Голицына, Іезуиты перепугались и поспѣшили заявить, что они не только не подговаривали его къ переходу въ латинство, а напротивъ, всѣми мѣрами, отклоняли его отъ этого. Вотъ какъ происходило дѣло, по ихъ словамъ. Іезуитъ, гувернеръ князя, *почему-то* засунулъ въ печь свой латинскій часословъ и *какъ-то* позабылъ объ немъ, а молодой воспитанникъ его *какими-то судьбами*, напалъ на книгу и *почему-то* впился въ нее. Очевидно, тутъ дѣйствовали не люди, а благодать Божія! Но все это мелкое лганье блѣднѣетъ и исчезаетъ передъ увѣреніями Орденскаго генерала Бржозовскаго. По высылкѣ Іезуитовъ изъ Петербурга, онъ написалъ Государю: «что касается лично до меня, то я никогда не отступалъ отъ Высочайшаго указа, воспрещающаго кого либо изъ Русскихъ привлекать въ

католическую вѣру; я даже неоднократно *внушалъ моимъ подчиненнымъ соблюдать его во всей строгости и, сколько мнѣ извѣстно, никто изъ нихъ не нарушалъ его.* Ваше Императорское Величество сами въ этомъ убѣдитесь, по миновaніи настоящаго кризиса, и, во всякомъ случаѣ, можете быть увѣрены, что у Васъ нѣтъ въ Россіи подданныхъ болѣе Іезуитовъ послушныхъ, вѣрныхъ и почтительныхъ». Три года спустя, Государь проѣзжалъ черезъ Оршу. Бржозовскій не посмѣлъ къ нему явиться, но въ прошеніи, поданномъ имъ начальнику штаба, повторилъ слѣдующее: «я *постоянно запрещалъ священникамъ моего Ордена заниматься прозелитизмомъ въ Россіи и говорить о вѣрѣ съ Русскими*. Если кто нибудь изъ Іезуитовъ нарушилъ этотъ запретъ, я заявляю, что *это было безъ моего вѣдома* и умоляю Ваше Императорское Величество не вымещать на цѣломъ обществѣ вины одного лица».

Мнѣ жаль, что насъ раздѣляетъ такое огромное разстояніе: еслибъ я имѣлъ удовольствіе быть съ вами въ одной комнатѣ, я попросилъ бы васъ, на минуту, отступить отъ Орденскаго устава, то есть поднять глаза, и сказать мнѣ ваше мнѣніе: правду ли говорилъ генералъ Ордена или безстыдно лгалъ, увѣряя, что онъ запрещалъ своимъ подчиненнымъ даже говорить съ Русскими о предметахъ вѣры и что онъ ничего не зналъ о совращеніяхъ?

Повѣствованіе свое объ удаленіи Іезуитовъ изъ Рос-

сіи, историкъ Ордена Кретино-Жоли оканчиваетъ слѣдующими словами: «родъ Романовыхъ многимъ былъ обязанъ Іезуитскому обществу (!?). Нѣкоторые изъ членовъ его, противъ ихъ желанія (?), посвящены были Екатериною II и Павломъ въ разныя тайны, семейныя и государственныя, и все-таки Іезуиты допустили сына Императора Павла удалить себя изъ Россіи; они спокойно побрели въ изгнаніе *и не захотѣли прибѣгнуть къ мести, которая была бы для нихъ легка»*.

Само собою разумѣется, что все это ложь; никто никакихъ таинъ Іезуитамъ противъ ихъ желанія не ввѣрялъ и свѣдѣніями, выкраденными ими изъ Россіи, они обязаны конечно собственному, долговременною практикою пріобрѣтенному, умѣнью подслушивать и выглядывать; но не въ томъ дѣло. Предположите на минуту, что Іезуиты невзначай, проговорились правдою и вникните въ значеніе этой самоаттестаціи въ скромности; мы могли отомстить, огласивъ ввѣренныя намъ тайны, и мы смолчали; это выставляется какъ подвигъ! Такая угрозою подбитая похвальба лучше всего опредѣляетъ нравственный уровень общества.

Теперь, подведемъ итогъ подъ эту длинную историческую справку. Вы говорите: Екатерина, прозванная Мудрою, пріютила въ Россіи Іезуитовъ въ то время, какъ вся Западная Европа ихъ преслѣдовала и выбрасывала; а я дополняю вашу ссылку: Петръ I, прозванный Великимъ, засталъ Іезуитовъ въ Москвѣ и выгналъ

ихъ; Екатерина, прозванная Мудрою, дозволила имъ остаться въ Бѣлоруссіи, подъ условіемъ ослушаться папы и перейти на ея службу; Павелъ I, никакъ не прозванный, принялъ ихъ подъ особенное свое покровительство и испросилъ у папы возстановленіе Ордена въ Россіи; Императоръ Александръ, прозванный Благословеннымъ, осыпалъ ихъ милостями и далъ имъ полную возможность развернуться на просторѣ, но затѣмъ, узнавъ ихъ короче, выпроводилъ ихъ сперва изъ обѣихъ столицъ, а за тѣмъ изъ Россіи, и навсегда. Всего же, съ 1606 по 1820 годъ, насчитывается пять изгнаній, кругомъ по одному изгнанію на каждое сорокалѣтіе. Разсудите сами, что можемъ мы извлечь изъ нашего собственнаго историческаго опыта.

На этомъ я могъ бы остановиться, но мнѣ остается дополнить этотъ бѣглый обзоръ нашихъ отношеній къ Іезуитамъ одною хотя и мелкою чертою, однако не лишенною для насъ интереса современности. Вы помните, что графъ Местръ испрашивалъ для Іезуитовъ права исправлять полицейскую службу, или, какъ онъ самъ выражался, права лаять на людей, если ужь нельзя ихъ грызть. Вы помните также, что еще до пріѣзда графа Местра, отецъ Груберъ успѣлъ облаять митрополита Сестринцевича. Теперь вы увидите, что и по удаленіи Іезуитовъ изъ Россіи, послѣ того какъ правительство положительно и навсегда отказалось отъ ихъ службы, лай, на сей разъ дѣйствительно безвозмездный, не прекратился.

Въ 1840-хъ годахъ, пріѣхалъ въ Москву, послѣ долговременнаго пребыванія въ Парижѣ, одинъ изъ вашихъ собратьевъ, Іезуитъ изъ Русскихъ, притомъ Москвичь, принадлежащій къ одной изъ лучшихъ нашихъ дворянскихъ фамилій, одинъ изъ тѣхъ, которыми, по вашимъ словамъ, гордится Россія. Разумѣется, онъ перешелъ въ латинство и вступилъ въ Іезуитскій Орденъ тайно; никто въ Россіи объ этомъ не зналъ, кромѣ одного изъ его друзей и товарищей его дѣтства.

Онъ ѣхалъ домой съ намѣреніемъ ощупать почву, узнать настроеніе разныхъ сословій и, по возможности, связать опять порванныя нити латинской пропаганды. Покойный Чаадаевъ, принадлежавшій, по своему направленію, къ школѣ гр. Местра, обрадовался подкрѣпленію и ввелъ вашего собрата въ общество Московскихъ ученыхъ и литераторовъ. Въ то время оно распадалось на два кружка, такъ называемыхъ западниковъ и такъ называемыхъ славянофиловъ. Первый, и многочисленнѣйшій, группировался около новоприбывшихъ изъ-за границы профессоровъ Московскаго университета и представлялъ собою отраженіе, въ маломъ размѣрѣ, господствовавшей въ то время, въ Нѣмецкомъ ученомъ мірѣ, правой стороны Гегелевой школы. Въ другомъ кружкѣ, вырабатывалось мало по малу воззрѣніе православно-Русское, впослѣдствіи выразившееся въ трудахъ, вамъ вѣроятно извѣстныхъ. Представителями его были Хомяковъ и Кирѣев-

скіе— (припоминая эти давнопрошедшія времена, я какъ будто брожу по кладбищу).

Оба кружка не соглашались почти ни въ чемъ; тѣмъ не менѣе, ежедневно сходились, жили между собою дружно и составляли какъ бы одно общество; они нуждались одинъ въ другомъ и притягивались взаимнымъ сочувствіемъ, основаннымъ на единствѣ умственныхъ интересовъ и на глубокомъ, обоюдномъ уваженіи. При тогдашнихъ условіяхъ полемика печатная была немыслима и, какъ въ эпоху предшествовавшую изобрѣтенію книгопечатанія, ее замѣняли послѣдовательные и далеко не безплодные словесные диспуты. Споры вертѣлись около слѣдующихъ темъ: возможенъ ли логическій переходъ, безъ скачка или перерыва, отъ понятія чистаго бытія, черезъ понятіе небытія, къ понятію развитія и бытія опредѣленнаго, отъ Seyn, черезъ Nichts, къ Werden и къ Daseyn? Иными словами, что̀ правитъ міромъ: свободно-творящая воля, или законъ необходимости?

Далѣе. Какъ относится Православная церковь къ латинству и протестантству: какъ первобытная среда начальнаго безразличія, изъ которой, путемъ дальнѣйшаго развитія и прогресса, вышли другія высшія формы религіознаго міросозерцанія, или какъ вѣчно пребывающая и неповрежденная полнота Откровенія, подчинившагося въ Западномъ мірѣ латино-германскимъ представленіямъ и вслѣдствіе этого раздвоившагося на противоположные полюсы? Наконецъ: въ чемъ заклю-

чается разница между Русскимъ и Западно-Европейскимъ просвѣщеніемъ, въ одной ли степени развитія или въ самомъ характерѣ просвѣтительныхъ началъ? Предстоитъ ли Русскому просвѣщенію проникаться болѣе и болѣе, не только внѣшними результатами, но и самыми началами Западно-Европейскаго просвѣщенія или, вникнувъ глубже въ свой собственный, православно-Русскій духовный быть, опознать въ немъ начала новаго, будущаго фазиса общечеловѣческаго просвѣщенія? Какъ отвѣчали на эти вопросы такъ называемые западники и какъ отвѣчали на нихъ такъ называемые славянофилы, объяснять нѣтъ надобности.

Въ Rue des postes № 18 вѣроятно покажется страннымъ, что люди Русскіе могли, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, интересоваться подобными темами; еще невѣроятнѣе покажется, что люди неглупые могли такъ долго жить, и жить умственною жизнью, въ области отвлеченнаго умозрѣнія, повернувшись спиною къ вопросамъ политическимъ. Между тѣмъ, это несомнѣнно. Я заявляю фактъ, заявляю его печатно, въ такое время, когда еще живы нѣкоторые изъ тогдашнихъ дѣятелей и смѣло ссылаюсь на ихъ свидѣтельство.

О политическихъ вопросахъ никто въ то время не толковалъ и не думалъ. Это составляло одну изъ отличительныхъ особенностей Московскаго учено-литературнаго общества сороковыхъ годовъ, которой не могли объяснить себѣ люди предшествовавшей эпо-

хи. Они прислушивались и въ недоумѣніи пожимали плечами.

Вашъ собратъ принятъ былъ въ такъ называемый славянофильскій кружокъ съ полнымъ радушіемъ. Таить было нечего, и никому бы въ голову не пришло остерегаться. Къ тому же, его общительный характеръ и живость располагали въ его пользу и нравились всѣмъ. Онъ придирался къ Православной церкви, о которой не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, сыпалъ на право и на лѣво выдержками изъ сочиненій гр. Местра и отца Розавена, проповѣдывалъ свое Парижское латинство новѣйшаго покроя открыто, свободно, ничѣмъ не стѣняясь, и разумѣется, безъ всякаго успѣха. Не ему было тягаться съ Хомяковымъ. Скоро онъ это понялъ и уѣхалъ обратно въ Парижъ, не успѣвъ даже раздать какихъ-то навезенныхъ имъ чудотворныхъ медалей Тамъ огласился его переходъ въ латинство, и сношенія его съ Москвою прервались; по крайней мѣрѣ, Москва потеряла его изъ виду.

Спустя лѣтъ шесть или семь, кажется въ 1850 или 1851 году, въ Парижѣ появилась книга [101]), посвя-

---

[101]) Съ мѣсяцъ тому назадъ, я получилъ отъ Отца Гагарина (о книгѣ котораго здѣсь идетъ рѣчь) литографированное письмо, въ тоже время разосланное имъ въ редакціи нѣкоторыхъ изъ нашихъ газетъ. Въ этомъ письмѣ, О. Гагаринъ заявляетъ, между прочимъ, во первыхъ что книга его (la Russie sera t-elle catholique) вышла не въ 1850 и не въ 1851, а въ 1856 году, во вторыхъ «что онъ обращался въ ней не къ власти, а къ

щенная вопросу о большей или меньшей вѣроятности обращенія Россіи въ латинство. Авторомъ ея былъ тотъ

общественному мнѣнію и никогда доносовъ не писалъ и писать не будетъ». Оба эти заявленія требуютъ объясненія.

Четвертое мое письмо въ отвѣтъ О. Мартынову я писалъ въ деревнѣ, не имѣя подъ рукою книги О. Гагарина; достать ее не было тогда никакихъ средствъ, и потому я опредѣлилъ время ея появленія приблизительно, положившись на память, которая меня обманула. Охотно сознаюсь въ невольной ошибкѣ передъ О. Гагаринымъ и передъ читателями.

Еще охотнѣе взялъ бы я назадъ мое сужденіе о направленіи его книги; но, къ сожалѣнію, перечитавъ ее, я убѣдился, что въ этомъ отношеніи, память моя мнѣ не измѣнила. Графъ Местръ, въ началѣ нынѣшняго вѣка, рекомендовалъ правительству Іезуитское общество какъ надежнѣйшую изъ тайныхъ полицій и, не безъ нѣкотораго успѣха, приспособилъ къ Россіи одинъ изъ употребительнѣйшихъ пріемовъ латинской пропаганды: клевету, заподозриваніе намѣреній и возбужденіе подозрѣнія въ представителяхъ власти. На книгу Отца Гагарина я сослался какъ на доказательство, что Іезуиты и теперь не отказались отъ этой системы. Правъ ли я былъ?—объ этомъ пусть судятъ читатели по слѣдующимъ выпискамъ. Я привожу ихъ буквально по переводу О. Мартынова.

«Взлянемъ теперь на приверженцевъ революціи въ старой Московской партіи (разумѣй: между такъ называемыми славянофилами). Всего соблазнительнѣе или, лучше сказать, всего обаятельнѣе дѣйствуетъ на эту партію призракъ трояка̀го единства, духовнаго, политическаго и народнаго. Цѣль ея дать каждому изъ оныхъ равный объемъ (?) и такимъ образомъ слить всѣ въ одно (??) и тѣмъ упрочить ихъ торжество. Это начало примѣняется ко всей политикѣ, какъ внутренней, такъ и внѣшней.... Но кто не видитъ въ этомъ огромномъ проэктѣ революціоннаго направленія? И въ самомъ дѣлѣ, въ глазахъ представителей помянутой партіи, самодержавіе ничто иное какъ путь къ побѣдѣ,

же вашъ собратъ. Сама по себѣ, она замѣчательна только какъ признакъ крайней непроизводительности Іе-

---

орудіе необходимое для битвы, диктатура и т. д. Но когда пробьетъ для самодержавія роковой часъ, тогда, чтобъ сбыть его съ рукъ, выведутъ безъ всякаго затрудненія изъ этой же самой народности начала политическія, какъ нельзя болѣе *республиканскія*, *комунистическія*, *радикальныя*. Покамѣстъ эти начала стоятъ на второмъ мѣстѣ, въ тѣни; но они тѣмъ не менѣе важны въ мнѣніи людей, посвященныхъ въ тайны этой партіи» (замѣтьте по увѣренію О. Гагирина, онъ относится не къ правительству, а къ обществу).

«Тоже самое должно сказать о православія.... Въ доказательство сказаннаго, стоитъ только посмотрѣть, какъ скоро эти ревностные заступники православія ладятъ съ послѣдователями Гегелевой философіи, касательно вопроса объ отношеніи церкви къ государству» (ктоже это такъ легко *ладилъ?* Ужъ не Хомяковъ ли или Кирѣевскій?)

«Наконецъ, даже и началу народности дано неестественное направленіе, дѣлающее изъ нея постоянное орудіе революціи. Дѣйствительно, еслибы желаніе удовлетворить требованіямъ Славянской народности было искреннее, въ такомъ случаѣ *не слѣдовало приносить народность Польскую въ жертву Русской* (вотъ оно!) ни упускать изъ виду народность Сербскую или Чешскую» (это славянофилы-то упускали!)

«Изъ сказаннаго довольно видно, что кроется подъ пышными словами: православіе, самодержавіе, народность. Не иное что, какъ революціонная идея XIX в., въ восточномъ покроѣ. Сравните Московскихъ славянофиловъ съ юною Италіею; васъ поразитъ ихъ сходство.... Только сомнительно, чтобъ западные демагоги, не исключая и Итальянскихъ, выдумали, для несомнѣннаго дѣйствія на массу народную, что либо лучше панславизма и т. д.» (О примиреніи Русской Церкви съ Римскою, сочиненіе И. Гагарина, переводъ И. Мартынова, священниковъ братства

зуитскаго воображенія; въ ней повторялись давнымъ давно вывѣтрившіеся софизмы графа Местра, съ примѣсью нѣсколькихъ произвольно выхваченныхъ и разумѣется перетолкованныхъ фактовъ; но все это служило только поводомъ или предлогомъ воспользоваться тогдашнимъ настроеніемъ Россіи. Книга вашего собрата появилась въ очень для насъ памятную эпоху, когда мы почему то заразились чужимъ испугомъ и «убоялись страхомъ веліимъ идѣже страха не бѣ». Кто раздувалъ этотъ безотчетный, слѣпой и въ тоже время злобный страхъ, тотъ могъ надѣяться на успѣхъ. Вашъ собратъ это зналъ и указалъ пальцемъ на славянофиловъ, какъ на кружокъ, въ которомъ будто бы выработывалась *Русская, національная формула революціонной идеи.* Я знаю, что въ тѣ времена и у насъ ходили такія же бредни; но онѣ распускались людьми, не знавшими тѣхъ, кого они оподозривали или неспособными понимать ихъ. Не таковъ былъ вашъ собратъ; по прежнимъ личнымъ своимъ связямъ, онъ *зналъ,* и на столько былъ умственно развитъ, что *понималъ.*

Для него нѣтъ оправданія въ вѣдѣніи. Чтожь могло побудить его къ завѣдомо-фальшивому доносу? Ревность ли по домѣ Божіемъ, избытокъ ли христіанской

Іисусова. Парижъ. А. Франкъ. 1858 г. стр. 80, 81, 83, 84, 85, 86).

Зачѣмъ О. Мартыновъ передалъ Русской публикѣ эти темныя страницы изъ литературной дѣятельности своего собрата? Зачѣмъ самъ О. Гагаринъ вынудилъ меня напомнить объ нихъ!

любви, сознанная ли несовмѣстность Іезуитства съ направленіемъ мысли православно-Русскимъ, или просто приказъ начальства? Охотно принимаю послѣднее объясненіе. Да, рукою его водила въ то время не его личная воля; писалъ на человѣкъ, а трупъ, покорный жезлъ въ чужой рукѣ—perinde ac si cadaver vel baculus.

Надъ жалкою его книгою и надъ поступкомъ автора, покойный Хомяковъ, въ одной изъ своихъ брошюръ, сотворилъ судъ и совершилъ казнь.

Вы эту книгу перевели на Русскій языкъ.... Для кого? Не знаю; для той Русской публики, про которую она писана, Французскій подлинникъ былъ бы понятнѣе.

Одинъ изъ новѣйшихъ проповѣдниковъ и писателей вашего общества, въ 1844 году предъявилъ смѣлое требованіе: j'oserais demander que l'on consentit à croire que nous sommes des hommes comme les autres et que nous n'avons abdiqué vraiment ni la dignité ni la liberté d'un esprit raisonnable[102]). Вы повторяете за нимъ и еще рѣшительнѣе: «до сихъ поръ, я полагалъ, что у насъ совѣсть таже самая, какая была до вступленія въ общество и такого же свойства, какъ и у всѣхъ прочихъ людей».

Что сказать на это? Безъ подразумѣваемой оговорки, я не могъ бы согласиться ни съ Равиньаномъ, ни съ вами. Позвольте мнѣ лучше смолчать.

[101]) De l'existence et de l'institut des Jésuites par le p. Ravignan p. 112.

ПИСЬМО V.

Перечитавъ еще разъ ваше письмо къ редактору «Дня», я нашелъ въ немъ нѣсколько рѣшительныхъ заявленій, нѣсколько намековъ, совѣтовъ и требованій, о которыхъ мнѣ не пришлось еще сказать ни слова. Чтобъ не быть передъ вами въ долгу, я постараюсь отвѣчать на все, порознь и вкратцѣ. Объ одномъ лишь прошу заранѣе васъ и читателей: не ждите отъ настоящаго моего письма никакой связности; я иду по вашимъ пятамъ и подбираю обронъ.

Кириллъ и Меѳодій, говорите вы, «вербовали Славянъ въ духовное подданничество папѣ», то есть проповѣдывали *папизмъ*, и потому Латинская церковь причислила ихъ къ лику святыхъ.

Странно! Кириллъ и Меѳодій; и тутъ же съ ними рядомъ новопожалованный во святые Іоасафатъ Кунцевичь: насадители православія и гонитель православія, учители Славянъ и мучитель Славянъ [103]). Кро-

---

[103]) У Іезуитовъ давно принято за правило, всякаго ихъ собрата, погибающяго насильственною смертью, чѣмъ бы насиліе

мѣ какъ въ латинскихъ святцахъ, нигдѣ бы конечно имъ и не встрѣтиться. Впрочемъ «мертвіи срама не имутъ» и не протестуютъ; *ваши* это знаютъ, и за недостаткомъ живыхъ крадутъ у православія покойниковъ. Кстати, припоминаю я, что лѣтъ двадцать тому назадъ, одинъ изъ вашихъ собратьевъ, вмѣстѣ съ покойнымъ Чаадаевымъ, рѣшили, на Новой Басманной, признать папистами Кіевскихъ великихъ князей Ярослава и Изяслава, поговаривали даже о томъ, не за-

---

ни было вызвано, считать мученикомъ. Въ XVII вѣкѣ, генералъ-губернаторъ Французской Индѣйской компаніи, Мартенъ, писалъ объ нихъ: s'ils sont assomés dans le pays pour leurs rapines ou s'ils meurent de quelque mort violente, ce sont des martyrs (Hist. des Jés. par l'abbé Guettée, T. II, p. 44). Не постигаю, какъ Латинская церковь, до сихъ поръ, не догадалась причислить къ лику своихъ мучениковъ Гришку Отрепьева? Онъ исповѣдывалъ латинство, обязался ввести его въ Россію, благоволилъ къ Іезуитамъ, въ чемъ только могъ унижалъ православную вѣру, оскорблялъ благочестіе нашихъ предковъ и наконецъ, погибъ жертвою народнаго раздраженія, имъ самимъ вызваннаго, точь въ точь, какъ Кунцевичъ. Конечно, Гришкѣ Отрепьеву преданіе не приписываетъ никакихъ чудесъ; но и этой бѣдѣ можно бы пособить, по бывшимъ прежде примѣрамъ. Іезуитъ Рибаденейра, товарищъ Игнатія Лойолы, въ первомъ изданномъ имъ жизнеописаніи его, сознавался, что Лойола не совершилъ ни одного чуда и доказывалъ разными примѣрами, что обстоятельство это нисколько не умаляетъ его святости. Книга Рибаденейры вышла въ 1572 году. Нѣсколько позднѣе, понадобилось произвести Игнатія Лойолу во святые; и тогда тотъ же Рибаденейра, въ 1612 году, издалъ *сокращенную* его біографію, которая кишитъ чудесами. Право, подумайте объ Отрепьевѣ. Мы за него спорить не станемъ.

хватить ли, за одинъ разъ, преподобнаго Сергія Радонежскаго, митрополита Филиппа и патріарха Никона, но кажется, нашли, что еще рано. Что же касается до Бориса и Глѣба, то они ужъ давно отвоеваны латинствомъ.

Чтожъ изъ этого? Взводя на Кирилла и Меѳодія эту оригинальную небылицу, вы конечно имѣли въ виду подкрѣпить ее указаніемъ на поѣздку ихъ въ Римъ и на заступничество, оказанное имъ папою Іоанномъ VIII противъ притѣснявшихъ ихъ латинскихъ Паннонскихъ епископовъ.

Но развѣ это значитъ *проповѣдывать* папизмъ? Вы очень хорошо знаете, что отпаденіе Рима отъ Вселенской Церкви (по вашему — отпаденіе Восточной Церкви отъ Рима) совершилось не вдругъ, не въ одинъ день и часъ, а совершалось постепенно и что въ то время, когда подвизались Славянскіе первоучители, оно еще не вошло во всеобщее сознаніе Церкви, какъ окончательно совершившійся фактъ. Вы знаете также, что въ IX-мъ вѣкѣ, папизмъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ вы его понимаете, не существовалъ, или существовалъ въ зародышѣ, и что притязаніе на главенство и непогрѣшимость развилось гораздо позднѣе и окончательно формулировалось не ранѣе, какъ въ XVI вѣкѣ. Въ этомъ сознаются даже Латинскіе писатели сколько нибудь серьезные и добросовѣстные.

Какъ же бы могли Кириллъ и Меѳодій *проповѣдывать папизмъ?*

Позвольте мнѣ употребить сравненіе и предложить вамъ на обсужденіе выводъ совершенно аналогическій вашему. Во времена первой Французской республики, генералъ Бонапартъ, командуя ввѣренными ему войсками, давалъ приказы и получалъ рапорты отъ своихъ подчиненныхъ, служившихъ, какъ и онъ, единой и недѣлимой Республикѣ. Доказываютъ ли эти рапорты и приказы, что сподвижники генерала Бонапарта, недожившіе даже до времени его консульства и сложившіе свои головы въ Италіи и Египтѣ, признавали, въ лицѣ своего генерала, *императора* Наполеона I?

А между генеральствомъ и императорствомъ разстоянія меньше, чѣмъ между почетнымъ первенствомъ епископа престольнаго города и главенствомъ непогрѣшимаго первосвященника—государя.

Вы хотите насъ увѣрить, что Латинская церковь не только мирится *въ настоящее время* съ богослужебнымъ употребленіемъ Славянскаго языка и съ чиномъ Православной Церкви, но искони благоволила къ нашимъ обрядамъ. Давнишній замыселъ обратить православныхъ въ латинскій обрядъ, вы называете «голословнымъ утвержденіемъ» (исторію Уніи, у васъ давно положено игнорировать, пока успѣютъ пересочинить ее). Въ доказательство, вы указываете на извѣстную буллу Бенедикта XIV, начинающуюся словами «*Allatae sunt*». Мы это слышали не разъ, и не мы одни. Пріемъ извѣстенъ. Когда иностранные консулы доводятъ до свѣдѣнія высокой Порты о періодическомъ

возобновленіи въ Болгаріи и Македоніи рѣзни, грабежа, насилій, поджоговъ и оскверненія церквей, Султанъ обыкновенно приходитъ въ изумленіе и ссылается, для своей очистки, на всемилостивѣйшіе фирманы, которыми обезпечиваются христіанамъ личная безопасность и свобода вѣры. Глава правовѣрныхъ на Западѣ дѣлалъ и дѣлаетъ тоже; но разница въ томъ, что Султанъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, хотѣлъ бы оградить своихъ православныхъ поданныхъ отъ изувѣрства мусульманъ, да не имѣетъ на то нужной силы, тогда какъ папы, въ эпоху своего всемогущества, сознательно и преднамѣренно допускали гоненія. Понятно, что теперь имъ хотѣлось бы отбиться отъ докучливыхъ напоминаній объ этой эпохѣ; но какъ этого достигнуть?

Мы ужъ видѣли, что практика Латинской церкви различаетъ въ буллахъ и декретахъ Римскихъ первосвященниковъ какъ бы двѣ струи: вольное и вынужденное или исторгнутое (extortum); мы видѣли также, что слывущее сегодня за вольное, завтра можетъ быть выдано за вынужденное, и на оборотъ. Бывали даже примѣры, что, не выжидая другаго дня, въ то самое время какъ папа клялся въ непринужденности своихъ словъ и дѣлъ, правовѣрные его слуги увѣряли весь міръ, что онъ невольно подчинялся внѣшнему давленію и, подъ вліяніемъ страха или разсчета, не то говорилъ, что̀ думалъ и не то дѣлалъ, что́ хотѣлъ. Такъ, Климентъ XIV заявилъ громогласно, что нѣкоторые

изъ его предшественниковъ вынужденно утверждали привиллегіи Іезуитскаго общества, а что онъ упразднялъ ихъ свободно и по внушенію Св. Духа; но въ тоже время, Іезуиты увѣряли, и теперь продолжаютъ увѣрять, что на оборотъ, прежніе папы дѣйствовали свободно, а Климентъ XIV позорно уступалъ угрозамъ. Нѣсколько позднѣе, польскій Іезуитъ Бениславскій распустилъ молву, будто бы Пій VI, бесѣдуя съ нимъ наединѣ, двукратно и рѣшительно одобрилъ на словахъ возстановленіе Ордена въ предѣлахъ Россіи — «approbo, approbo!» Узнавъ объ этомъ, папа выгналъ его изъ Рима какъ отъявленнаго лгуна и въ особенномъ, повсюду разосланномъ, посланіи, торжественно отрекся отъ приписанныхъ ему словъ. Казалось бы— чего же больше? Но Іезуиты тогда же заявили и теперь повторяютъ въ исторіи своего Ордена, что лгалъ не ихъ собратъ, а папа, котораго обстоятельства будто бы вынудили отпереться.

Кому же вѣрить и когда вѣрить? Что̀ даровано и что исторгнуто? Гдѣ предѣлъ свободы и гдѣ начало принужденія? Разумѣется, ни внѣшняго мѣрила свободы, ни вѣрнаго признака принужденія намъ не даютъ и не дадутъ; да оно и лучше: къ чему отрѣзывать у себя пути къ отступленію?

Таже тактика, издревле, примѣнялась и къ православнымъ Славянамъ. Въ массѣ буллъ, декретовъ и посланій, исходившихъ изъ Рима, дѣйствительно попадаются нѣкоторые, благопріятствующіе свободѣ языка

и богослужебнаго чина; но встрѣчается не мало и такихъ, которыми притѣсненія оправдываются и даже вызываются. Латинскимъ писателямъ хорошо теперь, смотря по надобности, ссылаться на тѣ или на другіе; да бѣда въ томъ, что практика никогда не обращала вниманія на первыя и всегда руководствовались вторыми. Этого отрицать нельзя; историческіе факты не то, что папскія буллы. Такъ велось искони и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока Римская церковь *могла* притѣснять.

Чего же вы теперь отъ насъ требуете? Вы хотите, чтобъ мы согласились принять за *правдивое* выраженіе *свободныхъ* внушеній и *дѣйствительныхъ* намѣреній Римскихъ первосвященниковъ одни лишь акты первой категоріи; вы хотите насъ увѣрить, будто бы все, что творилось вопреки имъ, дѣлалось безъ вѣдома папъ и въ противность ихъ волѣ, подобно тому, какъ напримѣръ въ Россіи, въ началѣ этого столѣтія, Іезуиты совращали въ латинство Русскихъ князей и графинь, будто бы безъ вѣдома и вопреки приказаніямъ своего генерала; наконецъ, ваши новѣйшіе писатели настаиваютъ на томъ, что, хотя бы даже сами папы въ чемъ нибудь и отступили отъ общей, снисходительной системы Латинской церкви, то и въ этомъ случаѣ мы напрасно стали бы ихъ обвинять, такъ какъ подобнаго рода отступленія исторгались у нихъ докучливостью Польскихъ прелатовъ.

Такимъ образомъ, какими нибудь двумя или тремя

листами бумаги, думаютъ теперь залѣпить еще не зажившія народныя язвы Западной Россіи и Украйны.

Но почему же, по примѣру самихъ Іезуитовъ, не предположить обратнаго? Мнѣ такъ кажется болѣе правдоподобнымъ другое объясненіе. Я не отрицаю, что нѣкоторые изъ папъ, особенно въ древнѣйшую эпоху, пока еще не успѣли погаснуть на Западѣ вселенскія преданія, оказывали иногда противодѣйствіе суровой исключительности, господствовавшей въ ихъ церкви; но это были исключенія. Говоря вообще, Латинской іерархіи, начиная отъ папы и кончая послѣднимъ приходскимъ ксендзомъ, богослужебное употребленіе Славянскаго языка и православный чинъ были всегда глубоко противны; она знала что, пока народъ остается при прежнемъ своемъ обрядѣ, онъ внутренно держится прежней своей вѣры, и потому всегда и повсемѣстно стремилась ко введенію формъ Латинскихъ, допуская уніатство только какъ переходную ступень [104]). Перегонка Славянъ изъ православія въ латинство произ-

---

[104]) Это было высказано Антоніемъ Поссевиномъ еще около 1590-тыхъ годовъ: illud considerandum videtur, num *ad tempus jam aliquid* Catholicis Ruthenis concedi posset, ut sacrum sive Ruthenice, sive Graece (sed Ruthenice imprimis) facere possent, ea enim magna videretur commoditas, sensim Ruthenos docendi et ad fidem Catholicam sic *alliciendi ut paulatim* a ritibus *minus bonis abducti*, aut antiquos et legitimos Graecos amplecterentur, aut *deinde* ad *latinum ritum accederent*. Suppl. ad histor. Ros. Mon. p. 38. 39.

водилась не въ одинъ, а въ два пріема и, сообразно этой системѣ, дано было общее направленіе Латино-Польской пропагандѣ. Понятно, что толкая уніатовъ въ латинство, нужно было въ тоже время заманивать православныхъ въ унію и для этого, хоть изрѣдка, обнадеживать ихъ обѣщаніемъ неприкосновенности ихъ обряда; нужно было также, по временамъ, сдерживать свирѣпую ревность ксендзовъ и шляхты, не въ мѣру усердствовавшихъ надъ уніатами; наконецъ, въ позднѣйшее время, когда Польша, измучившись на службѣ латинству, испустила духъ, когда и въ другихъ земляхъ отбился отъ латинства его заплечный мастеръ— le bras séculier, на строгомъ лицѣ первосвященника Римскаго заиграла улыбка благодушной терпимости. Этимъ бы ему и ограничиться, но, преобразившись въ настоящемъ, онъ захотѣлъ покончить съ преслѣдованіями вообще и вздумалъ отречься отъ нихъ, заднимъ числомъ, за всѣ истекшіе вѣка. Это ужъ гораздо труднѣе и едва ли когда нибудь удастся. По моему мнѣнію, въ суровой исключительности и въ гоненіяхъ выражалось *дѣйствительное* настроеніе латинства, а въ проявленіяхъ терпимости — невольная уступчивость, *вынужденная* разсчетомъ или безсиліемъ. Говоря это, я имѣю за себя не только массу несомнѣнныхъ фактовъ, но и свидѣтельства самихъ папистовъ. Я указалъ вамъ на Поссевина, теперь укажу вамъ на одного изъ новѣйшихъ, авторитета котораго вы вѣроятно не отвергнете. Вотъ что пишетъ графъ Местръ въ из-

вѣстной своей книгѣ о Папѣ: «Въ девятомъ вѣкѣ, *слишкомъ сговорчивый* первосвященникъ Іоаннъ VIII (pontife trop facile — это аттестація тому самому папѣ, который заступился за Кирилла и Меѳодія противъ Латинскихъ епископовъ) разрѣшилъ Славянамъ совершать богослуженіе на ихъ родномъ языкѣ, что̀, конечно, удивитъ всякого, кто прочелъ его письмо CXCV, въ которомъ онъ самъ *признаетъ неудобства такой терпимости*. Григорій VII поспѣшилъ *отнять это разрѣшеніе;* но для Россіи ужъ было поздно, и мы знаемъ, какъ дорого поплатился за это этотъ великій народъ». Признаюсь вамъ, я думаю, что графъ Местръ посвященъ былъ въ тайны Римской политики глубже, чѣмъ я и даже чѣмъ вы, и лучше насъ обоихъ понималъ ея духъ.

Впрочемъ, какое бы чувство ни питали теперь ваши первосвященники къ нашему церковному языку и обряду, это дѣло ихъ, а не наше, дѣло ихъ личнаго вкуса. На наши къ нимъ отношенія, на взглядъ нашъ на латинство, оно не можетъ имѣть вліянія. Пусть они восхваляютъ *почтенную* древность православной литургіи и восхищаются *строгою красотою* нашего богослужебнаго языка — ни этими лестными эпитетами, ни даже безукоризненною правильностью церковнославянскаго шрифта, которымъ вы въ такомъ совершенствѣ владѣете [105]), нельзя замаскировать, хотя

---

[105]) Подлинное письмо О. Мартынова къ редактору «Дня» писано было уставомъ.

бы и въ глазахъ благочестивой Москвы, глубокихъ, коренныхъ, непримиримыхъ различій между Церковью и латинствомъ. Что такое латинство и почему мы отвергаемъ его, объяснилъ вамъ покойный Хомяковъ въ своихъ брошюрахъ, хорошо вамъ извѣстныхъ. Я утверждаю, что онѣ вамъ извѣстны именно потому, что всѣ писатели ваши сговорились не упоминать объ нихъ; они охотно вступаютъ въ споръ съ Стурдзою и Сушковымъ, а отъ Хомякова отмалчиваются. Это благоразумно и осторожно; я даже думаю, что, будь онъ живъ, вы бы не подали повода къ настоящей нашей бесѣдѣ. Болѣе глубокаго и полнаго опредѣленія *латинства*, я не знаю. Но вамъ угодно предполагать, будто бы подъ этимъ словомъ мы разумѣемъ только и исключительно латинскій обрядъ; вы стоите на томъ, что одна лишь слѣпая привязанность къ нашему церковному чину мѣшаетъ намъ повергнуться къ стопамъ папы и укоряете редактора «Дня» (если это не шутка) «въ смѣшеніи вѣры съ обрядомъ, существеннаго съ второстепеннымъ». Вольному воля. Это видно error invincibilis, какъ говорятъ ваши богословы, и я не берусь васъ разувѣрить.

Латинская церковь, говорите вы, одна во всемъ мірѣ осуществляетъ идеалъ *единства* и отличается отъ всѣхъ вѣроисповѣданій своею *объединяющею силою*; въ этомъ вы, разумѣется, усматриваете признакъ полноты пребывающей въ ней благодати. И это мы слышали много разъ, притомъ не отъ однихъ ла-

тинцевъ, но, къ удивленію, и отъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ единовѣрцевъ, отставшихъ отъ одного берега и не приставшихъ къ другому. Отрѣшаться мысленно отъ всѣхъ вѣроисповѣданій, сличать и взвѣшивать ихъ недостатки и достоинства, съ высоты своего безстрастія, творить судъ надъ тѣмъ, чему толпа поклоняется — это своего рода невинная игра, которою до сихъ поръ еще многіе у насъ любятъ побаловать себя въ минуту бездѣлья.

Единство, въ области церкви, можетъ относиться къ доктринѣ и къ жизни. Единство къ доктринѣ значитъ опредѣленность и неизмѣнность догматовъ; въ жизни, единство значитъ согласіе и любовь. У васъ нѣтъ ни того, ни другаго.

Вы указываете намъ на расколъ, то есть на разномысліе по вопросамъ о сложеніи перстовъ, о формѣ креста, о двоеніи или троеніи аллилуіи и тому подобныхъ предметахъ. А я предложилъ бы вамъ, еслибъ не боялся слишкомъ далеко зайти, навести справки въ вашей латинской богословской литературѣ по вопросамъ болѣе важнымъ, напримѣръ, хоть по вопросу о дѣйствіи божественной благодати на человѣческую волю или по вопросу о папѣ, какъ главѣ церкви. Загляните въ творенія послѣдователей блаженнаго Августина и въ творенія Молинистовъ, перечитайте Беллармина и Боссюэта, и хваленое единство распадется въ вашихъ глазахъ на самую нестройную разноголосицу. По каждому предмету, вы найдете по крайней мѣрѣ

два, взаимно исключающихся ученія и между ними безчисленное множество одно въ другое переливающихся мнѣній. Пройдите потомъ, въ исторической послѣдовательности, рядъ папскихъ буллъ и цензуръ по тѣмъ-же вопросамъ, и вы наткнетесь на осязательныя противорѣчія, въ перемежку съ предпамѣренными двусмысленностями. Безъ дальнихъ объясненій, одно простое сопоставленіе ихъ раскроетъ передъ вами процессъ сочиненія догматовъ въ Ватиканской канцеляріи. Вы поймете, отчего почти никогда папскія буллы не оканчивали возбужденныхъ споровъ, почему, недовольныя стороны продолжали, не стѣсняясь ими, отстаивать свои осужденныя ученія [106]), почему недоумѣнія тянулись по цѣлымъ вѣкамъ и переходили въ нескончаемыя распри, почему наконецъ папы, для прекращенія скан-

---

[106]) Нѣсколько примѣровъ мы привели при разборѣ книги Бузенбаума; вотъ еще одинъ. Извѣстный Іезуитскій богословъ Діана, разбирая вопросъ, на который предложено было два отвѣта, положительный и отрицательный, говоритъ: «Мое мнѣніе въ пользу отрицательнаго; правда, что три папы рѣшили вопросъ въ противоположномъ смыслѣ; это доказываетъ, что они придерживались положительнаго мнѣнія, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобъ отрицательное не было одинаково правдоподобно и безопасно на практикѣ». Въ другомъ мѣстѣ, тотъ же ученый, опровергая папскій приговоръ, повторяетъ туже мысль: «Не оспариваю, что папа сказалъ это, *какъ глава церкви*, но все же онъ это сказалъ въ сферѣ *своего* правдоподобія», т. е. въ той мѣрѣ, въ какой его приговоры правдоподобны. Ellendorf, p. 72. 175.

даловъ, такъ часто прибѣгали къ обыкновенному въ Римской церкви, но странному средству, то есть, не рѣшивъ дѣла въ существѣ, издавали строгіе запреты писать, толковать и говорить о спорныхъ предметахъ. Средство, положимъ, очень простое; но во первыхъ, для примѣненія его нѣтъ надобности въ непогрѣшимости, а во вторыхъ, это торжество дисциплины, а не объединяющей силы, какъ понимаетъ ее Церковь. Прокричать передъ фронтомъ: смирно! не значитъ возстановить согласіе и утвердить единовѣріе. Въ настоящее время, богословскіе вопросы, такъ глубоко потрясавшіе латинскій міръ въ прошлыхъ вѣкахъ, сданы въ архивъ и сдѣлались достояніемъ спеціалистовъ; но подъ общимъ равнодушіемъ кроется тотъ же хаосъ въ понятіяхъ о самыхъ важныхъ предметахъ церковнаго ученія. Я уже не говорю о милліонахъ людей, числящихся католиками и ни во что не вѣрующихъ; не говорю и о тѣхъ, которые сами себя называютъ католиками и считаютъ папизмъ отжившимъ явленіемъ; но попробуйте опросить нѣсколькихъ взятыхъ на удачу, изъ числа такъ называемыхъ католиковъ, относящихся къ своей церкви искренно и серьезно, при томъ изъ людей образованныхъ, пожалуй хоть изъ духовныхъ. Всѣ конечно скажутъ вамъ въ одинъ голосъ, что папа глава церкви и непогрѣшимъ; но подите дальше и продолжайте вопросъ.

Тогда вы услышите отъ одного, что церковь *условилась* признать за папою непогрѣшимость, то есть

право окончательнаго разрѣшенія возникающихъ вопросовъ, потому что иначе споры длились бы безъ конца.

Другой отвѣтитъ вамъ, что опредѣленія папы *дѣйствительно непогрѣшительны*, но въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда они подтверждаются *согласіемъ всей церкви*, молчаливымъ, т. е. предполагаемымъ, или, въ той или другой формѣ положительно выраженнымъ.

Третій объявитъ вамъ, что церковь не болѣе какъ обстановка папы, что онъ одинъ ея единственный органъ, что слово его *есть слово церкви* и, какъ безусловно обязательное само по себѣ, дальнѣйшаго подтвержденія *не требуетъ* и даже не допускаетъ.

Если вы захотите перейти къ вопросу о томъ, что̀ именно можетъ быть объектомъ непогрѣшительнаго опредѣленія, то вы услышите отъ одного, что даръ непогрѣшимости проявляется только въ опредѣленіяхъ о *предметахъ вѣры, то есть о догматахъ*, но не распространяется на разрѣшенія *вопросовъ фактическихъ*. Этого ученія держались, между прочимъ, Іезуиты въ Китаѣ и Японіи, отвергая на этомъ основаніи обязательность папскихъ буллъ, въ которыхъ осуждались введенные ими языческіе обряды.

Но вы услышите также, что въ равной степени *непогрѣтишельны и обязательны* опредѣленія папъ по *вопросамъ фактическимъ* и что кто въ этомъ отношеніи допускаетъ какую либо разницу, тотъ подрываетъ авторитетъ намѣстниковъ Христовыхъ. Оказывается, что и это ученіе проводили тѣже Іезуиты, прав-

да не въ Азіи, а во Франціи, когда они напрягали всѣ силы свои, чтобы выдать Жансенистовъ за еретиковъ. Вздумаете ли вы поразвѣдать, какъ понимаютъ такъ называемые католики отношеніе духовной власти къ свѣтской, и вамъ представятся три ученія.

Вотъ одно изъ нихъ: папѣ, какъ главѣ церкви, дана свыше *власть духовная,* и безъ нея папа немыслимъ. Власть свѣтская, въ предѣлахъ Римской территоріи, не болѣе какъ фактъ *историческій*; она не составляетъ существенной принадлежности церкви и потому не безусловно необходима. Власть свѣтская вообще, во всѣхъ ея формахъ (то есть королевская, народная и т. д.), ведетъ свое начало отъ Бога непосредственно и потому отъ папы *не зависитъ* и ему не подчиняется.

Вотъ другое ученіе, или точнѣе, оттѣнокъ перваго: безъ политической независимости духовное главенство немыслимо, и потому свѣтская власть папы, какъ государя, въ предѣлахъ Римской территоріи, составляетъ *существенное* и *неотъемлемое* условіе устройства самой церкви.

Вотъ третье ученіе: все исходящее отъ Бога идетъ черезъ намѣстника Его на землѣ; поэтому *власть вообще, то есть всякая власть безъ различія, сосредоточивается въ папѣ*; за тѣмъ, переходя по делегаціи отъ него къ епископамъ и къ государямъ, она дробится на духовную и свѣтскую; но представители той и другой, *какъ уполномоченные отъ па-*

пы въ двухъ различныхъ сферахъ, подчиняются ему безусловно, и въ этомъ подчиненіи находитъ свое оправданіе и основаніе своей законности какъ духовная, такъ и свѣтская власть.

Я указываю на понятія и взгляды не лютеранъ, не англиканцевъ, не православныхъ, а такъ называемыхъ Католиковъ; всѣ они сталкиваются въ предѣлахъ Латинской церкви, внутри, а не внѣ ея. Каждое имѣетъ въ ней своихъ представителей, считающихъ себя правовѣрными и почитаемыхъ таковыми; сама церковь это знаетъ и не рѣшается выйти изъ противорѣчій, въ которыхъ она запуталась; не рѣшается потому, что непослѣдовательность всѣхъ существующихъ въ ней школъ, кромѣ радикальнѣйшей изъ нихъ, такъ называемой ультрамонтанской, слишкомъ очевидна, а ультрамонтанская, по самой своей логической послѣдовательности, примыкаетъ ad absurdum. Въ такомъ же безвыходномъ положеніи находится Латинская церковь и по вопросу о благодати; и здѣсь ей предстоитъ выборъ между соблазномъ отреченія и соблазномъ нелѣпости; она и воздерживается отъ выбора. Гдѣ жь единство?

Позвольте мнѣ привести на память замѣчаніе, встрѣченное мною въ одной изъ Парижскихъ Revues, въ статьѣ, писанной одною замѣчательно-умною Англичанкою, издавна поселившеюся во Франціи: «Клерикальная партія не перестаетъ уличать протестанство отсутствіемъ единства и множествомъ сектъ, на которыя оно дробится. Этого факта отрицать нельзя, осо-

бенно въ Англіи и Америкѣ; но стоитъ лишь попристальнѣе всмотрѣться въ здѣшнее общество, чтобъ убѣдиться, что во Франціи, даже въ кружкахъ, считающихъ себя правовѣрными, также мало дѣйствительнаго согласія и единства. Разница въ томъ, что въ протестантскихъ земляхъ, каждое вновь возникающее ученіе, даже мнѣніе, тотчасъ же даетъ знать о себѣ и, внутренно отдѣлившись отъ господствующей церкви, добросовѣстно заявляетъ объ этомъ фактическимъ отъ нея отпаденіемъ. Во Франціи не берутъ на себя этого труда; религіозная производительность изсякла, а слабые отпрыски прежнихъ ученій давно поблѣднѣли и выцвѣли въ общемъ равнодушіи. Конечно, множество сектъ и пестрота вѣроученій далеки отъ Евангельскаго идеала о единомъ пастырѣ и единомъ стадѣ; но если осуществленіе его предполагаетъ искренность и послѣдовательность, то протестанскія общества едвали не ближе къ нему, чѣмъ латинскія.» — Еслибъ я счелъ себя въ правѣ говорить о личныхъ моихъ наблюденіяхъ, то я прибавилъ бы, что это замѣчаніе примѣняется къ Италіи и Бельгіи въ той же степени, какъ и къ Франціи.

Говорить ли о бытовой сторонѣ Латинской церкви и о единствѣ въ жизни? Но вы сами знаете, что вся исторія ея представляетъ безпрерывную, скандалезную распрю монашескихъ Орденовъ между собою и всѣхъ монашескихъ Орденовъ съ епископами. Гдѣ же согласіе?

Наружное однообразіе, которымъ прельщаются люди, не умѣющіе отличить однообразія отъ единства и никогда серьезно не изучавшіе ни доктрины, ни практической стороны латинства, поддерживается, въ духовенствѣ, деспотическою дисциплиною, а въ массахъ— равнодушіемъ. Ничего, особенно завиднаго, я еще въ этомъ не вижу. Вспомните, что̀ дѣлается у васъ передъ глазами. Папа издаетъ окружное посланіе съ цѣлымъ каталогомъ, по его мнѣнію богопротивныхъ тезисовъ, а Французскій министръ внутреннихъ дѣлъ забраковываетъ его, и Франція покоряется приговору своего министра. Итальянскій король отнимаетъ у папы двѣ трети Церковной Области; папа протестуетъ, грозитъ, отлучаетъ, а Италія протягиваетъ руку за остальною третью. Все это совершается въ конституціонныхъ земляхъ, въ которыхъ правительства не могутъ же долго идти на перекоръ мнѣнію и убѣжденію большинства. Чего жъ вы смотрите? Если у васъ такой избытокъ *объединяющей* силы, что бы вамъ *объединить* сперва Италію и Францію? Мнѣ кажется, это было бы нужнѣе всего для Римскаго первосвященника, который можетъ остаться скоро не только безъ паствы, — это бы еще ничего — но и безъ Французскаго конвоя и безъ бюджета, что̀ гораздо накладнѣе.

Вы увѣряете, что у насъ въ Россіи «строгая фигура старообрядства растетъ» и заявляете какъ «*совершенную правду*, что еслибъ оно имѣло свою гласную іерархію, то въ десять лѣтъ отторгло бы отъ

Православія *все* крестьянство, *все* мѣщанство и даже *часть* купечества.» — Какъ это все ясно видно изъ Rue des Postes № 18!

Далѣе, вы сравниваете Латинство съ Православіемъ и характеризуете послѣднее «внутреннимъ безсиліемъ, отсутствіемъ свободной проповѣди, ничтожностью результатовъ, страхомъ, отсутствіемъ плодовъ духовной жизни и мертвою обрядностью».

Въ доказательство, вы ссылаетесь на Беллюстина, имѣя въ виду, по всей вѣроятности, не только его статью, напечатанную въ «Днѣ», но и извѣстную книгу его о положеніи православнаго, приходскаго духовенства въ Россіи. Чтожъ нашли вы въ ней?

Конечно, вы въ ней прочли, что приходское духовенство, въ матеріальномъ отношеніи не обезпечено, въ умственномъ, по скудости просвѣтительныхъ средствъ мало развито, по системѣ воспитанія и устройству своему, замкнуто въ касту, отъ произвола сверху не ограждено и призванію своему, въ отношеніи къ ввѣреннымъ ему паствамъ, далеко не вполнѣ удовлетворяетъ. Все это правда, хоть и не полная правда, а одна сторона картины, именно, та, которую авторъ счелъ нужнымъ выставить. И это по вашему улика противъ нашей *вѣры*? Это данныя для сравненія Церкви съ Латинствомъ? Удивляюсь, отчего вы не прибавили, что въ Россіи грамотность менѣе распространена, чѣмъ въ Бельгіи, полиція хуже, желѣзныхъ дорогъ меньше, а золото рѣже и дороже; кстати было бы подновить и

старый аргументъ, игравшій такую важную роль въ прежнихъ полемическихъ сочиненіяхъ Латинскихъ пропагандистовъ; я разумѣю: Турецкое иго, тяготѣющее на нашихъ Восточныхъ единовѣрцахъ; тогда бы вы окончательно побѣдили Православіе.

Заступаться за него я не стану. Теперь не время и не мѣсто. Каждая тема извѣстнымъ образомъ настраиваетъ пишущаго и читающаго, и настроеніе это не можетъ мѣняться съ минуты на минуту. Отъ разбора какой нибудь ябеднической просьбы переходить прямо къ комментарію на Апостольское посланіе, отъ Бузенбаума и отца Грубера къ святымъ Отцамъ Церкви, отъ казуистики въ ученіи и доносовъ на практикѣ къ Православію, признаюсь, мнѣ было бы даже совѣстно. Пожалуй, если измѣрять общественную нравственность количествомъ распроданныхъ мнимо-чудотворныхъ медалей, если принимать подложныя откровенія, вымышленныя видѣнія и другія оброчныя статьи Іезуитскаго хозяйства за признаки духовной жизненности, подпольныя интриги за Апостольскіе подвиги, театральность эффектовъ за чудеса живой благодати, искусственное раздраженіе нервной системы за трезвое благочестіе—то преимущество, безъ всякаго сомнѣнія, останется на сторонѣ вашей.

Я ограничусь только однимъ замѣчаніемъ. Иностранная литература богата сочиненіями, въ которыхъ изображается яркими красками упадокъ Римской церкви и

жалкое состоянiе Латинскаго духовенства [107]). Во многихъ изъ нихъ слышна искренность скорбнаго чувства, добросовѣстность обличенiя и неподдѣльная жажда правды. Въ сравненiи съ этими книгами, статьи и книги Беллюстина блѣдны и безцвѣтны [108]). Вашъ

---

[207]) Для примѣра укажу на одну: De l'état actuel du clergé en France par M. M. Allignol frères.

[108]) Я не хочу вдаваться въ рекриминацiи, потому что считаю недобросовѣстнымъ доказывать несостоятельность той или другой церкви равнодушiемъ, невѣжествомъ или безнравственностью ея служителей; но чтобъ читатели не подумали, что я воздерживаюсь отъ этого по недостатку уликъ, то приведу три факта. Въ XVII вѣкѣ, Латинское духовенство, конечно, не могло пожаловаться на недостатокъ средствъ; при этомъ, оно было несомнѣнно просвѣщеннѣе другихъ сословiй и пользовалось огромнымъ авторитетомъ у правительствъ и обществъ. Въ это время 1) папа Пiй V нашелъ нужнымъ издать противъ Clericos Sodomitas строгiя правила. Iезуитскiе богословы, Генрикесъ, Суарiй и другiе до того перепугались, что сочли необходимымъ ограничить ихъ примѣненiе разными натянутыми толкованiями, между прочимъ, они стали доказывать, что папа подразумѣвалъ лишь тѣхъ, которые впадали въ этотъ грѣхъ *многократно* и не умѣли предупредить огласки своего преступленiя. 2) Они же, то есть Iезуитскiе богословы, говоря о законныхъ и незаконныхъ домогательствахъ непотребныхъ женщинъ, нашли нужнымъ упомянуть, въ числѣ другихъ категорiй, о монашенкахъ, промышляющихъ собою. 3) Они же, въ исчисленiи случаевъ, въ которыхъ духовному лицу разрѣшается снимать съ себя одежду, присвоенную его сану, признали нужнымъ включить посѣщенiе непотребныхъ домовъ. 4) Они же разрѣшили духовнымъ лицамъ употреблять избытокъ отъ своихъ церковныхъ доходовъ, на приданое незаконнымъ дочерямъ своимъ. Эти четыре указанiя могутъ служить масштабомъ нравственности, господствовавшей въ

матеріалъ разнообразнѣе и богаче нашего—это первая разница, а вотъ другая. Въ статьяхъ и въ книгѣ Беллюстина мы признали правду и внутренно поблагодарили автора, рѣшившагося ее высказать; а вы всякому обличенію противопоставляете систематическое отпирательство и преслѣдуете обличителей какъ враговъ вашей церкви. Иначе вы и поступать не можете. Мы смотримъ правдѣ, самой суровой и жестокой, прямо въ глаза, потому что при всей нашей общественной и личной неправдѣ, мы не боимся правды, зная, что наша вѣра есть сама правда; а вы отворачиваетесь отъ правды и невольно принимаете подъ свою защиту ложь и кривду, потому что торжество правды было бы гибелью для вашей вѣры.

Вы требуете для Іезуитовъ права проповѣди и состязанія съ нами, во имя гласности и свободы. Вы повторяете слова редактора газеты «День»: «никто не приведетъ къ связанному врага его и не скажетъ первому: борись съ нимъ, но напередъ развяжетъ связан-

---

цвѣтущую эпоху Латинской іерархіи. Я заимствую ихъ не изъ протестантскихъ памфлетовъ, а изъ сочиненій Іезуитскихъ богословъ: это не *анекдоты*, *не частные случаи*, *не факты*, *а правила* и *толкованія къ правиламъ*, приспособленныя къ нравамъ сословія вообще. Ant. de Escobar, liber theologioe Moralis etc. tract. I. Exam. VIII. Cap. III. praxis circa Sextum mandatum ex Societe Jesu doctoribus, pag. 201 § 102. trac. 6. Ex. VII. p. 103. p. 734. rr. VI Ex. 1. C. V. § 68. Ex. VII. C. VI. § 103. Filliucius. rr. 3 C. 9 № 231. Ellend. pag. 71. 140, 242, 244.

наго», и продолжаете: «связаны конечно не вы, а мы, (т. е. Іезуиты); развяжите напередъ связанныхъ, или перестаньте бороться».

Здѣсь, вы переходите на новую почву и затрогиваете чрезвычайно важный вопросъ, не церковный, а гражданскій—вопросъ о терпимости. Позвольте же и мнѣ предложить предварительный вопросъ: въ правѣ ли вы, какъ Іезуиты, возбуждать его и требовать для *своихъ* свободы состязанія на одинаковыхъ условіяхъ съ господствующею церковью? Я приведу справку, на сей разъ послѣднюю.

У насъ, въ Россіи, Антоній Поссевинъ, испрашивая *для себя* права оспоривать догматы Православной Церкви, умолялъ Іоанна IV *запретить Лютеранамъ въѣздъ въ Москву* и получилъ урокъ вѣротерпимости отъ грознаго царя.

Въ концѣ XVI вѣка, потребность кореннаго преобразованія Іезуитскаго Ордена высказывалась повсемѣстно, такъ что даже нѣкоторые изъ Іезуитовъ сознавали ее; тогда генералъ Ордена испросилъ у папы Григорія XIV строжайшаго запрещенія всѣмъ безъ изъятія, въ томъ числѣ епископамъ, кардиналамъ и королямъ (выключая, разумѣется, самого папы, Іезуитскаго генерала и Іезуитской генеральной конгрегаціи) не только въ чемъ-либо измѣнять или перетолковывать Орденскія конституціи, *но даже возражать противъ нихъ*.

Въ 1610 году, по поводу убійства Генриха IV, стали распространяться во Франціи разныя обвиненія

на Іезуитовъ. Тогдашній главный ихъ дѣлецъ, отецъ Коттонъ, явился къ генералъ-прокурору съ просьбою, отъ имени всего общества, позволить Іезуитамъ обнародовать апологію въ свою защиту, и въ то же время издать *строжайшее запрещеніе, кому бы то ни было отвѣчать на нее и оспаривать ее.* На сей разъ отца Коттона прогнали.

Въ 1633 году, возобновился во Франціи и въ Англіи давнишній, въ сущности никогда не прекращавшійся, споръ между епископами и Іезуитами о правахъ и юрисдикціи епархіальной власти. Много было написано брошюръ, памфлетовъ и цѣлыхъ книгъ въ пользу и противъ привиллегій Іезуитовъ; но, благодаря участію аббата Сенъ-Сирана (подъ псевдонимомъ Петра Авредія) споръ принялъ оборотъ для нихъ невыгодный. Тогда они обратились къ Людовику XIII съ требованіемъ королевскаго эдикта *о конфискаціи сочиненій опаснаго противника,* котораго они не въ силахъ были опровергнуть и, добившись этого, сами спокойно *продолжали нападать на него.*

Въ 1658 году вышла книга подъ заглавіемъ «Апологія Казуистовъ», Іезуита Пиро, вызвавшая во всемъ Французскомъ духовенствѣ взрывъ негодованія. Парижскій богословскій факультетъ осудилъ ее, и почти всѣ епископы, по поводу ея, издали пастырскія увѣщанія. Весь ходъ этого дѣла изложенъ былъ Парижскимъ приходскимъ духовенствомъ въ брошюрѣ подъ заглавіемъ *Дневникъ*. Отвѣчать было нечего, и духовникъ

Людовика XIV, Iезуитъ отецъ Анна поспѣшилъ *испросить высочайшее повелѣніе о прекращеніи Дневника.* Такихъ примѣровъ я могъ бы привести сотни.

Вы понимаете, что я естественно долженъ заимствовать ихъ изъ тѣхъ временъ и мѣстностей, въ которыхъ Iезуиты пользовались авторитетомъ, имѣли на правительство вліяніе и потому могли проводить свои виды на практикѣ. Не потребуете же вы, чтобъ я вмѣнилъ имъ въ заслугу терпимость нынѣ господствующую тамъ, гдѣ они ни причемъ, какъ напримѣръ въ Америкѣ или Англіи? Но я пойду далѣе и предоставлю вамъ самимъ разрѣшить вопросъ. Скажите: еслибъ вамъ удалось, теперь, во второй половинѣ XIX вѣка, отыскать уголокъ земли, въ которомъ бы вамъ можно было овладѣть совѣстью царя и народа или завести общественное и правительственное устройство совершенно по вашему вкусу (какъ это было въ Парагваѣ въ прошломъ столѣтіи); еслибъ туда, къ этому земному раю, пристала партія Англиканскихъ миссіонеровъ и обратилась къ вамъ съ просьбою благословить ее на свободную проповѣдь и развязать ей руки на публичное состязаніе съ вами — чтобъ вы отвѣтили? Впрочемъ, нужно ли указывать на протестантовъ, когда можно сослаться на свидѣтельство латинскихъ монашескихъ Орденовъ, доминиканцевъ, францисканцевъ и другихъ, которымъ Iезуиты всевозможными интригами старались воспретить въѣздъ въ Японію? Я знаю, что вы теперь

распинаетесь за свободу въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ вы *не можете* ни притѣснять вашихъ противниковъ, ни даже контролировать чужія мнѣнія; но есть и теперь отдѣльная небольшая область, управляемая по правиламъ строгаго Латинства. Пока она существуетъ, посмотримъ чтó тамъ творится. Какъ вы думаете, еслибъ общество православныхъ священниковъ поселилось въ Римѣ и вздумало попросить у папы разрѣшенія издавать журналъ для защиты Православія и обличенія Латинства, публично доказывать, что догматы объ исхожденіи Святаго Духа отъ Сына и о непогрѣшимости папъ противорѣчатъ писанію и преданію; еслибъ наконецъ это общество захотѣло обращать въ Православіе тѣхъ, разумѣется, кого оно убѣдитъ, какой отвѣтъ на такую просьбу дало бы Римское правительство?

Ссылаться на общее начало и требовать примѣненія его къ себѣ, можетъ только тотъ, кто самъ признаетъ его и подчиняется ему. Оставаясь вѣрными себѣ и латинству, вы, въ настоящемъ случаѣ, этого не хотите и не можете, а потому и мы не признаемъ за вами права обращаться къ намъ во имя свободы.

Признать или не признать ее, дать или не дать, если дать, то условно, и кому именно, или безусловно и всѣмъ — это дѣло наше, въ которомъ вы не имѣете голоса....

Моя бесѣда съ вами кончена. Мнѣ пришлось по неволѣ останавливаться долго на предметахъ извѣстныхъ

вамъ лучше, чѣмъ мнѣ, тогда какъ лично для васъ, достаточно бы было краткихъ намековъ; но вы сами пожелали, чтобъ ваше письмо было напечатано и вызвали редакцію «Дня» на объясненіе передъ публикою. Пусть же она судитъ.

Въ заключеніе, позвольте мнѣ дать вамъ безкорыстный совѣтъ: отложите попеченіе о Россіи и не ищите въ ней почвы для вашего сѣва. Повѣрьте, здѣсь ея нѣтъ. Не даромъ, еще въ 1571 году, одинъ изъ вашихъ первосвященниковъ, Пій V, писалъ о Русскихъ: «не хочу имѣть никакихъ сношеній съ этимъ дикимъ племенемъ—cum tam feris gentibus». Въ утѣшеніе себѣ, вы можете повторить слова вашего братолюбиваго пастыря.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Въ какой мѣрѣ соблюдается Іезуитами обѣтъ нищенства по уставу ихъ Ордена?

Каждый вступающій въ Орденъ произноситъ обѣтъ нищенства; это значитъ, что онъ отказывается отъ всякой личной собственности.

Общество, какъ собирательная личность, обязано также пребывать въ нищенствѣ и содержать себя подаяніемъ; оно причисляется къ такъ называемымъ нищенствующимъ Орденамъ. Но правило это относится только исключительно къ церквамъ и къ такъ называемымъ *домамъ* Ордена (domus societatis professoe), въ которыхъ живутъ вмѣстѣ члены произнесшіе торжественные обѣты, и отнюдь не распространяется ни на училища (коллегіи), ни на дома, въ которыхъ содержатся испытуемые (domus probationis).

Не должно однако предполагать, чтобъ училища и дома испытуемыхъ составляли, по отношенію къ ихъ

имуществу, самостоятельныя юридическія личности и пользовались правомъ защищать свою собственность противъ какихъ либо покушеній со стороны Ордена. Вовсе нѣтъ; они относятся къ Ордену, какъ относятся къ полноправному хозяину отдѣльныя хозяйственныя статьи его имѣнія, напр. винокуренный заводъ, фабрика и т. п. Каждая изъ нихъ имѣетъ, правда, свой отдѣльный бюджетъ, свои особенные доходы и расходы, но все это только для правильности учета. Вообще, всѣ заведенія Ордена, въ томъ числѣ училища и дома испытуемыхъ, равно какъ и весь личный составъ общества, подчиняются безусловно генералу и управляются должностными лицами, по делегаціи отъ него получающими власть свою. Слѣдовательно, разграниченіе въ отношеніи къ правамъ по имуществу (между церквами и домами профессовъ съ одной стороны, училищами и домами испытуемыхъ съ другой), есть не болѣе какъ правило внутреннее, домашнее, отнюдь не гарантированное правомъ жалобы или формальнаго иска.

Таковъ смыслъ *древнѣйшихъ* правилъ; но вскорѣ по утвержденіи ихъ, къ нимъ понадобились дополненія, частью для поясненія статей первоначальнаго устава, частью для узаконенія разныхъ изъятій и исключеній, вошедшихъ въ практику.

Такимъ образомъ, статьи устава, мало по малу, обросли множествомъ равносильныхъ имъ по своей обязательности *декларацій* и *аннотацій*, которыя

долго разсматривались какъ дѣло домашнее и *секретное.* Главная ихъ цѣль — смягчить и ослабить строгость первоначальныхъ правилъ и дать возможность обходить ихъ, въ особенности по всѣмъ статьямъ касавшимся пріобрѣтенія имуществъ всякаго рода и распоряженія ими.

Замѣчательно, что составители конституцій предугадывали это. Въ шестой части устава, мы читаемъ: «Оберегать силу обѣта нищенства какъ твердую ограду монашескаго Ордена. Каждый, вступающій въ общество, да клянется отнюдь не измѣнять, въ видахъ ослабленія ихъ, правилъ о нищенствѣ; ибо дознано, что врагъ рода человѣческаго всѣми мѣрами старается подкопаться подъ эту ограду и часто достигаетъ своей цѣли *посредствомъ декларацій и нововведеній, которыми измѣняются мудрые уставы,* въ противность духу вложенному въ нихъ основателями». (Les Constit. des Jés. Paulin. Paris 1843. Constit. Pars VI. Cap. 11, § 1).

Дѣйствительно, такъ оно и сбылось; врагъ рода человѣческаго пролѣзъ въ крѣпость, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Въ коренномъ уставѣ значится:

«Церкви и дома профессовъ не должны имѣть никакихъ доходовъ, ни на ризницу (sacristia), ни на хозяйственное попечительство (fabrica), такъ чтобъ обществу никогда бы не приходилось таковыми доходами завѣдывать; пусть оно возлагаетъ все упованіе свое

на Бога, Который знаетъ какими путями обезпечить его всѣмъ нужнымъ. Равномѣрно, дома и церкви не должны имѣть никакой недвижимой собственности, за исключеніемъ того, что имъ необходимо для жительства, или собственнаго употребленія, или что представляетъ особенныя для нихъ удобства (quod ad habitationem vel usus necessarium eis aut valde conveniens fuerit,—какая тонкая предусмотрительность въ редакціи!), какъ-то: отдѣльныхъ, уединенныхъ помѣщеній для выздоравливающихъ или посвящающихъ себя духовнымъ упражненіямъ, подъ условіемъ, однако, не отдавать таковыхъ помѣщеній въ наемъ стороннимъ лицамъ и не получать съ нихъ, въ замѣнъ платы, натуральныхъ произведеній». (Ibid. Const. Par. VI. Cap. 11. § 2, 5).

А вотъ что читается въ декляраціи: «Если однако кто нибудь изъ основателей домовъ или церквей пожелаетъ оставить постоянный доходъ въ распоряженіе церковнаго, хозяйственнаго попечительства (ad fabricae usum), то это не сочтется несовмѣстнымъ съ нищенствомъ, лишь бы общество не принимало на себя непосредственнаго завѣдыванія этимъ доходомъ и не пріобрѣтало на него права иска по суду (competat actio in illos), хотя, впрочемъ, общество, съ своей стороны, приложитъ попеченіе о томъ, чтобы то лице, которому оно поручитъ это дѣло, исполняло въ точности свою обязанность; такимъ же образомъ поступать

и въ другихъ подобныхъ случаяхъ (et sic in rebus similibus)».

Далѣе: «Такъ какъ общество (разум. профессы) не должно пріобрѣтать никакихъ юридическихъ правъ на недвижимость, развѣ бы она служила для собственнаго его помѣщенія и употребленія, то ему вмѣняется въ обязанность всякое таковое пожертвованное имущество, *какъ можно скорѣе*, продать и употребить выручку на помощь бѣднымъ, *принадлежащимъ къ обществу* (pauperibus societatis) или стороннимъ. Однако не воспрещается *выжидать* для продажи благопріятнаго времени. Все это относится исключительно до недвижимости, притомъ ненужной для собственнаго употребленія общества; что-жъ касается до всякаго рода движимости, какъ-то: *денегъ*, книгъ, столоваго запаса, одежды и т. п., то всѣмъ этимъ общество можетъ владѣть на правѣ полной собственности».

«Общество (профессы) не должно владѣть недвижимостью, приносящею ему доходъ, напр. отъ продажи плодовъ и овощей, получаемыхъ изъ сада, но можетъ пользоваться сими плодами для собственнаго употребленія; равномѣрно, можетъ сдать свой огородъ или свое поле фермеру или кому бы то ни было изъ мірянъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ завѣдывалъ имъ на свой счетъ, для себя, и лишь бы ни домъ, ни члены общества, порознь взятые, не участвовали въ прибыляхъ (Ibid. Declar. ad. §§ 2, 5). Само собою разумѣется, что этому міряниину, котораго избираетъ и назначаетъ общество, ни-

что не запрещаетъ, изъ благодарности, *жертвовать* обществу часть своего дохода».

И такъ, пресловутый обѣтъ нищенства, въ отношеніи къ обществу профессовъ, не мѣшаетъ, во-первыхъ, владѣть, на правѣ полной собственности, всякою движимостью, въ томъ числѣ и денежными капиталами, безъ всякаго ограниченія; во-вторыхъ, не мѣшаетъ принимать пожертвованія въ видѣ постоянныхъ доходовъ, лишь бы они поступали черезъ руки повѣреннаго; въ третьихъ, не мѣшаетъ владѣть, на правѣ собственности, недвижимымъ имуществомъ, лишь бы само общество имъ пользовалось; въ четвертыхъ, не мѣшаетъ принимать въ даръ всякое недвижимое имущество, подъ условіемъ лишь, ненужное для собственнаго употребленія, когда нибудь, обратить въ деньги и выручку раздать членамъ общества, которые всѣ вѣдь считаются бѣдными. По истинѣ, съ такого рода нищенствомъ можно еще помириться.

Бѣдное общество! Какъ жестоко поступилъ съ нимъ врагъ рода человѣческаго.

Теперь обратимся къ училищамъ и къ домамъ для помѣщенія испытуемыхъ.

Древнѣйшія статьи устава дозволяютъ этимъ заведеніямъ получать всякаго рода доходы, но училища, которымъ собственныя ихъ средства даютъ возможность содержать, сверхъ учителей, 12 учениковъ, не должны ни выпрашивать, ни принимать ни милостыни, ни пожертвованій; это установлено ради назидательна-

го дѣйствія на народъ (ad majorem populi oedificationem. Const. Pars. IV, C. 11. §. 6).

А въ декларацiи значится: «Впрочемъ, если бы нашлись благотворители, которые пожелали бы пожертвовать какое нибудь имѣніе или доходъ, то принять можно, дабы увеличить число учениковъ и преподавателей на службу Божію» (ibid. Declar.) Иными словами: отказываться, и все таки брать, мелочью пренебрегать, а крупнаго не пропускать.

Учредители Ордена хотѣли, чтобъ доходы училищъ употреблялись *исключительно* на содержаніе этихъ заведеній и чтобъ ни генералъ, ни профессы, ни даже коадъюторы (составляющіе второй разрядъ, одною степенью ниже профессовъ) отнюдь этими доходами не пользовались (Prim. ac gen. Exam. C. 1. § 4. etc.). Правило это развито во многихъ статьяхъ, напр.:

«Дома профессовъ не должны получать никакихъ пособій на свои расходы (какъ-то: на продовольствіе и одежду) изъ доходовъ училищъ» (Const. Pars. VI. C. 11. Declar. ad. § 3).

«Генералъ не долженъ обращать имуществъ училищъ ни въ пользу своихъ родственниковъ, ни даже въ пользу общества профессовъ» (Ibid. Pars. C. 11. § 5).

«Профессы содержатся подаяніемъ въ домахъ для нихъ учрежденныхъ (не въ училищахъ), и тому же правилу подчиняются коадъюторы, пока проживаютъ въ этихъ домахъ» (Ibid. Pars VI. C. 11. § 3, 4).

«Вся хозяйственная часть въ училищѣ поручается ректору изъ коадъюторовъ (не изъ профессовъ). Назначеніе професса въ должность ординарнаго ректора допускается только какъ изъятіе, по нуждѣ, или въ видахъ особенной пользы, дабы никакая часть училищныхъ доходовъ не употреблялась на дома профессовъ» (Ibid. Pars VI. C. 11. § 3).

Все это строго и опредѣлительно; но вотъ что гласятъ деклараціи:

«Дозволяется привлекать училища къ участію въ нѣкоторыхъ расходахъ, которые, по существу своему, падаютъ на дома профессовъ и покрывались бы средствами послѣднихъ, если бъ они были достаточны, напр. на одежду и путевое продовольствіе лицъ, посылаемыхъ изъ домовъ въ училища» (Ibid. Declar. ad. § 3).

«На короткое время профессы могутъ останавливаться въ училищныхъ домахъ, напр. когда путешествуютъ; равномѣрно, и на болѣе продолжительный срокъ, для ученыхъ занятій, съ разрѣшенія генерала. Сверхъ того, допускаются на жительство въ училища тѣ изъ профессовъ, которые, для пользы сихъ заведеній, занимаютъ въ нихъ какія-либо должности, направляютъ обученіе, преподаютъ, проповѣдуютъ, исповѣдуютъ, помогаютъ ученикамъ въ лежащихъ на нихъ обязанностяхъ, или ревизуютъ, или управляютъ училищами. На этомъ основаніи всѣ профессы, завѣдующіе духовными или мірскими интересами училищъ, пріобрѣтаютъ

право пользоваться ихъ доходами. Равномѣрно, и въ другихъ случаяхъ, допускаются изъ тѣхъ же источниковъ, ничтожные и мелкіе расходы на пособіе членамъ общества изъ профессовъ» (Const. Pars IV. C. 11. Decl. ad § 5. P. VI. C. 11. Decl. ad. § 3).

Такъ стушевывается, мало по малу, проведенная въ коренномъ законѣ черта между имуществомъ училищъ и имуществомъ домовъ; да оно иначе и не мыслимо. Два хозяйства сливаются въ одно, потому что хозяинъ одинъ; и оказывается въ результатѣ, что общество профессовъ, по видимому строго удаленное отъ всякаго участія въ богатыхъ доходахъ, числящихся подъ фирмою училищъ, на самомъ дѣлѣ, пользуется ими въ лицѣ своихъ членовъ.

Остается прибавить, во-первыхъ, что всею собственностію и всѣми средствами Ордена, генералъ распоряжается полновѣсно и почти безконтрольно; во-вторыхъ, что въ видахъ устраненія всякихъ въ этомъ отношеніи стѣсненій, уставъ предписываетъ всѣми мѣрами стараться не допускать *условныхъ* пожертвованій, которыя налагали бы на общество какія-либо обязанности въ отношеніи къ стороннимъ лицамъ или предоставляли бы этимъ лицамъ право, въ опредѣленныхъ случаяхъ, получить обратно пожертвованное (Const. Pars III. C. 1. § 9. Pars IV. C. 1. Decl. ad. § 3. C. 11. §§ 1. 2. Decl. ad. § 3. C. VII. § 3. C. X. § 2).

Пусть теперь судятъ читатели, въ какой мѣрѣ можно довѣрять новѣйшимъ защитникамъ Ордена, смѣло

утверждающимъ, «что никогда никто не могъ упрекнуть его въ уклоненіи отъ конституцій, данныхъ ему его основателемъ» [109])?

II.

Можетъ ли членъ Іезуитскаго общества пріобрѣтать имущества по наслѣдству?

Задайте этотъ вопросъ Іезуиту, не говоря ему, что вамъ случалось заглядывать въ Орденскій Уставъ и, по всей вѣроятности, вы услышите, что Іезуитъ не только не можетъ наслѣдовать самъ, но что даже общество не наслѣдуетъ за него, по праву представительства. Въ доказательство, вамъ укажутъ на статью 12 гл. 11 шестой части Устава. Въ этой статьѣ зна-

---

[109]) «On a pu dire à certaines époques de quelques ordres religieux qu'ils s'étaient relâchés de l'esprit de leur institution primitive; jamais on ne reprocha à la société des Jésuites de s'être éloignée de l'esprit de son fondateur ni des constitutions qu'il lui donna». Это писалъ отецъ Равиньанъ, человѣкъ, которымъ недавно еще хвалились Іезуиты и которому было поручено оправдать ихъ передъ Франціею (De l'existence et de l'institut des Jésuites etc. Paris 1844. p. 52). А въ декретѣ Климента XIV, 21 Іюля 1773 года, значилось между прочимъ: «Entre autres accusations intentées contre elle (la société de Jesus) on lui reprocha de rechercher avec trop d'avidité et d'empressement les biens de la terre etc» (Hist. des Jés. par l'abbé Guettée T. III p. 489). И вѣдь Равиньанъ это зналъ!

чится: «Ни сами *профессы,* ни *утвержденные коадъюторы,* ни общественныя дома, церкви и коллегіи *за нихъ* (т. е. за профессовъ и коадъюторовъ) не наслѣдуютъ». И такъ, дѣло идетъ о членахъ общества двухъ высшихъ степеней; но вѣдь, кажется, что въ обществѣ есть еще двѣ степени, или два разряда: *испытуемыхъ* (novitii) и *учениковъ* (scholastici)? — «Конечно такъ, отвѣтитъ Іезуитъ, но слово *общество,* въ нашемъ уставѣ употребляется въ четырехъ различныхъ значеніяхъ, и я, отвѣчая на вопросъ, принималъ его въ томъ смыслѣ, который у насъ считается третьимъ, то есть въ тѣснѣйшемъ, хотя и не въ самомъ тѣсномъ». — Однако, вѣдь и ученики, и испытуемые считаются же членами общества?» — «Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ статьяхъ устава говорится, что они *принадлежатъ* къ обществу и составляютъ *часть его,* но за то въ другихъ говорится, что они только готовятся къ поступленію въ него».

Какъ бы то ни было, очевидно, что запрещеніе наслѣдовать не относится къ цѣлымъ двумъ разрядамъ лицъ, вступившихъ въ общество. Декларація къ ст. 11 гл. 11 част. VI гласитъ даже, что ученики, равно какъ и испытуемые, могутъ оставлять за собою (разумѣется съ разрѣшенія своего начальства) недвижимую свою собственность, буде она находится не при томъ общественномъ домѣ, въ которомъ они проживаютъ. Это тѣмъ болѣе странно, что испытуемые, и до истеченія срока испытанія, допускаются, по собственному ихъ

желанію, къ произнесенію обѣта нищенства, а ученики, всѣ безъ исключенія, обязываются къ произнесенію этого обѣта (Exam. Gen. C. 1. § 10. Decl. ad. § 12).

Поищемъ объясненія этой странности въ соображеніяхъ. Въ статьѣ, воспрещающей профессамъ и коадъюторамъ пріобрѣтать наслѣдства, приводятся какъ причины: желаніе *соблюсти нищенство*, во всей его строгости (paupertatis puritas), воспользоваться *спокойствіемъ*, неразлучнымъ съ бѣдностью (quies quam secum affert), отсѣчь *поводы къ тяжбамъ* и распрямъ, сохранить ко всѣмъ *любовь*. Всѣ приведенныя, какъ нельзя болѣе уважительныя причины отличаются, очевидно, своею общностью, и нѣтъ между ними ни одной, которая бы относилась исключительно, или хотя бы преимущественно, къ которому либо изъ четырехъ ранговъ, на которые распадается общество. Почему же примѣненіе самаго правила ограничивается двумя лишь высшими рангами, и почему, когда доходитъ дѣло до низшихъ, всѣ высчитанныя духовныя блага какъ будто бы теряются изъ виду или приносятся въ жертву другаго рода соображеніямъ?

Дѣло въ томъ, что право, отъ котораго общество такъ громко отказывается за профессовъ и коадъюторовъ, рѣшительно ничего не стоитъ, а то право, которое оно за собою удерживаетъ (т. е. право наслѣдованія за испытуемыхъ и за учениковъ) даетъ ему полную

возможность забирать все, что когда-либо можетъ достаться по наслѣдству которому либо изъ его членовъ.

Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ сопоставить нѣкоторыя изъ статей устава.

Всякій, принимаемый въ общество, долженъ непремѣнно выдержать искусъ, то есть поступить въ разрядъ испытуемыхъ (Exam. Gen. C. 1. § 12).

Онъ обязывается, при самомъ поступленіи и никакъ не позднѣе какъ по истеченіи перваго года испытанія, отречься отъ всего своего состоянія и распорядиться въ чью нибудь пользу не только тѣмъ, чѣмъ онъ дѣйствительно владѣетъ, но и тѣмъ, *что может ему достаться въ послѣдствіи.*

Въ чью же пользу онъ распорядится? Въ уставѣ сказано, что онъ обязанъ остеречься отъ всякаго предпочтенія своихъ родственниковъ, съ которыми онъ навсегда разлучился, и все свое имущество отдать бѣднымъ (ibid. C. IV. § 1, 2, 3. Const. Pars. III. C. I. § 7 et Declar). Но мы знаемъ, что Іезуитское общество, какъ бы оно богато ни было, все-таки считается малѣйшимъ изъ малыхъ (minima societas) и бѣднѣйшимъ изъ бѣдныхъ. Комментаторъ устава, Суарій говоритъ прямо, что испытуемый долженъ прежде всего принять въ соображеніе потребности и нужды общества, въ которое онъ вступаетъ, и прибавляетъ, что начальникъ можетъ даже просто потребовать отъ него пожертвованія и отреченія въ пользу общества (ibid. Append. Note H. p. 455). Но къ чему требовать,

когда такъ легко *склонить* и *убѣдить?* Далѣе, испытуемому внушается, что если Богъ (читай начальникъ) положитъ ему на сердце отдать обществу все свое имущество (въ томъ числѣ и ожидаемыя наслѣдства) или хоть часть своего состоянія, то приличнѣе всего сдѣлать это безусловно, не стѣсняя общества никакими назначеніями въ распоряженіи жертвуемымъ (Constit. Pars. III. C. I. § 9 et Declar). Во всякомъ случаѣ, испытуемый распоряжается своимъ имуществомъ не иначе, какъ съ одобренія и утвержденія своего начальства.

Отреченіе въ пользу общества допускается и прежде достиженія испытуемымъ возраста, узаконеннаго для отчужденія имущества; по достиженіи имъ совершеннолѣтія, отреченіе, имъ сдѣланное, облекается въ строго законную форму; при этомъ, уставъ предписываетъ обращать особенное вниманіе на редакцію акта, въ видахъ предупрежденія всякаго повода къ спорамъ (ibid Appen. Note H. p. 456, 457).

Остается еще справиться: долго ли длится испытаніе? По общему правилу — два года (Exam. Gen. C. I. § 12); но во первыхъ, отъ общества зависитъ растянуть этотъ срокъ (ibid. C. IV. § 43); во вторыхъ, выдержавшій полное испытаніе, можетъ быть переведенъ въ разрядъ учениковъ (scholastici), что́ составляетъ какъ бы продолженіе испытанія (такъ какъ ученики все еще испытуются для высшихъ степеней) и можетъ, по усмотрѣнію начальства, оставаться въ

этомъ рангѣ безрочно, хоть всю жизнь (Appen. Note R. p. 482, 483).

Всѣ приведенныя статьи находятся въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ общими коренными законами Латинской церкви. По правиламъ Тридентинскаго собора, отреченіе отъ имущества допускается не прежде какъ передъ самымъ произнесеніемъ торжественныхъ обѣтовъ (professio) и дѣлается обязательнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда за отреченіемъ дѣйствительно послѣдуетъ произнесеніе обѣтовъ; самое произнесеніе обѣтовъ допускается не прежде какъ по окончаніи испытанія и не ранѣе какъ по достиженіи 16-лѣтняго возраста; наконецъ, по истеченіи срока назначеннаго для испытанія, испытанный окончательно вступаетъ въ общество, какъ полноправный членъ, или исключается изъ него. Но Іезуитамъ удалось ввернуть въ акты Тридентинскаго собора небольшую оговорку о нераспространеніи приведенныхъ правилъ на ихъ общество. Этимъ изъятіемъ они всегда чрезвычайно дорожили, какъ одною изъ самыхъ важныхъ своихъ привиллегій. Причина, кажется, сама собою обнаруживается (Append. Notes G et H).

Пока вступившій въ общество находится на испытаніи, общество, черезъ него, держитъ, какъ бы на ниткѣ, ожидаемыя имъ наслѣдства; оно растягиваетъ срокъ испытанія до тѣхъ поръ пока это нужно, чтобъ имѣть время притянуть къ себѣ все, что можно выудить черезъ испытуемаго; затѣмъ, обобравъ и обчи-

стивъ его, когда ужъ нѣтъ никакой надежды пріобрѣсти черезъ него что либо еще, оно переводитъ его въ одинъ изъ высшихъ разрядовъ и отрекается торжественно, *ради спокойствія и любви,* отъ всякаго участія въ будущихъ его наслѣдствахъ. Такимъ образомъ, данный Богу обѣтъ остается *ненарушеннымъ.*

Но не всѣ судили объ этомъ такъ снисходительно. Выше приведено было свидѣтельство Климента XIV, повторившаго, въ своемъ декретѣ, общія жалобы своихъ современниковъ. Въ дополненіе, кстати будетъ привести другое, *Іезуитское* свидѣтельство. Вотъ что писалъ, между прочимъ, Орденскій генералъ Вителлесхи, въ посланіи 15 Ноября 1639 г., указывая на пороки и недостатки Іезуитскаго общества: «Въ лицахъ начальствующихъ замѣчается чрезмѣрное корыстолюбіе, распространяющееся на все. Отсюда ихъ обычная снисходительность ко всякому, кто только приноситъ имъ богатство... Со всѣхъ сторонъ насъ упрекаютъ въ томъ, что мы гоняемся за житейскими удобствами, что мы преисполнены любостяжанія и ревности къ нашимъ собственнымъ выгодамъ, и т. д.» (Hist. des Jés. par l'abbé Guettée, I. p. 472, 473).

Отецъ Равиньанъ, безъ всякаго сомнѣнія, зналъ и этотъ отзывъ; но это не помѣшало ему засвидѣтельствовать, что *никогда* и *никто* не рѣшался упрекнуть Іезуитское общество въ какомъ бы то ни было уклоненіи отъ его устава. А вы хотите, чтобъ мы вѣрили свидѣтельству Іезуитовъ о самихъ себѣ!

III.

Извѣстно, что въ началѣ второй половины XVI вѣка Іезуиты свили себѣ въ Прагѣ просторное и прочное гнѣздо, великолѣпную Коллегію св. Климента; въ 1618 году, ихъ оттуда выгнали; черезъ два года, они вернулись на старое мѣсто; потомъ, въ XVIII вѣкѣ, были выгнаны вторично и теперь всячески, но до сихъ поръ безуспѣшно, стараются какъ нибудь пристроиться опять въ этомъ городѣ, столько отъ нихъ натерпѣвшемся. Понятно, что когда ихъ оттуда наскоро выпроваживали, дѣло обходилось для нихъ не безъ потерь; такъ, между прочимъ, часть ихъ книгъ и рукописей, вмѣстѣ съ зданіемъ св. Климента, въ которомъ помѣщался ихъ архивъ, достались Пражской Университетской библіотекѣ и теперь составляютъ ея собственность.

Занимаясь въ этой библіотекѣ, я напалъ случайно на рукописный фоліантъ, переплетенный въ пергаментъ, съ надписью на корешкѣ: 7 Historia. I. A. I. Содержаніе его слѣдующее: 1) исторія основанія Пражской Коллегіи съ повѣствованіемъ о разныхъ предметахъ особенной важности (historia fundationis Collegii Pragensis cum narratione quarumdam rerum majoris momenti) на 38 стр., обнимающая періодъ времени отъ 1555 до 1578 года. 2) Исторія тойже Коллегіи св. Климента съ самаго ея основанія, извлечен-

ная изъ тщательно перерытыхъ источниковъ, какъ-то: *изъ всѣхъ рукописей архива, дневниковъ и писемъ ректоровъ* (historia Collegii Pragensis ad St. Clementem, ab ipsis ejus initiis diligenter, omnibus archivi manuscriptis, diariis et rectorum schedulis, verbo: omnibus memoriis seorsum deorsum ut ita dicam pervolutatis et perversis descripta a P. B. B. S.) на 212 стр., обнимающая время отъ 1555 до 1581 года. Въ концѣ, слѣдующая замѣтка: Historia Col. Pr. ab. an. 1582 quoerenda est folio 51 id est fol. 315. 3) Исторія Пражской Коллегіи отъ 1597 до 1610 года на 60 стр. 4) Разсказъ объ изгнаніи въ 1618 (Ejectionis narratio factae anno 1618) на 40 стр. до стр. 313. 5) Исторія тойже Коллегіи по годамъ отъ 1582 до 1597 на 31 стр. до 343 стр. 6) Исторія Пражской Коллегіи въ 1620 г. по возвращеніи въ Богемію (historia Collegii Pragensis anno 1620 post reditum in Bohemiam: Pragae) на одной страницѣ (355). 7) Перечень годовъ исторіи Пражской Климентовой Коллегіи Общества Іезуитовъ. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ бѣлыхъ, неисписанныхъ листовъ, а въ самомъ концѣ рукописи, на послѣднихъ листахъ: 8) Тайныя (домашнія) Наставленія Общества Іезуитовъ (Monita privata Societatis Jesu) въ 10 параграфахъ, на 2-хъ стр. 9) Тоже Тайныя Наставленія съ прибавкою къ тѣмъ же десяти еще 6-ти параграфовъ на 3-хъ стр.

Статьи переписанныя подъ №№ 1—7 писаны раз-

ными почерками; первый списокъ Тайныхъ Наставленій писанъ весь однимъ почеркомъ; второй — нѣсколькими. Сравнивая эти два списка съ предшествующими статьями историческаго содержанія, нельзя не придти къ несомнѣнному убѣжденію, основанному на совершенномъ тожествѣ почерковъ, что одни и тѣже лица списали оба списка Тайныхъ Наставленій и написали нѣкоторыя изъ страницъ историческихъ извѣстій о Пражской Коллегіи. Кажется, не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что эти лица были Іезуиты, притомъ пользовавшіеся полнымъ довѣріемъ своего начальства и посвященные во всѣ дѣла и тайны по крайней мѣрѣ своей Пражской Коллегіи, вѣроятно — сами ректоры или настоятели ея. Иначе, кто бы могъ получить доступъ ко всѣмъ источникамъ мѣстнаго ихъ архива?

Разсматриваемая рукопись содержитъ въ себѣ трудъ не одного лица, а многихъ, послѣдовательно чередовавшихся на одной работѣ; слѣдовательно, она составляла не частную собственность, а собственность Общества. Это оффиціальный документъ архива Пражской Коллегіи, это ея мѣстная лѣтопись [110]), веденная почти

---

[110]) Такія же лѣтописи велись Ізуитами въ другихъ мѣстахъ, въ которыхъ они имѣли постоянное пребываніе, вѣроятно во всѣхъ ихъ Домахъ и Коллегіяхъ. По удаленіи ихъ изъ Россіи, отыскалась въ ихъ архивѣ лѣтопись, веденная ими въ Петербургѣ и обнимавшая періодъ времени отъ 1772 до 1801 года; эта рукопись *пропала*, по свидѣтельству гр. Толстаго. Le Catholicisme Romain en Russie II, p. 135.

безъ перерывовъ, и не съ ученою цѣлью, не ради удовлетворенія простой любознательности, а для практическаго, домашняго употребленія, то есть для сравокъ и руководства. Въ нее вносились копіи съ жалованныхъ грамотъ, съ контрактовъ, съ дѣловыхъ бумагъ разнаго рода, *и тутъ же, рядомъ, нашли себѣ мѣсто Тайныя Наставленія.* Спрашиваю: самое нахожденіе ихъ въ этой рукописи не есть-ли непререкаемое доказательство ихъ несомнѣнной подлинности?

Я объясняю себѣ дѣло такимъ образомъ. Секретные, также какъ и не секретные уставы Іезуитскаго Общества представляютъ собою какъ бы наслоеніе правилъ, послѣдовательно развивавшихся и пополнявшихся по требованію обстоятельствъ. Очень вѣроятно, что первоначальная редакція Тайныхъ Наставленій содержала въ себѣ не болѣе десяти §§ и въ такомъ видѣ разослана была по принадлежности и записана куда слѣдуетъ, между прочимъ и въ лѣтопись Пражской Коллегіи. Затѣмъ, изданы были шесть дополнительныхъ §§ [111]), и Пражскій лѣтописецъ, которому они были сообщены, не ограничиваясь припискою ихъ къ

---

[111]) Въ § 14 говорится, между прочимъ, что необходимо изгонять изъ обществъ тѣхъ, которые одобрительно отзываются о Венеціанцахъ, изгнавшихъ Іезуитовъ (laudant Venetôs a quibus pulsa Societas). Изгнаніе Іезуитовъ изъ Венеціи послѣдовало въ 1606 году и, вѣроятно, около того же времени, когда это событіе было свѣжо и у всѣхъ въ памяти, изданъ или пополненъ былъ § 14.

списку своего предшественника, переписалъ всѣ Наставленія съизнова, подобно тому какъ авторъ втораго историческаго извѣстія о Пражской Коллегіи (№ 2) не ограничился дополненіемъ лѣтописи заключенной на 1578 годъ, и началъ повѣствованіе съизнова, т. е. съ 1555 года. Въ подтвержденіе этого объясненія, можно привести фактъ почти единовременнаго нахожденія списковъ Тайныхъ Наставленій въ разныхъ мѣстахъ, въ XVII вѣкѣ, когда по всей Европѣ стали раззорять Іезуитскія гнѣзда. Такъ, одинъ экземпляръ найденъ въ Глацѣ, въ Іезуитской Коллегіи, какимъ-то Прусскимъ офицеромъ; другой найденъ въ Падерборнѣ въ шкапѣ Іезуитскаго ректора и т. д. (Pragmatische Geschicihte des Ordens der Jesuiten etc., durch Johann Christoph Harenberg etc. Halle und Helmstädt 1760. 2 vol. I. pag. 51, 56, 1792, 1998).

Теперь, я переберу вкратцѣ все что можно-бы было возразить противъ этихъ доводовъ съ точки зрѣнія Іезуитовъ, то есть исходя изъ предположенія, что Тайныя Наставленія суть злонамѣренный подлогъ, гнусный пасквиль, *famosum libellum*, какъ выражался Іезуитъ Гретцеръ (Gretzer).

Можно предположить, во-первыхъ, что оба найденные мною списка вписаны въ лѣтопись Пражской Коллегіи не Іезуитами, а ихъ врагами, съ цѣлью повредить Ордену. Но тогда пришлось-бы допустить вопервыхъ, что они вписаны были въ то время, когда фоліантъ изъ рукъ Іезуитовъ попалъ въ чужія, враждебныя руки, чему

явно противорѣчитъ указанное выше сходство почерковъ въ началѣ и въ концѣ рукописи. Во вторыхъ, вѣроятно ли, чтобы врагъ Iезуитовъ захотѣлъ схоронить этотъ обличительный противъ нихъ документъ, въ чаянiи, что когда-нибудь, кто нибудь отыщетъ его и воспользуется имъ? Въ третьихъ, чѣмъ объяснить, при этомъ предположенiи, нахожденiе двухъ рукописныхъ экземпляровъ одного, менѣе полнаго и другаго, полнѣйшаго? Неужели предположить еще, что авторъ подложнаго акта составилъ его не сразу, а пополнялъ его постепенно и пускалъ его въ обращенiе въ разныхъ видахъ, въ явную для себя невыгоду?

Можно также предположить, что Тайныя Наставленiя вписаны въ лѣтопись Iезуитами, невольно впавшими въ заблужденiе и принявшими ихъ за подлинное произведенiе своего начальства. Но едвали нужно доказывать, что такая ошибка совершенно немыслима со стороны довѣренныхъ лицъ, которымъ поручалось веденiе мѣстной лѣтописи и которымъ открытъ былъ доступъ въ архивъ Коллегiи.

Наконецъ, оставалось бы предположить, что Тайныя Наставленiя вписаны Iезуитами хорошо знавшими, что это подлогъ, но захотѣвшими сохранить его, конечно не для своего руководства, а на всякiй случай, какъ курьозъ. Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же было помѣщать подлогъ въ *Лѣтопись Коллегiи*, и какъ бы не сдѣлать отъ себя пояснительнаго къ нему примѣчанiя? Всѣ эти предположенiя (а возможности другихъ

я не усматриваю) такъ натянуты, что нѣтъ надобности долѣе на нихъ останавливаться.

Оба найденные мною списка Тайныхъ Наставленій, къ сожалѣнію, крайне, неисправны и кишатъ грубыми ошибками; въ иныхъ мѣстахъ обнаруживаются пропуски, кое-гдѣ до того затемняющіе мысль, что трудно даже до него добраться. Для возстановленія сомнительныхъ текстовъ, слѣдовало бъ сличить ихъ съ печатными изданіями, сдѣланными по другимъ рукописямъ; но въ Прагѣ я нашелъ только одно такое изданіе (въ библіотекѣ Музеума) къ несчастью стольже неисправное, 1668 года: Monita privata Societatis Jesu edita *operâ* (sic) ac studio Pacifici a Lapide (псевдонимъ) una cum proemio, notis ac epilogo ejusdem, Cosmopoli anno M. D. CLXVIII. Въ предисловіи къ этой книгѣ значится, что издатель списалъ свой экземпляръ у какихъ-то высоко стоящихъ духовныхъ особъ, совершенно точно, ничего не прибавляя и не выпуская и что это изданіе есть первое (по другимъ извѣстіямъ, ему предшествовало изданіе 1666 года); краткія подстрочныя примѣчанія и послѣсловіе не имѣютъ никакого значенія. Впрочемъ и это изданіе, при всей его небрежности и несмотря на то, что и оно далеко не чуждо пропусковъ, тѣмъ не менѣе, по нѣкоторымъ содержащимся въ немъ варіантамъ, пригодилось (за неимѣніемъ подъ рукою лучшаго) для возстановленія смысла въ двухъ или трехъ мѣстахъ непонятныхъ въ рукописи.

Чтобъ устранить отъ себя всякой упрекъ въ произвольномъ обращеніи съ документомъ, имѣющимъ въ моихъ глазахъ силу неопровержимой улики, я привожу рукописный текстъ, найденный въ лѣтописи, безъ всякихъ въ немъ исправленій, а въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, привожу варіанты по печатному изданію 1668 года, кромѣ самыхъ незначительныхъ, н. п. простой перестановки словъ, употребленія *et* вмѣсто *que* и на оборотъ и. т. п.

Источники, которыми я пользовался, указаны со всею точностью; они доступны каждому, и ничто не помѣшаетъ О. Мартынову повѣрить мои слова на мѣстѣ, хотя бы черезъ тѣхъ изъ его собратьевъ, которые теперь проживаютъ въ Прагѣ безъ всякаго дѣла. Пусть они возмутъ на себя трудъ сходить въ Университетскую библіотеку и заглянуть въ описанную мною рукопись; но предупреждаю ихъ, что почтенный библіотекарь знаетъ ей цѣну, смотритъ за нею зорко, на домъ никому ея не отпускаетъ, и по тому едва ли есть какой-нибудь поводъ надѣяться, чтобъ она могла *пропасть*. Къ тому же, для бо̀льшей безопасности, она была показана многимъ въ Прагѣ, и съ нея сняты копіи.

IV.

MONITA PRIVATA SOCIETATIS JESU.

---

1. Qualem se Societas praestare debeat, cum de novo accipit [1]) loci alicujus fundationem?

Ut se gratam et acceptam proebeat Societas incolis loci, quem non ita pridem suscepit, multum ad hoc conducet explicatio finis Societatis, proescriptus in regula secunda summarii, incumbere in proximi salutem oeque ac suam. Quare humilia obsequia obeunda, in xenodochiis et fimo [2]) jacentes invisendi, ad confessiones excipiendas quorumcumque, etiam ad loca distantia eundum, eleemosynae conquirendoe dandaeque pauperibus, aliis videntibus, ut aedificati facto nostrorum, sint in nos liberaliores. Modestiam exteriorem ita omnes ediscant, ut illa alios

---

[1]) Въ печатн. incipit. [2]) Fimo опущено.

aedificent. Delinquentes e nostris vel [1]) ob id dimitantur.

2. Quid facto opus sit, ut principum et magnatum intima familiaritate potiamur?

Conatus ad id maximi sunt adhibendi. Experientia docuit, principes tunc affici spiritualibus et ecclesiasticis personis, quando odiosa facta eorum non aspere [2]) reprehenduntur, sed in meliorem partem explicantur [3]); cernitur id in matrimoniis contrahendis principum cum sibi affinibus; quae matrimonia magnam habent difficultatem ob vulgi opinionem, quod tales execratur thoros. Itaque dum haec et similia affectant principes, animandi sunt assecuturos eos, quod volunt. Explicentur rationes, quae eorum desiderium augeant, videlicet matrimonium hoc fore causam majoris vinculi et gloriae Dei. Sic dum princeps aggreditur aliquid faciendum non aeque omnibus dynastis gratum, verbi gratia[4]) si bellum movere vult, tunc ejus voluntas juvanda et constantiae monendusque animus [5]).

---

[1]) Вмѣсто vel стоитъ II вѣроятно указаніе на § 11, въ которомъ говорится объ исключаемыхъ изъ Общества [2]) Вмѣсто aspere — aperte. [3]) Отъ sed до explicantur опущено. [4]) Videlicet. [5]) Здѣсь явная неисправность въ рукописи, въ печатномъ еще хуже: constantioe monendo permovendusque animus.

Primoribus regni insinuent persuadeantque, principis voluntati parendum esse, non tamen ad particularia descendant, ne nobis imputetur; si tamen objiciatur, citentur generalia monita, id nobis prohibentia.

Juvabit ad contrahendam familiaritatem principum, obire legationes in materiis [1]) ipsis gratis. Per munuscula vincendi intimi principum, ut fideliter intsruant nostros de moribus et humoribus principis, quibus rebus oblectetur, quis sit sibi modus placendi, salvo tamen jure virtutis et conscientiae et occasione habita insinuent se in animos magnatum et principum. Si careant uxoribus, proponantur illis virgines in matrimonium, quae cum suis parentibus nostris sint addictae, iisque virgines depingantur laudum coloribus, quibus eas depingi vellent ipsimet principes. Sic enim fiet ut per uxores, alias alienos nobis amicos reddamus. Docuit id experientia per domum Austriacum in regnis Poloniae, Galliae, caeterisque ducatibus et ditionibus.

Feminae ne mutent animos, aut de suo favore in nos remittant, serio illis inculcetur amor in nostram societatem, tum per nostros, tum per eas famulas, quae nostris [2]) sunt addictae, quae

---

[1]) In matrimoniis. [2]) Nobis.

variiis officiis et munusculis in amicitia conserventur. Sic enim secretiora suae dominae et ea, quae nostros scire oportebit, evulgabunt.

Sequantur in conscientiis magnatum regendis eorum auctorum sententias, quae liberiorem faciunt conscientiam contra monachorum opiniones, ut illis rejectis nostros [1]) sequantur, et a nostra directione et consiliis dependeant. Quare, tam ad principes et magnates quam praelatos conciliandos juvabit eos facere participes meritorum nostri ordinis, habere amplas facultates absolvendi a peccatis reservatis et censuris, dispensando in jejuniis, debito reddendo, matrimonii impedimentis et aliis votis.

Invitentur ad scholas nostras, salutentur carminibus, inscribantur illis theses. Si expedit, in triclinio tractentur, et si qualitas personae exposcat, variis linguis salutetur tempore mensae a nostris fratribus.

Inimicitias inter magnates componant. Quod si monarchae nobis addicto subserviat vir aliquis primarius a nobis alienus, promittatur ei favor et honores conferendi ad nostrorum instantiam. Denique ita Societati curent affectos esse principes et magnos dominos, tum praelatos, ut pro ea contra affines et sibi charos

[1]) Nostras (sententias).

agant, nec dimissos a Societate ullomodo promoveant. Deferendos honores primatibus omimentur, delatos gratulentur libellis carminum per studiosos in primo ingressu loci, ubi exercenda erit jurisdictio.

3. Quid curaturi sint [1]) domini pro nobis, dum pecunia destituuntur, multae tamen sunt auctoritatis in republica et aliis modis nobis prodesse possunt?

Tales domini si saeculares sint, curanda apud ipsos gratia et auxilium contra adversarios nostros, favor ad lites forenses [2]), auctoritas et potentia ad coemptiones pagorum, domorum, hortorum, lapidearumque [3]) pro exstruendis Societati nostrae domiciliis, in illis praesertim civitatibus, que nostros nolunt habere. Iidem [4]) domini conciliandi, ut mitigent, imo compescant furorem hominum notae inferioris, nobis nihil cooperantibus.

A spiritualibus vero (ut episcopis, archiepiscopis) pro diversitate nationum id exigendum, quod rei opportunitas ostendet. In quibusdam partibus curandum est, ut praelati et parochi ipsis subditi nostros revereantur, nec impedi-

---

[1]) Curabunt. [2]) Prudentia. [3]) Arearum. [4]) Fideles.

ant ministeria [1]) nostra; in aliis partibus plus. Nam in Germania et Polonia episcoporum magna est auctoritas, qui pauco labore, collata ne [2]) cum principe, monasteria, paraecias [3]), praeposituras, altarium [4]) fundationes nobis possunt attribuere, contentione quacunque facta, sacerdotibus soecularibus, quod in iis locis assequi possumus, ubi catholicis haeretici et schismatici sunt permixti. Ostendaturque episcopis magnum fructum eos [5]) hac ratione facturos, quem a saecularibus sacerdotibus et monachis praeter cantum [6]) exspectare non possunt. Laudetur zelus eorum, inculcetur facti memoria perpetua. Tales autem fundationes, ut Societas succedat in beneficia saecularium sacerdotum, per eos episcopos assequentur facile, qui et confitentur nostris, et a directione nostra pendent [7]), et sunt in expectatione ad altiores gradus episcopatus opulentioris mediantibus nostris.

Tam autem apud episcopos quam principes curent nostri, ut dum fundant nostra collegia ad parochiales ecclesias, nostri quoque soli sint, qui habeant jus conferendi vicarium perpetuum cum cura animarum. Ipse superior loci pro tempore existens erit parochus, totumque regimen ecclesiae nostrorum sit. Per eosdem curabunt

---

[1]) Monasteria. [2]) Re—кажется правильнѣе. [3]) Parochias—правильнѣе. [4]) Aliasque. [5]) Ex. [6]) Tantum. [7]) Dependent.

exstructiones collegiorum in locis, ubi sunt academici nobis [1]) repugnantes, vel catholici aut haeretici cives, fundationes nobis in suis civitatibus prohibentes. Illi iidem curabunt pro nobis cathedras concionatorias in civitatum nobiliorum [2]) praecipuis ecclesiis. Si quando [3]) agitur de beatificando aut canonizando nostro, magnatum liberis [4]) promovendum erit negotium apud sedem apostolicam. Si ex iisdem dominis contingat legationem obire, ne cognitis aliis religiosis, qui nobiscum symbolizant, ad eos affectum transferant, et in eas provincias inducant, in quibus eminemus. Quare si transeant viri illustres per provincias, ubi sunt nostri, excipiantur ad collegia, et pro modestia religiosa tractentur.

4. Quae comendata esse debeant concionatoribus [5]) confessariis principum et magnatum?

Ut directiones regum, principum virorumque illustrium recte per nostros instituantur, omni modo ita eos dirigant, ut sua directio tendere videatur ad conscienciam, quam ipsi principes concredunt. Non statim autem, sed sensim spectare debet directio ad gubernationem poli-

---

[1]) Nostris. [2]) Nobilium. [3]) Siquidem. [4]) Operis. [5]) Et.

ticam externam. Quare saepe inculcent principibus distributionem honorum et dignitatum in republica spectare ad justitiam graviterque Deum offendi, si contra eam a principibus peccetur; se tamen nolle dicant ingerere in ullam administrationem reipublicae, et haec se invitos dicere ratione sui officii. Quod ubi apprehenderint principes, explicetur ipsis, quibus virtutibus praediti esse debeant viri assumendi ad dignitates reipublicae. Commendationis capita sumantur ex amicis societatis nostrae [1]), iis viris, quos expediti [2]) pro bono societatis promovere, quos per se non nominent principi, sed per intimos amicos societatis nostrae et principis. Quare confessarii et concionatores informentur a nostris, qui in quavis parte illius dominii sint viri, qua virtute, potentia, divitiis, liberalitate in nos, horum nomina [3]) apud se habeant, notitiamque eorundem [4]) faciant principi, dextre eos commendando, ut facilius oblata occasione promoveantur a principibus illi, quos olim sibi laudari a suis confessariis et concionatoribus audierant. Meminerint confessarii et concionatores principum, suaviter eos tractare, nulla ratione perstringere in concionibus aut privatis colloquiis. Confectiones, aquas distilla-

---

[1]) Ex. [2]) Expedit. [3]) Nominum notitiam. [4]) Eorum.

tas modice acceptent pro [1]) usu privato, parva pecunia sint contenti. Dum sunt in palatiis, ad abjectiora cubicula se conferant, prudenter inculcent suis [2]) principibus ne vel lato [3]) ungue discendant a consilio spiritualium patrum [4]).

Curent sibi significari quam primum officialium reipublicae mortem, et de substituendis mature [5]) agant [6]), ut suspicione se eximant externi [7]) regiminis, nec amicorum causas apud principes promoveant per se, sed alliis potius comitant.

5. Quit agendum cum religiosis, qui symbolizando nobiscum in multis occupationibus multum nobis detrahunt?

Genus humanum nobis animose ferendum.

Proinde inculcandum hominibus, nostrum ordinem omnium religionum habere perfectionem, et in quo aliae religiones excellunt, in eo eminentiore modo societatem lucere in ecclesia Dei, praeter cantum [8]) et victus asperitatem (quibus discrepamus a monachis), omnia in societate melius haberi, ipsa etiam subjecta. Notentur deffectus, ex quibus ostendatur minus feliciter alios religiosos satisfacere posse illi occupationi,

---

[1]) Quod. [2]) Suis опущено. [3]) Toto. [4]) Principum. [5]) Вставлено: cogitent. [6]) Прибавлено: que. [7]) Evertendi. [8]) Chorum.

in qua concurrunt nobiscum. Majore conatu eundum est contra illos religiosos, qui scholas erudiendae juventuti instituere vellent in locis, ubi id cum dignitate et fructu societas nostra obiit. Ostendatur principibus, tales homines fore perturbationi reipublicae: Proponatur academicis externis illos religiosos magis quam nos fore [2]) ipsis in ruinam [3]). Suggerant principibus sufficere societatem erudiendae juventuti. Quod si libertas [4]) pontificum pro se habeant aut cardinalium commendationes, agant per principes apud pontificem, cui ostendatur, societatem bene fungi suo munere, procurabunt testimonia a civitatibus, in quibus sua collegia habent bonae [5]) conversationis. His etiam diligenter persuadendum erit, timendas perturbartiones accessu diversarum scholarum et praeceptorum. Esto [1]) religiosi sint, interim nostri pro viribus curent studia exerceri, et specimina edi cum applausu aliorum.

6. De conciliandis viduis opulentis societati.

Deligantur ad hoc opus provectae aetatis patres colore vivido. Visitentur crebrius eaedem

---

[1]) Fore опущено. [2]) Прибавлено tendere. [3]) Literas. [4]) Прибавлено: suae. [5]) Etsi.

a nostris. Quae affectum ostenderit in societatem, vicissim societatis nostrae opera ei offerantur. Si acceptat, coepitque frequentare nostras ecclesias, detur ei talis confessarius, qui eam bene dirigat et constantem in viduitate servanda faciat, enumerando bona viduitatis, quibus meritum amplum sit obtentura. Ut res tota ei melius cedat, comitatus [1]) famulorum diminuendus [2]) suadeatur [3]), ordinentur officiales aulae, et praefecti bonorum praescribantur ea, quae spectant ad gubernationem domus, habita ratione loci et personae. Imprimis autem efficiat confessarius, ut ejus consiliis acquiescat vidua, et directionem sequatur, tanquam fundamentum futuri boni spiritualis. Proponatur usus sacramentorum frequens, auditio sacri, recitatio litaniarum. Exhortationes sint bis vel ter in hebdomade de bono viduitatis, de molestiis matrimonii iterati, periculis novisque gravaminibus ejusdem. Facete proponat viros nobiles, quorum illa vidua, cum qua agitur, non abnueret [4]) connubium, iidemque viri ita describantur, declarando mores et vitia ipsorum, ut audiendo vidua nec cognitionem [5]) assumat de matrimonio. Proinde cum sint ita affectoe erga viduitatis

---

[1]) Comitatum. [2]) Diminuendum. [3]) Suadeat [4]) Ut abnuat. [5]) Cogitationem.

statum, quam primum eis commendentur vota religiosa, ut emisso voto castitatis omnem sibi aditum praecludant ad secundas nuptias; quo tempore maxime suadendum, ut ex aula abigantur juvenes liberiores in jocis, pauci admittantur hospites, in iis [1]) tractandis mediocritas. Praefecti pagorum, sacellani, aliique officiales tales sint, qui aut ex nostrorum commendatione habeantur, aut a nostrorum nutu dependeant. Huc ubi progressum fuerit, paulatim ad bona opera inducenda [2]) erit vidua, quae tamen praestabit ex directione patris sui spiritualis.

7. Quis modus conservandi viduas in viduitate et de dispositione redituum, quos habent.

Si praeter communem affectum testetur vidua clenodiis aut pecunia non modica summa suam in societatem liberalitatem, fiat particeps meritorum societatis nostrae. Si emisit votum castitatis, renovet illud more nostro bis in anno. Exponatur ordo nostrae societatis domesticus, qui [3]) si placuerit, praescribatur pro aula. Indicentur confessiones menstruae tum [4]) pro festis Christi Domini, Beatae Virginis et Apostolorum. Constituantur syndiici inter mares et feminas,

---

[1]) Прибавлено: que. [2]) Inducanda. [3]) Quod. [4]) Tam.

qui deffectus notent inter aulicos et famulas, referantque magnificae. Interdicantur nutus, susurri, clandestina colloquia, delinquentes severe castigentur, sint in aula honestae puellae, quae varia ornamenta conficiendo pro templis se in pietate exerceant, supra [1]) se habeant manuductionem [2]), quae laborantibus attendat, et mores edoceat; visitentur viduae crebro et jucundis colloquiis spiritualibus tamen, conserventur et foveantur. Non tractetur [3]) rigide cum ipsis in confessionibus, nisi tunc, quum [4]) minor est spes aliquid ab eis accipiendi. Proderit quoque ad conservandas viduas, si pleraque fiant in gratiam viduarum ut ingressus in aedes nostras, colloquia, quando et cum quibus placet e nostris. Non permittantur in [5]) frigoribus domo exire, aut dum se deterius habere sentiunt. Nuptiae filiarum exornentur carminibus studiosorum externorum. Si exequiae peragendae sunt ornatus [6]) lugubris licet [7]) splendidus tamen adhibeatur, cenotaphii [8]) non sit [9]) vulgaris [10]) structura. Demum quid fieri potest ad viduarum sensualitatem (modo sint liberales et addictae intime societati) fiat, caute tamen et secluso scandalo.

---

[1]) Super. [2]) Manductricem. [3]) Agatur. [4]) Cum. [5]) In — опущено. [6]) Вставлено etiam. [7]) Licet опущено. [8]) Cataphalci. [9]) Sit — опущено. [10]) Vulgari.

Agendo de dispositione redituum, quos habent viduae, proponatur illis illa perfectio laudata status hominum [1]) sanctorum [2]), quando [3]) neglectis amicis, sua bona in Jesu Christi pauperes erogant. Adducantur exempla viduarum, quae, hac ratione, brevi in sanctas evaserunt. Quare dum se viduae in nostras manus resignant, paratae sequi directionem patris spiritualis, serio inculcetur, ut majoris meriti sint illarum actiones coram Deo, ne religiosis personis quidem dent eleemosynas inscio confessario, sed adnotatis iis [4]), quae [5]) se daturas alicui decreverunt, schedulam exhibeant confessario, qui detrahere aut addere potest, prout videbitur. Caveant confessarii frequentem aditum aliorum religiosorum ad viduas, ne post se feminas naturâ inconstantes abducant. Dum multa est pecunia e bonis collecta, ne hinc moveantur viduae ad secundas nuptias, proponant confessarii imo suadeant, ordinarius (sic) pensiones, quibus sublevent necessitates [6]) singulis annis nostrorum collegiorum, et domorum proffessarum, praecipue [7]) domus professae Romanae. Eandem pecuniam impendere [8]) in ca-

---

[1]) Status hominum опущено. [2]) Sanctarum. [3]) Quoe. [4]) Illis. [5]) Quas. [6]) Вставлено: nostras. [7]) Вставлено: vero. [8]) Вставлено: possunt.

sulas et paramenta templi, quae pro nostris sacris aedibus servire possunt post mortem viduae. Exponantur defectus ecclesiarum nostrarum coram viduis, structurae imperfectae collegii, inducantur ad sumptus faciendos pro rebus perpetuam eis gloriam conciliaturis, ut sunt templa, cibaria, aedificia, quae consulto cito [1]) conficiantur [2]), ut habeant in quod [3]) suam liberatatem possint exercere. Id ipsum faciendum cum benefactoribus et principibus, qui nobis aliquid sumptuose exstruunt. Si clenodia sint, suadetur oeternitati ea consecranda, si dentur a viduis ad sepulcra nostrorum beatorum Romam [4]). Comprobetur id exemplis aliarum matronarum, quae id praestiterunt. His de causis ostendatur illas summam perfectionem assecuturas, dum rerum terrenarum amore se exsuendo, earum Christum Dominum in servis societatis suae possessorem instituerint. Quod si filios et filias Dei obsequio dicare voluerint, non est liberalitas earum spernenda, accipiendo [5]) ea quae [6]) offerentur [7]), parcius tamen ab iis viduis accipiendum, quae filios et filias ad soeculum dirigunt.

---

[1]) Citius. [2]) Perficiantur. [3]) Quibus. [4]) Romanorum. [5]) Прибавлено: que. [6]) Ea quae опущено. [7]) Offerent.

8. **De remediis, ut filii et filiae nostrarum devotarum religiosum amplectantur statum.**

Suaviter et fortiter id matri viduae peragendum [1]. Filiabus molesta sit virgis, minis, abstinentiis, asperius tractando, denegando ornatum muliebrem exquisitum, pollicendo majorem dotem, si velit esse monialis, exaggeret futuri mariti furores, gravamina matrimonii, prae se ferat mater ipsa dolorem, se non fuisse monialem. Demum ita agat contra filias, ut taedio vitae manendi apud matrem aspirent ad monasterium.

Cum filiis conversentur nostri familiariter. Accipiantur ad collegia, in quibus illa ostendantur ipsis, quae moveant ad ingrediendam societatem nostram, ut sunt horti vicini collegiis, in quibus fiunt recreationes; in refectoriis ostendatur mundities et exterior conversatio inter nostros, munuscula, faceta colloquia ad spiritum tamen non omittantur. Sint penes tales viduarum filios instructores, amicissimi nobis, imo futuri de nostris. Subtrahat mater filiis necessaria ad tempus modicum, exponat intricata negotia ex parte bonorum. Si ad alias provin-

---

[1]) Persuadendum.

cias iverint studiorum causa, ibi [1]) illos mater non delicate tractet pecunia, ut taedio victi in externis nationibus religionem ingredi serio meditentur.

9. De reditibus augendis collegiorum.

Serio inculcetur confessariis principum, magnatum et matronarum, ut dum spiritualia illis conferunt [2]) temporalia pro bono communi societatis ab eisdem recipiant [3]). Qua circa non ommittant occasiones acceptandi, dum aliquid offertur, et si differatur, in memoriam revocent, nimium affectum minime prae se ferendo. Qui ex confessariis minus industrii in hac re erunt, tanquam bono communi minus affecti commoveantur [4]) a principibus, domique exagitentur. Magno dolore audivimus, juvenes viduas morte immatura praeventas culpa nostrorum suppellectilem templi [5]) multum [6]) preciosam [7]) nostris non legasse, nec acceptasse, dum superstites viduae offerent, cum ad talia acquirenda non tempus sed voluntas offerentis spectari debeat.

Adeant civium domos, aulas nobilium, nec non viduarum, ex quibus omnibus perquirant

---

[1]) Ita. [2]) Conferant. [3]) Accipiant. [4]) Amoveantur. [5]) Templi опущено. [6]) Multa — ас. [7]) Вставлено templis.

prudenter, num pro animae suo [1]) bono, vel ipsi, vel aliorum [2]) amici aut affines ecclesiis [3]) sint legaturi. Idem perquirendum a parochis et praelatis, qui prius [4]) inducantur ad officia spiritualia facienda, pro [5]) tempore multa nostri possunt lucrari: apud hos [6]) omnes studeant [7]) captare benevolentiam, explicando gratitudinem societatis et fidelem executionem ratione locorum, quoe accipiunt a benefactoribus, secus quam alii soeculares sacerdotes et monachi. Habeant notitiam hortorum, lapideorum, vinearum, civitatum, in quibus resident, pagorum, praediorum, a quibus possessoribus, quibus contractibus, quibus cum gravaminibus teneantur, et num illa bona vel per contractus, vel [8]) receptionem filiorum in societatem, aut donationem habere [9]) possint experiantur.

Devotis et devotabus societatis nostrae, quandoque [10]) bona sua, collegia vendant cum pacto [11]), quod post breve tempus societas gratis eadem sit ab ipsis receptura. Si viduas addictas contingat habere tantum filias, eas dirigant ad religionem monialium dote quacunque eis data. Caetera, uti pagos, clenodia, totamque possessionem nos-

---

[1]) Sual. [2]) Eorum. [3]) Вставлено: aliquid. [4]) Prius — опущено. [5]) Quo. [6]) Homines. [7]) Audeant. [8]) Вставлено: per. [9]) Haberi. [10]) Quoecunque. [11]) Hac spe.

tri facile lucrabuntur. Si autem tantum unum filium aut plures vidua societati nostrae amica habuerit, nulla quoque [1]) spes sit filios vel filium fore in societate, indicetur matri sufficere si integras possessiones filiis vel filio relinquat, at [2]) collectam [3]) pecuniae summam ad [4]) suam propriam dotem [5]) legare societati [6]). Accidit viduas esse unius aut alterius pagi ad pietatem [7]) propensas, societatis studiosissimas [8]), hae inducantur ad inscribenda bona nostris collegiis, ipsae interim contentae sint annuam suscipere contentionem [9]), ut Deo commodius vacent, cura rerum temporalium liberae.

10. De disciplinae rigore ostendendo in societate.

Testabitur disciplinae rigorem ejiciendo a nobis quandocunque [10]) videtur [11]) societati esto sint [12]) cujuscunque conditionis et status senes [13]) juvenes conjunxerint [14]) aetatem et vires [15]), morbo calculi [16]) et alio quocunque [17]) postquam ingressi sunt societatem affecti fuerint. Causae (praeter causas [18]) reser-

---

[1]) Que. [2]) ad. [3]) Collectoe. [4]) et. [5]) Вставлено: posse. [6]) передъ accidit—si. [7]) Societatem. [8]) Studiosas. [9]) Sustentationem. [10]) Quicunque. [11]) Videntur. [12]) Вмѣсто: esto sint — inutiles. Si [13]) senes опущено. [14]) Consumpserint. [15]) Вставлено: si. [16]) Cadenti. [17]) Quoque. [18]) Casus.

vatas [1]), ob quas [2]), pollutione [3]) excepta, licita [4]) erit dimissio) hae erunt dimissionis [5]): si devotas nostras et amicos societati utiles ad alias religiones dirigunt, aut parentibus indicant, sive illis, a quibus impediuntur, ne ingrediantur societatem. Si in resignatione bonorum erga consanguineos affectum ostendunt, non dando totum societati. Prius tamen tales per aliquod annos in societate mortificentur. Fratres in oficiis vilibus ponantur, detineantur in scholis inferioribus, ut ibi doceant, altiora studia praecipue quartus [6]) theologiae annus non concedatur. Capitula frequentius [7]) tempore mensae dentur. Patres prohibeantur a confessionibus excipiendis, arceantur a conversatione externorum, accipiantur res charae ex cubiculis, frequentes poenitentiae publicae assignentur. Hinc erit facile progredi ad dimissionem. Si tales personae notatae in supra dictis vitiis [8]) conquerantur coram provincialibus de immoderatis superioribus aut officialibus [9]), non credatur facile, excusetur factum, dicatur teneri eos obedire superiori ubicunque non est peccatum.

---

[1]) Reservatos. [2]) Quos. [3]) Pollutione пропущено. [4]) Licentia. [5]) Dimissionis опущено. [6]) Aspirantibus. [7]) Frequentia. [8]) Vitiis опущено. [9]) Отъ de до officialibus опущено.

Non sint scrupulosi in dimissione superiores, cum enim ordo noster gaudeat nomine societatis et sociorum, non mirum societati annexam esse dimissionem. Nam societatis et sociorum vincula facilius solvuntur, neque sunt perpetua. Dimissio coepit cum instituto societatis, id evidenter ex eo patet, quia societas habet vota simplicia pro scholasticis, coadjutoribus [1]) formatis [2]), quae vota non habent mutuum contractum, ac si societas habeat obligationem, personas cum talibus votis in societate retinendi [3]) semper. Id autem nequaquam est. Tantum [4]) enim obligatio cadit in foventem [5]), non in societatem, quae potest cum talibus votis quoscunque dimittere, quando et [6]) quocunque [7]) de causa tibi [8]) videbitur [9]). Licet autem in societate alii faciant professionem quatuor votorum, alii trium [10]) solemnium more aliorum monachorum, tamen et tales a societate dimitti possunt.

11. Qualiter se unanimiter praestabunt nostri contra dimissos.

Quoniam tales multum obesse possunt socie-

---

[1]) Вставлено que. [2]) formata. [3]) retinere. [4]) tum. [5]) voventem. [6]) опущено et. [7]) quacunque. [8]) sibi. [9]) videtur. [10]) Вставлено: votorum.

tati proinde obietur [1]) his modis, antequam e societate dimittantur; promit tant [2]) ejusque [3]) rei testimonium relinquant se de societate nihil sinistri dicturos. Praecludant aditum [4]) dimisso [5]) ad eos spirituales et seculares dominos, quorum ipse aucupare [6]) posset gratiam, ibique habere locum. Dicantur malae ejus inclinationes, vitia, defectus, quos de se in manifestatione conscientiae aliquando superioribus aperuerat, et juxta qua [7]) in societate dirigebatur, cedendo in hoc juri [8]) suo. Quod si erunt domini nostris non [9]) addicti, per viros graves nobis addictos curatur impediri favor dimisso apud eum, qui non est affectus nobis, et si non potest induci, ad avertendum animum a dimisso, saltem inducantur a nos fovendum ex omni parte. Scribatur per collegia, quia nam sint dimissi, et [10]) cum exaggeratione causae dimissionis proponantur, de demisso in exhortationibus dicatur, quod iterum ardenter petat ingredi Societatem. Externis [11]) insinuentur causae dimissionis illae, ob quas nos vulgus odio habet. Sic enim plausibilior erit dimissio quorumcunque. Si dimissus habeat creditum

---

[1]) Obvietur. [2]) Praemittatur. [3]) ejus. [4]) Relinquant—aditum опущено. [5]) Передъ dimisso—de. [6]) Occupare. [7]) Quam. [8]) Jure. [9]) non — опущено. [10]) Отъ per до et опущено. [11]) Et aeternae.

contra nos dicendo, obvietur huic rei per nostros graves viros, qui dictis [1]) dimissi opponant auctoritatem [2]) societatis, famam, fructum, quem facit in ecclesia Dei, bonam existimationem vitae et doctrinae ob quae [3]) regibus, principibus et magnatibus sunt a confessionibus, concionibus, explicent zelum nostrum in proximos, multo magis in unumquemque hominem societatis suae. Invitentur ad prandia illi, apud quos dimissus habere videtur partes, quibus persuadendum est, ne faveant dimisso, et teneri eos praesumere de religione. Quo tempore causas dimissionis exponent, omnem eis probabilitatem ostendendo, defectus dimissi omnes enucleate exponendo, nihil omittendo. Esto [4]) dubia aliqua sint, caveant dimissos promovere ad ulla beneficia [5]) ecclesiastica, nisi aut dederint non modicam pecuniam, aut sua bona inscripserint, aut singulari modo testati fuerint, se esse amicos societatis. Id etiam principi et regi persuadeant confessarii, aut collaturi alicui honores, argumentum accipiant ejus [6]) ex liberalitate, et bono affectu ejus in Societatem nostram, fundando ei collegium, aut quid [7]) simile [8])

---

[1]) Edictis. [2]) Aut bonitatem. [3]) Quas. [4]) Etsi. [5]) Officia. [6]) Вставлено: bonitatis. [7]) Quid опущено. [8]) Вставлено: beneficium.

ei praestando. Si contingat dimissos habere favores hominum, diligenter inquiratur in vitam ipsorum, et mores ac defectus [1]), per amicos et devotas nostras ordinis inferioris divulgent [2]). Ipsae ne dimissis faveant, aut [3]) apud se conservent dimissos, terreantur censuris, negetur absolutio si sint pertinaces. Laus dimissi extenuetur argutis propositionibus ambiguisque, ita tamen quod [4]) possint avertere animos hominum a dimisso et ejus fidem minuere; successus mali, qui accidunt dimissis, evulgentur cum magna commiseratione in exhortatione [5]), ut reliqui terreantur, et vel inviti maneant in societate.

12. De delectu juvenum pro societate, modo [6]) eos retinendi.

Summa arte et industria opus est, ut recipiantur juvenes ingenii boni, forma non contemnenda, genere nobiles et opulenti. Ut tales pertrahantur, ostendatur illis favor a scholarum praefectis, non permittantur vexari a praeceptoribus, laudentur crebrius, dentur ipsis munera [7]), accipiantur ad veniam [8]), tractentur fructibus,

---

[1]) Вставлено: qui. [2]) Divulgentur. [3]) et. [4]) ut. [5]) In exhortatione опущено. [6]) Вставлено que. [7]) Manuscula. [8]) Vineam.

in solemnitatibus accipiantur in refectorium [1]). Cum aliis ad virgas descendendum, objicienda crimina ex aliquibus conjecturis, iratus vultus ostendendus, acrius compellandi ac reprehendendi, juvenilis aetas ad omnia mala quod [2]) sit in illis proclivis, ostendatur nisi religiosi fiant damnatione aeterna terrendi. Dum in societatem admitti petunt, non statim admittantur, differantur ad tempus, interim [3]) foveantur [4]), in colloquiis commendetur illis suave institutum. Ita enim magno desiderio crescente, alacrius instabunt admitti. Et si voluerit postea exire aliquis ex talibus, revocetur illi ardens studium [5]), quo ingressum in societatem urgebat.

Quoniam vero maxima est difficultas in alliciendis senatorum filiis et hominum ditiorum in patria, si tales sint, mittantur Romam ad novitiatum, prius tamen praemoneatur [6]) de ipsis generalis aut provincialis Romanus. Quod si in Germaniam, Galliam, Italiam venerint, et societatem affectaverint, sine scrupulo suscipiantur in illis dominiis, in quibus monarcha societati [7]) est addictus. Sub tali enim domino haec et similia erunt peragenda, si quidem illius subditi, cum nostro favore indigeant, non

---

[1]) Accipi possunt ad refectorium. [2]) Quam. [3]) Опущено [4]) Опущено. [5]) Desiderium. [6]) Moneatur. [7]) Опущено.

facile contra nos insurgent, etsi insurgant, nihil lucrabuntur. Non omittantur occasiones inducendi [1]) filios [2]) qui studiorum causa ad nostra gymnasia ex aliis provinciis veniunt, maxime tunc, cum incipiunt pecuniam amittere, et partim pudore amissae pecuniae, partim metu parentum aut affinium, ob molestias, quas timent induci se sinunt. Res habuit bonum successum in Germanis et Polonis. Inconstantiae [3]) occurrendum pro qualitate personae exhortationibus de malo successu dimissorum [4]). Ut vero parentes et affines ingredientium ad nos sint contenti, ostendetur excellentia instituti nostri, et tantus applausus mundi et honor, qui defertur a principibus societati. Insinuent se in intimam familiaritatem ipsorum, reddantque eos contentos, si id necessitas et personae dignitas postulabit.

13. De monialibus.

Caveant offendere moniales nostri confessarii, cum tantae sint benefactrices, ut aliquae fundationem juverint collegiorum, plurimae mediam dotem dederint, annuente monasterio et abba-

---

[1]) Опущено [2]) Вставлено eorum. [3]) Instantiae. [4]) Прибавлено: bonoque vocationis.

tissa. Quare ob clausuram [1]) non eas molestent, relinquant episcopis. Conservent potius [2]) favorem monialium, ne contra nos agant ob dimidiatas dotes, easque exprobrent nostris datas.

14. De casibus reservatis et causis dimittendi a societate.

Praeter causas [3]) descriptas [4]) in instructione, a quibus solus superior absolvet aut ordinarius confessarius cum [5]) ejus licentia (hos [6]) videlicet: sodomiam, fornicationem, adulterium, stuprum, tactus impudicos maris aut feminae, et si quis quacunque ratione moliatur contra societatem qualicunque zelo) sciant esse causas dimissionis a societate, nec prius absolventur, quam [7]) extra confessionem promiserint, se id manifestaturos per se, vel per confessarium superiori. Qui si [8]) advertet [9]) peccat [10]) esse [11]) cum complice, aut in [12]) grave damnum societatis non absolvat [13]), nisi poenitens promittat, aut se ipsum scripturum hac de re generali, aut dederit facultatem scribendi confessario, aut superiori de tali causa. Alias nullo modo ab-

---

[1]) Clausuras. [2]) Utique. [3]) Casus. [4]) Districtos. [5]) ex. [6]) Вставлено casus. [7]) Вставлено prius. [8]) Вмѣсто vel — st, значится: ut si confessarius. [9]) Advertat. [10]) Peccatum. [11]) Опущено. [12]) Опущено. [13]) Absolvet.

solvet poenitentem. Generali [1]) vero casu poenitentis cognito, re collata cum secretario de casu poenitentis, id concludet, quod pro societate expedire videbit et tali poenitenti demissionem ex societate [2]) assignabit, quam si acceptare noluerit, nunquam valide poterit absolvi. Id faciendum conclusimus cum theologis nostris in casibus reservatis et approbatione sedis apostolicae, frustra quibusdam repugnantibus. Taceat tamen confessarius ob id dimittendum a societate poenitentem; si dixerit de se poenitens extra confessionem, dimittatur; si dicere noluerit, servetur cum illo ipsa [3]) ordinatio scripta contra fictos [4]). Interim tamdiu non absolvatur, quam diu noluerit dicere [5]) extra confessionem. Si aliqui ex confessariis nostris audierint, aliquam externam personam cujuscunque sexus cum homine societatis rem turpem habuisse, non eam prius absolvent, quam dicat extra confessionem. Et si dixerit, dimittatur noster, externa persona absolvatur. Si duo e nostris sodomiam committent, qui non manifestabit, dimittatur, qui [6]) prior manifestabit, retineatur in societate, et [7]) ita mortificetur, ut (velit nolit) post, parva interjecta mora, alium

---

[1]) Generalis. [2]) Вмѣсто expedire — societate значится: poenam. [3]) Ipso. [4]) Victos. [5]) Опущено. [6]) Вставлено: vero. [7]) Sed.

sequatur. Poterit etiam societas cum sit corpus quoddam his de causis se exonerare personis, si successu temporis eas deprehenderit esse crassas in moribus et loquela: imo quascunque viderit [1]) superiores causas generali monito, quemlibet a societate dimittent. Et [2]) citius dimittantur, vexentur, fiant omnia contra inclinationes eorum, negentur, quae petunt, esto [3]) res parvae sint, arceantur a studiis majoribus, dentur sub tales superiores, de quibus non sint contenti. Nec tales teneantur in societate, qui vexati insurgent [4]) in superiorem, de eo coram fratribus conqueruntur, aut displicere sibi dicunt, quae fiunt in societate quoad viduas et directionem rerum publicarum, laudantque Venetos, a quibus pulsa societas. Immediate ante dimissionem acriter exagitetur dimittendus, amoveatur a certo officio, et nunc ad hoc, nunc ad illud officium obeundum mittatur interim reprehendatur, quod non bene faciat [5]) officium sibi comissum. Pro levi excessu duriores assignentur poenitentiae, ex cathedra tempore mensae defectus recitentur, ita ut confundatur. Et per id [6]) tempus, dum notabilem in patientiam ostenderit, aliis audientibus et videntibus, tam-

---

[1]) Viderint. [2]) Ut. [3]) Etsi. [4]) Insurgunt. [5]) Отъ officium до faciat опущено. [6]) Idem.

quam is, qui est aliis scandalo, dimittatur, prius tamen res ejus revideantur [1]) et aliquo jubeatur ire ad vineam, vel vicinum collegium, interim, quo in loco minime sperat, in eo dimittatur.

15. Qui [2]) conservari et foveri debeant [3]) ex personis societatis.

Primum locum tenent strenui operarii, qui non modo spirituale societatis bonum, sed etiam [4]) temporale promovent, ut sunt opulentarum viduarum confessarii, qui dum ad decrepitam aetatem accedunt [5]), amoveantur a viduis, et allii ipsis cum recentibus viribus et aetate sufficiantur. His concedantur, quaecunque petent [6]), in cibo, vestitu, aliisque rebus. Hic [7]) vexentur a ministris poenitentiis [8]). Contra tales non sint creduli superiores.

Habeatur et eorum ratio, qui defectus minimos in aliis notatos superiori deferunt, aut positi in officio ministri, subministri, bedelli [9]) alios mortificare sciunt, non ex affectu, sed amore disciplinae religiosae. Foveantur juvenes illi, qui sunt affines nostrorum benefactorum et fun-

---

[1]) Revideatur. [2]) Quis. [3]) Debet. [4]) et. [5]) Perveniunt. [6]) Petunt. [7]) Nec. [8]) Poenitentiariis. [9]) Pedelli.

datorum, quare mittendi ad studia Romam; si studeant in propria provincia, concedantur illis ea, quibus foveri possint.

Fiat gratia etiam illis juvenibus, qui nondum resignationem bonorum fecerunt pro societate, post factum pane non lacte pascendi.

Nec ii postremum locum habeant, qui multos selectos juvenes ad societatem inducunt, tamquam bene affecti instituto societatis.

16. De contemptu divitiarum [1]).

Non [2]) minimum [3]) nobis affectum adscribant divitiarum, juvabit mediocres non admittere eleemosynas pro ordinariis officiis, quae fiunt a nostris. Negentur sepulturae vides [4]) in templis nostris [5]). Cum viduis acrius agant, quae se exhauserunt dando nostris. Idem faciendum cum personis nostris qui pro societate fecerunt resignationem. Imo quandoque [6]) tales dimittantur, aut nihil eis reddendo, aut saltem bene detrahendo ob sumptus a societate eorum causa praestatos.

Haec *privata monita* diligenter servent penes

---

[1]) Вмѣсто этого заголовка: Quid praeterea tum declinandum tum observandum. [2]) Ne. [3]) Nimium. [4]) Вѣроятно: viduis. [5]) Отъ negentur до nostris опущено. [6]) Quomodocunque.

se superiores, et paucis idque [1]) gravibus ea patribus communicent, ex iisque instruant alios, quomodo [2]) serviunt cum fructu societati. Neque ut scripta ab altero, sed ut ex peculiari prudentia deprompta, aliis communicent. Quod si (absit) in manus externorum haec monita veniant, quoniam sinistre ea interpraetabuntur [3]), negentur hoc sensu esse societatis, per istos confirmando e nostris, de quibus certo scitur, eos talia ignorare. Opponantur his privatis monitis generalia monita et ordinationes impressae aut scriptae, his [4]) contrariae. Demum inquiratur, an non ab aliquo e nostris prodita sint, (neque enim superior ullus erit tam negligens in asservandis tantis secretis societatis) et si in aliquem vel leves erunt conjecturae, ille imputetur et ex societate dimittatur.

---

[1]) Eisque. [2]) Quoniam. [3]) Interpretantur. [4]) Вставлено: privatis.

V.

ТАЙНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ ДЛЯ РУКОВОДСТВА ВЪ ОБЩЕСТВѢ ІИСУСА.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО).

1. Въ какомъ видѣ должно Общество выставлять себя, при водвореніи своемъ на новомъ мѣстѣ?

Для того, чтобы расположить и привлечь къ Обществу жителей мѣстности, недавно занятой, много поможетъ объясненіе цѣли Общества, изложенной во второмъ правилѣ краткаго устава: «пещись о спасеніи ближняго не менѣе, чѣмъ о своемъ собственномъ.» Для сего слѣдуетъ исполнять самыя скромныя службы: навѣщать лежащихъ въ страннопріимныхъ домахъ, сидящихъ на гноищѣ, отправляться даже въ отдаленныя мѣста для принятія чьей бы то ни было исповѣди, собирать и раздавать милостыню бѣднымъ, но въ виду другихъ, дабы сіи дѣлались послѣ щедрѣе, назидаемые

нашими поступками. Пусть также усвоиваютъ себѣ всё внѣшнее благочестіе въ такой степени, чтобы ею назидались посторонніе. Прегрѣшающіе хотя бы въ одномъ этомъ должны быть исключаемы изъ нашей среды.

2. Какъ нужно поступать, чтобы привлечь къ себѣ задушевное довѣріе государя и сановниковъ?

Къ этому должно прилагать величайшія старанія. Опытъ научаетъ, что духовные привязываютъ къ себѣ государей, когда они не порицаютъ явно ихъ предосудительные поступки, но стараются объяснить оные въ благопріятнѣйшемъ для нихъ смыслѣ. Это особенно примѣнимо въ случаяхъ заключенія браковъ государемъ съ лицами имъ родственными; подобные браки представляютъ большія затрудненія по причинѣ нерасположенія къ нимъ общественнаго мнѣнія. Посему, когда государи устремляются желаніемъ къ такимъ и подобнымъ цѣлямъ, то слѣдуетъ питать въ нихъ надежду на достиженіе желаемаго. Пусть излагаютъ имъ доводы, могущіе усилить ихъ желанія, напр. такіе, что этотъ бракъ можетъ послужить къ тѣснѣйшему сближенію съ Богомъ, къ вящшему прославленію Его. Равномѣрно, если государь замышляетъ предпринять нѣчто не всѣмъ правительственнымъ лицамъ одинаково пріятное (напр. начать войну), въ такомъ случаѣ должно поощрять его хотѣніе и поддерживать въ немъ

твердость духа; а важнѣйшимъ сановникамъ въ государствѣ внушать и втолковывать, что слѣдуетъ повиноваться волѣ государя. Но при этомъ не надо вдаваться въ подробности, дабы не подвергнуть себя отвѣтственности. Если же бы стали отъ насъ требовать сего (т. е. обсужденія подробностей), то ссылаться намъ на общія правила, воспрещающія намъ это.

Для снисканія расположенія государей полезно также принимать порученія по дѣламъ для нихъ пріятнымъ; располагать къ себѣ подарочками лицъ близкихъ съ государемъ, дабы они въ точности сообщали нашимъ, каковы привычки и нравъ ихъ государя, какими предметами онъ тѣшится и какимъ способомъ можно ему угождать, не нарушая, разумѣется, законовъ правды и совѣсти, и такимъ образомъ вкрадываться при всякомъ удобномъ случаѣ въ душу государей и сановниковъ. Если они ищутъ себѣ женъ, то предлагать имъ дѣвушекъ, которыя вмѣстѣ съ родителями были бы преданы намъ и описывать ихъ государямъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они сами желали бы ихъ видѣть. Такимъ образомъ, мы привлечемъ къ себѣ посредствомъ женъ лица, которыя безъ того были бы намъ чужды. Научили же этому опыты, производимые посредствомъ Австрійскаго дома, въ государствахъ Польскомъ, Французскомъ и прочихъ герцогствахъ и областяхъ.

А для того, чтобы чрезъ непостоянство женщинъ не лишиться ихъ расположенія, должно строго вну-

шать имъ любовь къ нашему обществу, какъ черезъ нашихъ, такъ и черезъ посредство тѣхъ изъ ихъ прислужницъ, которыя преданы нашимъ, дружбу которыхъ надо сохранять разными услугами и подарочками. Такимъ образомъ онѣ будутъ открывать нашимъ самыя завѣтныя тайны своей госпожи и все то, что нашимъ понадобилось бы знать.

Заправляя совѣстію сановниковъ, должно слѣдовать изрѣченіямъ тѣхъ писателей, которые наиболѣе освобождаютъ совѣсть отъ ученія монаховъ (т. е. другихъ монашескихъ орденовъ), дабы, отвергнувши оныхъ, они (сановники) слѣдовали за нами и зависѣли бы отъ нашего управленія и совѣтовъ. Посему, для привлеченія къ себѣ какъ государей и сановниковъ такъ и прелатовъ, полезно дѣлать ихъ соучастниками заслугъ нашего Ордена и имѣть въ своемъ распоряженіи широкія полномочія для отпущенія грѣховъ исключительныхъ и эпитимій, а равно и для разрѣшенія отъ постовъ, отъ обязанности уплачивать долги, для устраненія препятствій къ заключенію браковъ и для освобожденія отъ обязанности исполнять другіе разные обѣты.

Пусть приглашаютъ ихъ (т. е. сановниковъ) въ наши школы, привѣтствуютъ ихъ стихами, посвящаютъ имъ ученыя разсужденія. Если нужно, то угощать ихъ обѣдами; если же того потребуетъ высокое положеніе лица, то пусть во время стола наши братьи привѣтствуютъ его на различныхъ языкахъ.

Противъ нерасположенія со стороны кого либо изъ сановниковъ къ намъ, слѣдуетъ принимать мѣры. Такъ напр. если у монарха, преданнаго намъ, находится на службѣ какое нибудь важное лицо, нерасположенное къ намъ, то обѣщать сему, что мы для него выхлопочемъ различные знаки монаршей милости и почета. Затѣмъ, надо хлопотать о томъ, чтобъ государи и важные господа, а равно и прелаты, до такой степени предались Обществу, чтобы быть готовыми дѣйствовать ради него, даже противъ близкихъ и дорогихъ себѣ лицъ, и ни подъ какимъ видомъ не оказывали бы помощи лицамъ, исключеннымъ изъ Общества. Пусть угрожаютъ сановникамъ лишеніемъ почестей, и когда они будутъ оклеветаны, то поручать нашимъ прислужникамъ встрѣчать ихъ насмѣшливыми стихами, при входѣ въ то мѣсто, гдѣ производиться будетъ надъ ними судъ.

3. Что должны для насъ дѣлать господа, которые, хотя и не имѣютъ денежныхъ средствъ, однако пользуются властью въ государствѣ и могутъ въ другихъ отношеніяхъ содѣйствовать намъ?

Если эти лица свѣтскія, то надо пользоваться ихъ расположеніемъ для содѣйствія противъ нашихъ противниковъ, снисходительностью ихъ въ дѣлахъ тяжебныхъ, вліяніемъ ихъ и властью для покупки полей, домовъ, садовъ и пустырей, для постройки помѣщеній для нашего Общества; преимущественно же въ тѣхъ

городахъ, которые не желаютъ имѣть насъ у себя. Тѣхъ же самыхъ лицъ надо располагать къ тому, чтобы они умиряли, а въ случаѣ даже и подавляли буйство людей низшаго разряда безъ нашего содѣйствія.

Требованія отъ духовныхъ (епископовъ, архіепископовъ и иныхъ), вслѣдствіе различія народностей, должны сообразоваться съ обстоятельствами. Въ нѣкоторыхъ странахъ надо заботиться о томъ, чтобы наши пользовались уваженіемъ со стороны прелатовъ и подвѣдомственнаго имъ приходскаго духовенства, и чтобы они не препятствовали намъ исправлять требы. Въ другихъ же странахъ надо требовать бо̀льшаго, ибо въ Германіи и Польшѣ власть епископовъ очень велика, и они, безъ большаго труда, съ согласія государя, могутъ передавать намъ монастыри, приходы, и другія различными способами основанныя церкви, вступивши конечно въ нѣкоторое состязаніе съ свѣтскими священниками. Того же самаго мы можемъ добиваться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ еретики и схизматики перемѣшаны съ католиками. Епископамъ же слѣдуетъ объяснять, что они чрезъ это принесутъ большую пользу, такъ какъ отъ свѣтскаго духовенства и монаховъ кромѣ знанія службы, ничего ожидать нельзя. Надо хвалить ихъ религіозную ревность и увѣрять, что на-всегда сохранится память о ихъ дѣйствіяхъ. Подобныя же доходныя статьи, т. е. наслѣдованіе Обществомъ бенефицій свѣтскихъ священниковъ, легко можно получать чрезъ тѣхъ епископовъ, которые у насъ исповѣдуются

и зависятъ отъ нашего духовнаго руководства, и которые также надѣятся черезъ наше заступничество достигнуть высшихъ степеней и болѣе доходныхъ епископій.

Пусть наши хлопочутъ о томъ, чтобы епископы, а равно и государи, когда будутъ устроивать наши коллегіи при приходскихъ церквахъ, предоставляли бы исключительно намъ назначеніе въ эти приходы постоянныхъ викаріевъ съ правомъ исполненія пастырскихъ обязанностей. Временно же назначенный начальникъ коллегіи въ послѣдствіи сдѣлается приходскимъ священникомъ, и так. обр. все управленіе церкви перейдетъ въ наши руки. Черезъ нихъ же (т. е. епископовъ и государей) надо добиваться устройства коллегій въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся учители, не расположенные къ намъ, или гдѣ граждане, будь они католики или еретики, препятствуютъ намъ основываться въ своихъ городахъ. Они же должны выхлопатывать для насъ право проповѣдывать въ главныхъ церквахъ значительныхъ городовъ и содѣйствовать намъ при апостольскомъ престолѣ своими письмами, въ случаѣ беатификаціи или канонизаціи кого нибудь изъ нашихъ. Если же кто нибудь изъ этихъ господъ призванъ будетъ къ какому нибудь посольству, то надо этому препятствовать, дабы онъ, познакомившись съ монахами, принадлежащими къ соперничествующимъ съ нами орденамъ, не перенесъ на нихъ свое расположеніе и не ввелъ бы ихъ въ тѣ провинціи, въ которыхъ мы гос-

подствуемъ. Посему, важныхъ лицъ странствующихъ въ мѣстахъ, гдѣ наши уже поселились, должно принимать въ коллегіяхъ и угощать съ монашеской скромностью.

4. Что слѣдуетъ внушать проповѣдникамъ и духовникамъ государей и важныхъ лицъ?

Для того, чтобы правильнымъ образомъ руководить царями и сановниками надо всячески стараться, чтобы это руководство ограничивалось, по-видимому, одной совѣстью государей, которую они сами поручили намъ и такимъ образомъ не вдругъ, но постепенно стремиться къ достиженію вліянія на внѣшнее государственное управленіе.

Для сего часто внушать государямъ, что раздача почестей и отличій въ государствѣ должна быть основана на справедливости, и что нарушающій ее наноситъ тѣмъ оскорбленіе самому Богу; самимъ же намъ должно отказываться принимать какое либо участіе въ администраціи и утверждать при томъ, что мы все это говоримъ неохотно, а только по обязанности своего званія. Когда же государи усвоютъ все это, пусть объяснятъ имъ тогда, какими именно качествами должны отличаться тѣ лица, которыхъ слѣдуетъ призывать къ государственнымъ должностямъ. Лица, могущія быть рекомендованными, должны избираться изъ среды приверженцевъ нашего Общества или изъ тѣхъ, которыхъ

нужно выдвинуть для пользы Общества; но указанія на нихъ государю не должно брать на себя, а предоставлять сію обязанность лицамъ близкимъ какъ къ Обществу, такъ и къ государю. Для сего духовники и проповѣдники (государя) должны имѣть свѣдѣнія отъ нашихъ, какіе, въ какомъ мѣстѣ находятся люди, каковы ихъ качества, власть, богатство, и щедрость къ намъ; списокъ ихъ именъ они должны имѣть при себѣ и при удобныхъ случаяхъ упоминать объ нихъ государю съ похвалою, дабы онъ, когда на то явится случай, скорѣе призывалъ тѣхъ, о которыхъ нѣкогда слышалъ похвалы отъ своихъ духовниковъ и проповѣдниковъ. Да не забываютъ духовники и проповѣдники государей, что съ ними надо обращаться ласково и ни подъ какимъ предлогомъ не налегать на нихъ ни въ проповѣдяхъ, ни въ интимныхъ бесѣдахъ. Конфеты, различные напитки принимать умѣренно, только для своего обихода, и довольствоваться малымъ содержаніемъ. Находясь во дворцѣ, садиться на самыя скромныя мѣста, но (вмѣстѣ съ тѣмъ) осторожно внушать своимъ государямъ, чтобъ они ни на волосъ не уклонялись отъ совѣтовъ своихъ духовныхъ отцевъ.

Должно заботиться о томъ, чтобы какъ можно скорѣе извѣщаться о смерти государственныхъ сановниковъ; при замѣщеніи же ихъ дѣйствовать обдуманно, чтобы не подвергнуться подозрѣнію во вмѣшательствѣ во внѣшнія дѣла, и не брать на себя ходатайствъ

у Государя за своихъ друзей, но поручать это дѣло другимъ.

5. Что дѣлать съ монахами, которые, соперничая съ нами во многихъ занятіяхъ, значительно намъ этимъ вредятъ?

На насъ лежитъ обязанность ревностно служить на пользу человѣческаго рода. По сему должно внушать людямъ, что нашъ Орденъ заключаетъ въ себѣ всѣ совершенства другихъ монашескихъ орденовъ, и что даже въ томъ, что̀ составляетъ специіальность каждаго ордена порознь, наше Общество имѣетъ первенство по своему значенію для Церкви Божіей. За исключеніемъ строгости въ Церк. службѣ и въ образѣ жизни (въ чемъ мы отъ монаховъ отличаемся) все въ Обществѣ превосходнѣе, даже до мелочей. Должно выставлять на видъ недостатки другихъ монаховъ, могущіе служить доказательствомъ того, что они менѣе нашего могутъ удовлетворять въ тѣхъ занятіяхъ, въ которыхъ они съ нами соперничаютъ. Съ особеннымъ же упорствомъ должно дѣйствовать противъ тѣхъ монаховъ, которые задумали бы устроивать школы для воспитанія юношества въ мѣстахъ, гдѣ этимъ наше Общество уже занимается съ достоинствомъ и пользою. Слѣдуетъ объяснять государямъ, что подобные люди причиняютъ только одно разстройство въ государствѣ, свѣтскимъ же профессорамъ указывать на то, что эти монахи бо-

лѣе повредятъ имъ, нежели мы. Государей должно убѣждать въ томъ, что одного Общества достаточно для воспитанія юношества. Если же другіе монахи имѣли бы за себя письма первосвященниковъ или рекомендаціи кардиналовъ, то надо дѣйствовать на первосвященника чрезъ посредство государей и объяснить ему, что Общество хорошо дѣйствуетъ въ своей области, для чего и доставать аттестаты о достоинствѣ своего преподаванія отъ тѣхъ городовъ, гдѣ находятся наши коллегіи. Гражданамъ же надо тщательно внушать, что отъ допущенія различныхъ школъ и преподавателей можно опасаться всяческихъ безпорядковъ, хотя бы даже эти преподаватели были изъ монаховъ. Между тѣмъ въ это время наши должны стараться всѣми силами подвигать впередъ занятія и устроивать публичныя испытанія, для того, чтобы вызвать похвалы отъ постороннихъ лицъ.

6. О томъ; какъ привязывать къ Обществу богатыхъ вдовъ?

Для сего дѣла должно выбирать отцевъ, уже пожилыхъ лѣтъ, но съ свѣжимъ цвѣтомъ липа, и заставлять нашихъ какъ можно чаще навѣщать вдовъ. Если же которая изъ нихъ окажетъ благорасположеніе Обществу нашему, то Обществу, съ своей стороны, слѣдуетъ предлагать ей свои услуги. Если она будетъ принимать ихъ и начнетъ посѣщать наши церкви, то дать ей та-

кого духовника, который хорошо управлялъ бы ею и утвердилъ бы ее въ намѣреніи соблюдать свое вдовство, излагая ей всѣ достоинства онаго, посредствомъ коихъ она можетъ достигнуть высокаго совершенства. Чтобъ дѣло успѣшнѣе шло, надо убѣждать ее уменьшить число своихъ прислужницъ, самимъ же набирать ея домашній штатъ, и предписать управляющему ея имѣніемъ все то, что касается до управленія домомъ, взявши во вниманіе всѣ условія мѣста и лица. Прежде всего духовникъ долженъ достигнуть того, чтобы вдова слушалась его совѣтовъ и слѣдовала его приказаніямъ, принимая ихъ за основаніе своего будущаго духовнаго блага. Предлагать ей частое сообщеніе Св. таинъ, посѣщеніе службы, чтеніе литаній. Два или три раза въ недѣлю должны происходить увѣщанія о благѣ вдовства, о вредѣ втораго брака, и о тѣхъ опасностяхъ и новыхъ тягостяхъ, которыя онъ влечетъ за собою. Въ разговорѣ, шутя, упоминать о тѣхъ благородныхъ особахъ, съ которыми упомянутая вдова не прочь была бы вступить въ бракъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, разсказомъ о ихъ нравахъ и порокахъ, доводить вдову до того, чтобы она совершенно отказалась отъ самой мысли о супружествѣ съ ними. За тѣмъ, когда вдова на столько сроднится съ мыслью о вдовствѣ, то прежде всего предлагать ей произнести монашескій обѣтъ, для того, чтобы, однажды произнесши обѣтъ цѣломудрія, она тѣмъ самымъ закрыла бы себѣ всякій доступъ ко второму браку; въ тоже время надо всячески убѣждать ее, чтобъ

она отослала изъ своего дома юношей, не воздержныхъ въ шуткахъ, чтобъ принимала, какъ можно, менѣе гостей и чтобы угощала ихъ какъ можно хуже. Управляющіе имѣніемъ, казначеи и другіе служащіе должны быть взяты или по нашему желанію, или должны отъ насъ вполнѣ зависить. Достигнувъ такого результата, понемногу слѣдуетъ вызывать вдову на совершеніе добрыхъ дѣлъ, но съ тѣмъ, чтобы она совершала ихъ по указанію своего духовнаго отца.

7. О средствѣ сохранить вдовъ во вдовствѣ и о управленіи ихъ доходами.

Если вдова, кромѣ обыкновеннаго расположенія, докажетъ свою щедрость Обществу подарками драгоцѣнностей или немалой суммы денегъ, то должно сдѣлать ее участницею заслугъ нашего Ордена. Если она произнесла обѣтъ цѣломудрія, то да возобновляетъ она его, по обычаю нашему, два раза въ годъ. Слѣдуетъ изложить ей домашній порядокъ нашего Общества, и если онъ ей понравится, то ввести оный и въ ея домѣ. Предписать ей мѣсячныя исповѣди и кромѣ того исповѣди передъ Господними, Блаж. Дѣвы и Апостольскими праздниками. Должно учреждать синдиковъ (старостъ) для мужчинъ и женщинъ, которые замѣчали бы недостатки дворовыхъ и домашнихъ и сообщали бы обо всемъ хозяйкѣ. Киванія головой, шепоты, тайные разговоры должны быть запрещены, и провинившіеся

должны строго наказываться; въ домѣ должны быть честныя дѣвушки, которыя упражнялись бы въ благочестіи, работая различныя украшенія для храмовъ; надъ собою же онѣ должны имѣть руководительницу, которая наблюдала бы за работающими и научала бы ихъ нравственности. Вдовъ слѣдуетъ часто навѣщать, поддерживать ихъ и поощрять веселыми, но съ духовнымъ направленіемъ бесѣдами. Строго обращаться съ ними на исповѣди непозволительно, развѣ только тогда, когда слаба надежда получить съ нихъ что либо. Полезно также для сохраненія вдовъ, если будутъ дѣлать имъ кое-какія любезности, если напр. дозволятъ имъ имѣть доступъ въ наши дома и бесѣдовать во всякое время съ кѣмъ бы то ни было изъ нашихъ. Не надо позволять имъ выходить изъ дому въ холодъ, или когда онѣ себя не хорошо чувствуютъ. Свадьбы ихъ дочерей можно украшать стихами, сочиненными посторонними (т. е. вольноприходящими) изъ учениковъ. Если же приходится устроить похороны имъ, то надо чтобы обстановка была хотя мрачная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и роскошная и чтобъ гробница не была въ вульгарномъ вкусѣ. Однимъ словомъ надо дѣлать все то, что̀ пріятно для чувственности вдовъ (лишь бы только онѣ были щедры и предались душой Обществу), съ осторожностью однако и избѣгая соблазна.

Что касается до управленія доходами, какіе имѣютъ вдовы, то надо имъ предлагать какъ образецъ то досто-

хвальное совершенство состоянія святыхъ мужей, когда они, забывая друзей, раздавали свое имущество бѣднымъ о Христѣ Іисусѣ; приводить примѣры вдовъ, которыя, поступая такимъ образомъ, въ скоромъ времени попали во святыя. По сему, когда вдовы отдаютъ себя въ наши руки, съ готовностью подчиняться управленію отца духовнаго, то надо строго имъ внушать, что ихъ дѣйствія будутъ имѣть большее достоинство предъ Господомъ, если онѣ не будутъ раздавать милостыни безъ вѣдома духовника, даже монахамъ, не записавши тѣхъ, кому рѣшились подать милостыню; будутъ представлять этотъ списокъ духовнику, который имѣетъ право вычеркнуть изъ него или прибавить кого хочетъ.

Да остерегаются духовники давать другимъ монахамъ возможность частаго доступа къ вдовамъ, дабы они за собою не увлекли женщинъ характера непостояннаго. Дабы вдовы не были подстрекаемы ко второму браку избыткомъ скопленныхъ ими богатствъ, духовники должны предлагать имъ и даже убѣждать, чтобы онѣ назначали постоянныя пособія для ежегоднаго покрытія недостатковъ нашихъ коллегій и домовъ профессовъ, въ особенности же Римской профессы. Пусть онѣ также употребляютъ свои деньги на устройство ризъ и церковныхъ украшеній, которыя послѣ смерти вдовъ могутъ служить для нашихъ храмовъ. Слѣдуетъ излагать передъ вдовами недостатки нашихъ храмовъ и недоконченность постройки коллегій и побуждать ихъ

дѣлать расходы на предметы, могущіе на вѣки прославить ихъ, каковы храмы, сосуды и зданія; таковыя же надо намѣренно скорѣе закладывать, дабы онѣ имѣли на чемъ изливать свои щедроты. Тоже самое надо дѣлать и съ благотворительными лицами и государями, чтобы побудить ихъ построить для насъ какія нибудь великолѣпныя зданія.

Если подарки состоятъ изъ каменій и если даютъ ихъ вдовы къ гробамъ нашихъ Римскихъ святыхъ, то надо убѣждать, что сіи вещи сохранятся неприкосновенно на вѣки и доказывать это примѣрами пожертвованій, сдѣланныхъ въ прежнее время другими женщинами. Слѣдуетъ тоже объяснять имъ, что этимъ способомъ онѣ достигнутъ высшаго совершенства, такъ какъ, отрекаясь отъ привязанности къ земнымъ предметамъ, онѣ тѣмъ самымъ отдаютъ ихъ во владѣніе самаго Господа Іисуса, въ лицѣ слугъ Его собственнаго Общества. Даже, если бы онѣ пожелали пожертвовать своихъ сыновей и дочерей на служеніе Богу, то не должно пренебрегать и подобною щедротою, а принимать все то, что̀ жертвуется.

Однако надо умѣреннѣе брать отъ вдовъ, которыя готовятъ своихъ сыновей и дочерей къ свѣтской жизни.

8. О средствахъ, какими можно побудить сыновей и дочерей нашихъ приверженницъ къ принятію духовнаго званія.

Съ мягкостью, но твердо, должно внушать сіе вдовѣ-матери. Пусть она притѣсняетъ дочерей, употребляетъ

въ дѣло розги, угрозы, лишенія, крутое обращеніе, отказыванія въ изящныхъ женскихъ украшеніяхъ, обѣщаніе большаго приданаго, если только согласятся онѣ (дочери) принять монашество; пусть описываетъ имъ въ преувеличенномъ видѣ гнѣвъ будущаго мужа, обузы брачной жизни, и пусть мать выражаетъ при нихъ свое сожалѣніе о томъ, что сама не была инокинею. Однимъ словомъ пусть мать дѣйствуетъ такимъ образомъ относительно своихъ дочерей, чтобы тягость пребыванія съ нею пробудила въ нихъ стремленіе къ монашеству. Съ мальчиками наши должны обращаться дружески. Пусть допускаютъ ихъ въ коллегіи, въ которыхъ показывать имъ все то, что можетъ ихъ подвинуть къ поступленію въ наше Общество, какъ напр. сады близкіе къ коллегіямъ, въ которыхъ совершаются рекреаціи. Въ рефекторіяхъ должно выставлять на видъ чистоту и опрятность и внѣшнюю свободу отношенія между своими; но вмѣстѣ съ тѣмъ не надо забывать подарочки и шутливые разговоры для возбужденія смѣлости въ нихъ (т. е. мальчикахъ). При такихъ вдовьихъ сыновьяхъ пусть находятся воспитатели, расположенные къ намъ, даже такіе которые предназначены вступить въ нашу среду. Вдова же должна на нѣкоторое время ограничивать сына даже въ необходимомъ, — ссылаясь на стѣсненныя свои обстоятельства. Если же они пойдутъ въ другія области, науки ради, то пусть мать не балуетъ ихъ тамъ въ денежномъ отношеніи, дабы, утомясь скукою на чу-

жой сторонѣ, они серіозно подумали о поступленіи въ Орденъ.

9. О томъ, какъ увеличивать доходъ Коллегій.

Строго внушать духовникамъ государей, сановниковъ и матронъ, чтобы они старались получить отъ нихъ для общей пользы Общества мірскія блага, взамѣнъ тѣхъ духовныхъ благъ, которыми они ихъ снабжаютъ. Вслѣдствіе сего да не опускаютъ они случаевъ брать что-либо, когда даютъ, и пусть напоминаютъ, если замедляется исполненіе обѣщаннаго, но ни подъ какимъ видомъ не выказывать при семъ излишней алчности. Менѣе искусные въ семъ дѣлѣ духовники должны быть отстранены отъ государей, съ назначеніемъ имъ занятія дома. Съ глубокимъ прискорбіемъ слышали мы о томъ, что нѣкоторыя молодыя вдовы, по нашей собственной винѣ, вслѣдствіе безвременной смерти, не успѣли завѣщать для нашихъ храмовъ много драгоцѣнныхъ вкладовъ, и что даже не принимали этихъ вещей, когда ихъ предлагали наслѣдники вдовъ, тогда какъ при подобныхъ пріобрѣтеніяхъ надо обращать вниманіе не на время приношенія, а на желаніе приносящаго.

Пусть ходятъ (наши) по домамъ гражданъ, по дворамъ государей, а равно и вдовъ, и пусть вездѣ и отъ всѣхъ осторожно спрашиваютъ, не намѣрены ли они сами или ихъ друзья и родственники оставить что ни-

будь для храмовъ. Слѣдуетъ также просить приходскихъ священниковъ и прелатовъ, чтобы они рекомендовали пасъ для исполненія духовныхъ требъ, такъ какъ въ это время (т. е. исполненія требъ) можно не мало поживиться. Надо стараться пріобрѣтать расположеніе всѣхъ людей, указывая имъ на благодарность Общества, и на то, что воля благотворителей, относительно распредѣленія пожертвованія, будетъ исполнена нами въ точности, не такъ какъ дѣлаютъ это свѣтскіе священники и монахи. При этомъ надо имѣть списокъ того, какіе у кого сады, каменоломни, виноградники и въ какомъ кто живетъ городѣ; также надо имѣть списокъ имѣній и недвижимыхъ имуществъ съ означеніемъ, кому они принадлежатъ и на какихъ условіяхъ и и за какую плату отданы въ аренду; и о томъ слѣдуетъ развѣдать, нельзя ли эти имущества притянуть къ себѣ, либо посредствомъ условій, либо черезъ принятіе въ Общество дѣтей, или наконецъ черезъ пожертвованіе.

Коллегіи могутъ продавать нѣкоторыя изъ своихъ имѣній приспѣшникамъ и приспѣшницамъ нашего Общества, съ такимъ условіемъ, что Общество послѣ извѣстнаго времени получитъ ихъ обратно даромъ. Если же случится преданнымъ Обществу вдовамъ имѣть однихъ только дочерей, то пусть онѣ направляютъ ихъ къ монашеству, давши имъ какое нибудь приданое; остальное же какъ то: земли, драгоцѣнности и наконецъ все имущество легко можетъ достаться нашимъ. Если

же у вдовы, преданной нашему Обществу, одинъ только сынъ или нѣсколько, но нѣтъ надежды залучить ихъ въ Общество, то надо объяснить вдовѣ, что совершенно достаточно, если она оставитъ въ цѣлости своимъ сыновьямъ или сыну недвижимое имущество, а собранныя ею наличныя суммы передастъ Обществу въ качествѣ вклада за самое себя. Случается, что нѣкоторыя вдовы, очень преданныя нашему Обществу, назначаютъ доходы какого нибудь имѣнія для благотворительной цѣли; таковыхъ надо убѣждать, чтобы онѣ совершенно отдавали свои имѣнія нашимъ коллегіямъ, а сами между тѣмъ довольствовались бы полученіемъ годоваго содержанія, дабы удобнѣе служить Богу, избавившись отъ попеченія о мірскихъ дѣлахъ.

10. О необходимости выставлять на видъ строгость дисциплины въ Обществѣ.

Строгость дисциплины должна доказываться правомъ Общества изгонять изъ своей среды во всякое время кого бы то ни было и какого бы онъ ни былъ состоянія, не обращая вниманія на то, юноша онъ или старикъ, соединяетъ ли онъ въ себѣ молодость и силу, разслабленъ ли онъ болѣзнью или чѣмъ инымъ, хотя бы онъ подвергся этому даже послѣ вступленія въ Общество.

Поводы къ изгнанію (не говоря о случаяхъ особен-

ныхъ, при которыхъ, кромѣ случая оскверненія, безъ того позволительно исключеніе) слѣдующіе: если кто посовѣтуетъ преданнымъ намъ женщинамъ или друзьямъ нашего Общества вступить въ другіе монашескіе ордена или если подстрекаетъ родителей ихъ или лицъ, отъ которыхъ они находятся въ зависимости, къ тому, чтобы помѣшать имъ вступить въ Общество; если кто при отреченіи отъ своего имущества выкажетъ расположеніе къ родственникамъ и не отдастъ всего Обществу. До изгнанія надо однако подобныхъ лицъ подвергать въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ униженіямъ. Братьевъ надо отдавать въ самыя низкія должности, оставлять ихъ въ низшихъ школахъ, чтобы они тамъ преподавали, но не допускать ихъ до высшихъ наукъ, особенно же до слушанія четвертаго курса богословія, какъ можно чаще заставлять ихъ читать во время стола. Отцевъ же надо лишать права исповѣди, удалять отъ бесѣды съ посторонними, устранять изъ ихъ комнатъ цѣнныя вещи и часто налагать на нихъ публичныя эпитимьи. Отсюда не труденъ переходъ къ совершенному изгнанію. Если подобныя лица, замѣченныя въ вышеупомянутыхъ порокахъ, вздумаютъ жаловаться провинціаламъ на невоздержность начальниковъ или оффиціаловъ, то не должно легко вѣрить имъ; фактъ ими приводимый надо стараться объяснять въ лучшемъ смыслѣ и говорить, что они обязаны во всемъ, что не есть грѣховно, повиноваться начальнику.

Начальствующія лица не должны быть слишкомъ

совѣстливы въ дѣлѣ исключенія, ибо, такъ какъ нашъ Орденъ носитъ названіе Общества и состоитъ изъ сочленовъ, то не удивительно, что ему какъ Обществу принадлежитъ право исключенія изъ своей среды; ибо узы, связывающія Общество съ сочленами онаго, очень легко могутъ быть расторгнуты и вовсе не суть важны.

Право изгнанія изъ своей среды принадлежитъ Обществу по самому его основанію, и это явствуетъ изъ того, что въ Обществѣ существуютъ только простые обѣты для поступающихъ въ него, и эти обѣты не составляютъ обоюднаго обязательства; такъ что лица, съ которыми Общество вступило бы въ обязательство, должны бы навсегда въ немъ оставаться. Но этого никогда быть не можетъ. Обѣтъ связываетъ только лицо давшее его, а не Общество, которое во всякое время можетъ прогнать кого бы то ни было съ его обѣтами. Хотя бы въ Обществѣ были лица произнесшія всѣ четыре или три торжественные обѣта, по обычаю другихъ монаховъ, однако и таковые могутъ быть Обществомъ отосланы.

11. Какимъ образомъ единодушно дѣйствовать противъ исключенныхъ.

Такъ какъ подобные люди могутъ сильно вредить Обществу, то надо слѣдующимъ образомъ связать ихъ, прежде нежели они будутъ совершенно исключены. Должно брать съ нихъ обѣщаніе, подкрѣпляемое ве-

щественнымъ доказательствомъ въ томъ, что они ничего дурнаго не будутъ говорить объ Обществѣ. Преграждать исключенному доступъ къ духовнымъ и свѣтскимъ сановникамъ, расположеніе коихъ онъ могъ бы пріобрѣсти и получить у нихъ мѣсто; для сего разсказывать его дурныя наклонности, пороки, недостатки, о которыхъ онъ прежде, открывая свою совѣсть, сообщалъ начальникамъ и сообразно съ которыми его въ Обществѣ руководили. Если же эти сановники не расположены къ намъ, то надо стараться чрезъ лицъ вліятельныхъ и преданныхъ противудѣйствовать ихъ благосклонности къ исключенному; если же не успѣютъ они въ этомъ, то по крайней мѣрѣ, надо хлопотать о томъ, чтобы они намъ во всемъ содѣйствовали. Въ тоже время надо сообщить во всѣ коллегіи, за что такой-то удаленъ и всячески преувеличивать причины его изгнанія; въ поученіяхъ же надо разглашать, что изгнанный горячо желаетъ вторичнаго принятія въ Общество. Постороннихъ же лицъ надо увѣрять, что причиною къ изгнанію послужило то самое, въ чемъ насъ самихъ обвиняетъ чернь (толпа). Такимъ способомъ можно оправдать изгнаніе кого бы то ни было. Если бы случилось, что изгнанный снискивалъ себѣ довѣріе говоря противъ насъ, то въ такомъ случаѣ надо этому противодѣйствовать черезъ нашихъ вліятельныхъ мужей, которые должны будутъ опровергать росказни исключеннаго, противопоставляя имъ вліяніе Общества, репутацію его, пользу приносимую имъ церкви Божьей,

хорошую репутацію и чистое ученіе его членовъ, за что они призываются быть духовниками и проповѣдниками при государяхъ и сановникахъ; къ тому же они должны объяснять нашу любовь къ ближнимъ, а въ особенности же къ каждому члену нашего Общества. Лицъ, на которыхъ изгнанный имѣлъ бы вліяніе, должно приглашать на пиры, убѣждать ихъ, чтобы они не помогали ему и стараться расположить ихъ въ пользу Ордена. Въ это время (т. е. пира) излагать имъ причины изгнанія, доказывая всю основательность сего чрезъ подробное указаніе недостатковъ изгнаннаго, хотя бы и не всѣ они были достовѣрны. Всячески избѣгать назначенія изгнаннаго на какія нибудь духовныя бенефиціи, если только онъ не пожертвуетъ немалую сумму, или не переведетъ на имя Общества свое имущество, или особеннымъ образомъ не докажетъ свое расположеніе къ Обществу. Тоже самое должны духовники внушать государямъ и сановникамъ, дабы они не иначе давали повышенія кому бы то ни было, какъ только удостовѣрившись въ его качествахъ и въ его щедрости и любви къ нашему Обществу, доказанныхъ устройствомъ для него Коллегій или оказаніемъ ему какой нибудь другой услуги. Если посчастливится исключеннымъ въ пріобрѣтеніи общаго расположенія, то надо тщательно слѣдить за ихъ образомъ жизни и разглашать ихъ пороки и недостатки черезъ нашихъ друзей и чрезъ преданныхъ намъ женщинъ нисшаго разряда. Но дабы эти послѣднія не вздумали оказывать распо-

ложенія къ исключеннымъ или держатъ ихъ у себя, то надо запугивать ихъ эпитиміями, въ случаѣ же упорства отказывать имъ въ отпущеніи грѣховъ. Репутацію изгнаннаго надо стараться подрывать колкими и двусмысленными выраженіями о немъ, дабы такимъ образомъ отвратить отъ него расположеніе людей и уменьшить то довѣріе, которымъ онъ пользуется. Несчастіе, которое случилось бы съ исключеннымъ, надо разглашать въ проповѣдяхъ съ видомъ величайшаго о немъ соболѣзнованія, дабы прочіе устрашались и оставались въ Обществѣ, хотя бы противъ воли.

12. О расположеніи юношей къ Обществу и о средствахъ удержать ихъ въ немъ.

Должно употреблять въ дѣло все искусство и всѣ усилія, чтобы привлекать юношей благонравныхъ, красивой наружности, принадлежащихъ къ хорошимъ семействамъ и съ хорошимъ состояніемъ. Дабы заманивать таковыхъ, префекты училищъ должны оказывать имъ особенное расположеніе, не позволять преподавателямъ оскорблять ихъ, какъ можно чаще хвалить, давать имъ маленькіе подарки, допускать ихъ въ садъ и угощать тамъ плодами, въ торжественныхъ же случаяхъ приглашать ихъ къ общему столу. Съ прочими же должно доходить и до розогъ, обвинять ихъ въ различныхъ проступкахъ на основаніи однихъ догадокъ, показывать имъ всегда строгій видъ, строжайше при-

нуждать ихъ къ занятіямъ и наказывать; наконецъ надо указывать имъ на то, что юношескій возрастъ склоненъ увлекаться всѣмъ дурнымъ и пугать ихъ тѣмъ, что они совершенно погибнутъ, если не поступятъ въ Орденъ. Когда же станутъ они просить о принятіи въ Общество, то допускать ихъ не сразу, а съ отсрочкою; между тѣмъ надо ихъ поощрять и въ разговорахъ восхвалять благодатное учрежденіе Ордена. Вслѣдствіе сего желаніе ихъ станетъ еще сильнѣе, и они съ возрастающею ревностью будутъ просить о принятіи. Впослѣдствіи, если кто нибудь изъ нихъ вздумалъ бы выдти, можно будетъ припомнить ему то пылкое желаніе, съ которымъ онъ искалъ принятія въ Общество.

Поелику величайшее затрудненіе состоитъ въ привлеченіи дѣтей сенаторовъ и богатыхъ людей, то таковыхъ, если они имѣются, должно посылать въ Римъ, въ новиціатъ, предупредивъ однако напередъ генерала или Римскаго провинціала. Если же бы случилось имъ придти въ Германію, Галлію или Италію и тамъ сойтись съ Обществомъ, то въ такихъ странахъ, гдѣ государь преданъ Обществу, можно смѣло принимать ихъ въ Орденъ. При такомъ властителѣ подобныя вещи можно совершать, такъ какъ подданные его, нуждаясь въ нашей помощи, не легко рѣшатся возстать противъ насъ, если же и возстанутъ, то не будутъ въ прибыли. Не должно упускать случаевъ завлекать сыновей такихъ лицъ (т. е. сенаторовъ и богачей), которые ради

занятій поступаютъ въ наши гимназіи изъ другихъ странъ, особенно же въ то время, когда они начинаютъ тратить деньги и тогда легко даются на приманку, вслѣдствіе того, что отчасти стыдятся своихъ растратъ, отчасти же опасаются наказаній со стороны родителей или ближнихъ. Этотъ способъ имѣлъ хорошій успѣхъ между Германцами и Поляками. Непостоянству же должно противодѣйствовать, смотря по значительности лица, увѣщаніями о плохомъ успѣхѣ исключенныхъ. Для того, чтобы удовлетворить родителей и родственниковъ поступающихъ къ намъ, надо превозносить въ ихъ глазахъ почести нашего учрежденія и указывать на сочувствіе къ нему всего міра и на почетъ, которымъ его осыпаютъ государи. Если же того требуютъ обстоятельства и значеніе этихъ лицъ (т. е. родственниковъ и родителей), то надо стараться добиться ихъ интимности и какъ нибудь да удовлетворить и успокоить ихъ.

13. О монахиняхъ.

Наши духовники должны всячески остерегаться оскорблять монахинь, такъ какъ между ними было столько благодѣтельницъ (для насъ), что нѣкоторыя даже помогали устройству Коллегій, а очень многія съ согласія своего монастыря и игуменьи отдавали намъ половину всего своего приданаго. Посему не должно затрогивать вопроса о затворничествѣ и оставлять это

дѣло на усмотрѣніе епископовъ. Надо скорѣе заискивать расположеніе монахинь, чтобы онѣ не стали искать съ насъ эти половинныя приданыя, и не попрекали себя за то, что отдали ихъ намъ.

14. Объ исключительныхъ случаяхъ и о причинахъ изгнанія изъ Общества.

Кромѣ случаевъ изложенныхъ въ инструкціи, въ которыхъ разрѣшать можетъ только суперіоръ, или обыкновенный духовникъ по данному ему праву, пусть знаютъ, что есть еще причины (именно: содоміи, блуда, прелюбодѣянія, распутства, нескромныхъ прикосновеній мужчины и женщины, или если кто нибудь затѣетъ что либо противъ Общества съ какой либо цѣлью) исключенія изъ Общества, и что не прежде можно разрѣшать согрѣшившихъ въ такомъ родѣ, пока они не дадутъ внѣ исповѣди обѣщанія: объявить объ этомъ суперіору или лично, или черезъ посредство духовника. Если же духовникъ узнаетъ, что преступленіе сдѣлано въ сообществѣ, или что оно влечетъ за собою большой вредъ для Общества, то онъ не долженъ давать разрѣшенія, пока не получитъ отъ кающагося обѣщанія, что онъ либо самъ напишетъ объ этомъ генералу, или дастъ право написать духовнику или суперіору. Иначе же ни подъ какимъ видомъ не долженъ онъ разрѣшать кающагося. Когда же генералъ получитъ извѣщеніе о проступкѣ кающагося, то

онъ долженъ разобрать дѣло съ секретаремъ, и положить рѣшеніе согласное съ интересомъ Общества и предписать покаявшемуся удаленіе изъ Общества съ условіемъ, что разрѣшеніе никогда не получитъ законной силы, если онъ на удаленіе не согласится. Такъ поступать въ исключительныхъ случаяхъ рѣшились мы по указанію нашихъ богослововъ, и съ согласія апостольской каѳедры, не смотря на пустыя возраженія нѣкоторыхъ. Духовникъ однако долженъ скрывать отъ кающагося, что его за это исключатъ; когда же онъ принесетъ покаяніе внѣ исповѣди, тогда исключить его; если же онъ не признается, то поступать съ нимъ на основаніи положенія о ложной исповѣди. Между тѣмъ, пока онъ не признается въ своей винѣ на исповѣди, до тѣхъ поръ не давать ему разрѣшенія. Если кто либо изъ нашихъ духовниковъ услышитъ, что постороннее лицо, какого бы то ни было пола, вступило въ непозволительныя отношенія съ членомъ нашего Общества, не прежде можетъ онъ дать этому лицу разрѣшеніе, пока не сдѣлаетъ онъ признанія внѣ исповѣди. Когда же это признаніе будетъ сдѣлано, то признавшемуся преподать разрѣшеніе, а нашего исключить изъ Общества.

Если двое изъ нашихъ совершатъ содомію, то не признавшагося исключать, того же, который первый сознается, должно оставить въ Обществѣ, но съ тѣмъ, чтобы чрезъ постоянныя униженія и оскорбленія вскорѣ довести его до добровольнаго удаленія. Общество мо-

жетъ впрочемъ, не смотря на вышеизложенныя причины, избавлять себя отъ тѣхъ лицъ, которыя въ теченіи времени оказались бы вообще невоздержными въ жизни и въ рѣчахъ. Суперіоры могутъ даже, увѣдомивши о томъ генерала, исключать кого бы то ни было, по какой бы то ни было причинѣ. Для того, чтобы скорѣе выжить этихъ лицъ, надо подвергать ихъ оскорбленіямъ, дѣлать имъ всѣ возможныя непріятности, отказывать въ ихъ просьбахъ, и если этого мало, то лишать ихъ всякихъ серіозныхъ занятій и отдавать ихъ подъ управленіе такихъ начальниковъ, которыми они были бы недовольны. Въ Обществѣ также не слѣдуетъ терпѣть такихъ лицъ, которыя вздумали бы, въ случаѣ оскорбленія со стороны начальниковъ, возставать противъ нихъ, жаловаться на нихъ въ присутствіи остальной братіи, выражать свое неудовольствіе на то, что̀ въ Обществѣ дѣлается относительно вдовъ и управленія общественными дѣлами, или вздумали бы хвалить Венеціанцовъ, изгнавшихъ отъ себя Общество. Передъ самымъ изгнаніемъ изъ Общества исключаемаго надо всячески тормошить, удалять его отъ обычной должности, посылать по разнымъ дѣламъ, то туда, то сюда, и постоянно упрекать его за плохое исполненіе возложеннаго на него порученія. За малѣйшіе проступки подвергать его строжайшимъ наказаніямъ, за обѣдомъ во всеуслышаніе разсказывать всѣ его недостатки и тѣмъ приводить его въ совершенное смущеніе, дабы въ ту минуту, когда онъ начнетъ при всѣхъ выказы-

вать явное нетерпѣніе, имѣть возможность его удалить подъ видомъ того, что онъ служитъ соблазномъ для другихъ. Подвергнувъ прежде всего осмотру его вещи, должно за тѣмъ дать ему приказаніе идти куда нибудь, либо въ садъ, либо въ ближайшую коллегію, и объявить ему исключеніе въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ менѣе всего ожидалъ бы этого.

15. Кого изъ членовъ Общества слѣдуетъ сохранять и поощрять?

Между ними первое мѣсто занимаютъ тѣ мощные дѣятели, которые пріобрѣтаютъ Обществу не только духовныя, но и временныя блага, таковы напр. духовники богатыхъ вдовъ. Когда таковые достигнутъ дряхлой старости, слѣдуетъ ихъ отъ вдовъ удалять и подставлять другихъ свѣжихъ силами и молодостью; отставнымъ же надо давать все, чего бы они ни пожелали, относительно пищи, одежды и всего остальнаго. Не должно позволять духовникамъ притѣснять ихъ, а суперіоры не должны быть легковѣрны на ихъ счетъ.

Не должно забывать и тѣхъ, которые сообщаютъ начальнику малѣйшіе проступки, замѣченные ими въ другихъ или тѣхъ, которые, занимая какую нибудь должность, умѣютъ унижать другихъ, не по природной наклонности къ этому, а изъ преданности къ Орденской дисциплинѣ. Слѣдуетъ поощрять и юношей, находящихся въ родствѣ съ нашими благотворителями и

вкладчиками; по сему посылать ихъ для занятій въ Римъ. Если же они занимаются въ своей провинціи, то давать имъ все чѣмъ можно ихъ поощрить.

Должно оказывать снисходительность даже и тѣмъ юношамъ, которые еще не успѣли пожертвовать свои имущества Обществу; по совершеніи же сего акта можно ихъ будетъ «кормить уже не молокомъ, а хлѣбомъ» (пословица, означающая перемѣну въ обращеніи).

Да не занимаютъ послѣдняго мѣста и тѣ, которые умѣютъ привлекать въ Общество многихъ избранныхъ юношей, какъ лица вполнѣ преданныя институту Общества.

16. О презрѣніи къ богатствамъ.

Чтобы избавиться отъ упрёка въ излишней любви къ богатствамъ, полезно будетъ не принимать мелкихъ подаяній за обыкновенныя требы исполняемыя нами; не давать мѣстъ для погребенія въ нашихъ храмахъ; рѣзко обращаться съ вдовами, истощившими свое состояніе пожертвованіями для насъ; также точно должно поступать и съ тѣми изъ нашихъ членовъ, которые уже сдѣлали отреченіе въ нашу пользу. Въ случаѣ же исключенія ихъ не слѣдуетъ ничего имъ возвращать, или по крайней мѣрѣ вычитывать съ нихъ хорошую сумму за расходы, сдѣланные для нихъ Обществомъ.

Суперіоры должны тщательно сохранять при себѣ сіи Тайныя Наставленія и открывать ихъ лишь немногимъ, и то надежнымъ отцамъ. Остальныхъ же должны они наставлять, на основаніи сего, тому, какъ служить на пользу Общества. Притомъ же сообщать ихъ другимъ могутъ они только подъ видомъ результатовъ, извлеченныхъ изъ собственной опытности, а не какъ чужое произведеніе. Если же эти увѣщанія попали бы (чего да не будетъ!) въ руки постороннихъ лицъ, которыя будутъ объяснять ихъ съ дурной стороны, то въ такомъ случаѣ надо отрицать, чтобы они были согласны съ духомъ Общества, подтверждая сіе увѣреніемъ тѣхъ изъ нашихъ членовъ, которымъ происхожденіе оныхъ совершенно не извѣстно; надо противупоставлять этимъ Тайнымъ Наставленіямъ противуположныя имъ, рукописныя или печатныя, общія наставленія и распоряженія. За тѣмъ должно сдѣлать дознаніе, не оглашены ли они кѣмъ либо изъ нашихъ (да не будетъ ктолибо изъ начальствующихъ столь небреженъ въ сохраненіи такихъ важныхъ тайнъ Общества); если же возникнутъ малѣйшія на кого нибудь подозрѣнія, то зачесть ему сіе въ вину и исключить его изъ Общества.

VI.

ПОЛЬСКІЙ КАТИХИЗИСЪ.

Польскій Катихизисъ, это плачевное практическое примѣненіе ученія Іезуитскаго, сдѣлался впервыя извѣстенъ въ Русской печати во время послѣдняго Польскаго мятежа 1863 и слѣдующихъ годовъ. Перепечатываемъ его изъ тогдашнихъ Русскихъ газетъ.

П. Б.

Въ настоящій великій часъ возрожденія нашей возлюбленной ойчизны, каждый, считающій себя ея вѣрнымъ сыномъ, обязанъ по силамъ своимъ и средствамъ, приносить посильную лепту на алтарь отечества и поддерживать на немъ ту божественную искру, которая всегда сохраняла народъ польскій во всѣхъ его тяжкихъ бѣдствіяхъ и приготовляла его къ новому, великому возрожденію, на погибель злостныхъ и коварныхъ враговъ.

Искра сія въ настоящее время еще тлѣетъ, но настанетъ время, когда она вспыхнетъ, съ великимъ пламенемъ охватитъ всю вселенную, и народъ польскій, какъ чудная Саламандра, возрожденный и облистанный

огнемъ своего патріотизма, явится освободителемъ угнетенныхъ націй и представителемъ цивилизующей европейской миссіи. Время это настанетъ, но надо вооружиться терпѣніемъ, твердостію характера и силою воли. Вспомнимъ, братья, что Финикія и Венеція владѣли міромъ не силою оружія, но умомъ, просвѣщеніемъ и богатствомъ; послѣдуемъ ихъ примѣру и будемъ наблюдать предлагаемыя здѣсь правила, составленныя человѣкомъ опытнымъ и преданнымъ своей родинѣ безпредѣльно.

Польша нынѣ является, по преимуществу, страною для торговли и цивилизаціи. Была пора владычества Польши силою ея непобѣдимаго и славнаго оружія; но судьбы Божіи неисповѣдимы; теперь предстоитъ ей владычество надъ тѣми странами силою ума, торговли и просвѣщенія. Взгляни на Англію: нація исключительно торговая, сильнѣйшая въ мірѣ и владычица всего міра. Англія на морѣ,—Польша на сушѣ. У Англіи колоніи все ея богатство, но онѣ удалены; у Польши есть своя Индія: Украйна и Литва; колоніи эти съ Польшею составляютъ одно цѣлое и, при умѣ и знаніи вести дѣло, никогда въ матеріальномъ отношеніи не будутъ отъ нея отторгнуты. Мы предлагаемъ нашимъ братьямъ по крови и вѣрѣ принять слѣдующіе небезполезные для нихъ совѣты, для болѣе единообразнаго дѣйствованія къ достиженію общей цѣли.

1. Въ забранныхъ краяхъ помѣщики должны стараться всѣми мѣрами не выпускать изъ рукъ своихъ

имѣній, а если необходимость заставитъ разстаться съ ними, то продавать своимъ только соотечественникамъ, или въ крайнемъ случаѣ, жидамъ; но не давать развиваться тамъ русскому элементу. Помогать во всѣхъ нуждахъ своимъ братьямъ; русскимъ же помѣщикамъ дѣлать всякаго рода непріятности, ничего имъ не продавать и не покупать у нихъ и т. д. Заводить съ ними процессы, кои легко будутъ ими проигрываемы, по случаю занятія судебныхъ мѣстъ въ тамошнемъ краѣ нашими же единовѣрцами,—словомъ, дѣлать все, чтобы принудить ихъ продать свои неправо пріобрѣтенныя имѣнія и выѣхать изъ этого края въ свою Московію; продающіяся же русскія имѣнія, хоть общими силами, въ компаніяхъ, пріобрѣтать въ свое владѣніе. Чрезъ это достигнемъ, со временемъ, въ этихъ странахъ исключительно польскаго господства и средоточія богатствъ края въ рукахъ нашихъ братій—на помощь и пользу своей ойчизны.

Пускай алчная Россія считаетъ Украйну и Литву своею собственностью; но кто ими будетъ пользоваться матеріально, того она, конечно, понимать не будетъ.

Кромѣ того, предлагаемыя средства будутъ препятствовать сліянію этихъ губерній съ ненавистною Московіею, а если будемъ пользоваться тупоуміемъ и неразвитостію тамошнихъ поповъ, то, дѣйствуя на корыстолюбіе ихъ деньгами, можемъ усыпить и этихъ, лютѣйшихъ по своему изувѣрству, нашихъ враговъ; усы-

пивъ же сихъ . . . . . . [1]) и дѣйствуя съ хитростію и умомъ на народъ, будемъ въ состояніи, если не отвратить его отъ своей схизматической вѣры, то поколебать довѣріе къ своимъ попамъ, чего и достаточно, чтобы народъ смотрѣлъ на нихъ непріязненно.

2. Такъ какъ Русскіе, большею частію, необразованы, лѣнивы и безпечны, то стараться Полякамъ какъ можно болѣе образовать себя спеціально, чтобъ имѣть всегда преимущество предъ Русскими въ занятіи лучшихъ выгоднѣйшихъ мѣстъ, и тѣмъ самымъ подчинить себѣ эту грубую націю морально.

3. Людямъ спеціально образованнымъ стараться непремѣнно служить въ Россіи, не обращая вниманія на возгласы неразвитыхъ людей (не посвященныхъ въ тайны политики), что «служить русскому правительству для Поляка — безчестно:» служа на пользу своей родинѣ въ Россіи, каждый Полякъ являетъ въ себѣ великую миссію и самоотверженіе для блага своихъ соотчичей.

4. Если ты намѣренъ вступить въ русскую службу, то служи только тамъ, гдѣ можно разсчитывать на вѣрный доходъ, и какъ скоро наживешь достаточный капиталъ, оставляй службу и поселяйся на жительство въ твоей ойчизнѣ, чтобы нажитыя тобою деньги въ Россіи сдѣлать достояніемъ твоихъ собратій. Этимъ ты не только искупишь свое служеніе ненавистной тебѣ

---

[1]) Пропущено слово, неприличное въ печати.

странѣ, но еще принесешь пользу своей ойчизнѣ, ибо всякая мѣра, которая можетъ вести къ обѣдненію общаго врага ойчизны, не только дозволительна, но и необходима,—средствомъ этимъ ты подрѣзываешь ему когти.

Стараться всѣми мѣрами, гдѣ только откроется возможность, нажиться на счетъ русской казны; это не лихоимство и не порокъ, а добродѣтель, потому что, обирая русскую казну, ты чрезъ то самое обезсиливаешь враждебное тебѣ государство и обогащаешь свою родину, а слѣдовательно дѣлаешь добро своимъ собратіямъ, и святая церковь проститъ тебѣ такое преступленіе. Самъ Господь Богъ, запретившій убивать ближняго, разрѣшилъ черезъ своихъ святыхъ мужей обнажать оружіе на покореніе врага израильскаго. Предлагаемое же здѣсь оружіе не смертельно, и тѣмъ болѣе достойно уваженія, что, отымая отъ все-грабящаго награбленныя имъ богатства, ты передаешь ихъ бѣднѣйшимъ твоимъ собратіямъ; когда же твое отечество будетъ богато, то оно будетъ и сильно.

5. Старайся достигнуть всякаго вліятельнаго мѣста; а получивъ такое мѣсто и сдѣлавшись сильнымъ, покровительствуй своимъ собратіямъ и доставляй имъ въ свою очередь выгодныя и доходныя мѣста. Для достиженія этой цѣли всякія средства дозволительны, хотя бы они казались для другихъ низкими; помни, что ты все это дѣлаешь для пользы своей ойчизны; а потому и униженіе твое должно въ глазахъ твоихъ соотчичей

считаться великою жертвою; а что говорятъ противъ тебя другіе,—не-соотчичи твои, на то не обращай вниманія и дѣлай свое дѣло. Русскій въ особенности любитъ лесть и, отуманенный ею, готовъ скорѣе дать мѣсто тебѣ, чѣмъ своему, можетъ быть и достойнѣйшему тебя, собрату, но неспособному, по своей грубой натурѣ, къ вѣжливому обращенію; и потому лесть, какъ могущественный рычагъ противъ человѣка русскаго, по преимуществу употребляй вездѣ, гдѣ изъ нея можешь извлечь выгоду въ своихъ планахъ. Когда же, такимъ образомъ, всѣ вліятельныя мѣста въ Россіи будутъ въ рукахъ Поляковъ, то и Россія незамѣтнымъ образомъ сдѣлается нашею данницею.

6. Въ войскѣ русскомъ долго не служи, чтобы, дослужившись до высшихъ степеней, не сдѣлаться невольнымъ оружіемъ ненавистнаго твоему народу правительства,—исполнителемъ его плановъ. Вообще служи до того времени, пока изсякнутъ доходы и средства къ твоему обогащенію, послѣ чего, не гоняясь за увлеченіями и постыдными украшеніями, покидай свою службу и скорѣе поселяйся въ кругу своихъ соотчичей, чтобы пріобрѣтеннымъ тобою сокровищамъ не дать перейти въ руки враговъ твоихъ.

7. Въ гражданской же службѣ служи сколько достанетъ силъ твоихъ и всходи на самыя высокія ступени; отказывайся однако отъ занятія первыхъ государственныхъ должностей, а добивайся только всѣми мѣрами быть помощникомъ вельможъ, товарищемъ и вообще

приближеннымъ къ нимъ лицемъ. Въ первомъ случаѣ правительство будетъ смотрѣть на тебя недовѣрчиво, и ты не будешь посвященъ въ его планы; во второмъ, если съумѣешь взять своего начальника въ руки и пріобрѣсти его довѣренность, то тебѣ сдѣлаются извѣстны тайны правительства, а слѣдовательно и твоимъ соотчичамъ. Если правительство откроетъ обманъ, то отвѣтитъ твой начальникъ, а ты будешь въ сторонѣ и сохранишь себя для новаго служенія твоей родинѣ.

8. Будь во всемъ правою рукою твоего начальника и, для достиженія его довѣрія, не щади ничего, брани въ его глазахъ даже своихъ соотчичей и осуждай ихъ дѣйствія. Ничего нѣтъ легче, какъ этимъ средствомъ убѣдить каждаго Русскаго въ преданности твоей къ Россіи и правительству. Вкравшись въ довѣріе твоего начальника, тебѣ будетъ легче покровительствовать тайно твоимъ собратіямъ.

9. Если замѣтишь вреднаго для твоей родины вліятельнаго члена въ русскомъ обществѣ, старайся всѣми средствами приблизиться къ нему и снискать его расположеніе для твоихъ собратій, чрезъ что, если не уничтожишь его, то, зная всѣ замыслы врага, можешь отвратить грозящее бѣдствіе, противопоставивъ ему равносильное оружіе. Когда же, такимъ образомъ, во всѣхъ управленіяхъ Россіи будутъ наши агенты и все государство будетъ покрыто какъ бы сѣтью единодушно дѣйствующихъ нашихъ собратій, то оно будетъ въ нашихъ рукахъ и, со временъ, дѣйствуя системати-

чески на русское общество, затрогивая нѣжныя чувства состраданія, мы подготовимъ его къ увѣренности въ необходимости отдѣленія Польши. Все это можетъ произойти безъ всякой вооруженной силы и кровопролитія; а чрезъ то мы будемъ еще крѣпче и могущественнѣе въ будущемъ.

10. Помни, что Россія—первый твой врагъ, а православный есть еретикъ (схизматикъ), и потому не совѣстись лицемѣрить и увѣрять, что они кровные братья, что ты противъ Русскихъ ничего не имѣешь, а только противъ правительства, но тайно старайся мстить каждому Русскому: онъ, по своей ненависти къ римской церкви и къ Полякамъ, не будетъ никогда твоимъ другомъ и всегда поддержитъ въ насиліи противъ тебя свое правительство.

11. Между Русскими говори всегда, что Нѣмцы первые враги Русскихъ и Поляковъ, что они, для политическихъ цѣлей, всегда разстроиваютъ своими кознями дружеское согласіе между обоими народами. Русскіе ненавидятъ Нѣмцевъ, а потому всегда этому вѣрятъ. Это самыя лучшія ширмы для прикрытія твоихъ дѣйствій и, увѣривъ непріятеля въ искренней къ нему дружбѣ, ты легко усыпишь его. Во всякихъ обнаруженныхъ твоихъ планахъ сваливай вину на Нѣмцевъ, чрезъ то ты обратишь ударъ въ другую сторону и будешь способствовать уничтоженію одного врага посредствомъ другаго, а самъ избѣгнешь подозрѣнія.

Говоря съ Русскимъ, старайся выводить его изъ терпѣнія: по своей глупой и откровенной натурѣ, въ спорахъ, Русскій выскажется, а это тебѣ только и нужно; зная цѣль врага, ты противопоставишь ему вѣрное оружіе.

12. Въ Обществахъ Русскихъ старайся болѣе молчать и невысказывай своихъ убѣжденій, потому что это не выгодно. На Русскаго, въ своемъ обществѣ, старайся нападать, — сначала на ненавистное правительство, которому онъ, какъ рабъ, служитъ; потомъ на угнетеніе имъ другихъ народностей, и наконецъ, на безчувственность его и черствость сердца къ угнетеннымъ братьямъ Полякамъ.

Старайся подѣйствовать на самолюбіе Русскаго, и тогда къ концу разговора сдѣлаешь изъ него преданнаго тебѣ слугу въ твоихъ предпріятіяхъ. Русскій, при своей простодушной и грубой натурѣ, весьма самолюбивъ, и названіе варвара его бѣситъ; чтобъ избавиться отъ этого ненавистнаго прозвища, онъ готовъ всадить ножъ въ ребро своего собрата. Затрогивай искусно самолюбіе Русскаго и пользуйся имъ.

13. Если имѣешь дѣло съ сильнымъ и хитрымъ врагомъ, который тебя разгадываетъ, всѣми средствами старайся его уничтожить и избери для этаго оружіе надежнѣйшее, именно: содѣйствіе вліятельнаго Нѣмца. Нѣмецъ, по враждѣ своей къ русскому элементу, тебѣ поможетъ, —врагъ твой погибнетъ, но будетъ думать,

что обязанъ своимъ паденіемъ нѣмецкому вліянію. Этимъ средствомъ ты еще болѣе докажешь, что истинный врагъ Русскихъ—Нѣмецъ, а самъ, ни въ чемъ неподозрѣваемый, сдѣлаешь изъ врага себѣ пріятеля и усерднаго помощника въ твоихъ планахъ.

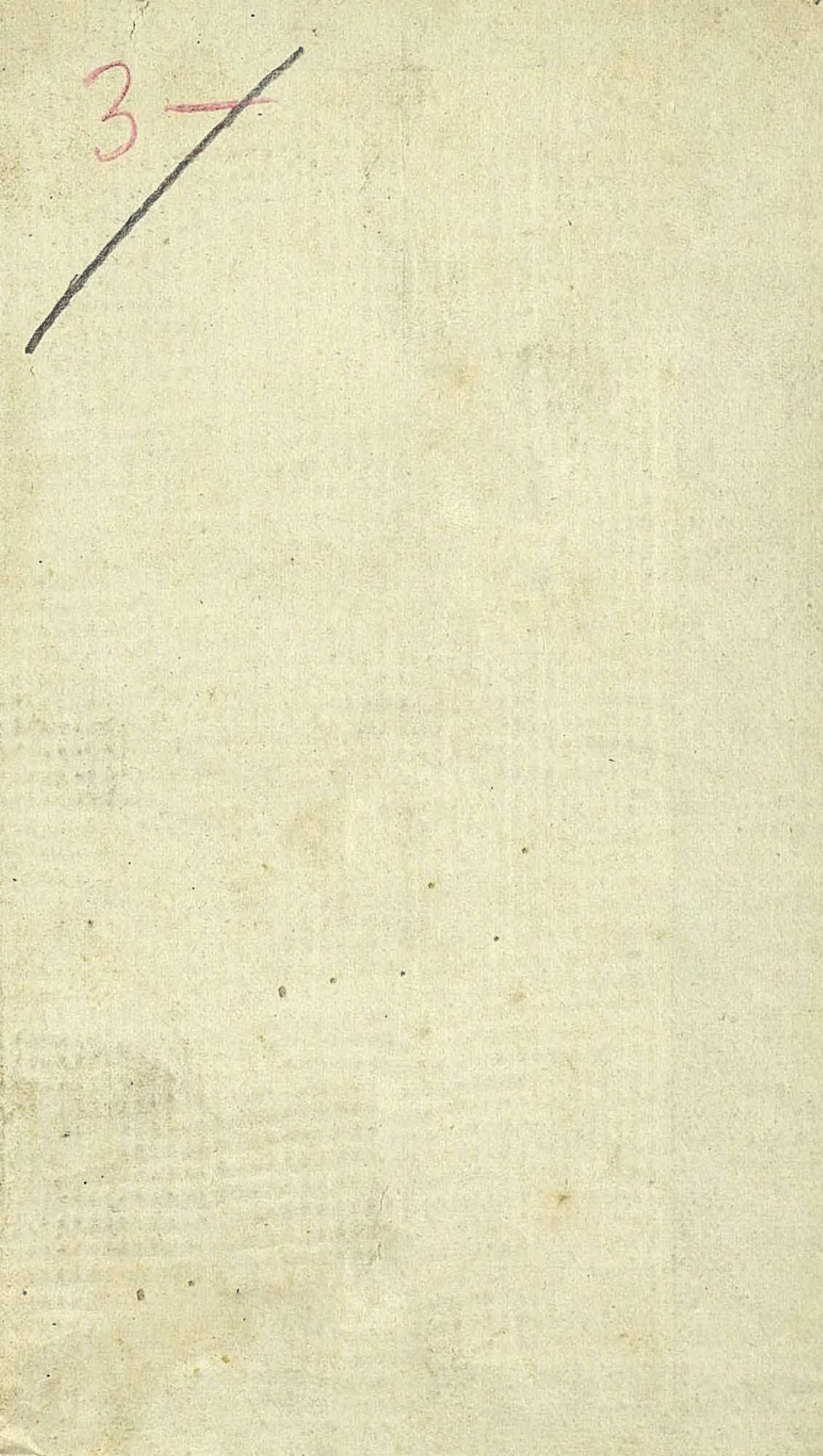
СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

стр.

стр.

ПРИЛОЖЕНІЯ.


3